

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-образовательный центр
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Местные сообщества, местная власть
и мигранты в Сибири
на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков**

Памяти Анатолия Викторовича Ремнева

 ОТТИСК

2012

УДК 316.347(571.5)

ББК 63.3(253)

М 53

Издание выполнено в рамках проекта «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.», осуществляемого научно-образовательным центром Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ). Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.0770.

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. – 463 с.

Книга посвящена комплексу проблем взаимодействия различных мигрантских групп и местных сообществ в переселенческом обществе Сибири в контексте этномиграционных процессов. Через изучение отдельных проблем и ситуаций (кейсов) делается попытка выявить ключевые характеристики и тенденции взаимоотношений мигрантов и переселенческого общества, с одной стороны, и противоречий и конфликтов относительно миграционной проблемы в самом принимающем обществе, с другой. Воздействие миграционных и адаптационных процессов на формирование государственной миграционной политики и ее реализацию на местном уровне, складывание массовых представлений и стереотипов в отношении мигрантов, влияние миграций на развитие местной экономики и социальных пространств рассматривается в ситуации позднеимперской (рубежи XIX–XX веков) и постсоветской (рубежи XX–XXI веков) России.

Книга предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-905847-12-7

© Коллектив авторов, 2012

© МИОН при ИГУ, 2012

Оглавление

Предисловие	5
Анатолий Викторович Ремнев:	
Ученый и Учитель (эскизы научной биографии).....	12
У истоков миграционной политики	25
Анатолий Ремнев, Наталья Суворова	
Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры	27
Власть, общество и мигранты: слова и образы	93
<i>Виктор Дятлов</i>	
«Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий	95
<i>Татьяна Сорокина</i>	
«Благовещенская паника» 1900 года: версия власти.....	118
<i>Виктор Дятлов</i>	
«Благовещенская Утопия»: историческая память и историческая ответственность.....	146
<i>Елена Ли, Виктор Дятлов</i>	
«... Сегодня китаец – раб, а завтра – господин...»: китаЙцы в нанайском селении.....	176
<i>Наталья Галеткина</i>	
Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп)	193
<i>Дмитрий Козлов</i>	
Региональная идентичность и фактор миграции: «нелинейная» зависимость.....	218
<i>Марина Балдано, Виктор Дятлов</i>	
Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея «собрания нации»	231
Центр – регион – местное сообщество: борьба с мигрантами и/или «борьба за мигранта»?	259
<i>Юрий Гончаров</i>	
Отношение к еврейским общинам Сибири XIX – начала XX в. со стороны местного общества и местных властей	261

<i>Наталья Рыжова</i>	
Власть, бизнес и китайские мигранты: механизмы извлечения административной ренты (случай сельского хозяйства Амурской области)	270
<i>Татьяна Журавская</i>	
«Китайский» торговый центр: эффекты запрета	294
<i>Екатерина Скрипник</i>	
«Северокорейское трудовое рабство» в России: социально-экономические факторы	315
<i>Леонид Бляхер</i>	
Интересы региональных властей и местного сообщества в проведении миграционной политики (на примере Еврейской автономной области)	340
<i>Галина Калугина</i>	
Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска)	353
Пространство миграции	369
<i>Александр Алексеенко</i>	
Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане	371
<i>Данил Дегтярев</i>	
Трансформация пригородной зоны сибирских городов в конце XIX – начале XX века	402
<i>Константин Григоричев</i>	
«Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа	422
<i>Анатолий Бреславский</i>	
Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ	447

Предисловие¹

Эта книга — очередной результат продолжающегося исследовательского проекта, посвященного изучению роли этномиграционных процессов в становлении и развитии переселенческого общества востока России. Важность проблемы очевидна. Переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, — феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности — феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует применения различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования.

Сибирское переселенческое общество дает в этом смысле неоценимый материал. В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем, это пришлое население постоянно укореняется, «осибирячивается», приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально), старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, отсутствия надежных коммуникаций и недонаселенности региона. Критически важен здесь и контекст — переселенческое общество формировалось в условиях общества традиционалистского, вступившего затем в эпоху модернизации. Различные стратегии модернизации (эпохи поздней Империи, Советской власти, постсоветских трансформаций) задавали сущностные характеристики изучаемого

¹ **Дятлов Виктор Иннокентьевич**, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Дiasпоры», Иркутск.

общества, ставя иногда под вопрос его переселенческий характер.

Поэтому, невероятная сложность самого явления требует использования различных исследовательских стратегий, методологического и концептуального аппарата многих наук, синхронного и диахронного подходов, изучения отдельных ситуаций и компаративистики.

Это стало стимулом к формированию общего большого проекта, выполняемого межрегиональным и полидисциплинарным исследовательским коллективом, который постепенно сформировался за много лет совместной работы в научных и научно-образовательных проектах. Необходимость такого типа исследовательской структуры, функционирующей на принципах неформальной сети, очевидна. Миграционная проблематика позволяет, а часто и просто заставляет, подходить к ее изучению с точки зрения широкого круга гуманитарных дисциплин, использовать наработанные ими концептуальные и терминологические аппараты, преодолевать неизбежно возникающие непонимания, а иногда и отчуждение. С другой стороны, миграционные ситуации чрезвычайно разнообразны, особенно в условиях такой не просто огромной, но разительно неоднородной страны, как Россия. Во многом ситуация зависит от состояния местной экономики, этнокультурной и социальной специфики местного общества и массы других уникальных в каждом конкретном случае факторов. И здесь опыт, знания и интуиция местных ученых незаменима.

В течение двух последних десятилетий в Иркутске, на базе Иркутского государственного университета, сформировался исследовательский центр, занятый изучением этномиграционных и диаспоральных процессов. Преимущественным, но не единственным исследовательским полем центра стали переселенческие общества востока России. За эти годы из небольшого и неформального сообщества историков-иркутян выросла большая, межрегиональная, междисциплинарная исследовательская сеть, уже осуществившая несколько серьезных научных и научно-образовательных проектов, имеющая в своем активе солидный список публикаций. Участники сети объединены большим опытом совместной работы, стремлением к ее

продолжению, сходным пониманием целей и задач, добрыми человеческими отношениями. Это совершенно не исключает различия профессиональных языков, профессионального и человеческого опыта, рабочих и человеческих конфликтов и споров. Более того, это является естественной частью плодотворной творческой атмосферы работы. В исследовательскую сеть вошли историки, социологи, экономисты, демографы, политологи, работающие в различных городах России (преимущественно Сибири и Дальнего Востока, также из Москвы, Санкт-Петербурга), Казахстана, Монголии, Польши. Координационным центром, выполняющим задачи административного и информационного обеспечения работы сети, стал МИОН при ИГУ. В его функции, кроме исследовательской деятельности, входит как собственно организационная работа, так и поиск ресурсов для реализации проектов (фандрайзинг), инициирование и проведение образовательных мероприятий, документальное и информационное сопровождение проектов сети. Иными словами, МИОН выступает как центр формирования исследовательской инфраструктуры, научно-образовательной и информационной среды для проведения исследований в сфере миграционных и диаспоральных процессов.

Особенность нашего проекта состоит в том, что его организаторы не просто собрали вместе специалистов по экономической и социокультурной истории Сибири имперского периода и демографов, социологов, политологов, изучающих современные миграции. Мы попытались найти общие тематические площадки и проблемные поля, с тем, чтобы в ходе совместной исследовательской работы выявить общее и особенное этномиграционных процессов в столь различных контекстах, разделенных не только временем, но советской эпохой.

Однако критически важный Советский период мы решили обойти, прекрасно понимая спорность и уязвимость такого выбора. Характер общественного устройства, политического режима, беспрецедентная закрытость («железный занавес»), беспрецедентный же разрыв с предшествующей традицией, когда были физически истреблены целые социальные группы ее носителей и хранителей — все это предполагает необходимость специальных исследований. К этому следует добавить и

крайнюю ограниченность историографической и источниковой базы, обусловленной закрытостью советского общества и табуированностью изучаемой проблематики.

В то же время, до- и постсоветская эпохи обладают несомненными сходствами, связанными, в том числе, и с внешней открытостью, высокой степенью свободы миграций, актуальностью проблемы внешних миграций, их особой ролью в экономической и социокультурной жизни востока России.

Различия изучаемых эпох неизбежно порождало и разность исследовательских подходов. Изучение причин, механизмов, факторов и последствий миграционных процессов для периода до середины XX века (а фактически и до конца 1980-х гг.) прочно стало вотчиной исследователей-историков, изредка – демографов, тогда как миграции и развитие диаспоральных сообществ в постсоветские десятилетия остаются, по преимуществу, полем социологов, экономистов, политологов. Различие методологий, методов, профессиональных языков, источников и, как следствие, результатов, невольно приводит к разрыву в изучении единого по сути процесса, искусственному разделению событий на исторические и современные, к «утрате» «исторической базы» в исследованиях современности и «исторической перспективы» – при изучении прошлого.

Задача объединения усилий и ресурсов представителей различных научных дисциплин делает междисциплинарный характер работы ее основной характеристикой. Преодоление дисциплинарных барьеров, нахождение общего языка стало отдельной специальной задачей проекта. Очевидны при этом не только потенциальные возможности такого выбора, но и несомненные риски и трудности. В каждой из наук сложился свой концептуальный аппарат, собственный язык и терминология, конвенции относительно логики и стилистики производимых текстов. Попытка совместных усилий могла привести к эклектизму и разношерстности, механическому соединению текстов по признаку общей темы. С другой стороны, вполне реальной была и возможность потери «профессиональной идентичности» авторами. Чтобы избежать этого, потребовались специальные усилия и стратегия.

В нашем случае — это «язык кейсов», когда изучение отдельных ситуаций становится инструментом поиска понимания общей проблемы. Такой подход дает возможность авторам работать на общую идею, общую проблему, опираясь на собственное профессиональное происхождение, свой концептуальный аппарат и язык, стараясь по возможности, сделать свой текст понятным и приемлемым для представителей других специальностей. Поэтому совершенно сознательно мы отказались от хронологического, географического или дисциплинарного подхода при выстраивании логики и структуры наших общих текстов монографического плана. Кейсы в них выстраиваются вокруг проблем. Кроме всего прочего, такой подход дает больше возможностей для того, чтобы задавать вопросы, формулировать проблемы, а не давать законченные ответы.

Все эти подходы мы начали осуществлять в исследовательском проекте «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX — начало XXI века» (2009–2011 гг.). Организационной основой его стал Научно-образовательный центр Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ). Проект финансировался в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук»². Тогда же в окончательном виде сформировался исследовательский коллектив, в котором участвуют более 40 историков, экономистов, социологов, географов, этнологов, политологов из Иркутска, Улан-Удэ, Барнаула, Омска, Томска, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Петербурга и Москвы, а также Казахстана, Монголии, Польши. Проект был завершен публикацией проблемного сборника и монографии³, а также серии статей в журналах «Полития», «Диаспоры», «Дружба народов»,

² Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 02.740.11.0347.

³ Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. 640 с.; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI

«Известия Алтайского университета», «Известия Иркутского университета» серии «Политология. Религиоведение».

В процессе работы выяснилось, что многие интересные темы и сюжеты наших авторов не вошли в итоговые публикации по редакционным соображениям. Возникли новые идеи и темы, намечились новые направления дальнейших исследований. Закончившись организационно, проект продолжал развиваться содержательно. Поэтому так кстати оказался новый грант в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»⁴. Он позволил осуществить на базе НОЦ МИОН при ИГУ исследовательский проект «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.». Организационно самостоятельный, в содержательном и концептуальном плане он является прямым продолжением предыдущего проекта и осуществляется тем же авторским коллективом.

Продолжилось, в частности, научно-педагогическое направление нашей работы. Помощь молодым исследователям в их профессиональном становлении мы всегда рассматривали как собственную и чрезвычайно значимую для нас проблему. Без постоянного притока «молодой крови», без непрерывного пополнения новыми идеями, подходами, людьми, без конструктивного конфликта поколений мы обречены на застой и неизбежную деградацию. Поэтому в рамках довольно скромных ресурсов проекта, в качестве, как говорили в советские времена, общественной нагрузки, мы провели открытый конкурс статей молодых ученых по тематике проекта. Все полученные статьи получили экспертную оценку и научное редактирование у ведущих специалистов нашего проекта. Фактически, это были индивидуальные мастер-классы. После соответствующей дальнейшей переработки шесть статей были опубликованы в качестве специального раздела в журнале «Известия Иркутского университета» серии «Политоло-

веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с. (Электронная версия: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/djatlov/djatlov.html>).

⁴ Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.0770.

гия. Религиоведение»⁵. За предоставление такой возможности наша отдельная благодарность редакции журнала.

Основные же результаты работы сконцентрированы в предлагаемой книге. Ее структуру и содержание определил продолжающийся характер проекта. Возможность опереться на предшествующие монографические публикации позволила сконцентрировать усилия на нескольких важных и перспективных направлениях исследований, не особенно заботясь о выстраивании хотя бы относительно полной и систематически организованной общей картины. Каждое из этих направлений может в перспективе стать предметом работы отдельного проекта и основой монографических публикаций. Поэтому, в каком-то смысле, можно рассматривать это издание как пилотное.

И последнее. Самое главное. И очень печальное. Умер Анатолий Викторович Ремнев. Наш друг, соавтор, для многих – учитель. Активный участник наших исследовательских и научно-образовательных проектов. Блестящий ученый мирового класса. Историк, органично сочетавший страсть к работе в архивах со смелым теоретизированием. Азартный и веселый человек.

По старой доброй академической традиции, мы посвящаем ему эту книгу.

⁵ Мигранты и принимающее общество// Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1 (8). С. 88–144.

**Анатолий Викторович Ремнев:
Ученый и Учитель (эскизы научной биографии)**

Совсем недавно, в 2010 г. Анатолий Викторович традиционно не отмечал свой юбилей. Формальные практики он изучал, но сам был человеком очень неформальным, искренним. «Круглые» и «некруглые» даты отмечал публикацией сборников и монографий. «Заказную» юбилейную статью называл не иначе как «мой некролог», но, как к любому «своему» тексту относился внимательно и ответственно. Ссылаясь на опыт дореволюционных чиновников, говорил, что тексты подобного рода необходимо писать самостоятельно, не доверяя помощникам. С удовольствием делился воспоминаниями, представляя их фактами не столько своей личной истории, сколько историографическими сюжетами. Гордился тем, что читая студентам спецкурсы по империи, опирался на свой личный исследовательский опыт, участие в знаковых научных событиях и близкое знакомство с современными классиками жанра. Он убрал из статьи все «юбилейные» эпитеты, хотя заметил при этом, что дело не в скромности. Думаю, что признание своих успехов и заслуг ему хотелось услышать, но не столько от учеников (вряд ли они смогут быть беспристрастными), сколько от коллег и

учителей. Ссылаясь на опыт своих наставников, он редко хвалил за работу. Но в его случае время для окончательных оценок уже пришло, хотя теперь это нужно оставшимся без него.

* * *

Самостоятельная жизнь у А.В. началась очень рано. Уже с восьмого класса он стал жить отдельно от семьи, обучаясь в интернате, так как в родной деревне была только восьмилетняя школа. Ответственность за принятые решения, четкая организация своего рабочего времени, умение общаться и находить общий язык с самыми разными людьми — черты характера, вероятно, воспитанные этой ранней самостоятельностью. Выбор специальности был предопределен домашней обстановкой: отец был учителем истории, мама заведовала школьной библиотекой, и дома его всегда окружали книги. Были среди домашней библиотеки и «судьбоносные» книги, такие как «Воспоминания С.Ю. Витте», которые и привели А. Ремнева в Омский госуниверситет к доценту А.П. Толочко. Правда, до поступления в университет, будет еще неудачное поступление на истфак Омского педагогического института, работа в почти классической кочегарке, учительство в татарском селе Тоскино, зачисление и отчисление по собственному желанию из Новосибирского военно-политического общевойскового училища. Но путь на истфак не заслонит ни это, ни даже три года флотской службы на Дальнем Востоке. Впоследствии история этого региона станет предметом исследования одной из монографий А.В. Ремнева.

В 1977 г. А.В. Ремнев поступил в недавно открытый Омский государственный университет на исторический факультет. Характерно, что уже первоначальный выбор темы («Мемуары С.Ю. Витте как исторический источник») и кафедры для специализации (дореволюционной отечественной истории), определили последующее направление его «научной биографии» — это история российской власти имперского периода. Окончив второй курс на «отлично» и успешно продемонстрировав навыки научной деятельности, студент Ремнев был отправлен для дальнейшего обучения в Ленинградский

государственный университет. Такая практика содействия начинающим периферийным вузам страны столичными классическими университетами, помогла получить фундаментальное образование и сделать успешную карьеру не только А.В. Ремневу, но и другим студентам сибирских университетов, с которыми он поддерживал дружеские и творческие связи.

На истфаке Ленинградского госуниверситета в рамках семинара профессора Б.В. Ананьича сложился научный коллектив, участники которого будут сохранять научные и личные контакты на протяжении многих лет. Прежде всего – это С.К. Лебедев, а также «старшие ученики» Ананьича: Б.Б. Дубенцов, В.В. Лапин, М.Ф. Флоринский, а из «молодых» – Е.А. Правилова и Е. Кэмпбелл. Уже в студенческие годы (1979–1982) А.В. Ремневу удалось стать не просто одним из участников этого семинара, а «своим» в коллективе маститых историков «петербургской школы» (член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, доктор исторических наук В.Г. Чернуха). Приоритетное внимание к источнику и, особенно архивному, к историческим личностям и контексту, широчайший историографический кругозор – яркие черты этой школы, которые А.В. будет передавать и своим ученикам. Серьезное и заинтересованное обсуждение докладов студентов и аспирантов, повышенные научные требования к работам именно своих коллег, станет еще одной отличительной чертой работы преподавателя А.В. Ремнева, воспитанной семинарами академика РАН Б.В. Ананьича.

Уже в студенческие годы у А.В. Ремнева, под влиянием той же академической среды петербургских профессоров, формируется традиция постоянной и очень интенсивной работы в архивах и библиотеках. Это не было специальным поиском раритетов (его веселила фраза «введен в научный оборот»), хотя он опубликовал множество интересных и, действительно, уникальных исторических источников и источниковедческих работ. Добrotно, годами прорабатывая фонды центральных и местных сибирских архивов, он создал уникальный фактографический фундамент для своих будущих теоретических и методологических новаций. Невероятно интенсивно работая в архивах, «... расширяя хронологию и пространство своего изы-

скания от начала XIX в. до начала века XX, от Урала — до Тихого океана, от Арктики — до Казахстана...», еще будучи студентом и аспирантом А.В. Ремнев, по воспоминаниям однокурсника А. Еманова (д.и.н, профессор ТюмГУ), поражал сокурсников «широким горизонтом видения проблем империи».

Сам же Анатолий Викторович совсем не пафосно объяснял свою «архивную эпопею» отсутствием телевизора в петергофском общежитии и неинтересными газетами 1970-х гг. «Свои» семидесятые называл не безвременьем, а «хорошим периодом», когда он *«учился, занимался наукой, читал книги, ходил на лекции в университет, но жил вне общественного контекста, углубившись в архивные документы XIX столетия»*.

В 1982 г., окончив с отличием исторический факультет ЛГУ, А.В. Ремнев на год остается здесь при кафедре истории СССР в качестве стажера-исследователя, а с 1983 по 1986 г. обучается там же в аспирантуре. Кандидатскую диссертацию «Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1860-е — 1906 гг.)» по специальности «История СССР» он защитил в диссертационном совете при ЛГУ в 1986 г. В диссертации решались проблемы истории функционирования высшего уровня власти, поисков организации «объединенного правительства». Тема, поднятая в восьмидесятые годы в кандидатской диссертации, сохранила свою актуальность и в начале XXI в. Чутко реагируя на историографические и методологические новации в современной исторической науке, а зачастую и самостоятельно определяя их, А.В. Ремнев доработает и опубликует свою кандидатскую диссертацию уже в 2010 г.

Возвращение в Омск после защиты диссертации не было простым решением. Тревожила замкнутость и провинциальность сибирского города, оторванность от привычной научной среды. Однако, в конце 80-х — начале 90-х гг. ситуация в гуманитарных науках кардинально изменится, чему поспособствовал Интернет и почти нереальная прежде возможность ездить в командировки практически в любую страну мира. А.В. Ремнев не только отметит этот историографический факт, но и чрезвычайно продуктивно будет использовать его в своей научной биографии.

Из интервью А.В. Ремнева: *Мы теперь принимаем участие в научных конференциях, проходящих в различных городах России и за рубежом, общаемся с коллегами-историками, с которыми нас связывают научные интересы и дружеские отношения, ... читаем книги историков прежних веков, зарубежных исследователей.*

В Омском государственном университете, куда А.В. Ремнев вернулся в 1986 г., он быстро проходит по основным ступеням успешного ученого-преподавателя: от ассистента до профессора (1982–1997 гг.). Практически постоянно ему удается сочетать научную, преподавательскую и административную деятельность. В 1990–1992 г. он исполняет обязанности заместителя декана исторического факультета, а в 1996–2002 гг. — проректора по научной работе ОмГУ. В качестве проректора он проделал большую работу по открытию новых специальностей в аспирантуре и докторантуре ОмГУ, созданию диссертационных советов, привлечению средств из международных и российских фондов и программ для научных исследований.

Докторскую диссертацию «Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX вв.» по специальности «Отечественная история» А.В. Ремнев защитил в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН в 1997 году. В диссертации впервые получили освещение вопросы, связанные с эволюцией правительственных представлений о роли и месте сибирского региона в Российском государстве, изучены управленческие аспекты сибирского варианта проблемы взаимодействия центра и региона, существенно скорректировано понимание значения сибирской генерал-губернаторской и губернаторской власти в административной иерархии, выявлены общие принципы и динамика территориальной организации управления Сибири, причины и этапы перестройки административных границ внутри региона, определена специфика институционального устройства центральных и местных государственных органов, их взаимодействие и функциональная эволюция.

С 1998 года и до последнего дня своей жизни А.В. Ремнев являлся профессором кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения исторического факультета, а также профессором кафедры теории и истории государства

и права юридического факультета ОмГУ. На двух факультетах Омского госуниверситета профессор А.В. Ремнев читал базовые лекционные курсы по отечественной истории, истории государства и права России, а также несколько специальных курсов. О широком научном признании его профессиональных достижений свидетельствуют приглашения для чтения лекционных курсов в другие российские вузы. В 2002–2003 гг. им был прочитан спецкурс «Сибирь и Дальний Восток в Российской империи XIX – начала XX вв.» в Тюменском, Новосибирском, Иркутском, Саратовском и Сахалинском государственных университетах, а также цикл лекций на семинаре-мастерской «Этномиграционные процессы и становление диаспор в Азиатской России: история и современность» в Иркутске в 2006 г. В 2007 г. была прочитана серия лекций по истории Азиатской России в вузах Красноярска.

Профессор Ремнев использовал в своей деятельности не только традиционные формы преподавания, такие как учебная, публичная лекции, но и принимал активное участие уже на стадии создания таких новых обучающих и научных практик, как виртуальная мастерская, семинары-мастерские, онлайн-конференции, летние школы. Апробацию своих научных исследований он провел на многих российских и международных школах и приглашенных спецкурсах в Саратове, Иркутске, Новосибирске, Тюмени, Южно-Сахалинске, Львове и др. городах, где ему пришлось читать лекции студентам и молодым ученым.

Лекционная деятельность профессора А.В. Ремнева не ограничивалась российским «университетским пространством». Свидетельством научной зрелости и международного признания являлось приглашение его в известные зарубежные университеты: в 2007 г. – в Колумбийский университет (Нью-Йорк); в 2007–2008 гг. – в Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Жизнь ученого измеряется не только и не столько годами, но научными достижениями, новыми книгами, встречами, конференциями. Темп и ритм жизни профессора А.В. Ремнева очень сложно вписывались в любые стабильные рамки и графики: учебные семестры, также как и каникулы и отпуск, по-

стоянно прерывались научными командировками. В результате и возникло емкое понятие «научный туризм», сочетающее профессиональные интересы и путешествия. Остаться долго на одном месте ему было сложно, требовалась не просто «смена декораций», а интеллектуальное общение, обсуждение научных, профессиональных проблем. Приезжая из очередной поездки, он много и с удовольствием делился впечатлениями, рассказывал о новостях из научных центров, новых проектах, интересных знакомствах и обязательно приносил книги.

Являясь высококлассным специалистом в области истории государственного управления России XIX – начала XX вв., административной политики в Сибири, на Дальнем Востоке и в Степном крае, имперской политики и региональных процессов в России XIX – начала XX в., идеологии имперского расширения на Восток и имперской географии власти, колонизации и «обрусения» азиатских окраин Российской империи, А.В. Ремнев был постоянно востребован на международных и российских научных конференциях. «Маршрутный лист» ученого включал такие научные центры как Москва, Нью-Йорк, Вашингтон, Урбана-Шампейн, Париж, Гамбург, Токио, Саппоро, Осака, Будапешт, Варшава, Астана, Алматы, Кокшетау, Бишкек, Львов, Санкт-Петербург, Казань, Ярославль, Кострома, Самара, Саратов, Новосибирск, Иркутск, Тюмень, Томск, Южно-Сахалинск и другие.

Участие в международных конференциях и семинарах для ученого было важно не только с целью обмена научным опытом, но и для формирования научных коллективов. С 1996 г. А.В. Ремнев был руководителем и соруководителем международных и российских исследовательских проектов, в том числе таких, как межрегиональный семинар «Российская империя XIX – начала XX в. в региональном измерении» (Владимир, Сестрорецк, Ярославль, 1996–1997; международный проект «Империя и регион: российский вариант (Нью-Йорк, Омск, Самара, 1997–2002); междисциплинарный научный проект «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» (Москва, Санкт-Петербург, 2000); международные летние школы в Саратове и Львове (2002–2006). Многие проекты,

создав площадку и новый научный коллектив, завершали работу ценными публикациями. Таковыми, например, стали межархивный справочник по истории управления и самоуправления «Власть в Сибири в XVI – начале XX вв.» (2003); или серия книг: «Окраины Российской империи» (под редакцией А.В. Ремнева совместно с А. Миллером и А. Рибером) (2007–2008). Новым перспективным направлением, сопряженным с имперской историей, стало изучение миграционной политики в геополитическом и национальном контексте Азиатской России. Этим сюжетам посвящена серия статей, уже опубликованных в России, Польше и подготовленных для печати в США и Японии.

Участие А.В. Ремнева в международных семинарах и конференциях давало ему возможность регулярно обсуждать проблемы истории Российской империи с Б.В. Ананьичем, М. фон Хагеном, Дж. Бурбанк, С. Смитом, Р.Ш. Ганелиным, Л.Е. Горизонтовым, С.И. Каспэ, В.О. Бобровниковым, С.Н. Абашиным, Е.А. Правиловой, Н.Ф. Тагировой, Е.И. Кэмпбелл (Воробьевой), Р.А. Циунчуком, П. Вертом, В. Сандерландом, Н. Ссорин-Чайковым, Ч. Стейнвеллом и другими учеными. Чрезвычайно важными для себя считал А.В. и контакты с сибирскими и дальневосточными коллегами (Л.М. Дамешек, В.И. Дятловым, М.С. Высоковым, А.И. Костановым, С.В. Кондратьевым, В.И. Шишкиным).

Отдельно нужно упомянуть межрегиональный семинар «Региональные процессы в имперской России». Он выделяется в ряду других проектов и долговременным характером, и высокой результативностью, и главное работоспособным, зрелым научным сообществом, продолжающим создавать новые научные площадки, формы и направления исторических исследований. В 1999 г. благодаря А.В. Ремневу удалось организовать «имперский» международный семинар и в Омске, собрав весьма представительный форум участников: Марк фон Хаген (профессор Колумбийского университета), Джейн Бурбанк (профессор Мичиганского университета), Стивен Смит (профессор Университета графства Эссекс), П.И. Савельев (профессор, доктор исторических наук, ректор Самарского муниципального института управления) и многие другие. Из-

бранный ракурс исследования имперской тематики, акцентированный на изучение механизмов, методов и управленческих технологий, обеспечивавших устойчивость и долговечность Российской империи, позволил выйти на целый ряд новых научных направлений. Во время семинара в Омске участники встречались с руководством Омского госуниверситета, учеными исторического факультета и отделения теологии. В культурную программу семинара входило знакомство с историческими и архитектурными достопримечательностями Омска, посещение музеев, Ачаирского православного монастыря, строящегося на месте бывшего лагеря репрессированных. Было организовано выездное заседание семинара на теплоходе по Иртышу до старейших населенных пунктов региона – поселка Большеречье и села Евгашино, расположенных на знаменитом своей историей Сибирском тракте.

Его научное творчество охотно и стабильно поддерживали международные и российские научные фонды: фонд Форда, Институт Открытого общества (фонд Сороса), American Council of Learned Societies (ACLS), Московский общественный научный фонд, Министерство образования РФ (Единый заказ-наряд), РГНФ, Воронежский, Иркутский и Саратовский Межрегиональные институты общественных наук, фонд Михаила Прохорова и др.). При этом он и сам являлся членом нескольких экспертных советов, в том числе Международной программы стипендий фонда Форда (1999–2002), программы INTAS (2000–2002), Красноярского краевого фонда науки (2001–2002). В Омском госуниверситете в 1999–2002 гг. профессор А.В. Ремнев был председателем экспертного совета конкурса грантов молодых ученых.

Особо хочется отметить работу профессора А.В. Ремнева со студентами, магистрантами и аспирантами. Он подготовил одного доктора, семь кандидатов исторических наук и одного кандидата юридических наук. Среди подготовленных под его руководством работ нет случайных тем или слабых исследований – все они в рамках одного направления, и выполнены на высоком научном уровне. Редкие, почти исключительные похвалы и сложно достижимые, но ярко очерченные цели, являлись постоянным стимулом в работе его учеников. Все за-

щитившиеся под его руководством продолжают заниматься научной работой, в том числе участвовали в общих проектах со своим научным руководителем. Он умел увлечь историей студентов и даже в ограниченное учебное время привить вкус к научным источникам и дискуссиям, а магистрантов и аспирантов, своим личным примером и опытом вдохновлял на масштабные и амбициозные проекты. Эти качества научного руководителя, а также широкие международные связи, приводили в Омск, к профессору Ремневу на стажировку ученых из дальнего и ближнего зарубежья (А. Масаэро (Италия), Д. Рейнбоу (США), Д. Нода (Япония), К. Бижигитова (Республика Казахстан)). Важно отметить, что его педагогическая деятельность была направлена не только на приращение научного знания: диссертационное исследование никогда не было самоцелью. Собирая всех заинтересованных в обмене мнениями, получении новой научной информации, в знакомстве с новыми именами и просто научными гостями Омска, он строил то пространство науки в Омске, которого ему самому так не хватало. Редкий дар ученого обретать в общении с учениками и коллегами «интеллектуальное, научное и человеческое счастье», был в полной мере присущ Анатолию Викторовичу. И хотелось бы, чтобы этот навык плодотворного интеллектуального общения в достаточно сложной и конфликтной научной среде сохранялся как значимая часть его наследия.

А.В. Ремнев способствовал подготовке научных кадров не только в качестве научного руководителя и консультанта, но и как член ряда диссертационных советов: регионального диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук при Омской юридической академии МВД, диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «Социальная философия» при ОмГУ, диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальностям «Этнография, этнология и антропология» и «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» при ОмГУ. Много лет он являлся заместителем председателя регионального диссертационного

совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «Отечественная история» при Омском государственном педагогическом университете. С 1999 года профессор А.В. Ремнев выполнял обязанности председателя Государственной аттестационной комиссии на историческом факультете Тюменского государственного университета.

Еще одним важнейшим научно-организационным направлением деятельности А.В. Ремнева являлась редакторская работа в ряде региональных отраслевых изданий, таких как журналы «Омский университет», где он несколько лет занимал пост главного редактора, а также членство в редколлегиях журналов: «Омский краевед», «Научный вестник Омской Академии МВД России» и интернет-журнал «Сибирская заимка». Особое место в этом ряду занимает международный журнал «Ab Imperio», в редакционном совете которого он состоял вместе с такими выдающимися исследователями имперской истории как А. Каппелер, С. Бейкер, А. Рибер, Р. Уортман, П. Гатрелл и др.

Крупнейшие энциклопедические и справочные издания, как общероссийские, так и сибирские (Большая Российская энциклопедия, Высшие и центральные государственные учреждения России, Сибирская историческая энциклопедия, энциклопедии города Омска и Омской области) обращались к А.В. Ремневу как знатоку и специалисту по самому широкому кругу вопросов. Статьи, написанные им, посвящены личностям государственных деятелей высшего эшелона, сибирским генерал-губернаторам и губернаторам, высшим, центральным и местным государственным учреждениям. В 2008–2009 гг. он исполнял обязанности заместителя главного редактора «Энциклопедии Омской области».

Профессор А.В. Ремнев своей научной и общественной деятельностью являл собой пример научного эксперта, роль и значение государственного управления он изучал на протяжении всей своей научной, преподавательской и общественной карьеры. Помимо преподавательской деятельности, он являлся также членом ряда общественных и научных организаций: действительный член Русского географического общества (с

1997 г.), член общественного совета Архивного управления Администрации Омской области; член научного совета Омского историко-краеведческого музея; член ученого совета ОмГУ (1996—2007). В 2004 г. за упомянутые выше заслуги был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». С 2008 г. профессор А.В. Ремнев состоял членом Общественной палаты Омской области, где исполнял обязанности председателя комиссии по науке и образованию. Энциклопедические знания по истории России в сочетании со спокойным и взвешенным отношением к современным общественно-политическим процессам, делали его незаменимым экспертом для региональных газет и телевидения, экспертом при разработке символики Омской области.

В письме коллеге весной 2011 г. А.В. Ремнев писал: «Много пишу, хотя не хватает времени. Написал статью о колониальности, постколониальности и исторической политике в современном Казахстане. Это уже опубликовано в первом номере за этот год в *Ab Imperio*. Написал также статью про «образ Ермака», а самое главное — развиваю дальше тему о колонизации и «обрусении». Хочу летом сесть за книгу о Сибири — точнее, переделать свои старые книжечки в один том. А потом (дай Бог!) возьмусь за Казахстан....». Теперь этим планам уже не сбыться. Жизнь Ученого оборвалась трагически рано, на 57-м году, когда он был полон творческих замыслов и плодотворно работал над их осуществлением.

Итогом научной деятельности профессора А.В. Ремнева стали 7 монографий и более 260 научных и учебно-методических работ, в которых ярко проявились его широчайшие исследовательские интересы, высокий научный потенциал учёного с международным признанием. Его работы опубликованы в разных странах мира и снискали заслуженное уважение научной общественности, они отвечают самому взыскательному профессиональному вкусу, по ним будет учиться еще не одно поколение гуманитариев. В этих работах — наследие ученого — те научные идеи, которые предстоит освоить и продолжать развивать его ученикам, коллегам по цеху.

А.В. Ремнев остается жить в своих произведениях, в своих учениках и в основанных им благородных традициях и в нашей благодарной памяти. Его коллеги по работе, друзья, ученики навсегда запомнят его как человека большой души, отзывчивого и внимательного товарища, остроумного собеседника, жизнелюба и оптимиста, который, мужественно перенося личные жизненные невзгоды, был примером стойкости и величия духа для всех, кто его окружал.

Наталья Суворова

У истоков миграционной политики

Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры

Переселенческий вопрос долгое время не имел особого и самостоятельного учреждения, что отражало сомнения и колебания правительства в оценках его перспектив и характера. В достаточно устойчивый министерский период переселенческое дело дробилось между ведомствами и учреждениями, имело различные источники финансирования, государственных идеологов, научных и общественных экспертов.

В данном исследовании управление миграционными процессами рассматривается в учрежденческом и институциональном аспекте. Становление переселенческого ведомства, построение административной вертикали и подчинение местных учреждений стало основой для характеристики новых принципов, факторов, формальных и неформальных норм, среды, формирующих колонизационную политику империи и определяющих эффективность практик управления миграционными процессами. В тексте вновь затрагивается проблема «несуществующего» Министерства колоний Российской империи, чтобы подробнее охарактеризовать возможную сферу его деятельности и сопоставить ее с «управленческим пространством» Переселенческого управления².

Хотя переселенческие структуры и становились объектом исследования ученых, имперский ракурс изучения позволил вписать их в новые властные отношения, показать их роль как координационного и, что еще более значимо, научного звена в колонизационных проектах империи. Изучение

¹ Ремнев Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

² Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 105–149; Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderveg»? // Там же. С. 150–181.

административно-правового пространства переселенческого дела, «научного осмысления» колонизируемой местности совместными усилиями переселенческих чиновников и научными, общественными экспертами России и Сибири, выявило новую сферу сотрудничества представителей власти и общества в деле освоения и интеграции территорий, формирования гражданской нации и общества. Развитие переселенческих структур, являясь вспомогательным направлением аграрного (крестьянского) дела, зависело от многих внутриполитических факторов, в том числе от общего направления административных реформ, господствующих представлений о соотношении государственных (коронных) учреждений и общественных (земских) структур.

По общему учреждению министерств, всё управление государственными имуществами, крестьянами и сельским хозяйством находилось в ведении Министерства финансов³. В 1837 г. для управления государственными крестьянами, эксплуатации казенных имений и других земельных владений, для содействия развитию сельского хозяйства было создано Министерство государственных имуществ⁴. Оно возникло позднее других центральных учреждений, поэтому его устройство было достаточно сложным и детализированным: два департамента государственных имуществ (16 отделений, распространявших свое влияние на всю страну), лесной департамент и департамент сельского хозяйства (с 1866 г. — департамент земледелия и сельского хозяйства), ученый комитет. К разряду свободных сельских обывателей помимо государственных крестьян были отнесены также иностранные поселенцы (колонисты), евреи-земледельцы, водворенные на казенных землях, инородцы Восточной и Западной Сибири и ряда губерний Европейской России⁵. Разнообразие юри-

³ Ивановский В.В. Государственное право. § Развитие органов администрации сельского хозяйства и государственных имуществ // Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5. 1895 [Электронный ресурс] // <http://www.allpravo.ru/library/doc117p/instrum2817/item2910.html>

⁴ ПСЗ РИ-II (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе). СПб., 1838. Т. 12. № 10834.

⁵ СЗ РИ (Свод законов Российской империи). СПб., 1842. Т. 9. Ст. 629.

дических групп, относящихся к «состоянию государственных крестьян», показывает не только сложность формирования единого состояния, но и объединения этих групп в рамках общей государственной политики по любому вопросу, включая и переселенческий⁶.

На первом массовом этапе переселенческого движения (40 – 50-е гг. XIX в.) основные вопросы по переселению сельских обывателей находились в ведении Министерства государственных имуществ (МГИ), которое объединяло три направления деятельности: управление государственными имуществами, умножение государственных доходов от эксплуатации казенной собственности и попечительство над свободными сельскими обывателями, направленное на повышение благосостояния. С 1838 по 1855 г. по разрешению МГИ в Западную Сибирь прибыло более 90 тыс. переселенцев. Правительство также практиковало выкуп у помещиков крепостных и переселение их в Сибирь. Активизации заселения Сибири способствовал попечительный курс МГИ в отношении переселенцев, за реализацию которого на местах должны были отвечать его местные учреждения: Палаты и окружные правления. Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало все его этапы, заботясь о появлении в Сибири состоятельного колонизатора и прочности его водворения. Местные учреждения МГИ должны были контролировать районы выхода и водворения переселенцев, определять экономическую, политическую и социальную целесообразность переселения, проводить межевые и землеустроительные работы, формировать переселенческие партии, следить за использованием ссуд. Государство обеспечивало прибывших жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами, предоставляло 3-летнюю льготу на выплаты податей и 10-летнюю денежную ссуду. При незначительных размерах переселенческого движения государству реально удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы привлекали население и способствовали стихийному

⁶ См.: Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010. С. 44.

волнообразному нарастанию. Однако реализация реформы П.Д. Киселева на государственных землях Сибири проходила по проекту не министерскому, а разработанному местной администрацией. В результате организация управления государственных имуществ и крестьян передавалась непосредственно генерал-губернатору и особому отделению (IV) при Главном Управлении, на основании существующих в Сибири установлений, с учетом общих учреждений для Великорусских губерний.

Местные учреждения Министерства государственных имуществ – Палаты государственных имуществ – в сибирских губерниях не создавались, но поземельное устройство, межевание проводилось под руководством второго департамента МГИ, при котором с 1847 г. был создан корпус межевщиков, и создавались инструкции для съемочных отрядов. В Сибири для осуществления межевых работ, в том числе и для создания переселенческих участков, создавались местные учреждения, имеющие различную ведомственную принадлежность: губернские и уездные землемеры – землемеры ведомства губернских чертежных, состоявших в ведении казенных палат), с 1831 г. – рота топографов, с 1835 – межевая комиссия, с 1837 – Сибирское межевание в Западной Сибири, под руководством офицеров Генерального штаба, с 1851 г. – особое управление «Межевание казенных земель Восточной Сибири»⁷. Деятельность землемеров на местах регулировалась и контролировалась разнообразными и часто противоречивыми инструкциями от МГИ, генерал-губернаторов, поэтому и признавалась всеми неудовлетворительной⁸.

Кардинальные изменения в систему крестьянских учреждений были привнесены в эпоху Великих буржуазных реформ. В 1866 г. государственных крестьян перевели на выкуп и передали из Министерства государственных имуществ в ведение общекрестьянских учреждений, заодно закрыв прави-

⁷ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 92.

⁸ Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. Томск, 2009. С. 221.

тельствственный кредит на их переселение⁹. В связи с этим был значительно сокращен и местный аппарат МГИ: вместо палат государственных имуществ и окружных правлений создавались губернские управления государственных имуществ¹⁰. С 1866 г., при проведении крестьянской реформы на казенных землях, Первый и Второй департаменты Министерства государственных имуществ были упразднены, а на базе Второго департамента был создан Временный отдел по поземельному устройству государственных крестьян (упразднен в связи с выполнением своей задачи в 1883 г.).

Дальнейшая разработка переселенческого законодательства, а также непосредственное управление переселенческим делом было надолго передано в Министерство внутренних дел. В 1861 г. для поземельного устройства и общественного управления крестьян, вышедших из крепостной зависимости, Центральный статистический комитет был преобразован в Земский отдел¹¹. Именно в этом отделе, «вопреки своему названию ничего общего с земством не имеющем, а ведающем всем обширным крестьянским делом, и производилась работа по пересмотру узаконений о крестьянах»¹². Земский отдел, сформированный из чиновников, ранее занимавшихся освобождением крестьян, призван был решать основной «крестьянский вопрос» во внутренней политике государства, поэтому и стал не только самостоятельной, но одной из главных частей МВД. Не случайно, для сотрудников Земского отдела, а также выделившегося из него Переселенческого управления и Управления по воинской повинности, 19 февраля было особым днем, который они отмечали торжественными обедами. Уже здесь менялся стиль побора кадров, и профессионализм стал одним из главных критериев. Именно там формировался «чиновник научного типа», какими без

⁹ ПСЗ-II. Т. 9. № 1866. Ст. 43987.

¹⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 242.

¹¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. СПб., 2001. С. 45.

¹² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 160.

сомнения были Д.И. Пестржецкий или И.М. Страховский. Так, управляющий Земским отделом Г.Г. Савич пригласил в качестве сотрудника автора книги о крестьянской общине, бывшего политического ссыльного Кочаровского, чему, естественно, пытался воспротивиться Департамент полиции¹³.

К началу 90-х гг. Земский отдела МВД охватывал уже весь спектр «крестьянских вопросов», фактически вытесняя и заменяя собой целое министерство. Переселенческое дело в особое делопроизводство не выделялось, но все практические мероприятия с ним связанные, координировались в 11 делопроизводствах Земского отдела. Так, в 4-м делопроизводстве крестьяне могли получить разрешение на переселение, 6-е руководило поземельным устройством государственных крестьян, а 8-е решало дела по поземельному устройству и землепользованию инородцев Сибири, Урала и Степного края¹⁴.

Разработка нового (поощряющего, а не запрещающего) переселенческого законодательства приходится на 80-е гг. XIX в. и совпадает по времени и характеру предложений с подготовкой реформы местного управления. Цель преобразований, сформулированная кахановской комиссией, заключалась в объединении всех административных учреждений с уменьшением их числа и сокращением стеснительных формальностей и усилением разрешающей на месте власти, «установление **живой связи** между администрацией и общественным управлением, а также точное разграничение их прав и обязанностей с определением ответственности для земских органов»¹⁵. Эта же идея объединения административных и общественных сил по решению переселенческого вопроса была реализована созданием в 1881 г. совещания «сведущих лиц из общества», т. е. лиц, знакомых с положением этого дела в теории или на практике» при особой «переселенческой комиссии, составленной из чиновников разных министерств». Однако, работа

¹³ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) // ГАРФ. Ф. Р-5881 (Коллекция отдельных документов белоэмигрантов). Оп. 2. Д. 598. Л. 113.

¹⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. СПб., 2001. С. 46.

¹⁵ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. С. 170.

в рамках самостоятельных, формальных структур не принесла ожидаемого успеха: комиссия и совещание высказали кардинально расходящиеся взгляды по ключевым вопросам, в частности о роли административных структур в организации переселенческого потока, о свободе и самостоятельности сельских обывателей в создании новых хозяйств¹⁶.

Идея сотрудничества администрации и общества, как и особые структуры, возникшие для ее реализации, достаточно быстро завершили свое существование при следующем министре внутренних дел Д.А. Толстом. Он предполагал, что основной недостаток существующего порядка состоит в том, что правительственная власть имеет слишком слабое влияние на ход местного управления, и потому усиление этого влияния должно быть главной целью предстоящих преобразований. Новый курс предполагал, что в основу организации местного управления будет положен принцип единства власти, а для этого все местные учреждения должны стать учреждениями правительственными, находящимися в тесной связи с центральной государственной властью.

Миграционные процессы в рамках такой централизованной бюрократической системы управления также всецело подчинялись государству. Это реализовывалось как в надзирающих и контролирующих функциях государственных учреждений через «сдерживание движения в тесных рамках», так и в попечительных — через «полное и всестороннее устройство переселенцев на новых местах». Именно поэтому значимость данного этапа заключалась не столько в выработке новых идей, сколько в подготовке, как в центре, так и на местах административных структур для управления миграционными потоками.

В 1880–90-е гг. были реорганизованы и значительно усилены местные учреждения Министерства государственных имуществ, был сформирован Западно-Сибирский переселенческий отряд, начинают действовать переселенческие конторы¹⁷. 20 декабря 1883 г. в Омске было учреждено единое

¹⁶ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 134.

¹⁷ Худяков В.Н. Указ. соч. С. 104; Дорофеев М.В. Указ. соч. С. 204, 225.

для Тобольской, Томской губерний и Акмолинской, Семипалатинской областей управление государственными имуществами¹⁸. В 1893 г. управление разделено на три учреждения (для Тобольской, Томской губерний и степных областей). В 1897 г. аналогичные управления открыты в Иркутской и Енисейских губерниях. Цель их введения заключалась в попечении и наблюдении за государственными имуществами для повышения их доходности. Для этого в ведение управления государственных имуществ передавались: сбор сведений о казенных землях и оброчных статьях, контроль за распоряжением казенных земельных и лесных угодий (продажа в частную собственность, выделение под новые поселения). Многообразные задачи «попечения и наблюдения за государственными имуществами», еще до появления основного переселенческого потока, позволяли власти создавать, точнее, описывать, структурировать и классифицировать природно-климатическое, экономическое и административно-правовое пространство водворения. Существенную роль в длинных и подробных списках функций этих учреждений играло «собираание верных и точных сведений», составление кадастров, измерение, описание и оценка земель и угодий, их классификации.

С расширением переселенческого потока, включением новых обширных пространств (как мест выдворения, так и водворения) малочисленные и, главное, привязанные к конкретной административно-территориальной единице местные учреждения становились не вполне эффективными для управления мобильными переселенческими группами. Выход из ситуации виделся в создании дополнительного штата чиновников особых поручений при центральных и местных учреждениях. Так, после издания общего закона о переселениях от 13 июля 1889 г. было дополнительно учреждено шесть должностей чиновников особых поручений по переселенческим делам при земском отделе МВД «для ближайшего наблюдения за движением переселенцев и оказания им необходимого содействия во время следования и на местах нового

¹⁸ ПСЗ-III. Т. 3. № 1909.

водворения»¹⁹. В 1892 г. появляются дополнительные чиновники и на местах: пять чиновников особых поручений – при Иркутском генерал-губернаторе, три чиновника – при Приамурском генерал-губернаторе. В Западной Сибири переселенческие вопросы были отнесены к компетенции чиновников по крестьянским делам²⁰. В 1894 г. по постановлению Комитета сибирской железной дороги при Земском отделе МВД была временно учреждена дополнительная должность чиновника особых поручений по переселенческим делам с содержанием из фонда вспомогательных предприятий, связанных с сооружением сибирской железной дороги. Чиновники особых поручений, формально состоящие при Земском отделе, а фактически служившие в Сибири, наделялись дополнительными правами и преимуществами.

Идея «живого сотрудничества и взаимодействия» еще не была реализована на этом этапе, хотя и были намечены общие платформы для сотрудничества, определяемые уходящей эпохой Великих буржуазных реформ.

Комитет Сибирской железной дороги

До начала 90-х правительство последовательно пыталось упорядочить переселенческое движение, организовать его «правильно» и самостоятельно, но без участия общественных сил и «самоуправства» крестьян. Новая стратегическая цель была обусловлена новым форматом переселенческого движения (голод и железные дороги), под который вынуждено было перестраиваться и государство. «Заключить в узкие берега закона громадную могучую волну народного движения не удалось: волна эта прорвала бумажную плотину и хлынула со страшной силой»²¹. В связи со строительством Транссиба, появляется новый участник переселенческого дела – Комитет сибирской железной дороги (КСЖД) и «переселенческий вопрос» приобретает новую конфигурацию. Переселение (не для выселения), а для «заселения, соприкасающихся с желез-

¹⁹ ПСЗ-III. Т. 9. № 6198.

²⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 16 об.

²¹ Кирьяков В.В. Указ. соч. С. 138.

ной дорогой местностей», «скорейшего устройства их быта на местах нового водворения». Дополнительным фактором стал и не предполагаемый ранее масштаб переселения. Планируемое переселение переросло в аврал, которым практически было невозможно управлять, его требовалось прекратить или приостановить, чтобы позднее развернуть на новой административно-правовой основе. В качестве основных недостатков существующей системы переселения были отмечены: резкий рост переселенческого движения при отсутствии точных данных о запасах свободных земельных угодий в Сибири; низкая пропускная способность железной дороги; недостаток личных сил и денежных средств местных переселенческих организаций²².

Грандиозное предприятие, каким стало сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, повлекло за собой создание на высшем уровне специального органа управления – Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД). Он был образован по инициативе министра финансов С.Ю. Витте после предварительного обсуждения в особом совещании под председательством Д.М. Сольского 10 декабря 1892 г.²³ Первоначально в состав КСЖД вошли министры финансов, внутренних дел, путей сообщения и государственный контролер. Позднее, еще до первого заседания, к ним присоединились военный министр и управляющий Морским министерством. Кроме них, на заседания часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также иркутский, приамурский и степной генерал-губернаторы. Компетенция КСЖД была гораздо шире, чем требовало само

²² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 15 об.

²³ ПСЗ-III. Т. 12. № 9140, 9354. Подробнее см.: Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 129-132; Борзунов В.Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали: Дис. . . д-ра ист. наук. Томск, 1972. С. 513, 526-527, 533-538. Инициативу создания такого высшего комитета приписывал себе и государственный секретарь А.А. Половцов. В своем дневнике 18 февраля 1892 г. он записал, что говорил вел. кн. Владимиру Александровичу об учреждении под председательством наследника специального комитета, «который бы занялся сначала изучением вопроса о постройке, а затем и самою постройкою». Владимир Александрович его поддержал, заявив, «что это было бы весьма кстати, потому что цесаревич тяготеет бездействием» (Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. II. С. 424).

сооружение магистрали, в его функции вошли самые разные вопросы, связанные с политикой самодержавия в Сибири. Председателем Комитета был назначен наследник престола вел. кн. Николай Александрович (будущий император Николай II), а вице председателем – председатель Комитета министров, известный экономист Н.Х. Бунге. Вступив на престол, Николай II сохранил за собой председательствование в КСЖД. Делопроизводство КСЖД было поручено канцелярии Комитета министров. Возглавлял «сибирское отделение» канцелярии Комитета министров сначала будущий министр финансов И.П. Шипов, а затем Н.Л. Петерсон. Насколько важной представлялась деятельность канцелярии, свидетельствует тот факт, что когда молодой чиновник И.И. Тхоржевский поступал туда на службу, помощник управляющего делами Комитета министров Э.Ю. Нольде так охарактеризовал его будущее поприще: «...Сибирское отделение – самое боевое и видное, туда труднее всего попасть. Председатель Комитета Сибирской железной дороги – сам Государь; он лично проехал всю Сибирь на лошадях, возвращаясь – еще как Наследник – из Японии. Он очень интересуется Сибирью, ее колонизацией и всем, что для этого делается. Там будет вам легче всего выдвинуться на работе»²⁴.

Управление делами КСЖД попало в руки опытного в государственных делах А.Н. Куломзина, роль которого в сибирском управлении оказалась заметно выше официально занимаемого им положения. Хотя для обсуждения некоторых законопроектов требовались совместные заседания Комитета и Департамента законов Государственного совета, этого удалось избежать. А.Н. Куломзин объяснял это так: «Законодательным же постановлениям Сибирского комитета, которые касались собственно устройства переселенцев в Сибири, я придавал по форме значение законов местных и временных, всемерно избегая затрагивать законодательные нормы, регулирующие народную жизнь европейских губерний империи»²⁵.

²⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Из воспоминаний камергера // Нева. 1991. № 4. С. 194.

²⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 186. Л. 11-12.

4 марта 1893 г. при КСЖД образована подготовительная комиссия под председательством управляющего делами статс-секретаря А.Н. Куломзина для рассмотрения, в том числе, и мероприятий по устройству переселенцев в Сибири. Уже в начале 80-х гг. Куломзин выступает за необходимость проведения переселенческой политики. Совместно с будущим министром государственных имуществ А.С. Ермоловым им был составлен законопроект о переселении малоземельных крестьян. Подготовительная комиссия фактически монополизировала решение вопросов, связанных с переселением крестьян, устройством церквей и школ в Сибири, что также увеличивало влияние А.Н. Куломзина на сибирскую политику. Известный французский путешественник и публицист Жюль Легра писал, что от А.Н. Куломзина «зависит аграрное будущее огромной колонии»²⁶.

В Подготовительной комиссии обсуждались переселенческие вопросы, сметы и т. д. А.А. Корнилов в этой связи вспоминал: «Комиссия эта, находившаяся под председательством весьма лукавого, но в то же время разумного человека, А.Н. Куломзина, взглянула довольно правильно на переселенческий вопрос, и, благодаря докладам этой комиссии, взгляд этот сообщился и самому председателю особого совещания наследнику престола Николаю Александровичу»²⁷. Куломзин председательствовал и в целом ряде временных комиссий: о поземельном устройстве Забайкальской области, о выборе места для устройства коммерческого порта в г. Владивостоке, о способах обеспечения доставки грузов для Забайкальской железной дороги и др. В 1896 и 1897 гг. он совершил две поездки по Сибири, что, безусловно, также подняло его авторитет в КСЖД как специалиста по сибирским вопросам. Не случайно именно его приглашали в Государственный совет, когда там обсуждались дела по Сибири.

²⁶ Legras J. En Sibirie. P., 1899. P. 206. Впоследствии Ж. Легра стал переводчиком на французский язык официального издания «Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1903), вышедшем в Париже в 1904 г. (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 366).

²⁷ Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 28-29.

Получив назначение в 1902 г. в Государственный совет, Куломзин был оставлен членом КСЖД. Он много сделал в своей жизни для Сибири: выступал за рост переселенческого движения, за скорейшее ее хозяйственное освоение, за отмену ссылки. Искренне полюбив этот край, он писал 7 июня 1896 г. из Омска: «Вообще, Сибирь такая страна, как я нынче испытываю, что в ней надо побывать только раз, чтобы хотелось еще побывать»²⁸. «Занимая, по сравнению с местами министров, подчиненное положение управляющего делами Комитета министров, а затем и Сибирского, – оценивал его роль чиновник Переселенческого управления МВД В.Ф. Романов, – фактически Куломзин пользовался громадным влиянием и его выдающимися способностям и умению работать не покладая рук, Сибирь обязана началом всех трех колонизационных мероприятий, которые были связаны с постройкой великого железнодорожного пути мирового значения»²⁹.

Под руководством А.Н. Куломзина в канцелярии Комитета министров был составлен «Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России» (СПб., 1894). Цель издания состояла в том, чтобы доказать наличие, с одной стороны, в центральных губерниях избыточного крестьянского населения, а с другой, что переселение «не может иметь последствием упадок земледелия на их родине»³⁰. Под руководством А.Н. Куломзина был составлен также ряд справок о колонизации в других странах. Теоретическое обоснование правительственной политики на окраинах А.Н. Куломзин пытался искать в иностранных колонизационных приемах, прежде всего в деятельности Прусского правительства по германизации польских провинций. В Пруссию был направлен со специальным заданием чиновник канцелярии Комитета министров И.П. Шипов.

Через КСЖД осуществлялось финансирование всего переселенческого дела. Как вспоминал А.А. Корнилов, «средства эти отпускались по сметам, составлявшимся на местах мест-

²⁸ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 14.

²⁹ Романов В.Ф. Указ. соч. Л. 154.

³⁰ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

ными главными начальствами; затем рассматривались подготовительной комиссией при Комитете сибирской дороги под председательством А.Н. Куломзина, и, наконец, утверждались в самом Особом Комитете»³¹. Чтобы на месте ознакомиться с состоянием переселенческого дела, А.Н. Куломзин дважды, в 1896 и 1897 гг., совершил поездки в Сибирь. Эти поездки не только изменили его взгляд на переселенческий вопрос, но и существенно скорректировали всю правительственную переселенческую политику. Странник переселения в Сибирь среднесостоятельных крестьян, он встретил среди переселенцев и «ужасных бедняков». Все его беседы о причинах переселения сводились к жалобам крестьян на малоземелье в местах выхода. Но он вынужден был признать и еще одну причину – политическую. «Отчасти господ земские начальники, по-видимому, искусственно выталкивают, т. е. возбуждают к переселению беспокойный элемент»³². Свои впечатления через частные письма к бывшему воспитателю наследника генералу Г.Г. Даниловичу он пытался донести и до Николая II. Бедствия переселенцев в пути, недостаток отмежеванных участков, медленность гидротехнических работ привели его даже к мысли приостановить переселение. Ему удалось провести через КСЖД в качестве временной меры положение о прекращении выдачи путевых ссуд самовольным переселенцам, что, впрочем, по его же словам, «серьезного значения не имело»³³. Главным сдерживающим фактором, полагал А.Н. Куломзин, должна была стать осведомленность крестьян о том, что их ожидает в Сибири. Было предпринято издание нескольких брошюр для народа, разъясняющих условия переселения и распространяющих сведения о Сибири. Сам А.Н. Куломзин издал брошюру «Сибирское переселение» (СПб., 1896). Он резко выступил против книг и статей, завлекающих крестьян в Сибирь³⁴. Предлагал

³¹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 29.

³² РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 8.

³³ Подробнее о позиции А.Н. Куломзина в переселенческом вопросе см.: Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 115–119.

³⁴ Россия. Комитет Сибирской железной дороги. (Материалы). Б., м. 1897. Т. 1. Л. 411–412.

он также расширить практику предварительной посылки ходов. Правильному взгляду должно было способствовать и широкое опубликование законов о переселении. Но последнее предложение вызвало возражение со стороны И.Н. Дурново, который считал, что «крестьяне всякую бумажку по переселенческому делу растолковывают, как приглашение к переселению»³⁵.

Переселенческое управление МВД

8 марта 1895 г. на заседании Комитета сибирской железной дороги его председатель Великий князь Николай Александрович выразил мысль, что «крестьянские переселения не должны вызывать опасения и правительственное содействие должно направляться на то, чтобы переселение **носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку**»³⁶. На всеподданнейшем отчете Нижегородского губернатора за 1895 г. по поводу движения переселенцев и организации переселенческого дела, была сделана «высочайшая помета»: «Обращаю особое внимание МВД на эту часть отчета. Невозможно оставить такое государственное дело в заведовании какого-то маленького отделения Земско-го отдела»³⁷.

Переселенческое дело находилось в ведении нескольких ведомств и вопрос о подчинении нового учреждения был, в том числе и вопросом межведомственных и внутриведомственных интересов. Такой логике следовало МВД, предлагая создание особого учреждения для заведования переселенческим делом. Проект МВД предполагал создание временного Переселенческого управления в составе министерства по образу двух отделов Министерства земледелия и государственных имуществ — сельской экономики и сельскохозяйственной статистики и земских учреждений. Помимо собственно за-

³⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 109.

³⁶ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. С. 190.

³⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193: «Об учреждении временного Переселенческого управления при МВД и об усилении средств на содержание чиновников Переселенческого управления». Л. 15.

ведования переселенческим делом, в ведение нового учреждения предполагалось передать и сопутствующие вопросы: покупка крестьянских земель при помощи Крестьянского банка, аренда крестьянами казенных земель. Однако выделение переселенческого дела в особое учреждение предполагало не только бюрократические и ведомственные мотивы. Отмечался и особый, небюрократический характер самого дела, «требующий не столько соображения с законом, сколько живой распорядительности и быстрого приспособления и удовлетворения, внезапно возникающих и часто крайне изменчивых запросов этого движения»³⁸. При обсуждении министр внутренних дел И.Л. Горемыкин отметил, что управление переселенческим делом «имеет лишь весьма мало общего с обычными приемами канцелярской деятельности»³⁹.

«Живое дело», с точки зрения МВД, вполне могло быть реализовано только при создании обособленного учреждения, с более гибкой и легче поддающейся изменениям организацией. Предполагалось ограничиться «весьма небольшим числом чиновников, предназначенных собственно для постоянной канцелярской работы». Возможные обвинения в «крамольности» небюрократического (неканцелярского) учреждения, снимались уверениями в признании и подчинении «общепринятым началам в центральных управлениях» и более частным условиям: «несмотря на особенности деятельности, ... она многими своими сторонами будет совпадать с условиями делопроизводства в других административных учреждениях».

Особый характер деятельности Переселенческого управления должны были обеспечивать не канцелярия, а чиновники особых поручений. Подобные должности существовали и в Земском отделе, но учитывая разнообразный, слабо предсказуемый характер, уровень сложности их деятельности, МВД предполагало внести коррективы в штатное расписание и не присваивать им определенных классов и, соответственно, содержания. В штате предполагалось установить общую сумму, отпускаемую на содержание этих лиц

³⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 17.

³⁹ Там же. Л. 22.

и предельные оклады. В зависимости от сложности и важности поручаемого дела МВД само могло определять и оклад, и должность чиновника. Еще одна степень самостоятельности руководства в нарушение традиционной чиновной иерархии заключалась в возможности «отступления от требований закона, касательно согласования класса должности с чином назначаемого на нее лица»⁴⁰. Штат Переселенческого управления, «в виду соблюдения строгой экономии», определялся минимально: начальник управления, его помощник, пять чиновников особых поручений, два делопроизводителя, три помощника делопроизводителей, секретарь и журналист.

Даже мягко и осторожно высказанная идея об особом характере деятельности Переселенческого управления была не однозначно принята в высших бюрократических, особенно финансовых, кругах. Управление государственным контролем не находило оснований для выделения переселенческого дела от прочих задач государственных учреждений по устройству сельских обывателей. Министерство финансов предлагало сократить штат переселенческого управления и оклады чиновников «в виду незначительности сего управления», приравняв их к окладам чиновников Земского отдела, а не управления Министерства земледелия и государственных имуществ. Предполагаемая экономия пяти с половиной тысяч в год уже на этапе обсуждения нового учреждения показывала с одной стороны типичное нежелание финансового ведомства увеличивать казенные расходы, а с другой, неприятие и непонимание специфики переселенческого дела.

В записке управления государственным контролем вообще оспаривалась необходимость создания нового специального учреждения, поскольку «внутренние бюрократические ресурсы» Земского отдела еще не исчерпаны (это не самое большое по числу чиновников учреждение, всего 52 человека). Единственно возможный способ «измерить» труд учреждения виделся в подсчете числа чиновников, а потому и предлагаемое решение было направлено именно на усиление канцелярской деятельности. Создание дополнительного делопроизводства (или даже двух) в составе Земского отде-

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 193. Л. 17 об.

ла избавляло бы государственное казначейство от расходов по содержанию начальника и его помощника, секретаря и журналиста. Последовательная ликвидация особого статуса, самостоятельного руководства логично завершалась предложением сократить чиновников особых поручений (с пяти до трех), определив при этом им меньший и единый оклад в 2000 рублей. МВД удалось полностью отстоять свой проект. По штатному расписанию должностей и расходов Переселенческое управление смогло не только сохранить все позиции по составу и жалованию, но и увеличить общую сумму годового расхода⁴¹.

После долгих обсуждений в 1896 г. при МВД было создано Переселенческое управление с тремя основными практическими задачами: 1) руководство выдачей и сама выдача разрешений на переселение; 2) водворение переселенцев; 3) заведование суммами, отпускаемыми на переселенческое дело. В ведение Переселенческого управления передавалась также подготовка новых законодательных мероприятий. Таким образом, весь цикл переселенческого дела: от создания нового правового и институционального пространства переселенческого движения, управления финансовыми потоками до научной экспертизы, проектирования и непосредственного формирования, сопровождения и водворения переселенческих партий было сосредоточено в ведении одного центрального учреждения. Высокая степень самостоятельности, сочетание принципов централизованного и децентрализованного управления, высокая мобильность учреждений данного ведомства стали не только залогом эффективного управления миграционными процессами, но и позволили выработать свой особый стиль «небюрократического» управления.

«Совсем маленькое и «черносошное» переселенческое делопроизводство», ютившееся «в одном из самых захудалых уголков Министерства внутренних дел» с момента своего создания позиционировало специфику своей деятельности, «небюрократический» характер, а также особый стиль руководства⁴². Во многом от руководителя зависели объем и на-

⁴¹ ПСЗ-III. Т. 16. № 15464.

⁴² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124.

правления деятельности сотрудников, но еще более значимо было понимание существа и характера государственной службы на каждом конкретном, даже самом незначительном канцелярском месте. Уже в проекте по образованию Переселенческого управления министр внутренних дел отметил, что в связи с постепенным усложнением задач переселенческого дела, к чиновникам данного ведомства должны предъявляться особые, более высокие требования к уровню образования и подготовки.

Среди начальников Переселенческого управления не было случайных, а потому временных руководителей. Первым начальником был В.И. Гиппиус (1896–1902), вторым – А.В. Кривошеин (1902–1905)⁴³, третьим – Г.В. Глинка (1905–1915), последним – Г.Ф. Чиркин (1916–1917). Уже при А.В. Кривошеине лидерство и инициатива среди центральных учреждений совершенно явственным образом перешла к Министерству земледелия, которое стало «фокусом культурной работы всего государства...»⁴⁴. При А.В. Кривошеине Переселенческое управление «из второстепенного, небольшого учреждения становилось неожиданно одним из модных ведомств, привлекающих к себе всеобщий интерес и, может быть, несколько преувеличенные ожидания»⁴⁵. Так как министры «давали общее руководство и вели «высокую политику», технически управляли делами директора департаментов»⁴⁶. В Переселенческом управлении вопросы политические уходили на второй план, а на первом были меры по переезду и устройству крестьян на новом месте, поэтому в этом деле «могли не ссорясь, сотрудничать и правые и левые, оставив в стороне свои собственные политические взгляды и убеждения»⁴⁷. Значительную часть русской интеллигенции и составляли такие чиновники среднего звена, которые относились к по-

⁴³ Вошинин В. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине. Пг., 1915; Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002; Воронов И. Министр Азиатской России // Звезда. 2006. № 12.

⁴⁴ Тхоржевский И.И. Указ соч. С. 105.

⁴⁵ Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 41.

⁴⁶ Там же. С. 225.

⁴⁷ Там же. С. 138.

мещикам по «левой» традиции отрицательно, распространяя это настроение на родовую аристократию туземного населения, и даже на зажиточных крестьян-старожилов. Впрочем, партийности не придавали большого значения, когда, как отметил В.Ф. Романов, «приходится работать над живым делом научными методами»⁴⁸. Вопреки духу времени, они стремились не к политической, а скорее, к профессиональной консолидации, средством для которой мог стать издаваемый при финансовой поддержке Переселенческого управления периодический сборник «Вопросы колонизации», который был далек от официоза.

Помощником А.В. Кривошеина, а затем более десяти лет главой Переселенческого управления был Г.В. Глинка, выпускник Московского университета, фанатичный «мужикофил», у которого была «какая-то просто болезненная любовь ко всему родному, в особенности же, к нашему крестьянству»⁴⁹. «Народнические тенденции» начальника Переселенческого управления проявлялись в том, как он «может и без умысла, каждую пядь земли берег для крестьянства» и прямо ликовал, когда царь щедро уступил свои земли под переселение. По свидетельству одного из переселенческих чиновников, у В.И. Глинки «было страшно развито чувство моральной ответственности перед переселенцами»⁵⁰. А так как, как он считал, в отличие от Америки у России нет таких средств на колонизацию, «и русский мужик своими костями строит Сибирь», то именно чиновники должны проявлять особую заботу о переселенцах. Главным качеством Г.В. Глинки, как руководителя, было неприятие «бумажной гладкости», шаблонов, предвзятых планов, кабинетной работы вообще⁵¹. Он не терпел и достаточно жестко критиковал подчиненных за малейшие попытки «чинодральства», «кабинетства», «впадания в мертвую канцелярщину» или установ-

⁴⁸ Романов В.Ф. Указ. соч. Л. 235.

⁴⁹ Там же. Л. 143.

⁵⁰ Татищев А.А. Указ. соч. С. 138.

⁵¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 173.

ления «никчемных церемониалов»⁵². Взамен традиционных бюрократических качеств требовал от сотрудников осмысленности службы, нравственной поддержки подчиненных, сочувствия живой работе, «видение надлежащей перспективы, отличие важного от пустяков».

Под стать себе руководители набирали и подчиненных. Отличительной чертой большинства переселенческих чиновников была горячая любовь к родине и порученному им делу и абсолютная честность, неприятие канцелярщины, кабинетной работы и отношения к службе, как средству наживы⁵³. Еще одной их особенностью была включенность в интеллигентскую среду, активная общественная деятельность, а также сотрудничество с научными и общественно-политическими журналами. Они ревниво реагировали на «политиканство» и демагогическую критику переселенческой политики со стороны оппозиционной интеллигенции, «чрезвычайно невежественной в отношении естествознания, в особенности знания наших колоний», и гордились своим профессионализмом и даже ученостью, своими заслугами в изучении Сибири. Так, к примеру, по словам В.Ф. Романова, Атлас Азиатской России «по его научному значению составил предмет гордости любого ученого общества». «Такие люди становились похожи на Майнридовских героев; они знали всеми фибрами своего тела и души, знали и чувствовали дикую прелесть природы далеких окраин Сибири, почти обожествили эту природу, были красиво суеверны»⁵⁴. Тот же В.Ф. Романов подчеркивал и особое, уважительное отношение крестьян к переселенческим чиновникам: «Местные наши агенты были любимы населением; слово «переселенный» произносилось крестьянами совершенно иным тоном, чем «земский»⁵⁵. И это была не только самооценка переселенческих чиновников, хотя можно говорить и о вполне осо-

⁵² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. О благонадежных чиновниках местных переселенческих организаций. Л. 238.

⁵³ Романов В.Ф. Указ. соч. Л. 228.

⁵⁴ Там же. Л. 246.

⁵⁵ Там же. Л. 247.

знанном моделировании поведения и образа «передового чиновника-интеллекта».

Депутат первой Государственной думы, руководитель врачебно-продовольственного комитета князь Г.Е. Львов, изучавший и много содействовавший переселенческому делу, называл переселенческих чиновников «героями». Можно обратиться и к авторитетному мнению Г.И. Успенского, который оставил яркий и, несомненно, искренний образ «редкого чиновника», которому можно доверять. Переселенческий чиновник, как служитель общества, отделяется им от прочих – «сложных и неясных фигурантов, чьи помыслы неочевидны для человека со стороны». Удивительно находить это, буквально, текстологическое сходство характеристик у людей, казалось бы, имеющих принципиально различные общественно-политические идеалы. «Все, что касается этого сложного дела (переселенческого), все поставлено здесь хорошо, правильно, добросовестно и дельно», «без канцелярщины и пустого формализма», – писал Г.И. Успенский в очерках «Поездки к переселенцам»⁵⁶. Очевидный для Успенского недостаток средств для «плодотворной и добросовестной деятельности» связан не с традиционными злоупотреблениями чиновников, но с низкой активностью общества. «И я с великим удовольствием могу сказать, что собственными моими глазами видел, что отношения людей, заведующих таким большим народным делом, вполне соответствуют ему. Дело делается по-человечески, то есть именно так, как оно и должно бы было делаться также и там, в глубине России»⁵⁷. Вряд ли эта фраза могла быть написана для демонстрации благонадежности автора, и тем более она совершенно не соответствует ярко критическому настроению, которое фиксировали в сибирских очерках Успенского советские исследователи.

Чиновники для народа, без формальностей и фальши, делающие дела при отсутствии документов, в обход все существующих инструкций и правил – такими увидел «пере-

⁵⁶ Успенский Г.И. Поездки к переселенцам [электронный ресурс] // http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0530.shtml

⁵⁷ Там же.

селенных» Успенский. Он считал их деятельность идеальным воплощением помыслов «культурного человека», так как они имели возможность бескорыстно реализовать свои лучшие человеческие качества, помогать нуждающимся «не со снисходительностью и превосходством барина, а чувствуя близость и сопричастность в таком же человеке»⁵⁸.

Крестьянский вопрос, вырастал из «канцелярий» в «народное дело», в новых условиях активной деятельности земских организаций и радикальной интеллигенции, причудливо и сложно объединял людей не в политические или идейные соратники, не в организации и учреждения, а в пространство общего дела: чиновников и интеллигенция, земцев, общественных и политических деятелей, ссыльных. Умение мыслить широко и неординарно, постоянная мобильность, особое образование (преимущественно, техническое или сельскохозяйственное), демократичность, «народофильство» — таковы были формальные и неформальные требования, предъявляемые к немногочисленному штату Переселенческого управления. Типичный представитель «переселенческого чиновничества» обладал качествами «идеалиста-народника, работающего не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающего ни о какой карьере»⁵⁹.

Переселенческие чиновники, действительно, заняли особое место в местном управлении, не только по относительной бюрократической автономии, обилию задач, но и значительности средств, благодаря которым они могли «влиять на развитие экономической и культурной жизни края»⁶⁰. И.И. Тхоржевский обобщил наиболее важные черты ведомства при Кривошеине: «Министерству верили, давали денег. Завязались отношения с земствами, кооперацией, учеными, общественными деятелями, печатью», а позднее нашелся и общий язык с Государственной думой⁶¹.

Создание новой динамично развивающейся структуры закономерно приводило к столкновениям не только в центре,

⁵⁸ Успенский Г.И. Указ соч.

⁵⁹ Татищев А.А. Указ. соч. С. 35.

⁶⁰ Там же. С. 125.

⁶¹ Тхоржевский И.И. Указ соч. С. 86.

но и на местах. Традиционные ведомственные конфликты в «переселенческом» контексте усугублялись столкновением земельных, имущественных, социокультурных интересов различных социальных, этнических, конфессиональных групп. Поземельные конфликты из-за сокращения угодий (поддерживались/усиливались) неразберихой в законодательстве и ведомственных конфликтах. Новые структуры Переселенческого управления сталкивались с представителями местной администрации, как на местах выхода, так и на местах водворения. Выход виделся в четком разграничении полномочий, сфер деятельности. Особенно беспокоило правительство усложнившееся управление хозяйственными делами, связанное с устройством переселенцев. Ситуация обострялась не только тем, что администрация не могла переложить часть своих забот на так и не введенные в Сибири земские учреждения, но и царившей неразберихой внутри самого местного государственного аппарата. Было признано, что разрозненная деятельность ведомств на местах существенным образом «тормозит» переселение. Отвод земельных участков для переселенцев являлся предметом занятий Министерства земледелия и государственных имуществ, а сами вопросы устройства переселенцев были уже делом чиновников МВД. Если в Восточной Сибири их деятельность как-то на месте координировал генерал-губернатор, то в Западной Сибири они должны постоянно обращаться к своим министерствам. Выдворением и водворением переселенцев должны были заниматься и местные чиновники, и командированные от Переселенческого управления на линию сибирской железной дороги и прочие колонизационные районы. Переселенческие чиновники занимались организацией процесса, налаживанием связей, устройством новых структур, а в дальнейшем, по мере стабилизации населения, часть функций передавалась местным чиновникам. В связи с расширением круга деятельности крестьянских чиновников и усилением переселенческого движения, в 1894 г. было принято решение об увеличении численности чиновников по крестьянским делам в два раза. С 1896 г., после значительного упрощения процедуры, выдача переселенцам ссуд была

передана крестьянским чиновникам⁶². Но передача функций не имела одностороннего и однозначного характера, укрепление местной организации Переселенческого управления предполагало и концентрацию наиболее важных отраслей переселенческого дела в своих руках. Так, первоначально склады сельскохозяйственных орудий, семян и разных предметов домообзаводства находились в ведении МЗ и ГИ, но в 1897 г. они были переданы МВД. С 1896 г. МЗиГИ начало устраивать специальные лесные склады, с 1899 г. к этому делу было привлечено и МВД.

В качестве особой задачи Переселенческого управления значилось содействие сельскому населению в расширении его землевладения. Те же задачи были определены и для Крестьянского поземельного банка. «При такой общности задач, интересы самого дела требовали тесной связи между названными учреждениями». По закону 31.05. 1899 г. в состав Совета банка и его местных отделений были включены представители от Переселенческого управления. В Совете банка должен был присутствовать начальник ПУ, а в отделения, находящиеся на местах, где переселенческое дело имело наиболее важное значение, были командированы чиновники особых поручений.

После преобразования крестьянского управления в Сибири (1898), создания особого по крестьянским делам присутствия, в его состав, помимо окружного начальника, Амурским губернатором было предложено ввести и чиновника по особым поручениям по переселенческим делам, «так как он имеет постоянное сношение с крестьянским населением, особенно с новоселами, и крестьянские нужды и интересы ему должны быть не менее знакомы, как и окружному начальнику»⁶³. Чиновники особых поручений могли участвовать в губернских, областных и уездных учреждениях при рассмотрении дел по переселенцам с правом совещательного голоса. По закону 10 июня 1900 г. эти чиновники были включены, на правах членов, в состав губернских или губернских по крестьянским делам присутствий, причем им было предо-

⁶² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1287. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 535. Л. 1.

ставлено «право голоса по делам переселения». Цель данной меры: «обеспечить правильное взаимодействие местных органов банка с органами общего государственного управления».

В 1903 г. в ведение местных учреждений предполагалось передать: выдачу разрешений на переселение в пределах европейских губерний на Кавказ, в Европейской России; перечисление самовольных переселенцев по месту жительства в Сибири, вторичное устройство на казенных землях переселенцев, покинувших первоначальные наделы и переводившихся с участка на участок; обратное перечисление переселенцев на родину, сдачу крестьянских оброчных статей без торгов, выдачу ссуд на домообзаводство крестьянам, водворившимся на казенных землях Европейской России.

Деятельность переселенческого управления, направленная на регулирование устройства переселенцев на местах, изначально предполагала децентрализацию (присутствие чиновников на местах), поэтому вопрос о перераспределении полномочий и сферы компетенции с чиновниками других ведомств был закономерен.

В 1894 г. в связи с завершением землеустройства бывших государственных крестьян и с сельскохозяйственным кризисом конца 80-х гг., голодом 1891–1892 гг., МГИ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Основная цель преобразования заключалась в улучшении состояния сельского хозяйства «путем казенного попечительства о расширении полезной для земледелия территории, распространении агрономических знаний для повышения продуктивности сельского хозяйства и развития кустарных промыслов». Одной из значимых структур «преображенного» министерства стал Сельскохозяйственный совет, включавший помимо чиновников министерства, приглашенных сельских хозяев. Совет обсуждал законопроекты, ходатайства, связанные с вопросами улучшения и усовершенствования сельского хозяйства. Реализацией его предложений занимался Департамент земледелия, который управлял сельскохозяйственными учебными заведениями, организацией выставок и съездов. Научным обосновани-

ем планируемых сельскохозяйственных новаций занимался Ученый комитет министерства, состоявший из особых бюро по почвоведению, агрономии, бактериологии, энтомологии, метеорологии и сельскохозяйственной механике.

Министерство принимало меры к выяснению на месте новых потребностей переселенческого дела. С этой целью в 1895 и 1898 г. министром А.С. Ермоловым были предприняты поездки в Сибирь для ознакомления с вопросами по-земельного устройства старожильческого населения и работами по заготовлению переселенческих участков. В 1895 г. была учреждена под председательством директора департамента государственных земельных имуществ тайного советника Тихеева особая комиссия для руководства работами по образованию переселенческих участков. За первое пятилетие с 1893 по 1898 г. общая площадь земель, обращенных под переселенческие и запасные участки, достигла 6 678 000 дес., рассчитанных на устройство 366 634 д.м.п.⁶⁴ Успешному ходу образований переселенческих участков способствовали изданные в 1893 г. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги. Правила давали ряд определенных указаний о порядке действий чинов, о категориях земель, которые могли поступать в земельный фонд, об условиях обеспечения старожильческого населения. Несмотря на реорганизацию, структурные изменения и возрастающий с каждым годом бюджет, роль Министерства земледелия и государственных имуществ в переселенческом деле оставалась по-прежнему незначительной.

Крестьянские выступления начала 1900-х гг. резко изменили взгляд МВД на переселение. В.К. Плеве потребовал увеличения размера ссуд, чтобы привлечь к переселению «преимущественно неимущих лиц, не могущих пристроиться на родине»⁶⁵. Это шло вразрез с прежними правительственными установками на переселение, которое старались, скорее, сдерживать, нежели поощрять. В январе 1902 г. под руко-

⁶⁴ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Изд. Канц. Главноупр. Землеустройством и земледелием. Пг., 1914. С. 66.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 132.

водством С.Ю. Витте было создано межведомственное «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Местная организация совещания включала до 13 тыс. человек — чиновников, дворянских, земских деятелей, крестьян. В 1904 г. «Особое совещание по переселенческому делу», в состав которого входили многие видные деятели переселенческого управления, а также иркутский и степной генерал-губернаторы подготовили для Государственного совета основные соображения по вопросу об изменении существующей постановки переселенческого дела⁶⁶.

Во время Русско-Японской войны Переселенческое управление смогло адаптироваться к условиям военного времени, сотрудничая с военным ведомством, занималось обслуживанием, перемещением и снабжением русской армии. Чиновник Переселенческого управления В.Л. Кигн (Дедлов) смог в качестве корреспондента «Нового времени» наблюдать слаженную работу «мужицкого» управления в Сибири. Местные служащие Переселенческого управления (врачи, фельдшеры, рабочие), а также достаточно развитая инфраструктура («дома для приюта переселенцев, бани, больницы, аптеки, при них врачи и фельдшера; на станциях имелись кубы для кипятка, кухни, сараи для лошадей, даже своя полиция») работали с прилежностью «и на мужика в зипуне, ... и на того же мужика, временно переодетого в шинель»⁶⁷. Вкладом в общее государственное (не переселенческое, а военное) дело стала не только работа, профессиональные навыки и умения переселенческих чиновников, но и их знание местных условий. «Переселенные» являлись укорененной частью сибирского общества, эффективно дополняя институт чиновников особых поручений, командированных в Сибирь временно. Переселенческие служащие, «много лет работавшие на месте, знавшие каждого торговца, подрядчика, мастерового и поставщика чуть не в лицо, могли справиться с делом наиболее успешно».

⁶⁶ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 73.

⁶⁷ Дедлов В.Л. Вслед армии. Очерки военного корреспондента из Маньчжурского фронта (продолжение) [электронный ресурс] // <http://www.voskres.ru/army/publicist/dedlov3.html>

КСЖД просуществовал до конца 1905 г., хотя фактически прекратил свою деятельность раньше: последнее (42-е) заседание состоялось 17 декабря 1903 г. За время своего функционирования Комитет рассмотрел большое количество вопросов, способствовавших развитию Сибири. Наиболее сложными оказались проблемы переселенческой политики, с которой МВД тесно увязывало охранительные цели, стремление за счет Сибири снять остроту аграрного кризиса в центре страны. Особенно это стало заметным в начале XX в. в связи с резким обострением аграрного вопроса. Столкновение в переселенческом вопросе с В.К. Плеве, полагал А.Н. Куломзин, и положило начало ликвидации Комитета Сибирской железной дороги. Лидерство в правительственных сферах с 1903 г. от С.Ю. Витте перешло к его противнику В.К. Плеве, которому явно мешал КСЖД. В связи с завершением основных строительных работ на магистрали, по мысли Николая II, КСЖД должен был «мало-помалу превратиться в Комитет Дальнего Востока»⁶⁸. Противодействие А.Н. Куломзина политике МВД вызвало против него интригу со стороны В.К. Плеве, который заказал А.В. Кривошеину подготовить «критику» всей переселенческой деятельности КСЖД⁶⁹. С учреждением в структуре МВД Переселенческого управления, КСЖД потерял свое былое значение в организации крестьянских миграций в Сибирь.

6 мая 1905 г. для сосредоточения в одном ведомстве вопросов водворения, поземельного устройства и производства гидротехнических работ Переселенческое управление было передано в состав Главного управления землеустройства и земледелия⁷⁰. В составе Главного управления Переселенческое управления делилось на пять делопроизводств, преимущественно по территориальному признаку. Первое делопроизводство заведовало переселенческим делом по Тобольскому и Томскому районам; 2-е — по Степному краю (Уральская,

⁶⁸ Подробнее см.: Ремнев А.В. Проблемы дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. С. 52–66.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 173–175.

⁷⁰ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 19.

Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области); 4-е – по Енисейскому, Иркутскому и Забайкальскому районам; 5-е – по Амурскому, Приморскому районам и по Кавказу. Круг ведения 3-го делопроизводства формировался по функциональному признаку, оно отвечало за передвижение переселенцев, а также устройство и управление сельскохозяйственными и лесными складами⁷¹.

В состав управления входила секретарская часть, ведавшая личным составом и церковно-школьным строительством. В 1907 г. была создана ревизорская часть, отвечавшая за широкий круг вопросов, связанных с научными природно-климатическими и агрономическими изысканиями на местах водворения переселенцев, в частности, с работой почвенно-биологических экспедиций, гидротехническими, топографическими, агрономическими и метеорологическими мероприятиями, дорожным делом. Все материалы экспедиций и обследований Переселенческое управление публиковало для различных категорий читателей: ученых, общественных деятелей и, собственно, для народа. Подготовка материалов и их издание также входило в круг ведения ревизорской части⁷².

Функции Переселенческого управления по переселению и землеустройству определялись приказом главноуправляющего землеустройством и земледелием от 18 декабря 1905 г. В ведение Переселенческого управления передавались вопросы, которые прежде решались департаментом государственных земельных имуществ и отделом земельных улучшений: 1) дело отвода земель под водворение переселенцев за Уралом, в Сибири, Степных областях, в Туркестане и Приамурском генерал-губернаторстве, Верхотурском уезде Пермской губернии, а также в пределах Кавказского наместничества с причислением к Переселенческому управлению личного состава всех временных партий по отводу переселенческих и запасных участков; 2) заведывание образованными Отделом земельных улучшений отрядами для гидротехнических изысканий и работ на землях, отграничиваемых под пересе-

⁷¹ ПСЗ-III. Т. 25. № 16172.

⁷² Вышние и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 3. Центральные государственные учреждения. СПб., 2002. С. 92.

ленческие участки. Кроме того, главноуправляющий землеустройства и земледелия поручил Переселенческому управлению разработать подробные предложения относительно объединения заведывания переселенческим делом на местах, «с тем, чтобы в каждом из образованных с этой целью местных переселенческих районов общее руководство деятельностью всех переселенческих чинов и организаций сосредоточивалось в лице особого заведующего районом»⁷³. Выработанные правила были утверждены 14 января 1906 г. Переселенческому управлению, однако, не удалось сохранить в своем подчинении всю территорию России, включая и внутренние губернии. Водворение крестьян на казенных землях Европейской России передавалось в департамент государственных земельных имуществ⁷⁴.

Для урегулирования ходачества в 1908 г. была создана общеземская переселенческая организация (в составе семи земских губерний). В задачи общеземской организации входил отбор и вербовка через своих членов (агентов) подходящих для переселения домохозяев, образование ходаческих партий. Организации предоставлялось исключительное право на зачисление заготовленных долей⁷⁵. Кроме того, земская переселенческая организация активно занималась распространением сведений, необходимых для «сознательных» переселенцев. Программа ежемесячных известий областной земской переселенческой организации предполагала обзор нескольких актуальных направлений: 1) правительственные распоряжения по вопросам переселения; 2) деятельность областной переселенческой организации (отчеты о заседании съездов уполномоченных, освещение текущей деятельности областного переселенческого бюро, отчеты и донесения земских переселенческих агентов); 3) обзор деятельности земств и землеустроительных комиссий по вопросам переселения; 4) статьи, посвященные вопросам переселения: описание переселенческих районов, характеристика переселенческого

⁷³ Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909. С. 165.

⁷⁴ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет... С. 22.

⁷⁵ Вошинин В.П., Ямзин И.Л. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 34.

хозяйства, отчеты экспедиций; 5) хроника переселенческого дела (движение ходоков и переселенцев, ход землеотводного дела в Сибири); 6) письма переселенцев и ходоков с места выхода переселенцев; 7) научным разделом программы была публикация обзоров литературы по переселенческим вопросам.

Устройством переселенцев, прибывших на место водворения, т. е. указанием им участков, дачей сведений казенным палатам о перечислении их, выдачей казенных ссуд, организацией у них учреждений крестьянского общественного управления, до 1909 г. ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие на местах звания «заведующих водворением». В своих действиях заведующие водворением руководствовались особой инструкцией от 17 февраля 1906 г. Но так как по многим делам, возникающим у водворившихся на участки переселенцев, они должны были обращаться и к крестьянским начальникам, то, во избежание дублирования деятельности, в 1908 г. иркутским генерал-губернатором был возбужден вопрос о возложении на чиновников переселенческого управления, заведующих водворением переселенцев, обязанностей крестьянских начальников, что и было разрешено в 1909 г.⁷⁶ Землеустроительные комиссии должны были содействовать выделившимся из общины крестьянам в размежевании земли, в покупке земель через посредничество Крестьянского банка, в разрешении землеустроительных споров. Губернские землеустроительные комиссии выполняли функции распорядительного учреждения и принимали апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями.

⁷⁶ Шободоев Е. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии (историческая справка) // Во власти истории. Иркутск, 2009. [Электронный ресурс] // lib.babr.ru/ext.php?IDE=6503.

Комитет по заселению Дальнего Востока

Особенно остро отсутствие единого руководства и программы заселения ощущалось на Дальнем Востоке, где после поражения в Русско-Японской войне маячила угроза утраты российских территорий. Если Министерства финансов и иностранных дел успокаивали правительство и местные дальневосточные власти, что японская угроза миновала, и призывали заняться организационной работой, то военные ведомства продолжали бить тревогу и требовали чрезвычайных расходов на оборону. С принятием решения строить Амурскую железную дорогу и назначением 21 мая 1908 г. главноуправляющим ГУЗиЗ А.В. Кривошеина⁷⁷, Переселенческое управление сосредоточило свое главное внимание на Дальнем Востоке. Как образно выразился в III Государственной думе по поводу деятельности Переселенческого управления князь А.Д. Голицын, это была «всеазиатская сибирская земская управа»⁷⁸. Поэтому именно ГУЗиЗ взяло на себя функции изучения колонизационных возможностей полосы будущей Амурской железной дороги. Соответствующее поручение было дано заведующему Приморским переселенческим районом С.П. Шликевичу, который с весны 1908 г. объединил в Хабаровске в своих руках управление переселенческим делом на Дальнем Востоке⁷⁹.

А.В. Кривошеин упорно настаивал на главенствующей роли в крае ГУЗиЗ, рассчитывая возглавить все гражданское управление российским Дальним Востоком или, по крайней мере, колонизируемыми районами. В 1909 г. он направил своего заместителя (товарища главноуправляющего) Иваницкого на Дальний Восток «для ознакомления на месте с ходом колонизационных работ и выработки, при участии приамурского генерал-губернатора и главнейших местных деятелей, предположений о желательных в ближайшем будущем мероприятиях к лучшей постановке переселения русских людей

⁷⁷ А.В. Кривошеин возглавлял Переселенческое управление МВД в 1902–1905 гг., затем был назначен товарищем главноуправляющего ГУЗиЗ, а с 21 мая 1908 г. по 26 октября 1915 г. занимал пост главноуправляющего ГУЗиЗ.

⁷⁸ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 1. С. 20.

⁷⁹ Татищев А.А. Указ. соч. С. 61.

на эту окраину»⁸⁰. При участии Иваницкого П.Ф. Унтербергер организовал широкое обсуждение вопросов, касающихся колонизации дальневосточных областей. Заседания специально созданного для этой цели совещания проходили в Хабаровске в конце октября – начале ноября 1908 г. В ряду других был поднят и вопрос о руководстве переселенческим делом в крае. Несмотря на то, что с 1906 г. произошло сосредоточение на центральном уровне переселенческого управления в ГУЗиЗ и были определены «Основания объединения деятельности местных переселенческих организаций», сохранялась потребность, как было отмечено в журнале хабаровского совещания, «точно разграничить пределы участия в переселенческом деле центрального ведомства, с одной стороны, а равно главной и областной администрации края – с другой»⁸¹.

Чтобы как-то двинуть дело, МВД подготовило проект создания при Управлении по постройке Амурской железной дороги особой межведомственной экспедиции по изучению и благоустройству прилегающей к железной дороге местности. Руководство такой экспедицией, по мнению МВД, могло бы быть возложено на особое лицо, которое бы действовало при содействии уполномоченных от МВД, Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Государственного контроля и ГУЗиЗ. Однако А.В. Кривошеин, явно не желая упускать инициативу, заявил, что этого будет недостаточно, так как это дело «одно из важнейших при современных политических условиях» и требует «планомерного объединения всех прилагаемых к достижению сей цели государственных сил как там – на месте, так и здесь – в центре»⁸². А.В. Кривошеин предложил воспользоваться удачным опытом Коми-

⁸⁰ А.В. Кривошеин – А.П. Извольскому (7 февраля 1909 г.) // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 155. См. также: Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.

⁸¹ Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей, образованного в г. Хабаровске, при участии высочайше командированного на Дальний Восток товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1908. С. 128.

⁸² Особый журнал Совета министров 23 июня 1909 г. // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

тета Сибирской железной дороги, к ликвидации которого в свое время он оказался причастен. К.А. Кривошеин в книге о своем отце отметил, что с упразднением КСЖД «прежнему двоевластию был положен конец», а А.В. Кривошеин, с назначением в 1905 г. главноуправляющим ГУЗиЗ, фактически стал «министром Азиатской России»⁸³.

Им были сформулированы и главные задачи, которые могли быть возложены на такое учреждение: «... Во-первых, сосредоточить в одной организации, с особым уполномоченным во главе ее, все местные переселенческие учреждения, ведающие земледельческую колонизацию, и управления государственных имуществ, призванные заботиться об эксплуатации естественных (рыбных, лесных и других) богатств края и могущие, путем упорядочения оброчного дела, значительно содействовать развитию в крае промысловых хозяйств, и, во-вторых, учредить, одновременно с сим, при ГУЗиЗ, для общего направления и объединения колониационного дела на нашем Дальнем Востоке, особый комитет, образуемый под председательством главноуправляющего ГУЗиЗ из представителей всех заинтересованных ведомств»⁸⁴. Кривошеин предложил и название – Комитет по заселению Дальнего Востока, акцентируя уже этим его доминирующую ведомственную причастность и главную направленность деятельности.

Вопрос о Комитете по заселению Дальнего Востока подвергся обсуждению в Совете Министров 23 июня 1909 г. Ставя во главу угла проблему колонизации, П.А. Столыпин понимал, что нельзя ограничиваться только этим, а необходимо посмотреть на проблему шире. При такой постановке задач Переселенческое управление, которое перешло из МВД в ГУЗиЗ, не будет способно эффективно координировать действия других ведомств, поэтому Столыпин предложил «наметить такого рода правительственную организацию, которой могло бы быть поручено осуществление не входящих непосредственно в круг ведения названного Управления меро-

⁸³ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 120.

⁸⁴ Там же.

приятий по колонизации вышеуказанных местностей»⁸⁵. Решено было для этого послать особую экспедицию, во главе которой и будет стоять человек, объединяющий руководство местными учреждениями ГУЗиЗ на Дальнем Востоке и координирующий деятельность учреждений других ведомств.

В состав Комитета по заселению Дальнего Востока вошли почти все министры и главноуправляющие (министр народного просвещения и обер-прокурор Синода приглашались в случае необходимости). Помимо этого, устанавливалось, что приамурский и иркутский генерал-губернаторы, дальневосточные и восточно-сибирские губернаторы во время пребывания в столице могут участвовать в заседаниях комитета. В решении Совета Министров было прямо указано на то, чтобы будущий комитет соответствовал прежнему КСЖД, с тем лишь различием, что ему не могут быть присвоены полномочия законодательной власти. Последнее нельзя было позволить в условиях нового законодательного процесса, установленного после учреждения Государственной думы и реформирования Государственного Совета. Управление делами КЗДВ было возложено на начальника Переселенческого управления Г.В. Глинку, что лишним раз подтверждает претензии ГУЗиЗ на лидирующую роль в дальневосточных делах. Правда, считал чиновник канцелярии КЗДВ А.А. Татищев, «в стремлении придать этому делу больший удельный вес переборщили: председателем был назначен Столыпин, а заместителем его (то есть помощником) Кривошеин. При этих условиях представителями отдельных министерств в Комитет вошли сами министры, и Комитет обратился во второе издание Совета Министров, то есть, в сущности, во все в качестве самостоятельного органа не создался, если не считать того факта, что управление делами Комитета, то есть возможность подталкивать разрешение некоторых вопросов, было поручено Глинке»⁸⁶. Реально, в 1910 г., по воспоминаниям того же Татищева, состоялось около трех заседаний, из них два, на которых присутствовали министры. Между тем, главной задачей нового переселенческого курса было объ-

⁸⁵ Особый журнал Совета Министров 23 июня 1909 г. // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁸⁶ Татищев А.А. Указ. соч. С. 75.

явлено: «Дальний Восток должен быть русским и только для русских», что даже переселенческими чиновниками воспринималось как узко националистическая политика⁸⁷.

Предусматривалось также привлечение к обсуждению вопросов в комитете и экспертов. Единогласные решения Комитета по заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия — переносились на рассмотрение Совета Министров. Вопрос о председателе Комитета получил компромиссное решение: председатель Совета Министров стал по должности и главой нового комитета, а в качестве заместителя назначался главноуправляющий ГУ-ЗиЗ. Кроме того, Кривошеин, используя опыт управляющего делами КСЖД А.Н. Куломзина, возглавил подготовительную комиссию при Комитете, в состав которой вошли представители от министерств в качестве экспертов по дальневосточным делам.

От идеи особого уполномоченного на Дальнем Востоке решили отказаться, направив на Дальний Восток новую Амурскую экспедицию (по аналогии с той, которая действовала в 1850-х гг. под руководством Г.И. Невельского), во главе которой планировалось поставить человека, осуществляющего руководство всеми местными учреждениями ГУЗиЗ на Дальнем Востоке, а также способного координировать деятельность других ведомств. При этом создание новой Амурской экспедиции провели в порядке верховного управления помимо Государственной думы, а официально полномочия экспедиции решили не фиксировать, отнеся расходы на нее на кредиты по строительству Амурской железной дороги. Решение о создании Амурской экспедиции было принято Советом Министров и утверждено царем также 27 октября 1909 г. Как отмечал Л.М. Болховитинов, это было своеобразной сенаторской ревизией, но «не в смысле открытия злоупотреблений, а в отношении исследования целесообразности распорядительных и исполнительных действий органов местной администрации; она заставила многих пораскинуть мозгами

⁸⁷ Татищев А.А. Указ. соч. С. 86.

и поработать»⁸⁸. 12 января 1910 г. ГУЗиЗ представило в КЗДВ записку «Об организации в 1910 г. экспедиции по обследованию условий колонизации района Амурской железной дороги». В записке специально подчеркивалась связь организации экспедиции с вопросом об объединении деятельности ведомств на Дальнем Востоке. В ее составе создавались специальные отряды: I отряд должен заниматься вопросами земледельческой колонизации; II отряд – горнопромышленными изысканиями и исследованием лесных богатств; III отряд – путями сообщений. А.В. Кривошеин предложил ограничить влияние министерств тем, чтобы их представители не возглавляли отдельных частей экспедиции.

По рекомендации А.В. Кривошеина, Амурскую экспедицию возглавил Н.Л. Гондатти, известный знаток Дальнего Востока, занимавший к тому времени пост тобольского губернатора. Он получил обширные полномочия и в иерархическом отношении был поставлен в независимое положение от приамурского генерал-губернатора. Газета «Харбинский вестник» писала в этой связи: «Ему дано право решать колонизационные вопросы самолично, нисколько не считаясь со взглядами местной администрации, а руководящие указания он будет получать исключительно от особого Комитета в Санкт-Петербурге. Из подобной инструкции новой власти видно, что все до сих пор делаемое для колонизации Приамурья признано «подлежащим коренной переоценке»⁸⁹. 29 января 1911 г. Н.Л. Гондатти был назначен приамурским генерал-губернатором, сохранив за собой руководство Амурской экспедицией, в помощь ему был лишь назначен особый управляющий.

На Амурскую экспедицию были возложены задачи изучения местности, прилегающей к линии строящейся Амурской железной дороги, а также было поручено дать предложения об устройстве новых путей сообщения, населенных пунктов, мерах по колонизации и развитию промышленности. За это время она должна раскрыть значение района Амурской же-

⁸⁸ Болховитинов Л.М. Россия на Дальнем Востоке // Великая Россия. М., 1910. Кн. 1. С. 216.

⁸⁹ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке (составлен чиновником особых поручений А.А. Пановым) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.

лезной дороги с точки зрения: 1) земледельческой колонизации; 2) промышленного освоения и 3) возможностей дальнейшего развития местных путей сообщения. В экспедиции приняло участие около ста ученых и специалистов. Материалы, собранные экспедицией, а также предложенные ею рекомендации, оказали значительное влияние на дальневосточную политику. И, как отмечает Н.И. Дубинина, экспедиция смогла дать квалифицированные ответы на вопросы, поставленные Комитетом по заселению Дальнего Востока⁹⁰.

Намечалось, что работа экспедиции будет ограничена полосой в 50 верст в обе стороны от Амурской железной дороги. Исключение делалось для исследования полезных ископаемых и лесных богатств. Экспедиция, полагал Кривошеин, должна закончить свою работу уже к 1 февраля 1911 г. Но в феврале 1911 г. КЗДВ признал необходимым не только продлить срок работы Амурской экспедиции, но и расширить зону ее деятельности на всю территорию Дальнего Востока, Забайкалья и даже Якутской области. «Изучение желтого вопроса, обследование различного рода промыслов, условий торговли и т. д., все это не укладывалось в границы района, непосредственно примыкающего к линии строящейся Амурской железной дороги». При этом снова подчеркивалось, что задача Амурской экспедиции должна состоять, «главным образом, в объединении деятельности всех отдельных изыскательских партий различных ведомств, производящих работы на Дальнем Востоке»⁹¹.

Несмотря на принятые в 1909–1912 гг. организационные меры, как отмечал руководитель Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти, колонизация края продолжала страдать от разрозненности действий различных правительственных чиновников, отсутствия твердости во внешнеполитическом курсе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также от непоследовательности правительственных мер в деле хозяйственного освоения российского Дальнего Востока, отсутствия четко

⁹⁰ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 40.

⁹¹ Журнал Комитета по заселению Дальнего Востока (4 и 24 февраля 1911 г.) «Об организации колонизационных исследований на Дальнем Востоке в 1911 г.» // АВПРИ. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 231.

продуманного колониционного плана. С 1912 г. деятельность Амурской экспедиции свертывается, что было связано с переменами в руководстве Комитета по заселению Дальнего Востока. Начавшаяся Первая мировая война окончательно остановила работу экспедиции.

В дискуссиях об учреждении в Петербурге Комитета по заселению Дальнего Востока уже было заявлено, что назрела необходимость создания «министерства колоний», а из Переселенческого управления слышались упреки, что «правительство и наше общество находились всегда под гипнозом целостности территории Российской Империи; было странно признавать колонией те ее части, которые соединены со столицами сплошным железнодорожным путем, а не отделены от метрополии морями, подобно английским, германским и французским колониям». Чиновник Переселенческого управления, а затем управляющий канцелярией Амурской экспедиции В.Ф. Романов причину многих неудач видел именно в отсутствии «специального ведомства колоний, существующего во всех крупных государствах Европы, а потому и не было с надлежащей государственностью и полнотой продуманного колониционного плана, а было только переселение крестьян, имевшее, несомненно, перво-степенное культурно-экономическое значение для наших азиатских владений, но являющееся лишь одной стороной великой колонизации, требующей одновременно и торгово-промышленных мероприятий»⁹². При этом он со знанием дела констатировал: «Хотя наши Азиатские владения и по отдаленности их, и по своеобразию местных условий и, в особенности, по пространству их ничем не отличались от колоний крупнейших западноевропейских держав, у нас они управлялись не вице-королями, а в лучшем случае генерал-губернаторами с совершенно призрачной самостоятельностью от центра; их особые права, в сущности, сводились к мелочам чисто полицейского характера, которыми они только и отличались от обыкновенной губернаторской власти»⁹³.

⁹² Романов В.Ф. Указ соч. Л. 218, 219.

⁹³ Там же. Л. 216-217.

Переселенческому управлению приходилось по собственной инициативе и собственными силами корректировать одностороннее направление работы, расширяя ее обширными земскими обязанностями и близкими к ним — открытием школ, больниц, церквей, помощь «водворяемым» земледельческим орудиями, строительными материалами и пр.⁹⁴ Кроме этой местной работы Переселенческое управление, в лице своих руководителей, принимало активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а также оказывало «энергичное воздействие на их реализацию»⁹⁵.

С гибелью 5 сентября 1911 г. П.А. Столыпина и назначением на пост председателя Совета Министров В.Н. Коковцова деятельность КЗДВ заметно затихает, заседания проходят редко, хотя последние журналы комитета датированы 17 августа 1915 г.⁹⁶ Как вспоминал А.А. Татищев, даже в 1910 г. из формально проведенных пяти было всего три настоящих заседания: одно, под председательством Кривошеина, было посвящено многочисленным второстепенным делам и только два других — по принципиальным вопросам, в обсуждении которых приняли участие министры, а не их заместители. Впрочем, и сам П.А. Столыпин не проявлял на заседаниях комитета своего обычного красноречия, отделялся лишь краткими замечаниями, а осенью 1910 г. вместе с А.В. Кривошеиным уехал в Западную Сибирь, увлеченный перспективами строительства Южно-Сибирской железнодорожной магистрали. В глазах петербургских чиновников, в том числе и самого Кривошеина, все большее значение приобретал Туркестан, с экономическим развитием которого связывалось создание собственной хлопковой базы для российской текстильной промышленности⁹⁷.

⁹⁴ Вошинин В. Указ. соч. С. 17.

⁹⁵ Судьба века. Кривошеины. СПб, 2002. С. 132.

⁹⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. СПб., 1998. С. 202–203. В 1910 г. комитет заседал 5 раз, в 1911 г. — 2, в 1912 г. — 1, а в 1913 г. — ни разу. См.: Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 23.

⁹⁷ Татищев А.А. Указ. соч. С. 86–87, 141.

Снижение активности КЗДВ было связано, с одной стороны, с ликвидацией угрозы новой войны с Японией, а с другой — с усилением дезинтеграционных тенденций внутри правительства. Новому премьер-министру В.Н. Коковцову с трудом удавалось сдерживать ведомственные устремления министерств к определенной управленческой автономии. Кроме того, как отмечает К.А. Кривошеин, В.Н. Коковцов, получивший в придачу к Совету Министров и КЗДВ, не проявлял большого понимания переселенческого вопроса⁹⁸. При продолжавшем существовать КЗДВ в марте 1913 г. Совет Министров организует дополнительно межведомственное совещание под председательством Н.Л. Гондатти. Необходимость созыва такого совещания объяснялась все тем же желанием «ускорить направление и разрешение различных, требующих междуведомственного соглашения, дальневосточных дел и вопросов»⁹⁹. Одним из главных вопросов, рассматриваемых совещанием, стала очередная корректировка административного устройства края. Но и совещание Н.Л. Гондатти не принесло значительного успеха. Дальневосточная общественность продолжала критиковать власть за то, что она действует в регионе без «широкого плана к закреплению Приамурья в качестве русской окраины»¹⁰⁰.

Со сменой В.Н. Коковцова И.Л. Горемыкиным, на которого имел известное влияние А.В. Кривошеин, деятельность КЗДВ (прежде всего его подготовительной комиссии) на короткое время оживилась. В последний раз подготовительная комиссия собралась 9 июня 1915 г. в помещении Переселенческого управления для обсуждения поднятых Н.Л. Гондатти вопросов «о мерах борьбы с движением желтых в пределы Западной Сибири и Европейской России»¹⁰¹. Министр земледелия А.Н. Наумов, занявший после А.В. Кривошеина пост заместителя председателя, докладывал Николаю II, что в 1915

⁹⁸ Кривошеин К.А. Указ. соч. С. 126.

⁹⁹ Журнал межведомственного совещания под председательством приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (20 марта 1913 г.) // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

¹⁰⁰ [Меркулов С.Д.] Современное положение русского дела на Дальнем Востоке. Пг., 1916. С. 11.

¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 245–246.

г. Комитет «продолжал рассмотрение вопросов, вызываемых заселением нашей приамурской окраины русскими людьми и борьбой с усилением желтой расы»¹⁰². Очевидно, что эта тема стала главной в дальневосточной политике империи.

Вместе с тем деятельность КЗДВ явилась очередным, имевшим кратковременный эффект способом преодоления ведомственной разрозненности на центральном и региональном уровнях, отразив хроническое нежелание самодержавия решить проблему «объединенного правительства» в целом. При создании КЗДВ использовались не только опыт КСЖД, но и ставшие уже традиционными управленческие приемы временного повышения скоординированности правительственных действий в особых комиссиях и совещаниях, широко практиковавшиеся в течение всего XIX века при решении экстраординарных правительственных задач.

Дальнейшие преобразования Переселенческого управления были связаны с изменением принципа распределения обязанностей между делопроизводствами, прежний территориальный подход был заменен на функциональный¹⁰³. Из семи делопроизводств только одно (пятое) вело дела по заселению окраинных и сопредельных территорий (Дальнего Востока, Кавказа, Урянхайского края, Персии), остальные отвечали за конкретные направления, становившегося все более разноплановым, переселенческого дела. В ведении первого делопроизводства были сосредоточены вопросы земельного устройства, внутринадельного размежевания, отвода земель из государственного земельного фонда населения Азиатской России (крестьян, казаков, инородцев). Изысканием свободных и удобных угодий для переселенцев, изучением колониционной емкости заселяемой территории занималось четвертое делопроизводство. Здесь же, исходя из оценки качества угодий, решались вопросы о ссудах на домообзаводство. В самостоятельное делопроизводство (7-е) выделялись вопросы обследования новых районов и проведения подготовительных мероприятий по благоустройству

¹⁰² Всеподданнейший доклад министра земледелия А.Н. Наумова «О деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока в 1915 г.» // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁰³ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 438. Л. 15.

колонизуемых территорий (земельные улучшения): дорожных, землеотводных, мелиоративных и гидротехнических. Шестое делопроизводство контролировало передвижение переселенцев, тарифные вопросы, путевые ссуды и организацию медицинской помощи в пути.

Одновременно в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления, заведующих на местах, с одной стороны, землеустройством старожилов, а с другой – отводом участков под переселение и устройством переселенцев на местах, заведывание как землеустройством старожилов, так и делом переселения передано было в руки одного лица: «заведующего землеустройством и переселением».

На заведующего землеустройством и переселением было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии, а именно: составление плана работ по изысканию земельного фонда под переселение, подробных смет расходов на содержание личного состава, заведующего разными отраслями переселенческого дела, операционных расходов по образованию переселенческих участков и экспедиций для изыскания земельного фонда, расходов на устройство дорог, остановочных пунктов, больниц, на выдачу различных казенных пособий и ссуд.

По всем сметным предположениям местных переселенческих организаций Главное управление землеустройства и земледелия получало решение губернской администрации. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих присутствий губернских управлений, с возложением на них заведывания делопроизводством по переселенческой части и с предоставлением им решающего голоса при обсуждении в названных учреждениях дел переселенческих и совещательного – по прочим административным делам¹⁰⁴. Заведующие районами переселения, помимо представления соответствующим губернаторам смет и предположений по переселенческому делу на каждый предстоящий год, обязаны были представлять им также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организа-

¹⁰⁴ Шободоев Е. Указ. соч.

ции, со сведениями о ходе и положении всех сторон переселенческого дела за отчетный год.

В августе 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием возглавил Особое совещание для обсуждения мероприятий по продовольствию. В годы войны землеустроительная деятельность Главного управления фактически прекратилась и поэтому 15 сентября 1915 г. Главное управление было преобразовано в Министерство земледелия, основным вопросом которого был уже не крестьянский, а продовольственный.

На рубеже XIX–XX вв. Переселенческое управление превратилось в почти самостоятельное ведомство, а в период столыпинских реформ из «скромного Переселенческого отделения при земском отделе в несколько лет развилось учреждение, которое по обилию и разнообразию дел правильнее было бы назвать старинным именем «Сибирского Приказа»¹⁰⁵. Переселенческое управление могло с наибольшим основанием претендовать на роль «прото-министерства» (В. Сандерланд), но, очевидно, не «колоний», а «колонизации». Существует версия, что Столыпин намеревался преобразовать его в «Министерство по переселению»¹⁰⁶.

Переселенческое управление, объединяя под центральным управлением местную администрацию, фактически создавало новое (ведомственно-территориальное учреждение), ведая земельным делом в Азиатской России. Руководители переселенческого управления, как правило, заслужено носили, хотя и неформальное звание министров Азиатской России (А.В. Кривошеин) или «сибирского Киселева» для переселенцев (только без министерского звания – Г.В. Глинка). При отсутствии в Сибири земских учреждений переселенческие структуры вынужденно взяли на себя земские обязанности, что стало одним из важнейших определяющих факторов, сблизивших переселенческих чиновников с местной общественной, интеллигентской и, в том числе политической оппозицией. И.И. Тхоржевский писал: «Переселенческое управление занималось всем: проводило дороги, торговало

¹⁰⁵ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 11.

¹⁰⁶ Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002. С. 73–74, 93.

молотилками, строило больницы, копало колодцы, корчевало и осушало, сооружало церкви, посылало в глушь крестить и хоронить — разъездные причты...»¹⁰⁷. Бюрократическая, в данном случае, рациональная, спланированная работа государственного учреждения, направленная на решения важнейших государственных и общественных задач, усиленная общественной поддержкой, научным обеспечением приносила значительные плоды. Переселенческое дело стало полем не конкурентных битв за народ, а совместной чиновничьей, общественной, научной творческой деятельности.

В дополнение к общественному содействию делу переселения, в частности четко ограниченной деятельности земств европейских губерний, возможна была и более оправданная, эффективная и перспективная помощь общин и частных лиц. В этом направлении переселенческие структуры способствовали формированию гражданского общества, пробуждению частных и общественных инициатив, которые могли развиваться и существовать вне сферы государственного контроля и регламентации. Община была не только экономически заинтересована в переселении однообщинников (в отличие от земств), но обладала уникальной информацией, не доступной ни государственным учреждениям, ни даже земствам.

Последовательным критиком переселенческого ведомства, как бюрократического и уже потому несостоятельного, была российская и местная либеральная пресса, в частности, «Сибирские вопросы» и «Русское богатство». В вину ему ставились самые различные недочеты учреждения: неудачный выбор участка или нового административного центра — незнание местных условий, нежелание обращаться к знающим людям, неумение воспользоваться плодами «общественных работ». Также неоправданно, местные журналисты обвиняли переселенческое ведомство в «узурпации» земского дела, называя «суррогатом сибирского земства»¹⁰⁸. Ведомственные конфликты чиновников на страницах «Сибирских вопросов» перерастали в противостояние переселенцев и старожилов. «Не умея справиться со своим главным делом, переселенческое ведом-

¹⁰⁷ Тхоржевский И.И. Указ соч. С. 125.

¹⁰⁸ Л.К. Очерки Сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 1-2. С. 43.

ство считается, однако, компетентным судьей во всех вопросах, связанных, прямо или косвенно, с переселением, причем так их решает, что «старожилы», наконец, не выдерживают, — берутся за перо и пишут письма в редакцию»¹⁰⁹. Благополучие пришлого элемента из России создается за счет местного «старожильческого населения», в частности, беспощадного «округления и суживания» владений старожилов и инородцев¹¹⁰.

На страницах «Русского богатства» отмечались негативные последствия стремления властей самостоятельно руководить процессом переселения, устраняя общественное влияние. «Ходатайства некоторых земств по различным вопросам, касающимся переселений, неизменно отклонялись, деятельность частных переселенческих обществ, как в Санкт-Петербурге, так и в Сибири ставилась в такие условия, что она не могла продуктивно развиваться и замерла. Живое переселенческое дело очутилось в канцелярии, и все ведение его носит чисто чиновнический, бумажный характер»¹¹¹.

Авторы, находящиеся вне государственной (административной) деятельности, вряд ли могли оценить изменения характера работы переселенческих чиновников, особенно высшего и среднего звена, создающего новый образ чиновника — образованного, деятельного, причем не по-канцелярски деятельного, работающего с людьми, точнее, с народом. И если народнические идеи (народофильство) было уже укорененной традицией русского образованного общества, то их наличие у государственного деятеля, чиновника требовало если не оправдания и доказательства, то осознания, рефлексии по этому поводу в обществе.

Научная экспертиза колонизации азиатских территорий Российской империи

Государство, пытаясь поставить под контроль стихийные миграционные процессы, вынуждено было обращаться к ученым и общественным экспертам (статистикам, агрономам,

¹⁰⁹ Л.К. Указ соч. С. 44.

¹¹⁰ В.К. Положение новоселов // Сибирские вопросы. 1912. № 1-2. С. 48.

¹¹¹ С.Ф. К хронике переселенческого движения в Сибирь // Русское богатство. 1901. № 6.

почвоведов, картографов, ветеринаров и др.) для создания научного фундамента колониационной политике и административной практике на окраинах. Участие ученых («самозванных колониальных экспертов»¹¹²) заключалось не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, хотя и это являлось весомым вкладом в хозяйственное освоение Азиатских территорий. Специальное образование, особый мировоззренческий и идеологический настрой позволяли экспертам претендовать на большее, чем сбор фактов, а именно на создание новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения¹¹³.

О необходимости «интеллигентного» вмешательства в «мужичью колонизацию» писал в своих теоретических работах по колонизации Ф.М. Уманец. Юрист по образованию, ученый и активный участник переселенческого дела в статусе «сведущего человека», мировой посредник, земский деятель (председатель Глуховской уездной и Черниговской губернской земской управы), достаточно типичный пример сочетания нескольких важных направлений деятельности, которые делали человека реально сведущим, эффективным экспертом в деле переселения. Экспертные оценки строились в его работах не только на практическом опыте, но и на сравнительном анализе колониационного опыта европейских империй. Он выделял переселенческое дело в России, как особую лагуну, куда еще не проник «свет интеллигентного знания», оставляя переселенцев довольствоваться не знаниями, а «чувствами и увлечениями» (стихийный народный гений)¹¹⁴. Это, по мнению Уманца, не означало необходимости исключительной самостоятельности «дикой формы переселения» — естественного, никем неудержимого, движения вдалеке известной части населения, но свидетельствовало о слабости, еще непродуманном, неумело направленном, искусственном «содействии» переселению. В середине 80-х гг. объяснение неуместных законов, провальных предложений

¹¹² Сандерланд В. Указ. соч. С. 111.

¹¹³ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860 – 1940. М., 2010.

¹¹⁴ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 2.

со стороны чиновников различного уровня и общественных деятелей, земцев виделось ученому в **недостатке научного понимания** переселенческого вопроса¹¹⁵.

Научное содействие аграрному сектору имело достаточно давнюю и устойчивую практику в рамках попечительной политики государства, просветительской традиции. Средоточием научных инициатив в этом направлении можно считать МГИ (Ученый комитет, Сельскохозяйственный совет). Важно, что научное сотрудничество, как правило, подкреплялось общественной поддержкой, приглашаемых «сведущих людей». В 1888 г. МГИ пригласило в виде опыта сведущих в различных отраслях сельскохозяйственной промышленности. Государство субсидировало данный проект, и кредит был потрачен на содержание и командировки специалистов: агрономов, садоводов, хлопководов, пчеловодов и т. д.

Пореформенное время создавало еще более благоприятные условия для плодотворной совместной деятельности в сфере крестьянского вопроса государственных структур и общественных, научных организаций. Одним из факторов, подготовившим активизацию этого процесса, стали преобразования в сфере образования, в частности, открытие низших и средних сельскохозяйственных учебных заведений (земледельческие, землемерные, садоводческие, сельскохозяйственно-технические) и укрепление высшего специального образования (подготовка агрономов, ветеринаров, межевщиков, топографов, лесников). Появление таких учебных заведений как Петровско-Разумовская земледельческая и лесная академия, Межевой институт, было необходимо для подготовки специалистов в аграрной сфере, распространения новых, более совершенных методов в сельскохозяйственном производстве¹¹⁶. Однако, большинство выпускников, хотя и служили по специальности, но работали в статистических учреждениях, земствах, кредитных товариществах, либо занимали вакантные должности в волостной и сельской администрации. Становление разветвленной пе-

¹¹⁵ Уманец Ф. М. С. 6.

¹¹⁶ Есикова М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С. 150.

реселенческой организации, престижность этого «молодого и мобильного» ведомства создавало дополнительные вакансии для специалистов в центре и на местах.

С 1863 г. при МВД был создан Центральный статистический комитет, руководивший исследованиями сельского хозяйства местных статистических комитетов. В смешанный состав этих административных учреждений, находившихся в ведении губернаторов и областных начальников, входили высшие должностные лица, городские головы, представители купечества и духовенства, а также лица, могущие «своими познаниями и опытностью принести пользу комитету и изъявляющие готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами».

Кроме централизованных государственных учреждений или ученых комитетов в их составе для сбора сведений, разработки проектов сибирская администрация привлекала в качестве научных экспертов чиновников особых поручений, известных общественных деятелей и даже политических оппонентов, в лице ссыльных. Так, разработкой научного обоснования «степной колонизации» по поручению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова занимался чиновник особых поручений Н.Н. Балкашин, тесно связанный в будущем с Западносибирским отделом Русского географического общества. Он должен был составить программу исследования производительных сил степных территорий (прежде всего оценку их колонизационной емкости и удобства для земледелия) для выяснения возможности водворения крестьянских переселенцев. Частному вопросу, обращенному к уездным начальникам, какие земли удобны для водворения крестьян, Н.Н. Балкашин придал научное обоснование социально-экономических перспектив кочевого хозяйства киргизов: окончательно ли они умиротворены, возможно ли самобытное достижение ими высшей цивилизации, «выгодно ли их эксплуатировать в первобытном состоянии»¹¹⁷. Являясь не только ученым (именно так он себя сам позиционирует), но и чиновником, Балкашин, прежде всего, согласился

¹¹⁷ Свои научные изыскания Н.Н. Балкашин опубликовал в виде научной монографии «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах». СПб., 1887.

с оценкой «заказчика», признав вслед за Казнаковым киргизов «верноподданными лишь по названию»¹¹⁸.

Ход исторического развития, по его мнению, уже доказал, что сохранение кочевого хозяйства, зависимого исключительно от природных условий, делает кочевников замиренными только на время. Кочевое хозяйство характеризовалось как неустойчивое и бесперспективное в современных условиях, т.е. неспособное ни прокормить увеличивающееся население, ни «породить прочную оседлость». В записке Н.Н. Балкашина содержался не только цивилизаторский взгляд на кочевое хозяйство, но и его «народническая» интерпретация. Автор однозначно признал в качестве прогрессивной, «неминуемой» цели развития кочевой цивилизации — освоение земледелия и достижение гражданственности. Однако, преодолевая однозначный эволюционизм, Балкашин все же видит возможность разных путей достижения этой обязательной конечной фазы, в том числе, и медленного «самобытного развития киргизской цивилизации» без вмешательства «земледельческого государства». Это, по мнению ученого, был медленный путь прогресса, однозначно невыгодный модернизирующейся империи ни с экономической («эксплуативной»), ни с политической точки зрения.

«Взросление киргизского населения», развитие его гражданских качеств возможно и необходимо было ускорить через водворение в степи русских крестьянских поселений, а не на основе самобытной кочевой цивилизации. Самостоятельный переход кочевников к земледелию («медленная эволюция от «вечнокочующих» к «временнокочующим»), кроме того, был затруднен социальным расслоением кочевого общества, поскольку богатым он был не выгоден. Не допуская русских переселенцев в степь и стимулируя процессы седентеризации кочевников и развитие у них земледелия (учреждением экономических центров, в виде образцовых ферм, практических земледельческих школ) государство тем самым создавало «заповедное для русских киргизско-мусульманское государство», — публицистически замечал Балкашин¹¹⁹.

¹¹⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 36.

¹¹⁹ Там же. Л. 38.

«Мягкий вариант» внедрения и ожидание развития земледелия, без стеснения кочевников, оправдывался интересами коренного населения, укрепляющего через обмен с земледельцами собственное благосостояние. Тем не менее, степная колонизация не рассматривалась как «благотворительный акт» в пользу кочевого населения. Государство преследовало собственные цели в степи, в том числе укрепление торговых путей, поддержание спокойствия на окраинной территории, повышение доходности — многие из которых не противоречили и интересам кочевников. Но это могло отвечать и интересам местного населения, так как считалось, что «с водворением земледелия в степях, основное благосостояние киргизов, их скотоводство, упрочилось бы и тем более средств представилось бы для их эксплуатации»¹²⁰.

Автор записки, не используя понятий «метрополия» и «колония», тем не менее, предложил достаточно современное видение положения степной окраинной территории в составе империи. Цивилизация, просвещение, экономическое развитие предоставлялись даже не в обмен, а за счет «киргизских земских средств», поэтому исходя из возрастающих потребностей региона, должна была возрастать и его доходная часть. Империя становилась более прагматичной, активно включая в свою политику экономические мотивы и предлагая меры, повышающие ее эффективность. Законность эксплуатации включенных территорий, однако, не предполагала извлечение у населения средств выше казенных податей, например, на содержание казаков и чиновников, русских школ, городских садов. Развитие гражданственности и цивилизованности должно было постепенно уравнивать и в правах, и в обязанностях коренных жителей степи и остальных верноподданных империи. Исключив возможность распространения на кочевников воинской повинности, исследователь полагал справедливым взамен ее увеличить кибиточную подать. Промежуточной, подготовительной ступенью к полноценным воинским обязанностям могло бы служить участие кочевников в конных

¹²⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 39 об.

иррегулярных ополчениях, в случае военных действий или беспорядков на соседних территориях¹²¹.

Позиции научных экспертов, однако, далеко не всегда совпали с мнением официальных заказчиков. Показательным примером такого «непонимания» стало «заказное» исследование быта переселенцев, проведенное чиновником особых поручений при тобольском губернаторе Н.Я. Новомбергским. Отчет о командировке чиновник опубликовал, но данное исследование было признано МВД вредным и запрещено к распространению, а второй выпуск был запрещен к печати¹²². В экземпляре «Материалов», хранящемся в Омской областной библиотеке, сохранилась интересная помета 1907 г., сделанная членом ИРГО (позднее преподаватель кафедры гидрологии и гидрометрии, заведующий библиотекой сельскохозяйственного института) В.В. Птицыным. Помимо библиографической ценности (один из шести уцелевших экземпляров), обилия конкретных данных о постановке дела «организованного переселения», исследование важно, по мнению В.В. Птицына, «для характеристики того впечатления, которое производило положение переселенцев на новых местах в первые два года после их водворения на свежего интеллигента-чиновника, еще не нашедшего для себя футляра и не застывшего в ведомственном формализме». Обобщенный взгляд на проблемы переселенческой политики был изложен Н.И. Новомбергским в статье «О задачах организации переселенческого движения»¹²³. Исследователь

¹²¹ А такая возможность активно обсуждалась в это же время. См.: Ремнев А.В. «Русская гражданственность», «обрусение» и имперская армия: к дискуссии о воинской повинности казахов в 70-х годах XIX столетия // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сборник науч. ст., посвящ. 60-летию профессора, д-ра ист. наук А.П. Толочко. Омск, 2008. С. 117- 141; Уяма Т. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (По поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история проблемы: мат-лы международной конф. Алматы, 2004.

¹²² Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии: Отчет о двухмесячной командировке старшего чиновника особых поручений при тобольском губернаторе Н.Я. Новомбергского. Тобольск, 1898. Вып. 1. 320 с.

¹²³ Новомбергский Н.И. О задачах организации переселенческого движения // Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб.,

не просто критикует недостатки переселенческой политики государства, ее неэффективность и чрезмерную затратность и для государства, и для крестьян, но настаивает на ошибочности принципов, положенных в основу аграрной политики, таких как: выбор направления, организация государственной помощи переселенцам, перераспределение переселенцев по территории внутренней России. Очевидно, что автор тем самым выходит за пределы компетенции отведенной государством, т. е. фактически, от описания существующих недостатков переселенческого движения он переходит к предложениям новых направлений решения аграрного вопроса.

Научные исследования Переселенческого управления по направлениям и технологиям являлись продолжением экономико-статистических, почвенно-ботанических и санитарных исследований губернских и областных статистических комитетов, земских учреждений. Экспедиции, направляемые на колонизируемые окраины, как правило, пользовались ранее разработанными и апробированными программами¹²⁴.

Дополнительным местным фактором активизации научного осмысления переселенческих программ государства стало присутствие в Сибири особого контингента политических ссыльных, способных и подготовленных к научной, или шире, культурной, деятельности. Если Центральная Россия переживала в 1880-е – начале 1890-х гг. своего рода эпоху «безвременья» и разочарования, то ссыльному народнику, а затем редактору иркутской газеты «Восточное обозрение» И.И. Попову казалось, что «чеховские сумерки» Сибирь не затронули, а «культурничество» началось здесь едва ли не со времен декабристов. «Культурничество началось в Сибири, – считал он, – самостоятельно и значительно раньше, чем в Европейской России»¹²⁵. Оно было пронизано стремлением делать общее дело в пользу народа, и было, в известной степени, аполитичным. Одновременно с культурничеством развивалось и движение по изучению Сибири, в котором

1903. С. 14-30.

¹²⁴ Велецкий С.Н. Земская статистика. Справочная книга. М., 1899. С. 13.

¹²⁵ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 11.

приняли участие самые разные люди, включая как местную интеллигенцию, так и политических ссыльных.

За этим стояла определенная традиция, начиная от декабристов и петрашевцев, ссыльных поляков до многочисленных деятелей, которых дала народническая ссылка. В период политической реакции 1880-х гг., когда многие деятели народнического движения не по своей воле оказались в Сибири, многие из них выбрали для себя научную и просветительскую деятельность. По свидетельству того же И.И. Попова, иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин «охотно разрешал ссыльным участвовать в научных экспедициях – «для науки я все готов сделать» – и вообще поступать на службу, считая, что занятому человеку некогда заниматься революцией»¹²⁶. Подобной тактики придерживался и забайкальский губернатор, который полагал, что научная работа «отвлекает мысли ссыльных от революционных планов и фантастических проектов о побегах»¹²⁷. А.Д. Горемыкин нередко прибегал к советам бывшего польского ссыльного Б. Шостаковича¹²⁸. Но с массовым переселенческим движением и ускоренным хозяйственным развитием Сибири, порожденных строительством Сибирской железной дороги, потребность в интеллектуальных кадрах резко возросла. Для оппозиционно настроенных к самодержавному режиму людей, помимо борьбы с режимом, открылась альтернатива открыть «этот безмерный край, как для науки, так и для русского государства». «Естественно, что исследовательская работа политических ссыльных приобрела в глазах правительства особую ценность. На них стали смотреть как на весьма полезных людей, к которым надо относиться бережно и которым надо идти всячески навстречу»¹²⁹. Это порождало поистине парадоксальные ситуации, когда в Чите, в только что открытом по инициативе политического ссыльного Кузнецова отделе Импера-

¹²⁶ Попов И.И. Указ. соч. С. 59.

¹²⁷ Кроть М.А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим, 2008. С. 146.

¹²⁸ Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII–начало XX вв. Новосибирск, 1978. С. 199.

¹²⁹ Кроть М.А. Указ. соч. С. 224-225.

торского Русского географического общества, другой политический ссыльный М.А. Кроль делал доклад о бурятах, а в первом ряду слушателей сидели губернатор, вице-губернатор и несколько генералов и высших местных чиновников¹³⁰. Для работы в комиссии по землеустройству Забайкалья управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин привлек известных исследователей Д.А. Клеменца, М.А. Кроля и П.М. Головачева, несмотря на то, что они находились под негласным надзором полиции¹³¹. Разумеется, им не могло не импонировать, что «даже деспотический режим не может обойтись без творческой силы культурных и образованных людей, если они даже являются противниками этого режима»¹³². При этом, как вспоминал М.А. Кроль, он потребовал для себя полной независимости в научных исследованиях, а в качестве его ближайшего сотрудника оказался социал-демократ И.Э. Гуковский. М.А. Кроля не смутило то, что А.Н. Куломзина интересовали прежде всего два вопроса: «1) действительно ли нуждаются забайкальские буряты в тех больших территориях, которые они занимают? и 2) можно ли в какой-либо части забайкальской области выделить подходящие районы для новых русских переселенцев?»¹³³. Очевидно, исследование Кроля вполне удовлетворило высоких заказчиков и ему даже предложили перейти в штат канцелярии Комитета министров, если бы не запрет принимать на государственную службу иудеев¹³⁴.

Статистико-экономическое исследование Восточной Сибири под руководством Н.М. Астырева и Л.С. Личкова, исследование Якутского края (Сибиряковская экспедиция), пути от Якутска до Аяна, Куломзинская экспедиция в 80-90-х гг. и позднее железнодорожные изыскания, проведение железной дороги и многое другое происходило при участии политиче-

¹³⁰ Там же. С. 238.

¹³¹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

¹³² Кроль М.А. Указ. соч. С. 288.

¹³³ Там же. С.288.

¹³⁴ Там же. С. 299-300.

ских ссыльных, а некоторые экспедиции, например, якутская и аянская, состояли исключительно из «политиков»¹³⁵.

Статистические исследования крестьянского землепользования и хозяйственного быта в Иркутской и Енисейской губерний проводились по инициативе Министерства государственных имуществ с конца 80-х гг. Высшее руководство, также как и подбор исполнителей, были поручены местным генерал-губернаторам. Исследование проводила особая статистическая экспедиция, для руководства которой был приглашен Н.М. Астырев, «уже ранее составивший себе лестную известность работами в сфере земской статистики»¹³⁶. Н.М. Астырев только с 1884 г. стал заниматься сельскохозяйственной статистикой в статистическом бюро Московского земства и опубликовал несколько работ в «Ежегоднике Московского губернского земства». Не меньшую известность Астыреву принесли его очерки, ставшие результатом трехлетней работы волостным писарем в Воронежской губернии¹³⁷. Народническое прошлое не помешало Астыреву занять должность заведующего статистическим бюро в Иркутске и, тем более продолжить публикацию своих исследований в «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Юридическом вестнике». Одновременно Н.М. Астырев был избран председателем статистической секции Восточносибирского отделения ИРГО. В команде с Астыревым работали: Л.С. Личков и Е.А. Смирнов. Личков, как и Астырев, не окончив курс обучения в Петровской земледельческой академии, «демонстративно ушел с последних курсов в связи с гонениями правительства против студентов академии». Он имел значительный практический опыт статистических исследований в различных регионах России. Е.А. Смирнов с 1894 г. поступил на службу в Министерство земледелия и государственных имуществ, был неоднократно командирован в Сибирь по переселенческим делам и по поземельному устройству сибирского населения.

¹³⁵ Попов И.И. Указ. соч. С. 12.

¹³⁶ Отзыв действительного члена ИРГО А.А. Кауфмана об исследованиях землепользования и хозяйственного быта государственных крестьян и инородцев Иркутской и Енисейской губерний. СПб., 1894. С. 1.

¹³⁷ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.

За эти исследования Географическое общество наградило Л.С. Личкова, Е.А. Смирнова и Н.М. Астырева Большой Константиновской медалью. Главной заслугой данного коллектива было создание подробных программ поселенного и подворного исследования (поселенный бланк и карточка) и проведение сплошного подворного исследования, по образцу земских бюро. В отличие от административно-статистических учреждений, использовавших в основном материалы, предоставляемые волостными правлениями, экспедиция Астырева проводила подворную опись селения, непосредственно присутствуя на сходе, что позволяло значительно увеличить достоверность и проконтролировать полноту данных. Ценность собранного материала усиливалась использованием книг и документов волостного правления, а также архивных, литературных и картографических источников. Практическая значимость, «жизненность и доброкачественность» данных экспедиции Н.М. Астырева были подтверждены их использованием в проекте Положения о поземельном устройстве в Иркутской и Енисейской губерниях 1893 г. Кауфман отмечал, что «и проект, и записка были построены целиком на основании общих выводов исследования». На основании статистических материалов предполагалось определять нормальные размеры душевых наделов, величину доходности угодий.

С 1893 г. водворение переселенцев перешло к органам МВД, а само определение переселенческих участков осталось в ведении чиновников МЗиГИ. Тогда же МЗиГИ приступило к исследованию степных областей. Такой деятельности в Степном крае придавалось не только экономическое, но и политическое значение: «насаждение в нем русской гражданственности, в виду его близости к Европейской России, в высшей степени желательно в целях политических: для его полного укрепления, для создания в нем твердого оплота против возможного напора желтой расы»¹³⁸. В 1895 г. в Степной край была направлена комиссия во главе с известным земским статистиком Ф.А. Щербиной. Опрос проводился под руководством переселенческого чиновника И.А.

¹³⁸ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 15. Журнал Подготовительной комиссии КСЖД. 21 апр. 1895 г.

Молодых опытными земскими статистиками Л.К. Чермаком и П.А. Васильевым. В опросах принимала участие местная интеллигенция: от студентов Томского университета до учителей. В рамках таких экспедиций вырабатывался / задавался определенный шаблон вопросов, который рассматривался в качестве программы. Задачей экспедиции было изучение казахского землепользования, определение земельных норм для полукочевого и кочевого хозяйства, а также определение «излишков» для переселенческого фонда. Было описано 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. По результатам подготовлено 13-томное издание: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей»¹³⁹. Обработкой материалов экспедиции Ф. Щербина занимался у себя в имении в Кубанской области, находясь под гласным надзором полиции¹⁴⁰. За выступление на первом заседании уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. товарищ МВД Зиновьев предложил отстранить Щербину от важных государственных поручений. Однако, «враждебное отношение к существующему государственному и общественному строю» и даже противоправительственная деятельность не заставили переселенческое ведомство отказаться от услуг эксперта. Напротив, признавалось, что отстранение его от должности «грозит весьма серьезными затруднениями для сказанного государственного дела», замедлением работ и снижением их качества. Министр ЗиГИ отметил, что Щербина в качестве руководителя исследований не показывал поводов для подозрения, а нарекания в его адрес были вызваны его чрезмерным усердием и пристрастием к делу «русской колонизации, жертвуй этой цели, законными нуждами киргизского населения»¹⁴¹.

Судя по всему, именно политические ссыльные, задействованные в переселенческом деле, предложили свой язык

¹³⁹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Воронеж; Омск, 1898–1905. Вып. 1–13.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 802. Об участии в политической деятельности чиновников степных областей и Иркутской губернии Щербины, Ушакова, Чермака и др. 1902 – 1905 гг.

¹⁴¹ Там же. Л. 8 об.

описания процесса колонизации, придав ему социальный нарратив. Главной препятствующей стороной землеустройству и сендентеризации кочевников в степных областях и Забайкалье они объявляли местных богатеев и родовую аристократию. Труды комиссии Щербины показали, что социальная дифференциация в киргизском обществе весьма велика. «Белая кость еще в старину захватила в свои руки политическую власть над киргизами и крепко держится за нее. Туркестанское и Степное положения только придали этой белой кости большее значение и помогли ей более подчинить себе киргизскую массу. Главною опорой для белой кости в порабощении рядовой киргизской массы являлось, по мнению эксперта, владение землею, а рядовая киргизская масса попадала в зависимость, являясь «держателями этой земли». Особенно рельефно это проявилось в Туркестане, где земледелие нуждалось в искусственном орошении. Крестьяне-переселенцы, также являлись арендаторами земель у родовой верхушки киргизского общества. Эти сложные социально-экономические отношения местного кочевого инородческого общества в условиях массового переселения русских крестьян характеризовались оппозиционными экспертами по аналогии с российским вариантом феодализма, через противостояние помещиков и их зависимых — крепостных.

Используя нехарактерную для правительственного дискурса социальную, а порой и социалистическую риторику, эксперты, тем не менее, приходили к вполне приемлемым для имперских чиновников выводам о прогрессивности и закономерности российской колонизации. По мнению О. Шкапского, меньшинство казахского общества, состоящее из потомков ханов и султанов, а также из представителей современной киргизской плутократии, желало приобрести вотчинные права на землю и превратиться в помещиков, ведущих крупное скотоводческое хозяйство на обширной территории киргизской степи»¹⁴². При такой классификации местного общества, большинство инородческого кочевого населения вполне могло объединяться с русскими переселенцами против своих эксплуататоров — родовой знати (или в других

¹⁴² Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 134.

условиях, против старожилов)¹⁴³. «Переселенцу-пролетарию» земля достается, как и рядовому казаху, после «предварительного тяжелого батраческого или арендного труда, для вящего удовольствия земельного буржуа сибиряка-старожила и кощевого феодала киргиза»¹⁴⁴.

Подобное сопоставление уже само по себе задавало определенную программу, с очевидными для русской администрации «прогрессивными» задачами разрушения «феодално-крепостнического строя» с помощью русской колонизации. Это радикальное направление «степных экспертов» резко критиковало и местные власти, защищающие интересы аборигенов, и казахскую интеллигенцию, «нелепо опасующуюся безземелья и грядущего вымирания»¹⁴⁵. Показательно, что социальный нарратив оказался внедрен и в официальные документы, где главную причину протеста казахов, видели именно в сохранении прослойки богатых и влиятельных родовичей, а также наличии у туземных обществ прежнего простора землепользования»¹⁴⁶. В материалах Совещания о землеустройстве киргиз отмечалось: «Такое настроение населения поддерживалось иногда администрацией степных областей, в особенности Уральской и Тургайской, некоторые представители которой до самого последнего времени проявляли отрицательное отношение к колонизационным видам правительства. <...> Отсюда — полная несогласованность деятельности местной администрации и чинов переселенческой организации, требующая постоянного вмешательства центральной власти»¹⁴⁷.

В 1907 г. Совещание по землеустройству киргиз признало, что нельзя будет поручить местной администрации задачу изучения состояния землевладения с целью установления земельных норм. Этим должно заниматься непосред-

¹⁴³ Татищев А. Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делом в районах // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 252.

¹⁴⁴ Успенский А.В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 2. С. 6.

¹⁴⁵ Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 60-62, 53 — 54.

¹⁴⁶ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 22-23.

¹⁴⁷ Там же.

ственно ГУЗиЗ¹⁴⁸. Установление же норм должно быть предметом распоряжений Совета Министров. «Столь важный фактор аграрной политики должен быть в руках высшего правительства»¹⁴⁹. Местным властям, включая губернаторов и генерал-губернатора, отводилась лишь роль «оценщика» предложенных проектов. Они должны были давать заключения по этим вопросам.

В 1909–1912 гг. проводилось повторное исследование, предложившее в качестве основного результата значительное понижение «нормы». Новые экспедиции использовали прежние схемы / процедуры исследования, но при этом были нацелены на иное осмысление социально-экономической ситуации в кочевом обществе. Принципиально, что уровень развития степняка-кочевника рассматривался теперь не только с позиции его цивилизационного уровня, но и с точки зрения широкого расслоения (дифференциации). Новые классификации степного населения учитывали и народническую, и марксистскую терминологию, а хозяйственные характеристики (кочевое, полукочевое, некочующее; потребительское и промышленное) дополнялись достаточно жесткими (хотя и весьма сложными для обоснования) дополнительными количественными критериями «кочевой нормы»: размер посевов, количество голов скота.

Хозяйственно-статистические описания переселенческих поселков проводились и по инициативе Переселенческого управления, с «чисто практической целью выяснения хозяйственного положения переселенцев, чтобы установить нормы домообзаводственных ссуд в зависимости от материального обеспечения водворяющихся и естественноисторических условий районов водворения»¹⁵⁰. Основная часть исследования представлялась в виде цифрового материала, который был собран в результате подворного обследования в отдельных поселках, определенных как типичные. Типичность населенного пункта определялась уездными съездами в

¹⁴⁸ Журнал Совещания о землеустройстве... С. 49.

¹⁴⁹ Там же. С. 49.

¹⁵⁰ Алексеев В.В. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. СПб., 1905–1906. Ч. 1. Вып. XIX. С. 1.

соответствии с «общими характерными особенностями каждой группы переселенческих участков». Основным критерием, определяющим типологию переселенческих участков становились природно-климатические условия (степные, лесостепные, лесисто-подтаежные, таежные). Дополнительными характеристиками, которые требовалось учитывать при описании населенного пункта, были данные о стоимости оборудования хозяйств, степень доступности строительных материалов, возможность заработка, ценность живого и мертвого инвентаря. Достаточно точные критерии, выражаемые даже в денежном эквиваленте, нарушались неопределенностью параметра «естественноисторических условий». Отсутствовал и достаточно влиятельный и признаваемый социокультурный критерий, включающий самые разнообразные параметры: от принадлежности к нации, конфессиональной принадлежности, уровня образования и т. д. Обязательным критерием классификации переселенцев являлся временной фактор, т. е. время с момента водворения. Время пребывания в Сибири принципиально влияло и на укорененность нового хозяйства на новых местах (хотя, это с трудом можно было посчитать), но и на конкретный статус переселенца и его переход в группу старожилов.

Для разработки концепции землеустройства переселенцев, в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге было проведено совещание по вопросам организации почвенно-ботанических исследований Азиатской России под председательством Г.В. Глинки. Оно положило начало регулярным почвенно-ботаническим экспедициям по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока, которые организовывались вплоть до Первой мировой войны. Эти экспедиции существенно сэкономили бюджет Переселенческого управления, поскольку исследовательские группы действовали согласованно, о чем обязан был заботиться заведующий переселенческим делом в каждом конкретном районе: «...заведующий районом обязан озаботиться согласованием статистического обследования с работами почвенно-ботанических экспедиций, партий по гидротехническим изысканиям и агрономическим мероприятиям,

а также наблюдать, чтобы статистики, почвоведы, ботаники, агрономы и гидротехники в устранение всяких задержек в разработке добытых данных своевременно осведомляли друг друга о результатах своей деятельности»¹⁵¹.

* * *

Со второй половины XIX в. усиливающееся движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Сложный, неоднородный (в этническом, конфессиональном, экономическом смыслах) миграционный поток потребовал от государства принципиально новых административных, институциональных, политических решений. Это был, своего рода, комплекс сверхзадач, обобщая которые, был сформулирован новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России. С этого времени переселенческое движение становится важной частью научного, общественного и политического дискурса, приобретая не только региональное, но и национальное измерение.

Вместе с тем, во взглядах имперских наблюдателей, теоретиков и практиков на крестьянское переселение никогда не существовало единства. Но при очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей, их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения, стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. В результате, для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый,

¹⁵¹ Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом 1909 г. СПб., 1910. С. 188.

политически нагруженный социальными, имперскими и национальными смыслами, язык описания.

Управление миграционными процессами осуществлялось в позднеимперской России в рамках учреждения нового типа – Переселенческого управления. С момента своего создания Переселенческое управление по уровню полномочий, широте охвата территории, специфической и весьма широкой сфере деятельности вполне могло претендовать на статус не ниже министерского. Неофициальное наименование Переселенческого управления – министерство Азиатской России – отражало уже сложившуюся подведомственную территорию, но не намечаемые перспективы, включения в ведение Управления не только заселяемых Азиатских окраин, но и колонизируемые территории Европейского Севера, Кавказа, Новороссии, а также места выдворения переселенцев. В таком случае Переселенческое ведомство управляло бы всей территорией империи, включая, помимо окраин и внутренние, коренные губернии Европейской России. В управлении же азиатскими окраинами доминировал не столько колониальный, сколько территориальный принцип управления, что было обусловлено огромным пространством империи и сохранявшимися коммуникационными разрывами.

Российская империя не имела «Министерства колоний», но, как и другие европейские державы, она вынуждена была перенимать некоторые методы администрирования, в том числе создавать особые органы управления окраинами. Однако на пути их четкой институционализации стояли причины, помимо демонстративного отказа признания колониальных методов своей политики в Азии, порожденные самой природой самодержавного правления. К тому же, в России, может быть в большей степени, нежели в морских империях, вынуждены были обращать на свои окраины пристальное внимание, потому что именно на периферии лежали основные заботы о безопасности (внутренней и внешней), именно там империя соприкасалась с себе подобными и должна была с ними конкурировать. Утрата территорий могла угрожать не только державному престижу, но и, как казалось, нарушала государственную целостность страны. Главную ставку импе-

рия делала на народное миграционное движение, призванное изменить географию и демографию страны, «обрусить» земли и народы на востоке империи, что становилось важным идеологическим ресурсом и политическим инструментом консолидации имперского пространства. В случае Сибири и Дальнего Востока — это был еще и вполне реальный шанс превратить их в «русскую национальную территорию».

**Власть, общество и мигранты:
слова и образы**

«Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий¹

«Благовещенской «Утопией» назвал анонимный публицист «Вестника Европы»²¹ трагические события лета 1900 года в Благовещенске. Тогда здесь в течение нескольких дней было убито, в основном *утоплено* в Амуре, около пяти тысяч китайцев. Событие это не просто страшное, трагическое. Во многом оно явилось знаковым, чрезвычайно важным для понимания механизмов воздействия синдрома «желтой опасности» на российское население дальневосточной окраины империи. Оно дает также большую пищу для размышлений о феномене *погрома*: его причинах, механизмах, формах, участниках, последствиях.

Однако событие это не стало предметом рефлексии для российского общества тогда и почти полностью забыто сейчас. Нельзя сказать, что это результат государственной цензуры — хотя в определенной степени (до 1905 года) и этот фактор действовал. Тотальная цензура на этот счет существовала при советской власти, но дореволюционные публикации из библиотек не изымались и были, в общем-то, доступны. Скорее всего, события были вытеснены на периферию общественного сознания по каким-то иным, более сложным причинам, о которых и хотелось бы поразмышлять в статье.

Паника

Фактическая канва происшедшего достаточно известна, она неоднократно излагалась в специальной литературе, правда в качестве эпизода, периферийного момента для дру-

¹ Виктор Иннокентьевич Дятлов, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Статья подготовлена при финансовой поддержке, предоставленной в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов по глобальной безопасности и устойчивому развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

² В. Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. СПб., 1910, № 7. С. 231 – 241.

гих изучаемых авторами объектов³. В 1898 г. в Китае началось восстание под руководством тайного общества «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). «Ихэтуани исповедовали ксенофобию, отвергая все пришедшее в Китай с Запада. Их идеалом было возвращение к устоям традиционной китайской жизни, а важнейшим лозунгом, особенно на начальном этапе восстания, — призыв к уничтожению и изгнанию иностранцев из Китая»⁴. Восемь держав, в том числе и Россия, организовали военную экспедицию против восставших и поддержавших их правительственных войск. «По масштабам вовлеченности иностранных войск «интервенция восьми держав» была беспрецедентным военным столкновением между китайской империей и западным миром»⁵. Военные действия шли и в Маньчжурии, подкатившись, таким образом, непосредственно к российской границе.

Наиболее тревожная обстановка сложилась в Благовещенске: враждебные войска находились на другом берегу Амура, гарнизон был отправлен для боевых действий в район Харбина, коммуникации фактически прерваны из-за мелководья на реке Шилке. У населения и властей города и округа это вызывало естественную напряженность, но представление о реальной угрозе какое-то время отсутствовало. Благовещенский журналист писал по свежим следам, что о событиях в Китае, в том числе и о расправах с европейцами, все, конечно, знали, но с собственной жизнью как-то не соотносили. «На Китай и китайцев все привыкли смотреть настолько презрительно, их трусость была так знакома всем пограничным жителям, что серьезной войны с Китаем мало кто ожидал»⁶.

И вдруг — обстрелы и попытка захвата нескольких российских речных судов на Амуре и со 2 июля — обстрел самого Благовещенска. Он длился тринадцать дней, велся во-

³ См., например: Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. Часть 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996. С. 85 – 96; Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2000. С. 295-298.

⁴ История Китая: Учебник/ Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 354.

⁵ Там же. С. 356.

⁶ На память о событиях на Амуре в 1900 году. Осада Благовещенска. Взятие Айгуна. Составил А.В. Кирхнер. Благовещенск: Тип. «Амурской газеты» А.В. Кирхнера, 1900. С. 5.

семью орудиями и значительного ущерба не нанес. Не было разрушено ни одного дома, погибло 5 человек и 15 ранено⁷. Довольно быстро выяснилось, что этим и незначительными разведочными экспедициями военная деятельность китайских войск ограничилась. Но не на шутку встревоженные российские власти предпринимают ряд срочных мер: был возвращен благовещенский гарнизон, подтянуты значительные военные контингенты из Забайкалья и Хабаровска. К концу месяца российские войска, очистив собственный берег Амура, переправились на китайский и, быстро разгромив китайские формирования, захватили провинциальный центр Айгунь. Практически весь китайский берег Амура перешел под контроль российских войск, всякая опасность для Благовещенска миновала.

Что же происходило в городе в первые две недели, когда ситуация казалась — и была — чрезвычайно опасной и неопределенной? По единодушным оценкам всех наблюдателей и участников событий, с первым же выстрелом началась страшная паника. Толпы людей бесцельно метались по улицам. Многие выехали из города. Были разграблены оружейные магазины и склады. Предпринимались судорожные и потому неэффективные попытки формировать ополчение. По улицам бродили толпы озлобленных и подвыпивших призывников, оторванных от хозяйств во время летней страды, не получивших оружия, не организованных и никому, на деле, не нужных. «Не было ничего легче, чем взять город в этот момент даже небольшой части маньчжур», констатировал участник событий⁸. Дополнительным фактором паники было присутствие в городе китайцев.

«Пятая колонна»?

Благовещенск был основан в 1859 году. Его выгоднейшее положение на слиянии двух важных транспортных артерий (рек Амура и Зеи), в центре золотоносного края, роль административного центра Амурской области позволили вырасти

⁷ Дацышен В.Г. Русско-Китайская... С. 88.

⁸ На память... С. 24.

«с американской быстротой»⁹. К 1900 году его постоянное население достигло 50 тыс. человек, да еще несколько десятков тысяч сезонных рабочих отправлялись отсюда на золотые прииски и обслуживали навигацию по Амуру.

Большую их часть составляли китайцы. Кроме того, практически каждая зажиточная семья города имела китайскую прислугу, китайцы контролировали мелкую, среднюю и часть крупной торговли, содержали многочисленные рестораны, кабаки и развлекательные учреждения, снабжали город овощами, строили, обеспечивали нормальное функционирование коммунального хозяйства. Короче говоря, повседневная жизнь и экономическая деятельность всего населения этого зажиточного, процветающего, культурного, по местным понятиям, города была немыслима без китайцев. Их присутствие было постоянным, всепроникающим и жизненно необходимым. С другой стороны, они не воспринимались русским населением как часть городского сообщества, пусть даже неравноправная.

Трудно удержаться от пространного цитирования по этому поводу из воспоминаний очевидца рассматриваемых событий: «Десятки лет многие из китайцев и маньчжур мирно жили в нашей среде, принося огромную пользу населению своим трудом, что признавалось решительно всеми беспристрастными людьми. Трудолюбивые, до невероятности ограниченные в своих потребностях, китайские подданные решительно никогда не бывали замечены не только в крупных преступлениях, но даже в мелких предосудительных проступках. Честность и добросовестность были общепризнанными их чертами, поэтому во многих крупных учреждениях, разных промышленных фирмах и компаниях, как и в частных домах, на китайцев, как на служащих или прислугу, все безусловно полагались и вполне им доверяли. Во многих русских семействах, имевших в качестве мужской прислуги молодых китайцев, к ним привязывались как к родным. Нередко их обучали русскому языку и этому занятию они придавались с замечательным прилежанием: за русской книжкой или письмом они просиживали далеко за полночь и благо-

⁹ Дальний Восток. Справочник на 1910 г. Б.м., Б.г. С. 295.

даря такому усердию делали быстрые успехи. Но в среде малокультурных слоев нашего населения китайцы никогда не пользовались особенной симпатией. Простолюдины видели в них, во-первых, представителей чуждой национальности, упорно избегающей слиться с русской, так как известно, китайцы, за крайне редкими исключениями, никогда не расстаются ни со своими обычаями, ни с внешним своим видом. Во-вторых, в них русские рабочие всегда видели опасных для себя конкурентов»¹⁰.

Когда начался обстрел, на них посмотрели другими глазами. Заметили, как их много, как велика зависимость от них. А самое главное, реально ощутили, как далека Россия и как близок и огромен Китай, ставший вдруг враждебным, способным без малейшего труда поглотить и растворить в себе весь их маленький и оказавшийся совершенно беззащитным островок империи. Так синдром «желтой опасности», волновавший прежде публицистов, аналитиков, государственных служащих, то, о чем рядовой обыватель если и задумывался, то как о чем-то внешнем для себя, вдруг обрел для него реальное и страшное воплощение.

Весь этот ужас и начал персонифицироваться в тех, кого еще вчера снисходительно, добродушно-презрительно называли «ходящими», «китаезами», «узкоглазыми». Обыватели с подозрением и тревогой всматривались в лица своих слуг, которые еще несколько дней назад были для них если не членами семей, то неотъемлемой и почти не замечаемой частью домашней обстановки. В китайцах на улице начинали видеть, говоря современным языком, «пятую колонну». Город заполнили слухи о тайных военных приготовлениях местных китайцев, их вызывающем поведении, о том, что они готовят резню. Передавали, что кто-то видел у них оружие. При обысках находили только ножи. Но находили и «афиши» (листовки) «ихэтуаней», что подливало масла в огонь¹¹.

¹⁰ Сонин. Бомбардировка Благовещенска китайцами (рассказ очевидца). Б.м., Б.г. (Оттиск из № 4 «Зари»). С. 6.

¹¹ Военные события прошлого года на Амуре. Сост. Н.З. Голубцов. Благовещенск: Тип. «Амурской газеты» А.В. Кирхнера, 1901. С. 15.

Немедленно начались инциденты. Часто их инициаторами были собранные в городе призывники, оторванные от дома и терпящие большие убытки. «Увесистые кулаки запасных чинов, не упускавших случая выпить с горя, частенько прогуливались по спинам молчаливых и злобно посматривающих «ванек», то есть китайцев»¹². Били, приговаривая: «из-за вас, тварей, нас отрывают от работы и от семьи и гонят на смуту»¹³. Уже тогда в местных газетах писали о ряде таких случаев. К вечеру первого дня бомбардировки произошли первые убийства. «По словам компетентных людей, сами полицейские советовали убивать китайцев, так боялись, что те могут ночью поджечь город»¹⁴.

Губернатор

Было очевидно, что город находится на грани большого погрома. Будет ли перейдена эта грань, зависело теперь от позиции официальных властей, прежде всего, от военного губернатора генерал-лейтенанта К.Н. Грибского. Анализ его действий говорит об отсутствии в них продуманности, какой-то логики, вообще, о низком уровне компетентности.

Уже в самом начале событий, 3 июля, он получает послание от военного министра А.Н. Куропаткина, выдержанное в самых жестких тонах: «Надеюсь, что по сборе необходимых сил и средств вы проявите со всеми вверенными вам чинами огромную энергию к полному поражению китайцев. Этим вы изгладите тяжелое и невыгодное для вас впечатление, результат незнакомства вашего с тем, что происходит на другом берегу Амура, против Благовещенска»¹⁵.

Некомпетентность Грибского проявилась и в его действиях по отношению к китайцам Благовещенска. Еще в июне, когда обстановка стала уже достаточно тревожной, военный губернатор встретился с представителями городской думы. Среди других проблем возможной обороны города была за-

¹² На память... С. 5.

¹³ Сонин. Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Цит. по: Дацышен В.Г. Русско-Китайская... С. 88.

тронута и эта. Губернатор заявил, что не считает необходимыми и уместными какие-то особые меры в этом вопросе, так как официально война между Россией и Китаем не объявлена. Он сообщил также, что к нему являлись представители от местных китайцев с вопросом, не лучше ли им будет заблаговременно удалиться с русской территории. По словам Грибского, он велел передать, что они могут спокойно оставаться, так как «правительство великой Российской империи никому не позволит обижать мирных граждан». Вскоре он издал прокламацию, где угрожал строгими наказаниями за оскорбление мирных китайских подданных¹⁶.

Поверив губернатору, несколько тысяч китайцев Благовещенска остались в городе. Однако вскоре им пришлось раскаяться в этом. Когда начались массовые избиения и убийства, власти абсолютно ничего не предприняли для их защиты. Не последовало ни официальных заявлений, ни каких-либо неофициальных действий. Более того, представители властей низового уровня, особенно чины полиции, прямо подстрекали к насилиям.

3 июля, то есть после нескольких дней фактического бездействия в самый критический момент, по инициативе благовещенского полицмейстера военный губернатор издает распоряжение о выдворении всех китайцев города и области за Амур. Силами полиции и добровольцев из числа горожан и казаков устраиваются облавы, в ходе которых несколько тысяч человек было интернировано. Облавы сопровождались массовыми грабежами, избиениями и убийствами. Никаких попыток оказать сопротивление не было.

Были случаи, когда благовещенцы пытались укрывать знакомых китайцев, особенно своих слуг, но на них доносили соседи. Укрывавших обвиняли в предательстве, угрожа-

¹⁶ Сонин. Указ. соч. С. 4. Скорее всего, именно этот эпизод описывается в дневнике «генерал-майора Х», выдержки из которого приведены в «Вестнике Европы»: «За несколько дней до бомбардировки, купцы, богатые китайцы Юлхозан и другие пришли к директору китайского банка за советом – как им быть: уезжать из Благовещенска, или остаться. Директор послал их спросить об этом губернатора, т. е. генерала Грибского, который обласкал их и уверил, что они находятся под покровительством русских законов и не должны ничего опасаться, а тем более покидать город». (В. Указ соч. С. 237).

ли расправой, поэтому спасти удалось очень немногих. Несколько богатых торговцев спасли себе жизнь, откупившись у полицейских. Однако даже огромный выкуп не избавил их от двух недель избиений и издевательств в полицейских участках.

Бойня

Дальнейшие события наиболее полно реконструирует анонимный автор статьи в «Вестнике Европы», ссылаясь на материалы официальных судебных архивов. Эту картину дополняют воспоминания Сонины, очевидца происходившего¹⁷. Существенных расхождений в их версиях не содержится. Поэтому на них можно опереться при изложении случившегося.

Утром 4 июля первая партия собранных накануне китайцев общей численностью до 3,5 – 4 тысяч человек (есть оценки и в 5 – 6 тыс.) под конвоем из 80 новобранцев, вооруженных за неимением ружей топорами, была отправлена в небольшой поселок Верхне-Благовещенский (в 10 километрах вверх по Амуру). Колонну вели быстро, дорога была плохая, день жаркий, и многие, особенно старики, стали отставать. Командовавший операцией пристав отдал приказ всех отставших «зарубить топорами». Приказ выполнялся, во время пути было убито несколько десятков человек. Следствие, произведенное несколькими месяцами позднее, выяснило, что все это сопровождалось мародерством – грабили и мертвых, и живых.

И при облавах, и во время этого скорбного пути не было ни одной попытки оказать сопротивление. Более того, никто не пытался бежать, хотя при чисто символическом конвое сделать это было не так уж сложно.

В поселке к конвою присоединились вооруженные жители-казаки во главе со своим атаманом. Они выбрали место для переправы. Ширина Амура составляла здесь более 200 метров, глубина – более четырех, при мощном течении. Подогнали китайцев к урезу воды и приказали им плыть.

¹⁷ В. Указ. соч.; Сонин. Указ. соч. С. 9-20.

Когда первые вошедшие в воду почти сразу утонули, остальные идти отказались. Тогда их стали гнать — сначала нагайками, потом стрельбой в упор. Стреляли все у кого были ружья: казаки, крестьяне, старики и дети. После получаса стрельбы, когда на берегу создался большой вал из трупов, начальник отряда приказал перейти на холодное оружие. Казаки рубили шашками, новобранцы — топорами. Спасаясь от них, китайцы бросались в Амур, но преодолеть его быстрое течение не смог почти никто. Переплыло на другой берег не более ста человек.

Сонин, скорее всего со слов непосредственных участников, приводит много страшных деталей происшедшего. Он пишет, в частности, о молодой китаянке с грудным младенцем, которая металась по берегу, то оставляя здесь ребенка, то пытаясь плыть с ним. В конце концов, утонули оба.

Никто из участников расправы не протестовал. Нескольким новобранцам, у которых не хватало решимости рубить людей топорами, казаки пригрозили «снести головы, как изменникам». Один новобранец спас раненого мальчика, мать которого была убита, но то был единственный случай человеколюбия, зафиксированный следствием.

В последующие дни, вплоть до 8 июля, такая же участь постигла еще три партии китайцев, общей численностью в несколько сотен человек. Непосредственные руководители «переправ» немедленно, как положено, составляли рапорты для начальства, так что все происшедшее не было для него тайной.

Нажива

Не могло это остаться тайной и для всего населения — и не только потому, что в таком маленьком и замкнутом мире тайн просто не бывает. Много дней по Амуру мимо Благовещенска плыли трупы. Путешествовавший через три недели после этих событий по Амуру на пароходе офицер А.В. Вере-

шагин описывает, как и тогда трупы сотнями плыли по реке и скапливались на отмелях¹⁸.

В те же дни резня происходила и во многих станицах области. Когда станичные начальники сомневались, истреблять китайцев или нет, они запрашивали по начальству. Типичный ответ содержался в телеграммах председателя амурского войскового правления полковника Волковинского: «Китайцев уничтожить... нужно быть сумасшедшим, чтобы спрашивать каждый раз распоряжения», «нужно быть сумасшедшим и неразумным, чтобы спрашивать, что делать с китайцами; когда сказано уничтожать их, то и следует уничтожить всех без рассуждений... Все мои приказы исполнять без всяких уклонений и не самовольничать, глупостями меня не беспокоить».

Резюмируя результаты позднейшего служебного расследования, авторы официальной записки констатировали: «вся совокупность показаний очевидцев переправы приводит к убеждению, что это была собственно не переправа, а уничтожение и потопление китайцев».

И только 7 июля, когда все было кончено, Грибский накладывает на телеграмме из станицы следующую резолюцию: «прошу разъяснить станичным властям, что мы ведем борьбу с вооруженными китайцами, которые проявляют к нам вредные действия. Мирных, безвредных китайцев, а тем паче безоружных, никоим образом не обижать. Для спасения их жизни отправлять их на свою сторону в лодках, или на паромах».

То же самое указание было доведено губернатором до сведения общественности в специальном постановлении от 9 июля, которое было отпечатано в виде листовки и распространено в городе¹⁹. «До сведения моего дошло, что некоторые жители гор. Благовещенска, а также лица из крестьянского и казачьего населения вверенной мне области допускают

¹⁸ Верещагин А.В. По Манчжурии. 1900 – 1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902, № 1. С. 116 – 118.

¹⁹ Цит. по: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. С. 239.

различного рода насильственные действия против живущих на нашей территории мирных маньчжуров и китайцев. Нападение на безоружного и беззащитного врага не в характере русского человека». «Прискорбные случаи насилия» вызваны «вспыхнувшей озлобленностью против возмутительного вероломства китайцев, начавших против нас враждебные действия, без всякого с нашей стороны повода». Для устранения «дальнейших каких-либо посягательств на личность и имущество проживающих у нас мирных китайцев» губернатор приказал замеченных в таких посягательствах карать по всей строгости военного времени. А «в видах предупреждения различных болезней от разлагающихся на берегу Амура трупов убитых китайцев, плывущих в значительном количестве по реке», все эти трупы собрать и захоронить.

Погром сопровождался повсеместными и массовыми грабежами. Кто-то обыскивал тела убитых, кто-то вывозил под шумок имущество китайских складов и магазинов. Часто грабили имущество полицейские, приставленные его охранять. Многие на этом разбогатели. Еще больше жителей города получили возможность не отдавать долги китайским заимодавцам. Сонин констатирует: «Значительную роль в жестокой расправе над китайцами и в ее оправдании сыграло у многих корыстолюбие, жажда наживы, возможность неуплаты долгов». Далее он описывает известные всему городу наиболее вопиющие случаи грабежей, активными участниками которых были полицейские и чиновники и заключает: «Для всех жителей Благовещенска было ясно, что губернатор прямо потакал расхищению китайского имущества. Многие в городе объясняли такое поведение тем, что и ему немалая толка перепала»²⁰. Да и ставший вскоре генерал-губернатором генерал Д.И. Суботич, собрав соответствующие документы, констатировал: «Главным мотивом, двигавшим местным населением при избииении мирных китайцев, была корысть: избавление от кредиторов-китайцев и ограбление убитых»²¹.

²⁰ Сонин. Указ. соч. С. 13 – 14.

²¹ Цит. по: Дубинина Н.И. Указ. соч. С. 238.

Позиция властей

Позиция благовещенских властей была проста и понятна. Генерал К.Н. Грибский, с согласия (а может быть, по инициативе) которого, произошел погром, «умыл руки», издав постановление 9 июля. Убийства были представлены в нем делом рук неких злоумышленников, криминальных элементов, совершавших их самочинно. Однако замаять факт массовых убийств, даже ссылаясь на условия военного времени, он не мог. Было назначено служебное расследование, но непосредственному начальству, приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову генерал К.Н. Грибский предпочел о нем не доносить.

Однако дело приобрело большую огласку. Расследование было переведено на уровень Хабаровска и Петербурга, начато и судебное следствие. Насколько можно судить по документам, отношение вышестоящего начальства к событиям было двойственным. Грибского, как правило, не одобряли или прямо осуждали — и с человеческой, и с профессиональной точки зрения. Военный министр А.Н. Куропаткин и раньше был невысокого мнения о компетентности амурского военного губернатора. Теперь же реакция министра была суровой: «Во время вашего губернаторства, благодаря, быть может, несвоевременно принятым мерам, вследствие ли общей тогда растерянности, а, следовательно, и нераспорядительности, много невинных душ погибло без причины»²².

Об отношении непосредственного начальства ярко свидетельствует характерный пассаж из уже цитировавшихся дневников «генерала Х»: «за столом у генерала Гродекова, где заседает весь его штаб, очевидно, принято не говорить про Амурскую область, как о предмете неприличном, но иногда прорывается слово, другое, из которых видно, что в Хабаровске все известно и не одобряется... К Г. относятся точно к покойнику, о котором не следует дурно говорить; как только разговор случайно приблизится к этой теме — все сейчас

²² Цит. по: Дубинина Н.И. Указ. соч. С. 238.

опускают сконфуженно глаза в свои тарелки, и воцаряется молчание»²³.

Несмотря на общую напряженность и опасность ситуации по всему приграничью, более нигде погромов на российской территории не было. Можно предположить, что предпогромная ситуация не переросла в погромы благодаря позиции и мерам местных властей, что оттеняло и усугубляло вину Грибского. Тем не менее, осуждение или неодобрение не вылилось в какие-либо действия. Необходимо было спасти честь мундира, и дело замаяли. Н.И. Дубинина так характеризует официальную позицию Гродекова: «Глубоко переживавший этот трагический случай Н.И. Гродеков стал на защиту военного губернатора К.Н. Грибского. По словам военного министра Куропаткина, генерал Гродеков стоял за Грибского горой»²⁴.

Начатое предварительное судебное следствие было свернуто. «По соглашению трех министров – егермейстера Сипягина, статс-секретаря Муравьева и генерал-адъютанта Куропаткина – в феврале 1902 года было испрошено разрешение на окончание дела без предания суду виновных». По результатам же административного расследования Грибский был отстранен от должности, однако «во внимание к прежней отличной его службе и боевым заслугам во время военных действий на Дальнем Востоке в 1900-м году», был оставлен на службе. Ему были официально предъявлены претензии в нераспорядительности – не отдал письменного приказа о депортации, ограничившись устным распоряжением, не контролировал техническую возможность переправы, не донес вовремя о случившемся по инстанции и т. д.²⁵ Через некоторое время он был назначен губернатором одной из западных областей империи²⁶.

Чуть больше «пострадали» трое непосредственных исполнителей. Полицмейстер «за бездействие власти и нераспорядительность» был отстранен от должности. Помощник

²³ Цит. по: В. Благовещенская «Утопия»... С. 241.

²⁴ Дубинина Н.И. Указ. соч. С. 238.

²⁵ В. Указ соч. С. 240.

²⁶ Дубинина Н.И. Указ. соч. С. 341.

пристава, признанный виновным в том, что «при переправе китайцев через Амур вплавь, он не только не удерживал конвойных и частных лиц от насилий над китайцами, но и сам призывал стрелять по ним и рубить их топорами» был «уволен от службы без прощения и подвергнут аресту на гауптвахте в течение двух месяцев». Полковник Волковинский, оставивший, в отличие от Грибского, много письменных распоряжений об убийствах, был также «уволен от службы без прощения, с воспрещением вновь поступать на службу и с арестованием на гауптвахте в течение трех месяцев». Все остальные были полностью освобождены от всякой ответственности – не только судебной, но и административной²⁷.

Логика действий властей не требует особых комментариев: «некрасивое дело» необходимо замять, чтобы сохранить честь мундира, чтобы не пострадала репутация державы, чтобы вывести из-под удара хотя и проштрафившихся, но «своих», членов корпорации.

По этим же соображениям вводились ограничения, в том числе цензурные, на распространение информации о событиях. Об этом прямо пишет Сонин в публикации, которая вышла после октябрьского манифеста 1905 года, то есть после снятия или радикального смягчения цензурных ограничений²⁸. Другое дело, что по сравнению с советскими временами, цензура не была такой тотальной и всеобъемлющей. Уже в январском номере «Вестника Европы» за 1902 год, например, были опубликованы путевые заметки командированного на войну офицера А.В. Верещагина. В них он довольно подробно пишет и о благовещенских событиях, описывает, как он наблюдал забитый трупами китайцев Амур²⁹. Очень сдержанно, без особых комментариев, но довольно откровенно освещала события благовещенская газета «Амурский край»³⁰.

²⁷ В. Указ соч. С. 240 – 241.

²⁸ Сонин. Указ. соч. С. 17.

²⁹ Верещагин А.В. Указ. соч. С. 112 – 118.

³⁰ На память ... ; Военные события... ; Сборник газеты «Амурский край». Статьи о военных событиях на Амуре, помещенные в газете с 1 июля по 1 августа 1900 года. Благовещенск, 1900. 152 с.

Реакция общества

Фактическая сторона событий российскому обществу была известна с самого начала. По крайней мере, информация о них была доступна. А после 1905 года были открыты и подробные материалы служебного расследования. Благовещенцы же знали обо всем сразу и в деталях. Проблема, таким образом, состояла не в знании или незнании, да и не в выяснении деталей. Перед обществом стоял вопрос об отношении к случившемуся.

Отношение не было, да и не могло быть по условию, единым. Но если все-таки попытаться выделить нечто общее, то таковым приходится признать отсутствие широкого резонанса, фактическое игнорирование события. Это кажется странным, учитывая тогдашнее состояние умов, острейшие дискуссии по национальному вопросу, поляризацию общества и ожесточенную идеологическую и политическую борьбу по поводу еврейских погромов, «дела Дрейфуса», «дела Бейлиса» и т. д. А здесь — зверски убиты несколько тысяч китайцев, убиты только за то, что они китайцы — и полное отсутствие общественной реакции.

Этому могут быть только два объяснения — или общественное мнение действительно не расценило событие как важное, значимое; или же расценило, но не смогло или не захотело его обсуждать. Хотелось бы оговориться, что автору понятна при этом вся условность и операциональная неопределенность таких категорий, как «общество», «общественное мнение», особенно для России. В любом случае, речь идет о попытке реконструировать логику отношения образованной части населения, оставившей нам тексты для подобной попытки. Отношение к китайцам, к их массовым убийствам низов — простых крестьян, казаков, золотоискателей — это предмет особого разговора.

Лучше всего сохранились сейчас следы реакции жителей Благовещенска. По свидетельству А.В. Верещагина, даже через несколько недель после случившегося, оно было основной темой всех разговоров и обсуждений горожан. Мнения звучали самые разные. Весьма распространенный тип отношения отражен в одном из эпизодов очерков этого по-туристически

любезнательного офицера. В вечерней мгле пароход, на котором он путешествует по Амуру, приближается к чернеющим на воде предметам. «Китаец — говорит мне вполголоса старик-лоцман, таким невозмутимым тоном, точно речь шла о какой-либо коряге или колдобине... На морщинистом лице старика, с редкой коричневой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она как бы говорила: «стоит ли обращать внимание на такие пустяки!» Характерна и реакция пассажиров — «когда во всю ширь Амура поплыли утопленники», «все повывлезли из кают — смотреть на такое невиданное зрелище». Достаточно насмотревшись, все идут обедать.

Верещагин пересказывает свой разговор с пожилым благовещенским служащим, на глазах которого полиция выгоняла нагайками из собственного дома его соседа — китайца, «толстого старика, очень богатого миллионщика», торговавшего в городе лет тридцать. Собеседнику жалко сгинувшего старика-китайца, с которым они многие годы по-соседски дружили и который, по его словам, был очень добрым и прощал много долгов своим русским клиентам. «Конечно, безобразия великое, — погубить мирное население в несколько тысяч человек... Опять-таки, надо войти и в положение наших. Половину населения города составляли китайцы. И вдруг с противоположного берега начинают стрелять. И кто же стреляет? Их же собраты, единоверцы. Поднимается против них понятное озлобление. Весь город уверен, что между теми и другими китайцами стачка, уговор перерезать русских. Войск же между тем никаких не было... Оружия тоже нет. И вот, когда началась стрельба, то все русские, понятно, бросились к начальству за оружием и в то же время начали умолять выселить китайцев на тот берег. А когда их согнали к берегу и перевозочных средств не оказалось, то очень естественно, что произошла именно та катастрофа, которая и должна была произойти»³¹.

Позицию либеральной части общественности города отражала газета «Амурский край». Еще 23 июня в редакционной статье ставился вопрос: «Действительно ли грозит Европе опасность со стороны «желтолицых варваров»? Подготавливает

³¹ Верещагин А.В. Указ. соч. С. 112 -118.

ли она сама нашествие жестокого и неумолимого врага, который погубит всю ее цивилизацию?». Давался и ответ: «Такие опасения, по меньшей мере, странны. Китайцы столь же мало похожи на варваров, как непохожи современные европейцы на своих средневековых предков. По единодушному и общему отзыву всех знающих жителей Срединной империи, последние являются чрезвычайно мирными, трудолюбивыми и в высшей степени терпимыми людьми, у которых лишь одно желание, чтобы их оставили в покое и дали бы им возможность как-нибудь существовать. Наконец, социальные условия нашей эпохи до того вообще резко изменились, что теперь странно даже говорить серьезно о каком бы то ни было нашествии иноплеменников и о гибели цивилизации».

Последовавшие вскоре события газета расценила как расправу над безоружными людьми, вся вина которых состояла в том, что «они не ушли вовремя, доверившись нам» (из редакционной статьи от 14 июля). Чуть раньше (в номере от 12 июля) была сделана попытка объяснить причины происшедшего. «Как с китайской, так и с нашей стороны настоящее столкновение приняло характер народной войны, войны тем более ожесточенной, что между воюющими сторонами лежит целая пропасть, созданная расовыми, историческими и экономическими антагонизмами. Военные страсти вдруг вспыхнули со страшным, не виданным до сих пор ожесточением. В каждом представителе желтой расы, не только простой народ, но даже более развитые люди видели врага, которого опасно оставлять на свободе. Возбуждаемая паническим страхом перед нашествием маньчжур, ненависть к этим в обычное время трудолюбивым и мирным нашим соседям, повлекла за собою сожжение целого ряда маньчжурских селений, истребление накопленного годами имущества, уничтожение множества человеческих жизней». От всех китайцев, продолжает автор, ожидали опасности — и на всех обрушился удар. И даже интеллигентная часть общества не смогла стать выше этого, «не поднялась над дикой, вредной для нашего народа и государства вражды к желтой расе вообще»³².

³² Сборник газеты «Амурский край»... С. 54 – 63.

Однако спустя некоторое время, тон оценок серьезно меняется. В сводке материалов и документов о событиях 1900 года и комментарии к ним, составленным хозяином газеты А.В. Кирхнером, красной нитью проходит идея: да, было совершено много страшного и дикого, в том числе массовые убийства и грабежи. Но все это был результат военного времени и военных обстоятельств, смертельной опасности, угрожавшей городу и его жителям. И «на китайцев, оставшихся в городе, рискованно смотреть как только на мирных жителей» – если бы они были действительно мирные, они вступили бы в ряды защитников города, но, заранее зная о будущих обстрелах, они не предупредили, они вели себя вызывающе, они готовили массовую резню и грабежи в случае захвата города и т. д. «Мы, мирные граждане, сами должны были защищать себя от нападения «мирных» китайцев». И вообще, «эта неожиданная война, начавшаяся и закончившаяся так странно, заставляет серьезно задуматься над тем, что таится в глубине души нашего желтолицего соседа и какого серьезного врага он может представить, если его выдрессировать и вооружить по-европейски и дать хороших начальников и полководцев». А «на мирные чувства и уверения мирного китайца слишком полагаться нельзя и следует быть поосторожнее»³³.

В аналогичной сводке, составленной в следующем году, события были охарактеризованы кратко и сухо: «тут имел место факт переправы китайцев через Амур прямо вплавь»³⁴. Остается только гадать о причинах такой радикальной эволюции...

«Амурская газета» не явилась здесь исключением. Благовещенская тема практически исчезает из большой и многообразной литературы того времени, посвященной китайским мигрантам³⁵. Пишут обо всем, но только не об этом. В край-

³³ На память... С. IV, 8, 29, 35, 52, 124 – 126.

³⁴ Военные события... С. 16.

³⁵ Подробнее смотри: Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. М., 2000, № 1. С. 63 – 89.

нем случае — редкие глухие упоминания, намеки, эвфемизмы, ссылки на известные всем обстоятельства³⁶.

Попытками прорвать эту атмосферу молчания стали сначала статья Сони́на, опубликованная, судя по содержанию, в 1906 г., а затем анонимная статья в «Вестнике Европы» за 1910 год. Эти публикации, разные по жанру и по тону (эмоциональный рассказ очевидца и суховатый анализ служебного расследования), преодолели цензурные ограничения, но широкого общественного резонанса также не вызвали.

Причины молчания

Почему же все-таки так случилось? О причинах можно строить самые разные гипотезы и предположения. Возможно, что события эти действительно не заинтересовали российскую общественность, в том числе и ту ее часть, которая обычно остро реагировала на проявления национальной и социальной несправедливости и насилия. Все произошло на далекой окраине империи, во время войны, а на войне случается разное и оценивается оно по другой шкале. «Экссес военного времени» мог рассматриваться совсем по другому, чем, скажем, еврейский погром в условиях мира.

Для кого-то оказался принципиально важен объект насилия. Взгляд на китайцев как на «инопланетян», по широко распространенной метафоре — «муравьев»³⁷, представителей далекой и чуждой цивилизации и культуры, выводил насилия над ними из сферы межчеловеческих взаимоотношений. Немалую роль могли сыграть и представления о «желтой угрозе», грозящей самим основам европейской цивилизации. В их

³⁶ Смотри, например: Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье/ Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Выпуск XI. СПб., 1912. С. 44; Духовецкий Ф. Желтый вопрос // Русский вестник. СПб., 1900, № 12. С. 743; Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 149; Тимофеев П. Порт-Франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М., 1908. С. 36; Л.К. Очерки истории сибирской жизни // Сибирские вопросы. СПб., 1911, № 1. С. 40.

³⁷ Смотри, например, талантливую зарисовку того времени: Вережников А. Китайская толпа // Современник. СПб., 1911, № 4. С. 124 — 134.

ракурсе благовещенская «утопия» представала как страшная, но необходимая, вполне обоснованная мера самообороны.

Возможна и простая случайность — например, события не «попали на перо» талантливому и влиятельному публицисту, не были, как сейчас говорят, «раскручены». Так не раз бывало и в дальнейшем. Скажем, насильственная депортация 60 тыс. «азиатов» из Уганды в 1972 году вызвала общемировой резонанс, а куда более масштабная и жестокая высылка миллиона ганцев из Нигерии осталась почти незамеченной³⁸.

Не исключено, однако, что причиной молчания стал ужас от случившегося. Две мировых войны, армянский геноцид в Османской империи, Холокост были еще впереди. Господствовали представления о том, что технический и экономический прогресс радикально изменил к лучшему человеческую природу носителей этого прогресса. И вдруг, говоря словами Сониной, «на пороге 20 столетия буржуазная Европа оказалась не менее варварской, чем полчища Тамерлана и Чингисхана»³⁹. Примириться с этим оказалось настолько трудно, что, возможно, произошло вытеснение события из общественной памяти. Общество постаралось забыть — и забыло.

Эти гипотезы не исключают друг друга, могли действовать все перечисленные причины. Сейчас вряд ли возможно вообще сказать, какая из них вернее. А вот для анализа причин, механизмов случившегося в Благовещенске погрома, для попыток понять логику поведения его участников и свидетелей информация в источниках имеется, хотя и крайне скудная и обрывочная.

Механизмы погрома

Несомненно, что население города внезапно оказалось в состоянии фрустрации, утраты неких основополагающих жизненных устоев. Буквально все свидетели говорят об охва-

³⁸ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996. С. 178.

³⁹ Сонин. Указ. соч. С. 20.

тившей город страшной панике. Могучая империя, защищенной частицей которой ощущали себя жители Благовещенска, оказалась где-то невероятно далеко. Страх увеличивался еще и тем, что враг был (или казалось, что был) не только «снаружи» (Китай на другом берегу Амура), но внутри сообщества, враг вездесущий и всепроникающий. К страху добавлялось огромное чувство унижения: китайцы, которых привыкли использовать, не замечать или снисходительно презирать, показались вдруг страшной силой. Возможно, выплеснулись подспудные страхи, формировавшиеся ранее.

Чувства страха и унижения сняли многие тормоза и социальные запреты. В том числе и на то отношение к китайцам, о котором писал Сонин, да и не только он: «в глазах нашего простолюдина китаец не человек, а «тварь», «животное»⁴⁰. И раньше многие наблюдатели отмечали широкое распространение немотивированного насилия над китайцами, повседневного их унижения, причем все это даже не воспринималось как эксцесс.

Талантливый наблюдатель писал: «Ходя», «китаюза», «купеца» — такое, как и везде, обращение к ним, обращение насмешливо-снисходительное, большого с малым, взрослого с подростком. Шелкнуть «ходю» в лоб, дернуть его за косу, дать ему «подножку», хорошего «тумака» — все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось просто так, любя, шутки ради... Обобрать, ограбить «ходю» среди бела дня, «укокошить» его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно, что зарезать барашка, и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей. И если «добрые люди» находили где-нибудь на дороге труп китаюзы, то просто за ноги оттащивали его в сторонку и спускали его в шурф; тем все и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими там следствиями никто себя не беспокоил. Есть из-за кого...»⁴¹.

Страх, униженность, привычка смотреть на китайца как на «тварь», вылились в безопасную и даже одобряемую возможность измываться над слабыми и беззащитными, дало

⁴⁰ Сонин. Ук. соч. С. 7.

⁴¹ Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. СПб, 1911, № 12. С. 30.

простор самым темным и страшным инстинктам. Погром приняла – одобрила или не осудила – и образованная часть благовещенского общества, считавшая себя форпостом европейской цивилизации на границе с азиатским варварством.

Не стоит забывать и о вещах сугубо материальных, практических. Повсеместный и тотальный грабеж китайцев позволил кому-то с приятностью провести пару вечеров в кабаке, а кого-то всерьез обогатил. На складах и в магазинах китайских торговцев скопились товары на огромные суммы – и все они были разграблены. Некому стало отдавать долги, а это тоже были немалые деньги. Китайцы были конкурентами русских рабочих на Амуре и золотых приисках. Их изгнание создавало огромный дефицит рабочих рук с вполне понятными для низов города последствиями.

Кстати, под шумок военных событий была решена проблема «зазейских маньчжур», долго бывшая головной болью для властей. Это были жители Зазейского района, отошедшего к России, но, согласно Айгуньскому договору, оставшиеся под юрисдикцией китайских властей. По переписи 1897 года, их насчитывалось 7608 душ. Их экстерриториальность и бесконтрольность невероятно раздражали местную администрацию, а освоенные земли привлекали небескорыстное внимание русского населения. В июле 1900 года район был ликвидирован, силами крестьянского ополчения китайские деревни сожжены, их население частично вырезано, частично бежало⁴².

* * *

Благовещенские события можно назвать модельной погромной ситуацией. С одной стороны – разъяренная, движимая самыми темными инстинктами толпа, с другой – подстрекательство властей. Опыт других городов региона показал, что без гласного или негласного согласия властей даже самая напряженная предпогромная ситуация в погром не переходит. Собственно, и в Благовещенске, стоило военному

⁴² Подробнее смотри: Дацышен В. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. М., 2001. № 2-3. С. 37 – 38.

губернатору решительно и открыто выступить против массовых убийств, как они прекратились.

И последнее: жизнь Благовещенска после войны. Без китайцев оказалось очень трудно поддерживать нормальное функционирование коммунальных служб, резко выросли цены на продовольствие, экономика края переживала тяжелый кризис. Не удивительно, что китайцы вскоре вернулись. Уже к 1907 году их число в городе достигло довоенного уровня, они вернули прежние экономические позиции. По словам корреспондента газеты «Сибирь», скрывшегося под псевдонимом «Хмурый оптимист», «по мере забвения прошлого, гонимые голодом и безработицей китайцы, с новой энергией хлынули на Амур и заняли твердое положение... Да и что может остановить голодных людей, ищущих заработка. К тому же на Амуре дела на всех хватит»⁴³.

⁴³ Сибирь. Иркутск. 1907. 10 янв.

«Благовещенская паника» 1900 года: версия власти

В действительности все было не так, как на самом деле.

Станислав Ежи Лец

Современники по-разному называли эти события: «осадой» или «бомбардировкой» Благовещенска китайцами, просто «военными событиями на Амуре»; «благовещенской паникой»; «кровавыми днями»; «вопиющим преступлением». Трагической кульминацией их стала осуществленная страшными мерами депортация проживавших в Благовещенске и его окрестностях китайских подданных, с легкой руки анонимного автора «Вестника Европы» известная как «Благовещенская «Утопия»². Это яркий и поучительный пример того, к чему может привести некомпетентность или даже полный паралич власти в критической ситуации. Это происшествие вначале сильно взбудоражило современников, потом было намертво забыто, и спустя век о нем снова вспомнили.

После многих десятилетий умолчания советской эпохи это событие постепенно становится объектом изучения российских ученых. Одних авторов оно интересует как эпизод Русско-Китайской войны 1900 г., либо как фрагмент из истории русско-китайских отношений³. Для других — это часть истории китайцев в России⁴. Н.И. Дубинина упоминает их в

¹ Сорокина Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского.

² В. Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7. С. 231-241.

³ Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб, 1996. С. 89-93; Он же. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск, 2000; Он же. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900-1901 гг. Красноярск, 2001. С. 208-217; Он же. История русско-китайских отношений (1618—1917 гг.). Учебное пособие. Красноярск, 2004. С. 146-149; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 281-284; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003 // http://igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html и др.

⁴ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 41-42; Он же. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 43-44; Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб., 2003. С. 328-338.

книге о приамурском генерал-губернаторе Н.И. Гродекове⁵. В диссертации А.В. Усовой события в Благовещенске рассматриваются через призму судьбы «зазейских маньчжур»⁶. В.И. Дятлова интересуют механизмы воздействия синдрома «желтой опасности» на население дальневосточной окраины империи и причины забвения события⁷.

Последнюю работу хотелось бы особо отметить потому, что поднятые в ней проблемы активно обсуждаются интернет-сообществом. Несомненным проявлением растущего общественного внимания к теме могут служить и публикации, вышедшие к юбилею Амурской области. Особенно сборник, куда вошли как современные исследования, так и репринты старых публикаций и фотографий. В аннотации к нему значится: «В издании освещаются события, происходившие на территории российского Приамурья и Китая во время восстания «боксеров» (ихэтуаней). Этот период был наиболее тяжелым в многовековых традиционно добрососедских отношениях двух великих держав. В силу ряда исторических причин, достоверных сведений о том трагическом конфликте, как в России, так и в Китае, сохранилось недостаточно. Данная книга в определенной степени восполняет этот пробел»⁸. Не умалчиваются события и в новейших изданиях, посвященных истории Благовещенска, Амурского казачества, амурским губернаторам.

«На войне, как на войне». — «Паника». — «Кровавые дни»

И современники, и их потомки оценивали события по-разному. Об этом говорят сами их названия: «благовещенская паника», «осада Благовещенска китайцами», «военные со-

⁵ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001.

⁶ Усова А.В. История китайцев, маньчжуров и дауров зазейского края во второй половине XIX века. Автореф. дисс. . . канд. ист. наук. М., 2005.

⁷ Дятлов В. Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 84-103.

⁸ Военные события в Приамурье. 1900–1902: Посвящается 150-летию Амурской области. Благовещенск-на-Амуре, 2008. 312 с. // <http://www.amurfair.ru/book-nal/page/1/>

бытия на Амуре», а также «кровавые дни» и «благовещенская «Утопия».

В целом можно выделить три основных точки зрения, к которым тяготели в той или иной мере оценки событий современниками. Если использовать публицистический слог того времени, то условно назовем их «на войне как на войне», «кровавые дни» и «паника». Первые две полярные: на одном полюсе все, кто, не одобряя жестокостей, оправдывал случившееся условиями военного времени («**на войне, как на войне**»), на другом все, кто бичевал власти и общество за содеянное, считая, что никакого оправдания за это «вопиющее преступление» быть не может («**кровавые дни**» или «нет нам прощения»). По оценке О.А. Тимофеева, «...благовещенские авторы А.В. Кирхнер и Н.З. Голубцов в своих работах сосредоточиваются на эпизодах воинской славы и отваги российских солдат и офицеров, игнорируя военные преступления, либо оправдывая их тем, что китайцами «была предательски открыта бомбардировка по беззащитному и невооруженному городу», в то время как представители общественно-либерального направления в столичной и эмигрантской российской журналистике Л.Г. Дейч и авторы статьи «Благовещенская «Утопия» большое внимание уделяют расправам над мирным китайским населением, справедливо возлагая значительную часть вины за них на местные власти Приамурья»⁹.

Особняком стояли те, кто пытался если не оправдать, то понять, объяснить случившееся («**благовещенская паника**»). Из воспоминаний жительницы Благовещенска: «Об этой переправе в свое время достаточно писали в русской прессе, причем благовещенцев или восхваляли за энергичный образ действий: «концы в воду и вся недолга» — или укоряли за негуманное и варварское обращение с «мирными» китайцами. **Золотой середины неоставало!** (выделено мной. — Т. С.)»¹⁰. Сама она придерживалась мнения, что это была вынужденная, но необходимая мера, более того — единственная в тех условиях.

⁹ Тимофеев О.А. Указ. соч.

¹⁰ Никитина К. Осада Благовещенска китайцами в 1900 году. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1910. Окт. С. 222.

Примерно так же разделились и мнения современных исследователей. По мнению А.Г. Ларина, «городские власти решили выселить китайцев за Амур с целью лишить противника его потенциальных союзников на нашем берегу, что и было сделано в спешном порядке спустя несколько дней после начала военных действий. К сожалению, **акция эта, сама по себе, может быть, и логичная в военное время**, была осуществлена, судя по литературе, с помощью жестоких методов»¹¹.

Подход, названный нами «кровавые дни», больше представлен в публицистике. Вот характерная цитата из газеты «Амурский комсомолец»: «103 года назад благовещенские казаки убили около пяти тысяч китайцев. Их штыками загоняли в ледяные бурные воды Амура – реки Черного Дракона. Почти все они утонули. Тех, кто упирался, убивали на месте. Так русские насаждали свое господство в этом районе Восточной Азии, выдворяя китайское население за установленные Россией границы. Сегодня об этом никто не вспоминает...»¹². Чего стоят одни «ледяные бурные воды Амура» в разгар июльской жары! Разделяют эту позицию и некоторые исследователи. О.А. Тимофеев полагает, что «многих администраторов захватила волна **шовинизма**, вызванная началом боевых действий... В любой войне наиболее уязвимыми являются мирные жители, не только становящиеся ее случайными жертвами, но и часто подвергающиеся **геноциду** со стороны властей враждебного государства. В 1900 г. власти Амурской области **показали негативный пример такого рода**»¹³.

Есть также и сторонники концепта «паники». В.Г. Дацышен склонен считать, что «говорить о запланированном уничтожении китайцев оснований нет. Очевидно, главная причина – **страх**. Впервые на Амуре русское население встретилось с реальной угрозой войны с Китаем. Страх не оставил у простых людей места для сострадания в их душах. Это позволило бесконтрольно действовать людям, руководствующимся лишь

¹¹ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 44.

¹² Цит. по: Рыжова Н.П. Трансграничный народный рынок в Благовещенске/Хэйхэ // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 160.

¹³ Тимофеев О.А. Указ. соч.

звериными инстинктами и, к сожалению, многие из них были облечены властью»¹⁴. Или его же: «убийства китайцев на Амуре были обусловлены **паникой** среди русского населения, корыстью и непрофессионализмом местных властей»¹⁵.

Некоторые авторы стремятся только изложить факты, предлагая читателю самому судить о случившемся. Но даже при таком подходе сам за себя говорит подбор фактического материала, поскольку очень многое в реконструкции событий зависит от того, какие источники при этом используются.

Два источника — одна версия

Фактическая сторона происшедшего хорошо известна и подробно описана как по официальным источникам, так и воспоминаниям современников. Известны архивные документы (в частности, из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока), специальные сборники документов и материалов о военных событиях на Амуре в 1900 г., периодическая печать, особенно благовещенские газеты, а также воспоминания очевидцев и другие дореволюционные публикации.

Больше всего ссылок на два источника. «Рассказ очевидца» — изданные в разных вариантах, под разными фамилиями (Сонин и Л.Г. Дейч), под разными названиями («Бомбардировка Благовещенска китайцами» и «Кровавые дни») воспоминания ссыльного социал-демократа Л.Г. Дейча¹⁶. Другой источник — статья «Благовещенская «Утопия» из «Вестника Европы». В.И. Дятлов полагает, что анонимный автор из «Вестника Европы» «наиболее полно реконструирует» эти события, а воспоминания очевидца происшедшего Сонины дополняют его картину¹⁷.

А.О. Тимофеев, со ссылкой на эти же тексты пишет, что в отличие от «ангажированных властью» благовещенских авторов,

¹⁴ Дацышен В.Г. Русско-Китайская война ... С. 93.

¹⁵ Дацышен. В.Г. История русско-китайских отношений. ... С. 146.

¹⁶ Сонин. Бомбардировка Благовещенска китайцами (рассказ очевидца) / Оттиск из «Зари». № 4. Б.м. Б.г.; Дейч Л. Кровавые дни. СПб., 1906; Он же. 16 лет в Сибири. М., 1924 и др.

¹⁷ Дятлов. В.И. Указ. соч. С. 89.

«многие работы, изданные в Петербурге и в эмиграции, имели крайне оппозиционную в отношении генерал-губернатора Приамурья Н.И. Гродекова и военного губернатора Амурской области К.Н. Грибского направленность»¹⁸. По оценке А.И. Петрова, «несомненную ценность имеют свидетельства двух очевидцев происходившего на Амуре, которые к тому же были иностранцами. Это – Лео Дейч (его сообщения, скажем для сведения, А. Малоземов назвал «наиболее важным источником информации об этом событии»)…»¹⁹. Очень похоже на то, что иностранный корреспондент в Благовещенске «одной из газет» Лео Дейч и ссыльный революционер Лев Григорьевич Дейч – одно и то же лицо.

Эти публикации часто привлекаются как основные источники информации для реконструкции благовещенских событий. В то же время их критике внимания практически не уделяется. Попытаемся восполнить этот пробел.

Когда используют формулу «по данным Дейча», обычно не задаются вопросом, откуда почерпнуты эти «данные». У него есть описания событий, очевидцем которых он был или мог быть – он жил в это время на поселении в Благовещенске, работал журналистом в газете «Амурский край» (по некоторым данным, был ее фактическим редактором). В качестве корреспондента присутствовал на экстренном заседании городской думы в воскресенье 2 июля, накануне бомбардировки (и его воспоминания об этом могут служить великолепным источником по «панике» среди руководства города), был свидетелем бомбардировки или осады Благовещенска китайцами и т. п. Но он не был свидетелем грабежей, убийств китайцев и всех тех злодеяний, которые так эмоционально описывает. При этом сам Дейч широко использует выражения «стали поговаривать», «как передавали мне», «говорят», «трудно установить», «как сообщали», «по утверждению компетентных лиц» и т. д. и т. п.

К чему, например, сводятся его доказательства нечистоплотности полиции, расхищавшей имущество китайцев: «Дело в том, что после «переправы» китайских подданных, их

¹⁸ Тимофеев О.А. Указ. соч.

¹⁹ Петров А.И. Указ. соч. С. 329.

имущество, впредь до назначения судом опекунов, находилось на хранении у полиции. Из этого некоторые полицейские чиновники сделали очень выгодную статью дохода. Это **не трудно себе представить a priori**, если принять во внимание то смутное время, а так же и то, что в Благовещенске и его окрестностях было несколько сот китайских магазинов, лавок и тому подобных учреждений, в которых осталось разного рода имущества и товар на несколько миллионов рублей». Или о причастности к хищениям военного губернатора Амурской области: «...**все в городе говорили**, что Шабанов делил доходы с генералами. **Насколько слух верен, не знаю**, но, судя по всему, он очень правдоподобен: **трудно представить себе** даже, чтобы эти злодеяния совершались без ведома местного сатрапа»²⁰ и т. п.

И конечно, он не мог быть очевидцем переправ и располагать документами официального расследования, хотя бы потому, что он уехал из Благовещенска до официального прекращения расследования. Ему «стало крайне тяжело жить в Благовещенске, в котором каждая улица и чуть ли не каждый дом напоминали о массе убитых и ограбленных», и он решил уехать «тотчас после прекращения бомбежки» во Владивосток²¹, а в 1901 г. ему удалось бежать в Мюнхен.

Как он узнал о переправах? Вот как сам он об этом вспоминает: «Однажды, когда я сидел в своей комнате за какой-то работой, ко мне, запыхавшись, быстро вошел бледный, как мертвец, Чхотуа и дрожащим от волнения голосом воскликнул:

— Слышали? Их всех потопили!

— Кого? Где? — спросил я.

— Китайцев! Это позор, неслыханное злодеяние!

Честнейший Давид Иванович не мог прийти в себя от негодования. Мирный и терпеливо ко всему относившийся, бесконечно добрый человек, он теперь кричал чуть не в исступлении, что прервет знакомство с теми, кто решится сколько-нибудь оправдать это вопиющее преступление»²².

²⁰ Дейч Л. Кровавые дни. С. 22-23.

²¹ Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. С. 375.

²² Там же. С. 372.

То есть Л.Г. Дейч видел то, что видели все: «Я отправился на набережную, и глазам моим представилось ужасное зрелище: по Амуру плыло огромное число трупов; они неслись на значительном пространстве реки такой сплошной массой, что решительно невозможно было сосчитать их»²³. Об остальном он мог только догадываться, предполагать, судить по слухам, которые в огромном количестве ходили по Благовещенску, по сообщениям из газет и т. п. Возможно, он провел, выражаясь современным языком, что-то вроде собственного «журналистского расследования», чему способствовала его работа в газете («я **расспрашивал всех и каждого...**»²⁴), но, тем не менее, сложно судить о достоверности изложенных им фактов.

Дело даже не в том, что большинство сведений Л.Г. Дейча основано на слухах, соответствующих или не соответствующих действительности. Вполне допускаю, что действительность превзошла самые страшные «рассказы очевидца». Но нельзя не учитывать тенденциозность и односторонность автора и политическую заостренность его публикаций, главной целью которых было обличить существующий режим в лице «местных сатрапов».

Очевидно, чтобы усилить эффект от совершенного злодеяния приамурских властей, Л.Г. Дейч сначала нарисовал прямо-таки идеальный портрет китайских мигрантов и не менее идиллическую картинку их взаимоотношений с русским населением далекой окраины: «До невероятности ограниченные в своих потребностях китайцы и маньчжуры решительно никогда не были замечены не только в каких-либо преступлениях, но даже в мелких предосудительных проступках. Их честность, добросовестность и прямота были общепризнанными чертами их характера и во многих крупных учреждениях, в разных промышленных фирмах и компаниях, а также в частных домах, на китайских подданных, как на служащих и прислугу, все безусловно полагались и вполне им доверяли. Они, как говорится, были способны на все руки, и во многих русских семьях, имевших в качестве прислуги молодых китайцев и маньчжур, к ним привязывались, как к родным. Нередко их

²³ Дейч Л.Г. 16 лет ... С. 373.

²⁴ Дейч Л. Кровавые дни. С. 18.

обучали русскому языку, каковому занятию они предавались с удивительным прилежанием: за русской книжкой и письмом они просиживали далеко за полночь и благодаря такому усердию, делали быстрые успехи... Отношения между жителями обеих стран были самые мирные: как русские подданные, так и китайские, без всяких решительно предосторожностей и паSPORTов свободно переходили в соседнее государство, проявляя взаимно полное доверие, ездили друг к другу в гости»²⁵.

Это слишком даже для самых ярых защитников «желтого труда» на Дальнем Востоке. Хорошо известно, что взаимоотношения с выходцами из соседних восточных стран, в том числе с китайскими мигрантами, всегда были, мягко говоря, непростыми и составляли предмет особой заботы как местной, так и центральной власти с момента присоединения Приамурья и Приморья к России.

В конечном итоге весь обличительный пафос ссыльного революционера в адрес приамурской администрации, направлен против царских властей: «Содрогнулся цивилизованный мир, когда впервые узнал о благовещенских ужасах. Считали их преувеличенными. Агенты русского правительства распускали слухи, что это вымысел зловредных революционеров анархистов. Но Россия прогрессировала: то, что цивилизованному миру казалось невероятным даже на отдаленной окраине Восточной Сибири, сделалось действительным фактом во многих центрах Европейской России. Начав с мирных китайцев в 1900 г., господа Грибские перешли к столь же беззащитным земским врачам, евреям, рабочим, армянам, полякам, студентам, интеллигенции»²⁶.

Скажем еще раз: для Дейча благовещенские события — это повод, чтобы выступить против «господ Грибских» в российском масштабе. Задача разобраться в случившемся отходит на второй план.

Анонимный автор из «Вестника Европы» пишет, «пользуясь материалами, почерпнутыми из официальных судебных архивов»²⁷. В отличие от эмигранта Л.Г. Дейча, он вынужден

²⁵ Дейч Л. Кровавые дни. С. 4-5.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ В. Благовещенская «Утопия». С. 231.

скрывать свою фамилию, не указывает и каким образом ему оказались доступны материалы «судебных архивов» и что это были за архивы. Можно предположить, что позднее на эти материалы опирался В.Г. Дацышен, ссылаясь на дело из фонда канцелярии военного губернатора Амурской области: РГИ-АДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 1134.

Некоторые приводимые им цитаты текстуально полностью совпадают с выдержками из «Благовещенской «Утопии». Оба цитируют текст одной из телеграмм председателя войскового правления полковника Волковинского: «Нужно быть сумасшедшим и неразумным, чтобы спрашивать, что делать с китайцами, когда сказано уничтожить их, то и следует уничтожить без рассуждения»²⁸. Но, к сожалению, оба автора не указывают, что за документ они цитируют. Одно дело, если это текст самой телеграммы, другое – если это запись с чьих-то слов в ходе следствия. Поскольку ни один из известных нам исследователей, ссылающихся на дело 1134, не только не охарактеризовал его содержания, но даже не привел его полного названия, сложно судить, какого рода документы в нем отложались. Это переписка следственных органов с канцелярией военного губернатора? Это сами протоколы следствия, с допросами обвиняемых и свидетелей? Это составленные по ним справки, рапорты, представления? Нет ответа.

В.Г. Дацышен, ссылаясь на вышеуказанное дело, пишет: «Произведенное вскоре следствие по всем этим фактам пришло к выводу о «почти поголовном истреблении всех китайцев»²⁹. Сразу возникает масса вопросов: что это за документ – заключительный протокол следствия или, может быть, чей-то рапорт, есть ли у него автор и адресат, на каком основании следствие пришло к такому выводу, кто проводил следствие и т. д. и т. п. Материалы этого дела еще ждут своего исследователя и пока невозможно с уверенностью утверждать, что именно здесь содержатся те материалы «официальных судебных архивов», на которые ссылался анонимный автор «Вестника Европы». Пока можно лишь утверждать, что он имел доступ к документам канцелярии военного губернатора Амурской области, а не «судебных архивов».

²⁸ Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. С. 92; В. Указ. соч. С. 238.

²⁹ Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 91.

Допустим, что все приведенные автором цитаты действительно взяты из следственных документов (увы, без сносок), тем более, что многие факты из этой статьи подтверждаются другими источниками. Тем не менее, и к этой информации не стоит относиться как к «истине в последней инстанции». Это одна из интерпретаций случившегося, как и «рассказ очевидца» Л.Г. Дейча. И, как справедливо подметил В.И. Дятлов, «существенных расхождений в их версиях не содержится»³⁰. Можно сказать, что это одна версия происшедшего. Но не единственная.

Сейчас введены в научный оборот документы из дела канцелярии приамурского генерал-губернатора «С обязательными постановлениями и объявлениями об охране личности и безопасности китайцев во время беспорядков 1900 г. 1900—1902 гг.»³¹. Здесь отложились документы, появившиеся, по выражению А.И. Петрова, «несколько позднее» событий. Иначе говоря, нет источников, на основе которых составлялись донесения высшего начальства Амурской области в Хабаровск.

Между тем, как раз такие материалы отложились в деле «О переправе китайцев на правый берег Амура. (4 июля 1900 — 17 июня 1902 гг.)» из фонда канцелярии военного губернатора Амурской области³². На их основе посмотрим, как «выдворение китайцев» выглядит в свидетельствах непосредственных исполнителей и очевидцев происшедшего, зафиксированных самым первым дознанием, проведенным по распоряжению военного губернатора, а также в представлениях лиц, ответственных за их депортацию из города. Эти рапорты и донесения позволяют не только уточнить масштабы трагедии, но и выявить роль местной власти в формировании официальной версии происшедшего.

«Положение города было отчаянное»

Чтобы лучше представить обстановку в Благовещенске накануне и после начала бомбардировки, обратимся к воспоминаниям К. Никитиной. «Точно камень, брошенный мет-

³⁰ Дятлов, В.И. Указ. соч. С. 89.

³¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 347.

³² Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897.

кой рукой в заснувшее, покрытое плесенью и тиной болото, мобилизация всколыхнула и взбудоражила невозмутимую тишь города»³³. Мобилизация заметно изменила отношение местного населения к китайским мигрантам — от недоумения, что делать с нанятыми работниками, и тревоги за урожай («...имею я теперь в услужении трех маньжур! Неужели же выгнать их! А в страду-то я как же?») до кровавых расправ («На тебе, на, тварь бусурманская! Получай! Чувствуй! За тебя идем кровь свою проливать!»).

Обстрел города с китайской стороны вызвал страшную панику: «По улицам творилось что-то невероятное. Народ с криком, плачем, бранью валом валил за город. В воздухе стоял от смешанного гула многих голосов и свиста пуль, то и дело пролетавших над головой. По самой середине улицы непрерывной вереницей тянулись экипажи, битком набитые седоками...». «Говор и крики людей, ржание лошадей, пронзительный скрип колодца, гром пушечных выстрелов, трескотня ружейных — все это смешивалось в один оглушительный, нестройный и ужасный для непривычного уха концерт. Таким образом начинался первый день осады, о котором и по сей час многие благовещенцы вспоминают как о нелепо-ужасном кошмаре, приключившемся наяву. С минуты на минуту ожидалась китайская вылазка и атака. Все бегали, суетились, молились и плакали. Поминутно и неизвестно откуда появлялись вестники с самыми разнообразными, противоречащими друг другу вестями. Один торжественно заявлял, что из Сретенска пришли войска на помощь, другой, захлебываясь от ужаса, лепетал, что никаких войск ни откуда не приходило, что китайцы, по всей вероятности, скоро начнут переправу и возьмут город, третий, из сил выбываясь, доказывал, что китайцы уже начинали атаку и были отбиты. Народ жадно слушал всех этих господ, не зная, кому верить, то и дело переходя от радости и надежды на спасение к полному отчаянию и наоборот»³⁴.

«В городской управе толпа дралась из-за раздаваемого второпях оружия, так как его не хватало всем желающим во-

³³ Никитина К. Указ. соч. С. 209.

³⁴ Там же. С. 215, 216-217.

оружиться, и собиралась ломать и грабить магазины для восполнения этого недостатка. Губернатора в городе не было, он с остатком войск был под Айгуном. Городской голова был болен. Прочие же власти как-то «испарились», потерялись в общей панике и растерянности. Положение города было отчаянное. Сделай китайцы вылазку в это время, город был бы в их власти без особых трудов»³⁵.

Депортации, убийствам китайцев и грабежам их имущества К. Никитина уделяет всего один абзац в 23 строки. «Больше всего проявило себя благовещенское начальство, — писала она, — в деле переправы проживающих в городе китайцев на неприятельскую сторону.. Несомненно, что в деле переправы китайцев начальство несколько поусердствовало, может, даже, «пересолило». Смягчающим обстоятельством этого поступка являлось поистине критическое положение города. Китайцев в городе к началу осады оставалось еще тысячи три-четыре. Ютились они, главным образом, в отведенном для них так называемом китайском квартале. Там после находили прокламации «Большого Кулака», в которых им приказывалось поджечь город для облегчения задачи своим соплеменникам. Китайцев стали собирать. Собрали и... призадумались! Что было делать с ними? Караулить их? — Некому! Оставить их без призора в городе? — Немыслимо! У этих мирных китайцев находили и порох, и оружие, и удавки! Оставалось одно лишь средство: переправить! Китайцев пригнали на берег и приказали им отправляться на свою сторону, за неимением лодок — вплавь. Китайцы повиновались. Из Сахалина свои же открыли по ним огонь. Китайцы тонули... сотнями...»³⁶.

К сожалению, мы не располагаем никакими данными о мемуаристке и о времени написания воспоминаний. Вышли они спустя 10 лет после осады Благовещенска (судя по всему, тогда же и были написаны), но атмосфера паники в них представлена очень ярко.

³⁵ Никитина К. Указ. соч. С. 216.

³⁶ Там же. С. 222.

«Дело было, в действительности, в следующем...»

Уже 4 июля, в первый же день «выдворения китайцев», помощник пристава 2 участка Шабанов, руководивший операцией, представил рапорт благовещенскому полицмейстеру Батаревичу, который, в свою очередь, препроводил его в канцелярию военного губернатора области (здесь и далее орфография и пунктуация источника сохраняются): «Приняв с. ч. от пристава Левина китайцев около 1300 человек, я с двумя казаками, городовым Москалевым и несколькими вольными охотниками повел по направлению к поселку Верхне-Благовещенскому. Перейдя гору, китайцы от следования далее отказались, но мною были заставлены подчиниться. Таким образом прошли горами, не были замеченными с противоположного берега китайцами и опустились к берегу Амура выше поселка Верхне-Благовещенского, где, за неимением перевалочных средств, китайцы стали переплываться вплавь. Расстояние не более 60 саж., при переправе большинство китайцев идти отказалось и принятым строгим мерам не подчинилось, почему казаки Верхне-Благовещенского поселка сделали несколько выстрелов, полагаю, что были жертвы, часть китайцев утонуло, а большая часть переплыла на свою сторону»³⁷.

Очевидно, что этот документ был известен автору «В.», поскольку он цитировал его заключительную часть: «Устроители кровавых переправ нисколько не скрывали своих действий. Пристав Ш. в тот же самый день — 4 июля — донес о первой переправе по начальству. В своем рапорте он наивно «полагает, что были человеческие жертвы: часть китайцев утонула, а большая часть (!) переплыла на свою сторону»³⁸. Как раз наоборот, можно предположить, что Шабанов пытался скрыть всю правду о случившемся. Именно поэтому его рапорт столь лаконичен и неопределенен, особенно относительно числа жертв. Не так уж помощник пристава и «наивен»: он не мог не знать действительных последствий

³⁷ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 1.

³⁸ В. Указ. соч. С. 235.

«переправы», но не доложил о них, поскольку боялся, что ответственность за происшедшее будет лежать на нем.

Численность первой партии китайцев – «около 1300 человек» – подтверждается рапортом советника войскового правления Амурского казачьего войска есаула Реймана от 6 июля 1900 г. на имя командующего войсками Амурской области. По поручению К.Н. Грибского он провел самое первое расследование, «по горячим следам» опросив свидетелей. Приведем текст этого «дознания о переправе китайцев, выдворенных из города», полностью:

«По опросу, поселковый атаман и другие свидетели из казаков пос. Верхне-Благовещенский показали:

1) Поселковый атаман, казак Косырев³⁹ 4 с. июля получив распоряжение от Войскового правления, приведенных помощником пристава 2 участка Благовещенского Городского полицейского управления китайцев, числом более 1000 чел. отправить на их китайскую сторону, он привел их за конвоем из льготных казаков на отмель против станицы и предложил им переплыть на свою сторону, как они хотят, вброд не вплавь, так как перевозочных средств в станице не было. Сначала они не шли и многие порывались бежать. Тогда он принял более строгие меры и китайцы партиями, человек по 10 и 20 пошли в воду. А так как отмель в том месте, где переплывались китайцы весьма большая, так что сажень на сорок они все шли бродом и потом уже только всплывали, то остальные более смелые пошли за первыми партиями в воду и мало помалу начали все переплываться, некоторые разделились и бросили платье на берегу, другие делали из платья что-то наподобие пузырей⁴⁰ и с помощью их переплывались на другую сторону. Многие же пытались во всем одеянии пе-

³⁹ У О.А. Тимофеева указана другая фамилия атамана поселка Верхне-Благовещенский – Писарев, у анонимного автора «Благовещенской «Утопии» «атаман Н.». Поскольку все остальные первые буквы фамилий «Ш.», «Б.», «В.» и т. д. соответствуют реальным фамилиям Шабанов, Батаревич, Волковинский, то вполне допускаю, что Косырев – это неверное прочтение фамилии атамана. Многие документы в этом деле рукописные, почерк не всегда легко разобрать.

⁴⁰ О.А. Тимофеев по поводу пузырей из одежды заметил, что «атаман Писарев нарисовал фантастическую картину». А почему, собственно, этого не могло быть? Военным хорошо известно, что солдатская гимнастерка, набитая речной травой, может служить отличным

реплывать и почти все перетонули. Из всей партии удалось добраться до той стороны человекам 300, не более.

2) Свидетели казаки Владимир Шульгин, урядник Костромин и казаки Косырев, Семенов, Мунгалов и др. показали, что 4 с. июля, по назначению поселкового атамана, они конвоировали приведенных из города китайцев для переплава на ту сторону. Привели их на отмель против станицы и приказали переходить Амур. Они сначала не хотели идти и даже пробовали бежать, но мы их заставили идти в воду. Сажень на 50 они все брели, а потом начали всплывать, много перетонуло. Перебрались на ту сторону из всей партии от 100 до 200 человек, не больше»⁴¹.

Есаул не нес ответственности за происшедшее, ему не было резона скрывать правду от губернатора. Другое дело, насколько правдивыми были показания опрошенных им свидетелей. Через несколько дней, 10 июля, это первое «дознание» было препровождено «для производства следствия прокурору Благовещенского окружного суда...»⁴².

Благовещенские власти не сразу донесли о случившемся в Хабаровск, что впоследствии было поставлено в вину военному губернатору Амурской области К.Н. Грибскому. Депешей от 20 июля 1900 г. приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков потребовал объяснений: «Широко циркулирует слух, будто в Благовещенске совершено нами массовое избиение всех проживающих в городе мирных и безоружных китайцев. Благоволите с полной правдивостью телеграфировать, было ли какое-либо основание для вышеупомянутого случая, и что делается с благовещенскими китайцами»⁴³. С этого времени началась переписка между канцелярией военного губернатора Амурской области и благовещенским полицмейстером, с одной стороны, и канцелярией приамурского генерал-губернатора — с другой.

плавсредством, позволяющим хорошо держаться на воде. Китайская одежда из грубой материи, например, дабы, могла играть такую же роль.

⁴¹ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 2-3.

⁴² Там же. Л. 11.

⁴³ Там же. Л. 4.

Депеша Н.И. Гродекова, как следует из ответной телеграммы (от 27 июля) К.Н. Грибского в Хабаровск, была доставлена ему на позицию во время боя у Колушан, откуда он приказал ее переслать для исполнения временно оставшемуся за него вице-губернатору С.Н. Таскину. Как оказалось впоследствии, телеграмма эта своевременно в Благовещенск не была доставлена, поэтому задержались с ответом. Вот как выглядят события в телеграмме губернатора: «Дело было, в действительности, в следующем: до сведения моего дошло, что 4 июля при переправе у пос. Верхне-Благовещенского на правый берег Амура 800 китайцев, пожелавших оставить город, часть их потонуло». Одновременно губернатор доложил, что «5 числа приказал произвести дознание, которое было мне представлено 9, а 10 дело это было передано прокурору для производства форменного следствия, которое еще не закончено. Независимо сего мною 9 и 15 июля объявлены были постановления о принятии городской, земской и казачьей полицией самых энергичных, безотлагательных мер относительно охранения личности и имущественной безопасности проживающих в области мирных китайцев. В настоящее время в городе находятся под охраной до 150 китайцев, образующих особую артель землекопов, которые с завтрашнего дня будут поставлено на работы по возведению укреплений в Сахальяне, потом Айгуне. Кроме того в селениях и поселках проживают мирные китайцы, занимающиеся по-прежнему торговлей и полевыми работами; о результатах следствия донесу, объявления мои высылаю почтой»⁴⁴.

«...чтобы объяснили, в чем дело, а не говорили загадками»

Н.И. Гродекова этот ответ не устроил. Из его канцелярии сообщалось, что «командующий войсками положил резолюцию телеграфировать, чтобы объяснили, в чем дело, а не говорили загадками»⁴⁵. Требовался более обстоятельный и правдивый ответ. Сам К.Н. Грибский, вероятно, был не вполне в курсе событий, поскольку все это время занимался военными

⁴⁴ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 5-6.

действиями в Маньчжурии. Подробное изложение событий было представлено в рапорте полицмейстера Благовещенска Батаревича от 29 июля вице-губернатору Амурской области С.Н. Таскину. Этот текст приведем полностью, поскольку он лег в основу сначала донесений областного начальства в Хабаровск (в частности, рапорта-телеграммы вице-губернатора от 30 июля, на который часто ссылаются исследователи), а затем высшей краевой власти в центр. «Во исполнение личного приказанія Вашего Превосходительства имею честь донести, что по поводу переправы китайцев могу объяснить следующее: мне приказано было собрать всех находящихся в городе китайцев и переправить на ту сторону Амура, для чего построить на берегу и предложить им просить с той стороны присылки лодок. Так как китайцев было собрано до полутора тысячи и потребовался бы большой конвой, чтобы окружить их, а бомбардировка продолжалась и конвой подвергнулся бы обстреливанию, то я перевел китайцев к перевозу на Зее, желая перевезти их в Зазейский участок, предложив им достать у своих лодки и переехать на Сахалин, но г. Военный Губернатор с этим не согласился, и тогда решено было китайцев отправить в п. Верхне-Благовещенский, куда китайцы под конвоем с помощником пристава Шабановым были отправлены, Шабанов должен был обратиться за лодками и содействием к поселковому атаману, а заведующий казачьим населением г. полковник Волковинский мною также был предупрежден и, насколько мне известно, сделал распоряжение поселковому атаману оказать полное содействие при переправе китайцев.

Из донесения помощника пристава Шабанова видно, что по приходе в Верхне-Благовещенское он обратился к поселковому атаману, последний отказал, боясь, чтобы ими не воспользовался неприятель, тогда началась переправа вплавь, во время последней разъяренные озлобленные казаки поселка Верхне-Благовещенска по поплывшим китайцам дали залп, сколько было убито и ранено неизвестно. Поселковый атаман, помощник пристава просили, уговаривали не стрелять.

В виду вышеизложенного при следующих двух отправлений я просил при назначении конвоя присылать таковой при офицере, из донесений офицеров видно, что дальнейшие пе-

реправы прошли благополучно, хотя по частным сведениям известно, стрельба была, и она, говорят, началась китайцами с той стороны.

Более точных сведений дать не могу»⁴⁶.

В донесении вице-губернатора Таскина в Хабаровск рапорт полицмейстера был дополнен сведениями о том, что в Благовещенске накануне бомбардировки проживало «более двух тысяч китайцев» и аргументами о необходимости их депортации: «Ввиду резких проявлений враждебного настроения [к] китайцам со стороны горожан явилась масса просьб избавить город от проживающих в нем китайцев, якобы злоумышлявших поджечь город». Вице-губернатор также доложил о «дознании», проведенном по распоряжению губернатора, которое «будет закончено на днях», и о положении оставшихся в городе китайцев, из которых одни находились «в составе артели под ближайшим надзором полиции», а другие «на попечении и на поруках у частных лиц»⁴⁷.

«Запросить полицмейстера»

Когда сведения о «благовещенской «Утопии» дошли до столицы, приамурский генерал-губернатор получил телеграмму от начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Сахарова: «Благоволите телеграфировать, справедливы ли сведения статьи «Амурского края», что в Благовещенске было умерщвлено множество несчастных жертв, которые были согнаны и перебиты. Необходимо так или иначе контролировать сведения, отправляемые в столичные издания, тем более помещаемые местными газетами»⁴⁸. В ответ была отправлена копия с рапорта вице-губернатора Таскина от 30 июля, с зашифрованными по распоряжению правителя канцелярии словами – «переплаваться вплавь», «сопротивлялись», «принудили силой», «многие потонули» и т. п. По поводу критики «сверху» относительно цензуры, к рапорту Таскина

⁴⁶ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 7-8.

⁴⁷ Там же. Л. 11-12.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

была сделана приписка: «О принятии мер против появления в печати неверных сведений распоряжение сделано»⁴⁹.

Чем выше по инстанциям распространялись известия о благовещенских событиях, тем конкретнее становились вопросы высшего начальства. Так, генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, понимая, что ему придется отвечать перед Петербургом, в телеграмме от 29 августа 1900 г. просил К.Н. Грибского сообщить ему «дополнительно, под чьим надзором и ответственностью отправлена была из Благовещенска первая партия китайцев, какие были даны указания относительно способа и порядка переправы их через Амур и какие вообще были приняты со стороны администрации меры для предупреждения гибели означенных китайцев», а также «каким способом были переправлены на правый берег Амура остальные две партии китайцев»⁵⁰. Не владеющий информацией К.Н. Грибский, чтобы ответить на поставленные генерал-губернатором вопросы, наложил резолюцию: «Запросить полицмейстера».

Благовещенский полицмейстер 7 сентября представил новый, более обстоятельный, рапорт: «...вследствие словесного приказания Его Превосходительства г. Губернатора мною были собраны проживавшие во время бомбардировки в городе китайцы для отправления на ту сторону. Дать им лодки, чтоб они переправились самостоятельно, значило передать все перевозочные средства в их руки и самим остаться без них. Ввиду этого я решил переправить их на Зейском перевозе, через Зею, а там предложить им уже самим отыскать средства для переправы, так как моя задача была выселить их из города, оставлять, где их нельзя было, опасаясь как поджогов с их стороны, так и истребление их разъяренными жителями. Переправу через Зею Его Превосходительство господин Губернатор отклонил, и решено было отправить китайцев в поселок Верхне-Благовещенск, где, по собранным сведениям, имелись лодки. Собранная таким образом партия была отправлена в Верхне-Благовещенск под наблюдением помощника пристава Шабанова, двух вестовых казаков, на-

⁴⁹ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 21.

⁵⁰ Там же. Л. 12.

значенных от полка вестовыми по 4 июля, и добровольцев Левейко и Регищевского и 80 новобранцев. Чтобы казаки не производили стрельбы по партии китайцев, мною был предупрежден Председатель Войскового правления полковник Волковинский. Шабанов, приняв от пристава Левина партию китайцев, повел ее горами в Верхне-Благовещенск. Дойдя до казачьих лагерей и, зная, что далее идет чаща, Шабанов послал партию вперед, а сам поехал в лагерь, где ему Вахмистром было дано 6 казаков, при этом Шабанов предупредил вахмистра, что в китайцев стрелять нельзя, данных казаков послал к партии, а сам направился туда же, послав вестового казака в поселок предупредить атамана, чтобы он приготовил переправочные средства. В Верхне-Благовещенске Шабанов обратился к атаману, чтобы он дал для переправы китайцев бывшую на берегу шаланду, поднимавшую до 500 [человек] и лодки, но атаман в этом отказал, объясняя, что никто из казаков плавить китайцев не будет. Когда же Шабанов сказал атаману, что китайцы сами, без помощи казаков, могут переправиться, то атаман категорически отказал в выдаче для китайцев перевозочных средств. В это же время в верстах полуторах выше Верхне-Благовещенска казаки самопроизвольно погнали китайцев в реку и стали в них стрелять. Шабанов и атаман отправились туда, приказывали, в присутствии добровольцев Левейко и Регищевского, прекратить пальбу, но казаки приказания не исполнили и стрельбу продолжали. Стрельба продолжалась более получаса. Оставшиеся живыми китайцы, напуганные стрельбой казаков, пустились вплавь на правый берег Амура и остановить их было поздно и невозможно.

Что же касается второй и третьей партии китайцев, то таковые сопровождалась офицером с конвоем новобранцев и городовых. Перевозочных средств этим китайцам дано не было, переправлялись они вплавь и на ту сторону перешла самая малая часть. Об отправке остальных двух партий мною также просилось содействие со стороны полковника Волковинского»⁵¹.

⁵¹ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 15-16.

Здесь полицмейстер уже пытался объяснить, почему китайцев нельзя было оставлять в городе, указывал на то, что необходимые перевозочные средства в станице были (в отличие от показаний Шабанова или поселкового атамана). Особенно он упирал на то, что неоднократно просил содействия председателя войскового правления Амурского казачьего войска полковника Волковинского, предупреждая его о недопустимости стрельбы казаками, то есть косвенно пытался оправдаться.

Но он не ответил на все вопросы, поставленные генерал-губернатором. Поэтому областная канцелярия 9 сентября сделала ему еще один срочный запрос о том, какие были даны помощнику пристава Шабанову указания относительно способа и порядка переправы первой партии китайцев и как осуществлялись другие переправы⁵². На что полицмейстер в рапорте от 11 сентября сообщил:

«1) Шабанову никаких особых инструкций для переправы китайцев дано не было, было только указано обратиться к поселковому атаману, у которого были перевозочные средства. 2) Вторую партию сопровождал штабс-капитан Рыбин, третью — поручик Антонов. Офицеры были назначены Военским начальником, вследствие моего ходатайства, основанного на приказании Военного Губернатора; офицерам также было сказано обратиться к поселковому атаману за лодками, так как лодки в Верхне-Благовещенске были и нельзя было предположить, чтобы атаман отказался исполнить приказание офицеров; 3) Доставить перевозочные средства в Верхне-Благовещенск нельзя было потому, что Амур обстреливался, а сухим путем перевозить некого было нанять, в силу того, что не было лошадей, жителей часть была в <...> (неразобраласлово. — Т. С.⁵³), часть за городом и были все так возбуждены против китайцев, что о помощи с их стороны нечего было и думать; 4) Во избежание гибели китайцев каждый раз перед отправкой партии накануне и в самый день сообщалось полковни-

⁵² РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 17.

⁵³ Скорее всего, «в городе». По другим источникам, и по смыслу можно прочитать, что часть жителей была на берегу, часть за городом, то есть спешили покинуть город во время бомбардировки.

ку Волковинскому по телефону и также раз и письменно с просьбой приказать поселковому Атаману оказать содействие при переправе»⁵⁴.

Волковинский же в рапорте губернатору от 21 сентября 1900 г. все отрицал: «О переправе китайцев у п. Верхне-Благовещенского никакого распоряжения я не получал. Мне 5 июля было сообщено и. д. Благовещенским Полицмейстером о второй переправе и то уже позднее около 2-х часов пополудни, когда переправа кончилась. О других переправах я узнал от посторонних лиц, сколько раз переправляли китайцев, мне неизвестно. Сообщений по телефону я не получал, за исключением лишь одного 4 июля около 10 часов утра. Какого-то из приставов, а не от полицмейстера». Кроме того, Волковинский не подтверждает сведения полицмейстера о наличии перевозочных средств в казачьей станице: «Лодок в п. Верхне-Благовещенском не было за исключением нескольких, могущих поместить человек 20, и когда было приказано собрать лодки для переправы охотников около 150 человек, то пришлось раньше того посылать за ними казаков на правый берег Амура и Игнатьевку, чтобы доставить потребное их число»⁵⁵.

Рапорты Батаревича и Волковинского заметно противоречат друг другу. Налицо стремление одного чиновника сложить с себя ответственность, переложив ее на другого.

Мы совершенно сознательно цитировали полностью эти пространные документы. Дело 897 канцелярии военного губернатора Амурской области «О переправе китайцев на правый берег Амура» почти не привлекалось исследователями в качестве источника по этой проблеме. Не хотелось бы «выхватывать» отдельные цитаты для подтверждения того или иного тезиса. Главное же, полнота и последовательность изложения позволяют проследить сам процесс складывания официальной версии случившегося.

⁵⁴ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 19.

⁵⁵ Там же. Л. 25.

**«...сколько их переплыло, сколько потонуло —
Господу известно»**

Приведенные материалы позволяют утверждать, что в литературе (как дореволюционной, так и современной) бытуют некорректные представления о выборе места для переправы, а число жертв зачастую преувеличено.

При чтении некоторых работ создается впечатление, что место для переправы чуть ли не специально выбирали для того, чтобы потопить китайцев. Так, автор «Благовещенской «Утопии» утверждал, что «ширина реки в этом месте превышала сто сажень, а глубина достигала двух с небольшим сажень. Течение здесь очень сильное...»⁵⁶. Но, как видно из документов, поселок Верхне-Благовещенский был выбран именно потому, что за ним было самое узкое и относительно мелкое место («отмель против станицы», «расстояние не более 60 саж.», из них «сажень на сорок они все шли бродом», «сажень на 50 они все брели»). Место выбиралось, конечно же, с целью переправить китайцев, а не утопить. Кстати, впоследствии, когда начинался штурм правого берега, это же самое место было выбрано и для переправы русских войск, как наиболее подходящее⁵⁷.

Значительные расхождения в определении числа жертв, как правило, зависят от того, какими источниками информации пользовались авторы. Чаще всего можно встретить либо неопределенные «несколько тысяч», либо от 3 до 5-6 тыс. человек. Донесения официальных лиц из дела «О переправе китайцев...» позволяют судить о значительно меньшем числе. Пристав Шабанов показал, что принял «около 1300 человек», поселковый атаман — «более 1000», полицмейстер — «до полутора тысячи», губернатор — «800». В телеграмме вице-губернатора Таскина фигурирует цифра более 2 тысяч, но здесь речь идет о китайцах, проживавших в Благовещенске накануне бомбардировки.

Сведений о численности пострадавших в последующих переправах в этом деле нет. Из официального обзора рус-

⁵⁶ В. Указ. соч. С. 233. То есть, ширина более 200 м и длина — более 4 м (1 сажень = 2,13 м)

⁵⁷ Тимофеев О.А. Указ. соч.

ского военного ведомства следует, что «того же 4 июля была отправлена вторая партия китайцев численностью до 84 человек, которая тоже почти вся погибла при переправе. 6 и 8 июля были высланы еще две партии китайцев — в 170 и в 66 человек; из первой переправилось человек двадцать, а из второй большая часть доплыла до противоположного берега Амура»⁵⁸. Эти цифры приводит и автор «Благовещенской «Утопии»»⁵⁹. Если к максимальной численности первой партии («до полутора тысяч») добавить все последующие и считать, что вообще никому не удалось спастись, то получается около двух тысяч человек.

Разумеется, речь идет только о тех, кто утонул, либо был убит по пути следования к месту переправы. Такие факты тоже зафиксированы в источниках. Например, военный губернатор 13 апреля 1901 г. докладывал прокурору Приамурского военно-окружного суда: «По пути следования китайцев от Благовещенска до п. Верхне-Благовещенский на место переправы оказались следы насильственных над китайцами действий: одежда, кости и даже трупы китайцев»⁶⁰.

Необходимо осторожнее обращаться с любыми конкретными цифрами, поскольку имеющиеся источники пока не позволяют точно определить число жертв благовещенской трагедии. Говорят, «у страха глаза велики». Возможно, это проявилось в дни «благовещенской паники» не только в страшных методах депортации, но и в представлениях о масштабах содеянного, сначала у современников, а вслед за ними и у исследователей. Как писал в местной газете управляющий «обществом пароходства по Амуру» Н. Макеев, «сколько их переплыло, сколько потонуло — Господу известно»⁶¹.

«...по поводу переправы китайцев могу объяснить следующее»

Вся переписка из дела «О переправе китайцев на правый берег Амура» свидетельствует о том, что формирование офи-

⁵⁸ Цит. по: Попов И.М. Указ. соч. С. 283.

⁵⁹ В. Указ. соч. С. 234.

⁶⁰ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 897. Л. 36.

⁶¹ Амурский край. 1900. 30 июля (12 авг.).

циальной точки зрения на случившееся зависело напрямую от требований вышестоящих инстанций. Можно выделить три основных вехи в эволюции версии областной власти — «для себя», для Хабаровска, для Петербурга. Совершенно очевидно, что «дознанием» есаула Реймана ограничиться не удалось. Областные власти, возможно, и рады были бы «не выносить сор из избы», но невозможно было скрыть плывущие по Амуру трупы. Каждый рапорт вносил свою лепту в становление официального мнения, причем каждое последующее донесение, повторяя предыдущее, в то же время обрастало новыми подробностями или пояснениями. Фразы «полагаю, что были жертвы» или «большая часть переплыла на свою сторону» сменялись на «почти все перетонули», «много перетонуло» или «сколько было убито и ранено неизвестно». «Строгие меры» сначала превратились в «несколько выстрелов», а затем в «залпы» и «пальбу» «разъяренных и озлобленных казаков». Наряду с информацией об отсутствии «перевозочных средств в станице» появились сведения о наличии на берегу лодок и «шаланды, поднимающей до 500 человек» и т. д. При этом власти никогда не забывали рапортовать о принятых ими мерах, и их донесения неизменно дополнялись аргументами о необходимости выдворения китайцев из города.

Таким образом, официальная точка зрения складывается из трех главных составляющих: 1) аргументов о необходимости депортации; 2) описаний методов депортации с объяснениями случившегося и 3) принимаемых мер, как для расследования случившегося, так и для прекращения и предотвращения избиения мирных китайцев.

Аргументы о необходимости депортации: «Ввиду резких проявлений враждебного настроения к китайцам со стороны горожан явилась масса просьб избавить город от проживающих в нем китайцев, якобы злоумышлявших поджечь город». Или «... моя задача была выселить их из города, оставлять, где их нельзя было, опасаясь как поджогов с их стороны, так и истребление их разъяренными жителями».

Способ депортации («вплавь») объясняется неадекватным поведением жителей поселка Верхне-Благовещенский

и их атамана, которые отказались предоставить средства для переправы. Описания самих переправ очень лаконичны и весьма далеки от подробностей «рассказов очевидцев». Налицо стремление областных властей переложить ответственность друг на друга и на непосредственных исполнителей, а непосредственных исполнителей, в свою очередь, друг на друга и на жителей поселка. Чем выше стояла инстанция, запрашивающая областных начальников о случившемся, тем конкретнее становились вопросы, тем заметнее было стремление оправдаться и снять с себя ответственность.

К числу принимаемых областной администрацией мер следует отнести «дознание», проведенное по приказу губернатора. Оно было передано прокурору «для производства форменного следствия». Издавались всевозможные обязательные постановления, приказы и объявления военного губернатора и «начальника внутренней обороны» и, по совместительству, благовещенского полицмейстера об «охранении личности и имущественной безопасности китайцев». Донесения областного начальства о принимаемых мерах, вероятно, тоже можно отнести к стремлению оправдаться перед вышестоящими инстанциями и продемонстрировать свою активность.

Таким образом, официальная версия областной власти ближе всего к тезису «на войне, как на войне». В ней нет места признанию собственных панических настроений и действий. И это полностью расходится с оценками горожан. К. Никитина: «Губернатора в городе не было... Городской голова был болен. Прочие же власти как-то «испарились», потерялись в общей панике и растерянности». Н. Макеев: «я говорю о потоплении мирных китайских рабочих и купцов — приписываю это панике городского управления»⁶².

В заключение «реплика в споре» по поводу оценки этих событий как геноцида. Вряд ли здесь было сознательное стремление властей уничтожить китайцев области как группу. Вскоре после окончания военных действий китайцы стали потихоньку возвращаться. Тем более, что область испытывала острый дефицит в рабочих руках. В сентябре местная

⁶² Амурский край. 1900. 30 июля (12 авг.).

газета писала: «Зато теперь каждого вновь появившегося здесь китайца наши крестьяне принимают с распростертыми объятиями, всячески стараются их ублажать, привлечь на свою сторону, оттягать от других. Особенно стараются в этом бабы и чуть не дерутся за каждого «Ваньку»⁶³. А уже через несколько лет, особенно после «злополучной войны» с Японией, наплыв китайских мигрантов настолько увеличился, что приамурские власти заговорили о необходимости его ограничения. Все это плохо увязывается с понятием геноцид.

В Благовещенске, как совершенно справедливо подметили современники, имела место паника или «панический страх» — по В. Даю, «внезапный, безотчетный, бессмысленный, безрассудный и неодолимый». Паника, в том числе парализовавшая должностных лиц, привела к страшной трагедии. Роль местных властей в этих событиях состояла не столько в «преступных действиях», сколько в их преступном **бездействии** в самый критический момент. Несмотря на все их рапорты о принимаемых мерах, они так и не смогли предотвратить массовой гибели мирных китайцев.

⁶³ Амурский край. 1900. 6 (19) сент.

«Благовещенская Утопия»: историческая память и историческая ответственность

Причиной к написанию этого текста стала совершенно неожиданная для меня реакция на довольно давнюю статью. Она была посвящена полузабытому трагическому эпизоду российской истории позднеимперского периода². Речь там шла о массовом убийстве китайцев в Благовещенске в 1900 году, когда к этому приграничному городу вплотную подкатилась стихийная волна бушевавшего в Китае анти-иностранного восстания боксеров (ихэтуаней). В этом чрезвычайном, страшном инциденте меня интересовали две проблемы: механизм погрома и реакция на него общества. Сам случай был описан, хотя и явно недостаточно, в исследовательской литературе. Поэтому не было претензий на открытие темы. Ставилась задача не столько углубить наши знания о событии (хотя и это не исключалось), сколько реконструировать ту версию, которая была известна обществу и на которую оно тем или иным образом реагировало. Больше всего меня поразила довольно равнодушная реакция современников – и я сформулировал на этот счет несколько не исключających друг друга гипотез.

Статья не прошла незамеченной в профессиональных кругах. На нее ссылались, иногда критиковали. Особенно важной была статья Т.Н. Сорокиной³, где на основе глубокой работы с архивными материалами вносились некоторые важные уточнения и коррективы. Например, о численности погибших. В общем – совершенно ожидаемая реакция на научную публикацию.

Скажем прямо, возвращение к теме старой статьи – дело не слишком распространенное в профессиональной среде. Нуж-

¹ Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета.

² Дятлов В.И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003. С. 123 – 141.

³ Сорокина Т.Н. Еще раз о «благовещенской «утопии» 1900 г. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): Материалы междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17-18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004. С. 295-303.

ны серьезные основания — иначе это будет справедливо воспринято как претенциозность. И я совершенно не собирался этого делать. Однако через несколько лет после выхода статьи случайно наткнулся на ее обсуждение на интернет-форуме. Не скрою, меня это поразило. Статья академическая, опубликована в отличном, с хорошим научным именем, но все-таки научном журнале, а затем сборнике с соответствующими малыми тиражами. Электронная версия статьи была размещена на сайте журнала «Вестник Евразии», а затем в популярном в научных кругах интернет-журнале «Демоскоп — Weekly». Но все это, опять же, ресурсы научные, для «своего круга». И круг этот, по определению, не слишком широк.

Поиск в Интернете показал, что статья вышла далеко за пределы академического сообщества, что ее тематика, поднятые в ней проблемы, что называется «зацепили», привлекли заинтересованное внимание. Кто-то выложил ее в Википедии, она вызвала более десятка развернутых дискуссий. Конечно, как всякому автору, хотелось надеяться, что таким вниманием статья обязана своим литературным или профессиональным достоинствам. Но вряд ли. Обсуждается ее содержание. Само событие.

Спонтанно возникает, обсуждается и, самое главное, *переживается* проблема исторической ответственности и исторической памяти. Было ли это? Кто виноват? Могли ли наши предки совершить такое? А если да — то почему? Как мы, их потомки, должны реагировать на это? И должны ли? Надо ли вообще помнить и вспоминать о событиях страшных и стыдных? Доставать скелеты из шкафов? Тем более, что за этим с пристальным интересом наблюдают в Китае. Не повредит ли напоминание о таких инцидентах интересам нашей страны, ныне живущего поколения? Отвечаем ли мы, потомки, за все, что делали наши предки? Если да — то как? Бывают ли виноватые народы? Плохие народы? Должны ли одни народы нести вечную историческую вину перед другими народами? Должна ли существовать коллективная ответственность? Вплоть до юридических последствий? Возможно ли понять, объяснить то, что произошло? И тех, кто был причастен прямо или кос-

венно? Что значит — извлечь уроки? Покаяние — обязанность перед другими или личностная рефлексия?

Поразительно, насколько все это практически дословно совпадает с бушующей уже несколько лет в Польше дискуссией вокруг проблемы, поднятой книгой Яна Томаша Гросса «Соседи»⁴. С переживаем ситуации того, что массовые и жестокие еврейские убийства в небольшом польском городке Едвабне летом 1941 года совершали поляки. Соседи и односельчане погибших. Совершали добровольно, хотя и с одобрения немецких оккупационных властей. Стоит подчеркнуть одно существенное различие. В отличие от Польши, где книгу Я.Т. Гросса и описанную им ситуацию обсуждает вся страна и где трудно остаться в стороне от дискуссии, здесь наблюдается полная спонтанность. Кто-то случайно набрел в Интернете на статью о старом, забытом эпизоде, до этого читателю совершенно неизвестном. Испытал шок, выставил статью или ссылку на нее, прокомментировал. Положил начало обсуждению. Здесь нет общественно значимого информационного повода — ведь не считать же таковым появление академической статьи в малотиражном научном журнале о давно забытых событиях вековой давности на «далекой окраине». Нет заранее сформулированных вопросов и проблем для обсуждения. И это придает особую ценность дискуссиям. В т. ч. и исследовательскую.

Другое дело, что обсуждается именно авторская версия, тот набор проблем, тот взгляд на них, которые в старой статье предложены. Некоторые участники обсуждения искали и находили другие материалы — но, опять же, для того, чтобы критически подойти к версии автора. Статья стала неотъемлемой частью дискуссии, и в этом качестве частью исследовательского поля этого текста. Поэтому (и только поэтому) она публикуется здесь и в первоначальном виде, без всякого дополнительного редактирования, исправлений и дополнений. Кроме этого, публикуется статья Татьяны Сорокиной, посвященная тому, как на «благовещенский эпизод» отреагировали регио-

⁴ Один из русских переводов: Гросс Я.Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка/ Пер. с польского В.С. Кулагинной-Ярцевой. Предисловие А. Михника. М.: «Текст»; Журнал «Дружба народов», 2002.

нальные и центральные власти Российской империи. Одновременная публикация трех этих статей позволит рассмотреть проблему реакции российского общества с разных сторон.

Доступные информационные ресурсы

Реакция людей на события зависит от их информированности. Не только от этого естественно, но при этом обязательном условии. Без информации — нет события, нет и реакции. Для массовой реакции — нужна широкая информированность. Не менее важна организация, структура, направленность этой информации, которая не может быть нейтральной. Этим задается проблема и отношение. Формулируются слова, которыми событие обсуждается и оценивается. Поэтому так важно посмотреть, от кого и что знали и знают современники событий и наши современники о «благовещенском деле», с какими версиями события они могли иметь дело.

Информированность **местных** современников, прямых или косвенных участников событий, с самого начала была полной. Иначе и быть не могло в ситуации небольшого, замкнутого сообщества. Другое дело, что в условиях паники огромную роль играли слухи — и это, естественно, воздействовало на формирование информационной картины событий. Помимо неофициальных каналов информации были и местные газеты, различного рода официальные сообщения и обращения властей. По горячим следам, через несколько месяцев после событий вышла брошюра о них редактора-издателя «Амурской газеты» А.В. Кирхнера⁵. Но самое главное — несколько дней мимо города плыли трупы. Не увидеть их было невозможно. Не отреагировать — тоже.

С первых же дней инцидент стал известен за рубежом. Уже в сентябре появились, например, сообщения московского корреспондента лондонской «Стандард», с подробным и точным изложением хода и характера событий. Они были широко воспроизведены в мировой англоязычной прессе. В качестве примера могу привести размещенные в Интернете копии но-

⁵ Кирхнер А.В. На память о событиях на Амуре в 1900 году. Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Благовещенск, 1900.

возеландских газет с их перепечаткой⁶. Сообщения были выдержаны в резко критическом по отношению к России тоне. Однако здесь необходимо учитывать общий информационный контекст — все предшествующие месяцы европейская пресса была переполнена корреспонденциями о зверствах боксеров по отношению к европейцам в Китае. Чуть позднее — о карательных мерах экспедиции восьми держав. Особенно о жестокостях германских войск. События в Благовещенске освещаются на общем высоком фоне взаимного насилия и зверств. Возможно поэтому опубликованные позднее путевые заметки американца Р. Пенроуза, побывавшего в Благовещенске в 1901 г., выдержаны в сочувственном для благовещенцев тоне⁷.

Реакция за рубежом, а в Европе особенно — это традиционный важный фактор для формирования общественного мнения в России. Но образованное общество страны имело и собственные информационные источники. Большой фактический материал, основанный на предварительных результатах административного расследования, содержался в анонимной статье влиятельного «Вестника Европы»⁸. Описание событий «по свежим следам» читатель мог найти в путевых заметках А.В. Верещагина, попавшего в Благовещенск буквально через несколько дней после событий⁹. Было опубликовано несколько воспоминаний очевидцев¹⁰. Большую роль в формировании картины события внесли статьи очевидца, политического ссыльного журналиста Л. Дейча (опубликованные и под собственной фамилией, и под псевдонимом)¹¹. О том, что тема прочно утвердилась в информационной картине предреволюционной России, говорит абзац в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

⁶ Papers Past. Hawke's Bay Herald. 22 September 1900. Page 3. Chinese crisis. (<http://paperspast.natlib.govd.nz/cgi-bin/paperspast?a=d&d=HBH19000922.1.3&e>)

⁷ Penrose R.A.F. The Last Stand of the Old Siberia. Philadelphia: F.Fell Co. Publishers, 1922.

⁸ В. Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7. Июль.

⁹ Верещагин А.В. По Манчжурии. 1900 — 1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902. № 1.

¹⁰ А.К. Из воспоминаний об осаде Благовещенска китайцами // Сибирские вопросы. 1910. № 36; Никитина К. Осада Благовещенска китайцами в 1900 году. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1910. № 10. С. 207-224.

¹¹ Сонин. Бомбардировка Благовещенска китайцами (рассказ очевидца) / Оттиск из «Зари». № 4. Б.м. Б.г.

Революция и Гражданская война, с их массовыми коллективными репрессиями, запредельным и привычным уровнем жестокости, отодвинули «благовещенскую историю» на периферию общественного внимания. О ней забыли почти все, кроме местных жителей и их потомков, в исторической памяти которых сохранились неясные предания. В первом издании Большой советской энциклопедии (1927 г.) это событие еще упоминается, во втором и третьем исчезает. Уходу события из исторической памяти способствовали как гигантские социальные катаклизмы, разрушение традиции и истребление целых слоев ее носителей, так и целенаправленная политика властей, посчитавших эту тему идеологически и политически вредной и опасной.

Однако дореволюционные тексты оставались в библиотеках, часто даже не в спецхранах. Архивы хранили огромные массивы документов — и со многими могли работать историки. О событиях продолжали писать иностранные специалисты¹². Дальневосточная политика России, в т. ч. события 1900 г., активно изучалась. Ученые того времени по цензурным соображениям не могли писать о благовещенской истории, но знали о ней и учитывали в своих построениях. Как только вместе с советским строем ушла в прошлое и цензура, они вводят тему в открытый научный оборот. Однако не в качестве самостоятельного сюжета, а в контексте изучения участия России в подавлении восстания боксеров¹³, истории российско-китайских взаимоотношений, проблемы китайской миграции¹⁴. Воспоминания японского очевидца событий цитирует А. Ивасита в книге о проблемах российско-китайских пограничных взаи-

¹² См. например: Malozemoff A. Russian Far East Policy, 1881 – 1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: Univ. of California press, 1958. P. 139 – 141.

¹³ Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996. С. 85 – 96; Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск, 2000. С.295 -298.

¹⁴ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.). Благовещенск, 2003 (http://igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html); Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 41-42; Он же. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 43-44; Усова А.В. История китайцев, маньчжуров и дауров зазейского края во второй половине XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-тет, 2009. С. 43 – 52.

моотношений¹⁵. Круг же специальных работ ограничивается статьями Т. Сорокиной¹⁶ и моей.

Тема возвращена в официальную историческую память Благовещенска. О замалчивании не может быть и речи. Емкая, содержательная, сдержанная в оценках информация о ней размещена на официальных сайтах Амурской области в Интернете¹⁷. Появляются статьи в местных газетах, специальные радио и телепрограммы. Подготовлен и отлично издан сборник оригинальных исследовательских статей, репринтов дореволюционных текстов и редких фотографий, посвященных роли Благовещенска в событиях 1900 года¹⁸. Раздел о восстании ихэтуаней в Википедии содержит и развернутый очерк о благовещенских событиях. Не осталась в стороне беллетристика. Благодаря подсказке участника интернет-дискуссий, я нашел любопытную историко-фантастическую повесть о боксерском восстании, в том числе и о благовещенском деле¹⁹.

В общем, и современники событий, и наши современники имели и имеют вполне достаточную и разнообразную информационную базу для того, чтобы знать об этом событии и составить о нем собственное мнение.

Версии современников: попытки понять, объяснить и объясниться

Есть много признаков того, что образованное общество дореволюционной России хорошо знало о благовещенской трагедии. Номер «Вестника Европы» со статьей о «Благовещенской Утопии» читал Л.Н. Толстой. А.Ф. Кони, давая нелестную характеристику Николаю II, обвинил его и в полном равнодушии «к поступку генерала Грибского, утопившего в 1900 году пять тысяч мирного китайского населения...»²⁰. Мо-

¹⁵ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. С. 222 – 224.

¹⁶ Сорокина Т.Н. Указ. соч.

¹⁷ См. например: Официальный портал Правительства Амурской области: www.amurobl.ru.

¹⁸ Военные события в Приамурье. 1900 – 1902/ Серия «Приамурье. Из века в век». Благовещенск-на-Амуре: ОАО «Амурская ярмарка», 2008.

¹⁹ Кортес Родриго. Толмач // modernlib.ru.doc.zip

²⁰ Кони А. Ф. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 104-105.

сковские «Новости дня», сообщая о назначении Грибского временным военным губернатором в Ломже, напоминают, что это «тот самый храбрый генерал, который в бытность амурским губернатором во время боксерского движения 1900 года утопил в Амуре несколько тысяч мирных и ни в чем не повинных китайцев, проживавших в Благовещенске»²¹.

Уже из этих, наудачу выбранных комментариев видно, что знание это не было нейтральным. Совокупность дореволюционных текстов дает возможность выделить несколько версий объяснения и оценки произошедшего.

Суть наиболее крайней позиции без экивоков сформулировал американец Р. Пенроуз²². Уничтожение китайцев было необходимой и справедливой мерой самозащиты цивилизованного народа от варварской угрозы. Китайцы Благовещенска в сговоре с соплеменниками с другой стороны Амура планировали вырезать все население этого единственного на огромной российской территории, небольшого и изолированного огромными расстояниями города. «В такой ситуации цивилизованный человек должен нанести смертельный удар для защиты своего дома и семьи, что и сделали русские». Узнав о заговоре, они напали на китайцев города, многих убили, а остальных загнали в реку, где большинство утонуло. Так откровенно и безапелляционно в России почти не писали. Хотя, несомненно, многие думали именно так.

Преобладали версии, основанные на объяснениях местных и центральных властей (подробный анализ официальных версий содержится в статье Татьяны Сорокиной в данном издании). С некоторыми вариациями их суть такова. Почти беззащитный в военном отношении Благовещенск подвергся неспровоцированной военной атаке со стороны Китая. Китайцы в городе представляли дополнительную потенциальную угрозу. Иногда в предположительном тоне говорилось о возможности их заговора. Приводились слухи о якобы найденных листовках на китайском языке (тексты листовок не фигурируют в материалах официальных расследований, хотя факт их существования не исключен). Поэтому губернатор отдает

²¹ Новости дня. 1905. 9 окт.

²² Penrose R.A.F. Op. cit. P. 79 – 80.

приказ о проведении необходимой и законной в условиях военного времени меры — депортации враждебных подданных путем их переправы через Амур. По вине низовых исполнителей это приказание не было обеспечено технически. Поэтому «тут имел место факт переправы китайцев через Амур просто вплавь», в ходе которой почти все утонули²³. Гибель нескольких тысяч безоружных людей — это трагический результат превышения мер необходимой самообороны и эксцесс исполнения, объяснимые и извинительные чрезвычайной ситуацией смертельной угрозы.

Емко и компактно эти тезисы сформулированы в апологетической биографии Николая II, написанной и изданной уже в эмиграции С.С. Ольденбургом (Белград, 1939). «В это время на самой русско-китайской границе возникла паника. Русский пограничный город Благовещенск подвергся продолжительному ружейному обстрелу с китайского берега Амура; стреляли, несомненно, китайские «регулярные» солдаты. Русские войска были ненадолго перед тем уведены вниз по Амуру. Благовещенск был почти без защиты, и паника, охватившая местных жителей и местные власти, выразилась в жестокой расправе с местными китайцами: боясь, что проживающие в городе китайцы устроят восстание в тылу, наслышавшись о зверствах, происходящих в Китае, благовещенские власти собрали всех «желтых» на берег Амура и велели им вплавь переправляться на маньчжурский берег. Только меньшинству удалось переплыть широкую реку, несколько сот китайцев потонуло. Этот трагический инцидент, понятный в тревожной атмосфере момента (местная интеллигенция — с возмущением отмечала либеральная печать более отдаленных от границ мест — одобряла эти панические репрессии), показывал, насколько трудно было выдерживать на практике линию «русско-китайской дружбы»²⁴.

²³ Военные события прошлого лета на Амуре. Составил Н.З.Голубцов. Благовещенск: Тип. «Амурской газеты» А.В. Кирхнера, 1901. С. 16.

²⁴ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Самодержавное правление. 1894 — 1904. Глава пятая. (<http://emalkrest.narod.ru/txt/oldnbrg.htm> Последнее посещение 9 мая 2012).

Преступлением на почве некомпетентности властей и паники населения считают эти события сторонники другой версии. Вот как они рассматриваются в нормативном издании — энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Русские власти в Благовещенске предписали всем китайцам удалиться с русской территории, для чего не было ни законных оснований (ибо этого по ныне действующим нормам международного права, не делается даже во время войны, а с К. Россия войны не вела), ни повода, так как благовещенское китайское население было совершенно мирным. Был назначен день; китайцы собраны на берегу Амура; лодок дано не было, и тем не менее им под страхом немедленной смерти предписано уходить немедленно. Китайцы бросились вплавь; русские в них стреляли. Лишь немногие выбрались на китайский берег; число погибших определяется различно, от трех до семи тысяч. Такими приемами европейцы посеяли в К. семена ненависти, с которой им приходится теперь считаться»²⁵. Воспроизведя эти слова (причем без кавычек), обозреватель «Современника» В. Водовозов резюмирует: «Это варварская, чисто средневековая расправа... несомненно превосходила по своей жестокости и бессмысленности все, что когда-либо сделали китайцы против европейцев, И, конечно, она не могла не оставить глубокого следа в душе китайского народа»²⁶.

Трактовки «состава преступления» могли варьироваться в довольно широких пределах: от преступной некомпетентности властей (особенно губернатора, потерявшего контроль над ситуацией и отдавшего абсолютно невыполнимое приказание) до сознательного уничтожения мирного населения, то есть, военного преступления. Последняя позиция косвенно отражена в первом издании Большой советской энциклопедии: «В 1900, когда в разгар боксерского восстания китайские власти в Маньчжурии, подчиняясь приказу из Пекина, объявили войну России, рус. администрация Б., в виде репрессалий, решила выселить все китайское население города и потопила в Амуре до 5 т. китайцев — мужчин, женщин и детей»²⁷.

²⁵ Энциклопедический словарь/ Изд. Ф.А. Брокгауза / Под ред. И.Е. Андреевского. Доп. Т. 1А, Гаагская конференция — Кочубей. С. 911.

²⁶ Водовозов В. Война с Китаем и война с Илиодором // Современник. 1911, № 3. С. 355.

²⁷ Большая советская энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1927. Т. 6. С. 452.

С точки зрения этой версии, если уничтожение («утопление») китайцев Благовещенска можно было объяснить (хотя и не оправдать) неспровоцированным обстрелом города с китайской стороны, действительной угрозой гибели города и его населения, чудовищной паникой, то резня и депортация «зазейских маньчжур»²⁸, последовавшая вслед за этим, и таких объяснений не имела. Равно как и разграбление имущества депортированных. Важно подчеркнуть, что все обвинения были направлены только против государственной власти и его представителей.

Таким образом, образованные современники событий имели о них не только значительные массивы информации, но и несколько версий их понимания и оценки. Причем преобладали оценки негативные. Одобрить или отнестись равнодушно к насильственной гибели нескольких тысяч мирных жителей не были готовы даже те, кто стремился оправдать инициаторов и участников событий, считая и их жертвами непреодолимых, форс-мажорных обстоятельств. Однако это массовое неодобрительное отношение не вылилось в открытый протест даже у той части общества, которая уже продемонстрировала резко отрицательную реакцию на погромы и гонения в стране по национальному и религиозному признакам. И с этой реакцией власти уже вынуждены были тогда считаться.

Век спустя: возвращение к теме

Тема благовещенской трагедии стала предметом современных общественных дискуссий с подачи профессионалов-историков. Это естественно, учитывая то, что в устной памяти событие сохранилось в лучшем случае как неясное предание. *«Но как-то году в 1947 мой дед Андрон Афанасьевич рассказал на берегу Амура, что в его времена — он здесь служил — собрали всех китайцев из Благовещенска и округи, загнали в воду, и они, кто как мог, вплавь добирались на противоположный берег. Это,*

²⁸ Китайские подданные, жители «зазейского района», вошедшего в состав Российской империи. В соответствии с Айгунским договором (1858 г.), они сохранили свое подданство и до 1900 г. были фактически экстерриториальны (Подробнее см.: Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Указ. соч. С. 43 – 52).

казалось, было в далеком прошлом — при царе, к черным делам которого наша страна СССР не имела отношения»²⁹.

Работы ученых давали не только информацию, но и оценки, ракурсы рассмотрения, слова. Сама информация не могла быть не оценочной. Ее появление уже означало выражение отношения. При общем осуждающем тоне спектр оценок соответствует дореволюционной ситуации: от сожалений по поводу жестоких методов исполнения необходимых и законных в условиях военного времени мер до признания (прямого или косвенного) политики местных властей преступлением. Это и не удивительно, учитывая естественную опору современных авторов на мощную дореволюционную историографическую традицию. Однако профессиональный дискурс меня интересует сейчас только в связи с общественными дискуссиями. Прежде всего, из-за сформулированного в нем набора тем, проблем, сюжетов, вокруг которых развернулись дискуссии в Интернете и в печатных СМИ.

Интернет-дискуссии — основной источник для написания этого раздела статьи. Источник специфический, требующий специальных подходов — и авторских комментариев по их поводу³⁰. Их участники анонимны и их высказывания размещены в индивидуальных блогах и страницах, тоже, в принципе, анонимных. Редко встречаются форумы, принадлежность и концепция которых заявлена. Поэтому можно анализировать только сами тексты как таковые. Понятно, что уровень и содержание дискуссии, стилистика выступлений и характер оценок на разных площадках могут отличаться и реально отличаются. По содержанию текстов можно много понять об их авторах. Они разные: по взглядам (от либералов и демократов до крайних националистов), по литературным свойствам текстов (от абсолютно безграмотных до образцов высокой культуры), по уровню и качеству анализа проблемы. Но практически не встречается ситуация разговора только «между своими». Дискуссии носят открытый характер — и лишь иногда администраторы убирают отдельные реплики по соображениям

²⁹ Кочергин В. Сталин и Мао слушают нас // Дуэль. 2005. № 19 (418). 17 мая.

³⁰ Обсуждение этой проблемы: Форум: Научное знание в условиях Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 7 — 130.

морали и политкорректности. «Чужих», посторонних терпят, с ними часто вступают в диалог. Поэтому и ссылки на конкретные адреса, как правило, не информативны.

Исходя из этого, **в данном случае** принято крайне спорное и уязвимое для критики решение — анализировать реплики как таковые, без ссылок на блоги и страницы. То есть это не будет полноценное цитирование с авторской атрибуцией. Условно можно определить это как одну общую дискуссию, где важны содержание и стилистика анонимных высказываний. Будут сохраняться авторские грамматика и орфография. Отдельные ссылки будут только на авторские статьи и высказывания. Поэтому должен получиться коллаж, картинка, собранная из отобранных автором и специальным образом сгруппированных пазлов-реплик. Естественно поэтому, что здесь в принципе невозможны, да и не нужны интерпретационные подходы количественной социологии.

Анализ интернет-дискуссий логично начать с мотивов интереса участников к теме. Очень условно можно выделить четыре мотива: гуманизм, идеология, профессиональный интерес, любознательность. Естественно, в репликах одного автора могут присутствовать сразу несколько мотивов, а то и все сразу.

Как правило, толчком к обсуждению темы был эмоциональный шок. Это первая и общая реакция. Несколько реплик: *«Вроде и не стоит о плохом вспоминать в сочельник-то...Увидел...ссылку на статью Виктора Дятлова в «Вестнике Евразии»... Спасибо ему...Совершенно кошмарная история...». «Сервировали историйку на сон грядущий...». «... «спокойно» это читать не могу. Почти как «наматывание кишок на придорожные кусты» (у Всеволода Иванова в рассказах про Гражданскую)». «Почитайте этот текст. Весьма [само] познавательно. И написано ОЧЕНЬ литературно...Без вальсянки не читать». «Одна из страниц русской истории, которые необходимо знать... Жуткая история, прямо скажем». «В свое время, эта история сильно на меня повлияла: эпизод совершенно потрясающий». «Жуткая забытая трагедия. Как мало мы, все-таки, знаем о собственной, совсем недавней истории!».*

А уже после этого — спектр реакций. Отрицание самой возможности события. Поиски виноватых. Стремление осудить или оправдать. Желание понять логику и мотивы участников, свидетелей и современников события. Готовность принять ответственность и рефлексия покаяния.

«Такого не могло быть» — первая и почти инстинктивная реакция. *«Антиблаговещенская статейка ... «звери» побили невинных китайцев прям ... не ведитесь на провокацию!». «Сто мильёнов тыщ рубили рубили, рубили рубили ... а главное запросто так, ...и по указанию властей и власти до сих пор не афишируют кровавую резню...». «до 10 тыс. китайцев (по некоторым данным некоторых источников) и 80 новобранцев с топорами, ввиду отсутствия другого оружия, и сбежавшийся люд из среды мало-культурных слоев нашего населения...Особой жестокостью отличились дети... (интересно, а беременные бабы и казачки не участвовали в побоище, вместе со стариками — ветеранами и инвалидами крымской войны?). При мощном и быстром течении много дней по Амуру мимо Благовещенска плыли трупы... ещё бы добавить как трупы вверх-вниз по кровавой реке плавали и Хичкок отдыхает».*

«Дерьмо материал, заказной однозначно. Действия арестованных не поддаются никакой логике. Страх, вызванный выбросом адреналина... переходит в ярость в 90% случаев. Есть люди, у которых этот порог слишком высок. Предполагать, что у всех этих людей был высокий порог, может только идиот. Такую же хрень несли про газовые камеры: под охраной в 20 человек 2000-2500 спокойно шли умирать. Достаточно одной команды, но ее почему-то никто не произносит. Видимо все хотят быть мертвыми». «...как три сотни человек сдерживали 4-6 тысяч? при это рубя их топорами?... кроме того — вполне очевидно, что можно проплыть вдоль берега, вылезти и уйти в возделенные сопки».

«Мне плевать, что на этой мульке написано. Я хорошо знаю свой народ. Русские люди никогда не пойдут на массовые погромы и убийства без весомейшей на то причины. Если и пойдут, то это будут даже не погромы, а самозащита. Мы никогда и никому в истории не устраивали геноцид! Бессмысленное уничтожение людей лежит вне рамок нашей ментальности. Тем более в такой

пастрольно-патриархальной глуши, как Благовещенск. Если это все и было на самом деле, то, похоже, скорее всего огромная и наиболее важная часть этой мерзкой истории кем-то старательно опущена, замазана. И причины для этого у русских в действительности были очень и очень весомые! Зная китайскую тактику плавного захвата территорий методом постепенного заселения и навязывания своих порядков, их неспособности к ассимиляции, можно предположить, что их там понаехало очень много, и вели они себя примерно так же, как нынешние кавказцы... Они никогда нас не уважали — ни тогда, ни сейчас... если русским свойственна такая бессмысленная реакционная жестокость, то мы бы это делали регулярно».

«...хрень, а не статья в вики ...из указанных источников ничего серьёзного именно по этим событиям». «...и тогда, и сейчас кое-кто все постарался извратить против России и русских. Либерастия — это ложь помноженная на невежество и русофобию». «Интересно, почему такие провакационные заметки ни кто не подписывает? Кому нужна эта истерия? То несчастных япончиков-интервенчиков нехорошие такие революционеры-бандиты порешили и российских предателей с ними, то несчастных гражданских китайцев, после всего нескольких выстрелов да нескольких попаданий, порешили. Нет что бы дождаться когда придут отлично вооруженные китайцы и вырежут российское гражданское население. Кому нужны россияне-злодеи? Ведь акцент именно такой. Чей заказ исполняете, писаки? А о превентивных операциях что-то никто не вспоминает». «Совершенно кошмарная история... — толерастическая агитка? — Ну, скорей, русофобская провокация». «А Дятлов либераст на харчах Лондонского горкома, видать...»

Краткое резюме: это слишком страшно, чтобы быть правдой. Русский народ не способен на такое в принципе, в силу своего вечного и неизменного менталитета. Такое невозможно и с точки зрения здравого смысла — ведь не могут просто технического десант — другой человек уничтожить столько людей без всякого их сопротивления и даже без попыток к бегству. Не могут и трупы плыть мимо Благовещенска несколько дней — при быстром течении реки. Статья создана на деньги и по заказу американского фонда, а ее обсуждение — это прои-

ски, заговор и провокация либерастов и русофобов. Агрессия, стеб, ерничество, личные выпады в адрес автора статьи — это, видимо, не столько выражение стилистики и специфической культуры взаимоотношений в современном рунете, сколько результат шока и взгляд на проблему через призму коллективной ответственности, вины и невинности народа.

Для понимания последнего аспекта особенно показательны дискуссии на форумах, позиционирующих себя в качестве национальных (Сайт бурятского народа; Форум хакасского народа; Форум proUA.com; Остров форум; TUT.BY Белорусский портал).

«Да уж, «народ-богоносец». «Это, что проявление русского характера?» «Дык на таком отношении к инородцам стояла и стоять будет (недолго осталось, правда) Земля Русская. Опущенные ниже грязи Народы Севера, башкиры с отрезанными носами, тунгусы и прочие ханты-манси, которых считали чем-то типа недочеловеков, чеченцы, которых надо мочить в сортирах... Евреев — не пускали в Русские губернии, и громили при каждом удобном случае».

На «Форуме хакасского народа» обсуждается передача радиостанции «Эхо Москвы» о Чингис-хане, о жестокостях, которыми сопровождалось строительство его империи. Это расценивается участниками дискуссии как расизм и шовинизм, как обвинение всех кочевых народов в отсталости и патологической жестокости. *«Типично западный подход: кочевники — это исчадия ада, грабящие мирных, цивилизованных земледельцев».* И как аргумент против такого подхода — примеры жестокостей, совершенных *«цивилизованными европейскими народами»*, в т. ч. и «Благовещенская утопия». В ответ на аналогичные рассуждения на украинских сайтах появляются напоминания о многократных еврейских погромах, о хмельничине и Тарасе Бульбе. *(«Вспоминается Тарас Бульба. С чего там восстание на Сечи началось? Правильно. Утопили в Днепре всех евреев. Значит не было там сердобольных, политкорректных украинцев, а только русская кровавая гедня»).*

Народ понимается как вечное и неизменное тело, обладающее характером, вечной склонностью (или отсутствием таковой) к патологической жестокости. *(«Звериная жестокость на*

уровне ген?»). Отсюда логичен вывод о вечной и неискупимой вине одних народов перед другими.

Осмысление проблемы в категориях «мы — они», представления о русских и китайцах как природных, единых и неизменных организмах, ведет к выводу, что китайцы Благовещенска виноваты во всем сами. Они или были «пятой колонной», или могли быть ею. Как часть общей китайской массы они были опасны, невзирая на личное поведение и намерения. Возможно, погибшие китайцы и не виноваты, но они ответили за злодеяния всех китайцев во время боксерского восстания. За реальную или потенциальную смертельную угрозу, которую Китай и китайцы несли (и несут сейчас) России и русским. Поэтому все действия против них оправданы в качестве превентивных. Виноваты и власти, допустившие пребывание китайцев в России. Не было бы их — не было бы и проблемы. *«Многие не могут себе позволить признать сей постыдный факт. Что нами были уничтожены безоружные и беззащитные люди. — Факт этот никто не оспаривает. Просто не надо лить понапрасну крокодиловы слёзы. За что китайцы боролись — на то и напоролись. Не фиг было начинать своё чёрное дело. Просто некоторые люди считают, что не надо было русским отвечать насилием по отношению к китайцам, в ответ на насилие совершаемое китайцами по отношению к русским. А надо было просто подставить агрессору другую щеку. К тому же очевидно, что те китайцы, которые были на нашем берегу, пострадали не по своей непосредственной вине. А своими жизнями «ответили» за враждебные действия своих соплеменников с того берега».*

В борьбе со смертельным врагом все средства оправданы. *«Евреев, цыган, хачиков, китайцев я за людей не считаю, у нас их вырезать надо, ну ещё и американцев с ними тож. Извентит что так открыто расизм прёт но больше немогу просто так дебилные сообщения тут писать».* Уже более грамотный человек пишет о тех, кто совершил «Благовещенскую Утопию»: *«Это были НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ, не в пример нынешней, «общегуманной» плесени человеческой. ЛЮДИ с ярко-выраженной национальной принадлежностью, высокодуховные и высокоморальные, ЛЮДИ, понимающее реальную жизнь со всей ее жестокостью и неизбежностью или победы или поражения во всем. Не то что*

нынешние люди — комнатные растения... боящихся любых реальных, суровых жизненных сквозняков и не привыкших бороться за свое жизненное пространство и от того неизбежно, без комнатной температуры и принудительного полива, погибающих». «Катынь — преступление гуманного Сталинского режима, потому что было расстреляно ВСЕГО лишь 20000 польских офицеров, а остальных почему-то не расстреляли. Там НАШИ расстреливали НЕ НАШИХ. Это нормально. Не нормально, что не всех врагов. И потом эти оставшиеся враги в 44-45 г. стреляли в Польшу в спины наших солдат, подло и исподтишка».

Дальше — уже беспощадные организационные выводы маргинальных, но политиков радикально-националистического толка³¹: «Вот пример того, как может происходить стихийная депортация инородцев. Вначале идет народный ответ инородцам, затем уже государственное вмешательство — когда уже все оставшиеся в живых инородцы депортируются с целью «сохранения им жизни».

В начале статьи я писал о непригодности количественных интерпретаций сформированного в результате поиска в Интернете корпуса реплик, комментариев, развернутых дискуссий по теме. Они интересны и важны сами по себе, но не как **количественный** индикатор умонастроений всего общества или какой-либо его части. Но все-таки важно подчеркнуть, что подобные взгляды являются для дискуссии маргинальными и не встречают большого сочувствия у большинства участников. Чаше присутствуют саркастические или гневные реплики в адрес «фашиков» и «нациков». «**ЛЮБЫЕ** нацики — дерьмо. Русские, литовские, еврейские, английские, арабские, грузинские, американские, абхазские, китайские, негритянские — Л-Ю-Б-Ы-Е».

Шире представлен другой мотив. Зачем вспоминать об этом? Стоит ли доставать «старые скелеты», каких достаточно у всех, из шкафа? «Согласитесь, что событие это, все-таки, не самое значимое в русской истории. Тем не менее, практически во всех книгах, посвященных отношениям России с Китаем, об этих

³¹ Сайт «Черная сотня. Всероссийская Православная патриотическая организация Чёрная Сотня» (<http://www.sotnia.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=11590&start=30>). Последнее посещение 9 мая 2012).

событиях говорится довольно подробно». Зачем беречь старые раны — это плохо для национального самочувствия. «Вполне естественно, что в курсе школьной истории никто не будет вываливать на неокрепшие души всякое дерьмо, которое творили предки. Хотя, увы, у нас таки одно время была такая мода. Естественно, что по нашей версии истории мы всегда правы, ну или по крайней мере хотели как лучше. На самом же деле и наши предки творили порой вещи, которые их не красили и гордиться которыми не приходится. Просто обычно на таких моментах не заостряют внимание и предпочитают обходить стороной. Геноцид и погромы и мы устраивали, притом даже не всегда осмысленный. Так что всякое в нашей истории случалось, в том числе и резня инородцев».

Зачем, в конце концов, давать повод китайцам для реванша? Тем более, что они все помнят и все фиксируют. И когданибудь предъявят счет. «Я слышал, но не видел, что, кажется, в ночь с 2 на 3 июля китайцы со своего берега пускают по Амуру кораблики с зажженными свечками. Каждая символизирует душу погибшего в том конфликте». «Я намерен общался с русским профессиональным переводчиком китайского языка. Так вот он говорит, что китайцы про эту расправу знают, помнят, и, при случае, припомнят». «Они могут хранить обиду в своём сердце — очень долго! жутко злопамятны! Не приведи Господь узнать нам всю ту ненависть, которую могут в себе носить представители этой нации...». «Уже никто не помнит причин, но желание припомнить — всегда теплится в сердцах азиатов... их уж почти 2 миллиарда, а нас по всему миру — в десятки раз меньше... и пусть их ракеты не долетают туда, куда надо, пусть они скопированы с наших, пусть они некачественные... но, пожалуй, пришла пора подумать об их ракетах, солдатах и целях, а не тупо откупаться до поры, до времени... дабы не устраивать потом новую «утопию», но с уже непредсказуемой концовкой».

Относительно возможности «предъявления счета» и «врожденного злопамятства китайцев» имеются, правда, и сомнения. «Китайцы на этом фоне — образец умеренности и миролюбия. Даже этот описанный выше погром, фактически резня — часто упоминается в межгосударственных диалогах? Кто-то предъявляет претензии? Требуется компенсации? Кротость про-

сто изумительная на фоне кое-кого другого». «Вторая сторона все прекрасно помнит. Но вторая сторона привычная ко всему, и уж так, как она сама резала своих же, никто другой их не резал, а геноциды ей и самой приходилось совершать не в виде эксцессов исполнителей, а в виде организованной кампании верховной власти. Но дело даже не в этом. Последнее, что стал бы делать Китай — это иметь претензии к Российской Федерации в 2010 за то, что несколько сотен человек на окраине Российской империи самочинно решили избавиться от вражеско-подданного населения самым простым из всех простых способов, а власть их за это не наказала».

В любом случае, *«в Хэйхэ есть музей этой трагедии. И в школах проходят».* Слухов о музее много, но везде подчеркивается, что русских туда не пускают. Это создает атмосферу таинственности и неясной угрозы. Возможно, очерк французской журналистки в популярном российском журнале эту атмосферу несколько разрядят.

«На обратном пути в Хэйхэ мы делаем остановку возле развалин старинного города Айгунь... На месте бывшей крепости построено ультрасовременное здание — исторический музей. Водитель говорит, что для русских вход сюда закрыт, но французскую женку должны пустить. С правой стороны вестибюля вход: за тяжелой гардиной красного бархата слышны крики, выстрелы, трагический голос диктора. Служитель впускает меня в темный зал, в глубине которого светится громадное панорамное полотно — Благовещенск 1900 года, в разгар Боксерского восстания. На переднем плане — макет: игрушечные казаки изгоняют китайцев с русского берега Амура; горящие дома, валяющиеся трупы, тонущие в реке женщины и дети. Не надо знать китайский, и без комментатора понятно, что происходит»³².

«И важно даже не то, что китайским детям преподают это в школе с тех самых пор; для них для всех это знаковое событие. Важно то, что МЫ об этом ничего не знаем. Психологически россияне не готовы к такой «предъявке», случись китайцам напомнить. А это — заведомый проигрыш. На мой взгляд, лучше

³² Шишманова Патрисия. Берег бывших русских // Вокруг света. 2011. № 3 (Март). (<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7374>). Последнее посещение 9 мая 2012).

когда ты знаешь ВСЕ, что тебе в принципе могут предъявить к оплате. И лучше знать это заранее».

Знать, чтобы быть готовыми к грядущей опасности — лишь один из аргументов. И довольно маргинальный. Надо знать и помнить для себя. *«Я на 125 лет моложе Благовещенска. Казалось бы, зачем мне копать в давно ушедшем времени? Нужно ли это моему поколению? Очень нужно! Чтобы доподлинно знать то, что совсем недавно замалчивалось»³³. «Эпизод постыдный и надо о нём знать». «Жуткая забытая трагедия. Как мало мы, все-таки, знаем о собственной, совсем недавней истории!». «Уроки истории действительно надо помнить. И в первую очередь то, что благовещенская резня — результат преступных действий и бездействий властей, а во вторую очередь — результат стремления заполучить дешёвую рабочую силу из-за бугра в ущерб собственному населению. И это актуально уже сейчас».*

Знать и помнить необходимо — для того, чтобы понять и объяснить, сделать выводы не только о предках, но и о себе, своём обществе и своём времени. Здесь больше стремления понять, чем осудить. *«Почему же все-таки так случилось?»* — вот основной мотив размышлений и дискуссий. И надо разбираться самому, отталкиваясь от текста статьи, но подвергая его проверке и критике. Отсюда поиск в Интернете с тем, чтобы найти другую информацию, сравнить и сопоставить, найти основу для собственных версий и интерпретаций. Критика текста может быть вполне профессиональной — в некоторых комментариях сразу видна уверенная рука крепкого профессионала-гуманитария. В этом ряду — упреки в отсутствии опоры на архивы, в вырванности ситуации из общего контекста, в слишком благостном взгляде на взаимоотношения русских и китайцев на Дальнем Востоке (и здесь сразу возникает тема хунхузов и их зверств), в том, что явно завышено число убитых китайцев. Чаще же, это добросовестные любители, чей основной исследовательский инструментарий — здравый смысл. И у них бывают чрезвычайно любопытные дискуссии о причинах пассивности массы людей перед лицом неминуемой гибели, о возможности переплыть Амур в это вре-

³³ Костенко Р. Ученик Айвазовского запечатлел оборону Благовещенска // Амурская правда. 2007. 13 апр.

мя года, о политической и идеологической ангажированности автора статьи. Чрезвычайно интересны и важны для исследователя отсылки к собственному опыту или воспоминаниям близких. Нередки обращения к профессионалам с просьбой прокомментировать, дать оценку статьи и ситуации. *«Интересно, но прошу коллег-востоковедов оценить текст».*

При таком подходе, при искреннем стремлении разобраться, исчезает или уходит в сторону мотив извечной коллективной ответственности народов. *«В каждом, КАЖДОМ народе есть достаточное количество подонков, садистов, просто людей, способных на зверства «в толпе». И у каждого, КАЖДОГО народа в истории отыщется подобное. Но свинство на основании этого судить весь народ». «Национализм присущ любой нации в целом. Испокон веков люди с подозрением относились к иноземцам, а если ещё этот иноземец что-то и натворил «в гостях», так сразу поднимался шум, готовы были идти резать всех и каждого с чёрной кожей, узкими глазами, тёмным лицом».*

Тогда каковы логика и мотивы тех людей, которые принимали в этом прямое или косвенное участие? Вот одна из распространенных позиций: *«Тогдашнего губернатора Благовещенска можно понять, у него просто другого выхода не было, как отправить китайцев на тот берег, потому, что не ровён час, что эти китайцы могли встать на сторону ихэтуаней, если не добровольно, то насильно. Тут сложно судить, этого никто не знает и была ли на самом деле пятая колонна в лице этих китайских граждан или нет..... Нельзя и никого обвинять, кто виноват, а кто нет, военное время знаете ли, есть военное время». «Вот тут копыя ломают, доказывая любовь русских к геноциду, но совсем не понимают причин произошедшего. Поставьте себя на место того офицера, который решил провести эту операцию. Вводная — у вас в 10 раз меньше войск, население в панике, китайские разбойники лютуют и пользуются поддержкой «пришлых» китайцев. Задача № 1 — лишить этой поддержки, чтобы не было удара в спину. Надо что-то делать, вариант первый — согнать всех китайцев в одно место, для этого нет войск, их надо кормить, следить.... Второй — грохнуть всех. Негуманно. Вот и пошли по пути их выселения... у меня бабушка из тех мест и она говорила, что в гражданскую местное население больше боялось*

китайцев, чем белых и красных... За что можно упрекать, так в переоценке этого фактора и плохой организации переправы. Но опять же, у человека был дефицит времени, людских ресурсов и гигантская ответственность за колонистов и своих людей. Так что не нам судить этого человека, как и не нам судить людей подобных Буданову, Ульману и Аракчееву. Они выполняли свой долг, они нас защищали».

Война есть война, у нее свои законы, а руководители города несли ответственность перед собственным населением и своей страной. Поэтому события — это эксцесс военного времени, печальный результат мер необходимой самообороны. Виновных нет, а пострадали в той или иной степени все.

Такой отказ от рефлексии относительно вины — или вообще ее отрицания — устраивает далеко не всех. *«Почему наши были столь жестоки? Была ли причина? Не известно. Но русские ничем не лучше и не хуже других наций, которые и создают и разрушают. Характерный пример — немцы. Мощный культурный и гуманистический (извиняюсь за выражение) пласт, — и фашизм, холодное, спокойное убийство мирных граждан. И мы такие же. Готовы отдать жизнь за близкого, и отнять эту жизнь у другого близкого. Причём вполне по зверски. Показательна гражданская война, когда своих же истребляли особенно изощрённо. Китайцы тоже. И стихи сочиняют, и новые пытки придумывают». И уже совсем безнадежно: «все люди грешники, и по другому на земле уже не будет».*

Чрезвычайно важным и интересным мне кажется текст, совершенно очевидно принадлежащий высококлассному профессионалу-гуманитарию. Он предлагает собственную и очень убедительную версию мотивов поведения участников событий. Это требует обширного цитирования. *«Людобойство в Благовещенске осуществлялось низами (низовыми исполнителями из народа при массовом сочувствии самого народа) на глухой окраине Империи ПРОТИВ воли властей уже городского уровня, против всяких законов; по этим законам, как констатировала и клялась сама же местная власть, китайцам ничего плохого не причиталось (кроме выдворения из страны на самый крайний случай — но это-то нормально при войне); в других местах, где эти законы хотели соблюдать больше — китайцев не тронули...*

Пассивность же реакций и поведения властей, от градоначальской и выше, — это не нормальность/ненормальность законов и государственного строя, а степень гнилости элит... Это ведь не сверху спустили инструкцию утопить китайцев. Это народ и самые низовые народные исполнители распорядились. Власти — включая городской уровень — хотели обойтись вполне нормальными методами — высылкой потенциально угрожающих городу подданных вражеской державы в эту самую державу. Последующий спуск дела на тормозах — это не гнилость законов и устройства, это гнилость тех, кто их осуществляет. Тут протухание было страшным... Удивительно, когда в связи с Благовещенской историей пишут о психозе населения, о ксенофобии и т. д. Ровно ничего там такого не было, как не было и ненависти к китайцам... Имеется городок в глухомани на окраине империи, на границе с державой, с которой не воевали более 200 лет. В городке под 10 процентов населения (5 тыс.) — подданные этой самой державы. Тут в одночасье бац — и с этой державой начинается война, и эти 5 тысяч становятся вражеско-подданными; контролировать их невозможно, языка их почти никто не понимает, если там 500 человек решат поднять восстание и атаковать городские власти, то отследить это будет едва ли возможно, а сдержать и подавить — тоже довольно трудно. Меж тем к городу подходит отряд той самой державы и начинает по нему палить. Если отряд атакует, а ему в поддержку несколько сот китайско-подданных восстанет в городе — мало не покажется. Вражеско-подданное население в военное время в норме интернируют или депортируют. В данном случае городская власть решила его выслать в Китай — что было совершенно нормальным шагом (будущее показало, что можно было бы обойтись и так, но на фоне имевшегося риска претензий к этому решению быть не может). Интернировать же или выслать это население в глубь страны было просто невозможно. А вот дальше начинается: поскольку эвакуировать китайцев было трудно, исполнители приказа об эвакуации их просто изничтожили. Для простоты. Это был не массовый психоз и вообще не психоз, а просто наиболее простое и эффективное решение проблемы — для людей без соответствующих структурных барьеров. Желательно для безопасности города куда-то девать или как-то нейтрализовать

превентивно вражеско-подданное население, когда к городу еще и подошел вражеский отряд? А как же. Как это сделать проще и эффективнее всего, если не ограничивать себя в средствах? Да вырезать его. Вот они это и сделали, и без всякого психоза. А казачьи местные власти и эвакуировать не пытались, а распорядились просто вырезать. Для той же цели. А в других местах по русско-китайской границе власти (и казачьи, и не казачьи) были сильнее и более похожи на людей и ничего такого не делали. Почему и детей с женщинами прикончили? Они же в повстанцы не годятся? Да для простоты. Если уж мужчин, то куда этих-то девать и зачем с ними возиться? Ни психоза тут не было, ни ксенофобии, ни ненависти. Один здравый смысл, да житейская опытность, да ресурс- и силосбережение, да вполне разумная забота о безопасности в военную пору, да отсутствие структурных барьеров, которые могли бы ограничить проявление всех вышеперечисленных высокополезных и не имеющих ничего общего с иррационализмом и ксенофобией качеств». Эта версия события ближе всего к картине классического погрома.

Она дополняется анализом другого автора: «Для кого-то оказался принципиально важен объект насилия. Взгляд на китайцев как на «инопланетян»...В психологии этот процесс называется «дегуманизацией» противника. Этим и объясняется способность совершать удивительные жестокости».

Интеллектуальный анализ дополняется оценочным «криком души»: «Эпизод совершенно потрясающий. Первое, что бросается в глаза, за последние 110 лет мало что изменилось — как тогда боялись китайцев, так и щас боятся. Как тогда считали их низшей расой, так и щас считают. Разумеется, не все такие, но эта линия поведения отчетливо заметна у российских туристов в Китае. Что сейчас Россия псевдо-православная страна, что такой она была тогда — христианским духом и не пахнет. Что тогда замели под ковер, что щас продолжают скрывать. Эта меня пугает... рецидив пугает исключительно сильно. Второе — это зверство превосходит Беслан, Перл Харбор, башни Нью-Йорка. Людей погибло больше, погибли мирные беззащитные жители. Я даже не представляю, каким чудовищем надо быть, чтобы просто так топором рубить голову старику, за то, что он не может быстро идти. Это не дистанционный взрыв, это

предельно жестокое кровопускание. Зло совершили не отдельные банды террористов, а это было массовое явление, общество в целом поддержало резню, и это самое ужасное. Даже «господа офицеры», «высоко духовные интеллигенты», показали, что честь их поганого мундира гораздо выше воплей замученных, выше ценностей христианства. И традиционно, под шумок — надо пограбить. Это классика. Неужели не мерзко кровавые деньги в дом тащить? Можно объяснить события страхом, но последующий грабеж показывает моральную деградацию всего общества. Можно предположить, что грабил народ, но нет, грабили и сами полицейские, поставленные это охранять. В итоге, глядя на это отношение к правам личности, к правам собственности, к закону, моральным ценностям, во всех слоях общества, становится очевидно, что кровавая революция — лишь вопрос времени. А изменений — нет».

Оценка деятельности или бездеятельности властей проходит во всех дискуссиях «красной нитью». Одобрение практически отсутствует, стремление оправдать ярко выражено. Но преобладает мотив критики и осуждения. Причем, как видим, диапазон критики тоже велик: от упреков в слабости и некомпетентности (преступная бездеятельность) до обвинения в геноциде и воинском преступлении (преступной деятельности). Отдельно фиксируется и соответствующим образом оценивается стремление замаять дело и сохранить честь мундира.

С властью, в общем, все понятно. Иллюзий по ее поводу почти не наблюдается. Да и отношение к государству было и остается таким, что на него возлагается вина и ответственность за все — даже за то, в чем оно и не было виновато. *«Но меня более интересует другое: спокойствие русского общественного мнения. Тут, все-таки, не крестьяне. Мне кажется, что это был очень плохой признак, говорящий о глубокой болезни Российской империи и российского общества. Ну, мы, в общем, и так знаем, что до смерти осталось не так много».*

Но и с крестьянами (шире — низами общества) и их исторической памятью не все так просто. С одной стороны, *«мой отец, который родился в 1926 году и вырос в Благовещенске, уж на эту тему ничего не знал и ничего определённого сказать не мог».* С другой — об этом *«еще в детстве рассказывал нам дед*

Парыгин. По рассказам чувствовалось, что казаки очень сильно пережили свое участие в операции». «Об этих событиях я когда-то узнал от своей бабушки, которая жила в Благовещенске в начале прошлого века... Сама она не была очевидцем произошедшего избиения, поскольку родилась на восемь лет позже описываемых событий. Однако самих китайцев в дореволюционном городе еще застала (через несколько лет после побоища китайцы вернулись в город) и всегда вспоминала о них, как о людях исключительно порядочных — не позволявших себе обсчитывать детей в продуктовых лавках — и трудолюбивых. Как и почему иностранцев вдруг решили изгнать из города она объяснить не умела. Долгое время сие повествование представлялось мне преувеличением, даже байкой, а потом я и вовсе забыл об услышанном».

Отдельно стоит процитировать анализ профессионального исследователя. *«Напрасно В.И. Дятлов, автор отличной статьи о Благовещенском деле думает, что о нем потом не вспомнили. Вспоминали — забайкальские казаки, чьи отряды принимали в этом людобойстве участие. Николай Иванович Богомяков, писавший под псевдонимом Серебряков, забайкальский казак, из семейства, полностью уничтоженного (кроме него) при Сталине (сам отсидел при Сталине и Хрущеве 26 лет, умер в 1983), написал книгу «Начало и конец Забайкальского казачьего войска» (частично опубликована), написал он ее в основном по воспоминаниям забайкальских казаков, им виденных ... И многие его информаторы, и он сам были убеждены, что страшный конец Забайкальского казачества — это бумеранг судьбы за зверства, совершенные забайкальскими казаками, особенно в начале 20 века, особенно в 1900 и 1904 против китайцев, особенно в Благовещенске. Никакой справедливости они тут не видели — просто космический закон, который, получая откуда-то такие всплески жестокости, отшвыривает ее потом обратно по площадям туда, откуда пришла ... Общий дух: «натворили наши самые зверские позорные дела, и вот это всем нам аукнулось». Эти зверские и позорные дела позорны и плохи у Богомякова и части его информаторов именно сами по себе, этически — а не технически, потому что за них всем аукнулось».*

Вместо Заключения. Проблема актуальности

Все цитированные тексты (могу поручиться за то, что и нецитированные тоже) эмоционально перенасыщены. Можно говорить о накале страстей. Нет (на всякий случай — почти нет) равнодушных или интеллектуально отстраненных откликов и комментариев. Преобладает демонстративная манифестация систем ценностей, идеологических взглядов, иногда политических позиций. Даже под оболочкой сдержанных по форме аналитических текстов кипит страстная оценочность.

Если попытаться найти причину, то это прежде всего сам характер события. Читая о нем, трудно остаться равнодушным. Однако прошло более ста лет. Это целая эпоха, перенасыщенная чудовищными массовыми жестокостями, сознательным и хладнокровным уничтожением миллионов людей. И привыканием к этому.

Здесь же пугает обыденность происшедшего, осознание того, что совершить противоестественное и чудовищное могут «соседи»³⁴, обычные, нормальные люди, рядом с которыми живем, общаемся, вступаем в разнообразные человеческие отношения. Не некая внешняя сила, от которой и не ждешь ничего хорошего. Насилие переходит из абстрактной сферы статистики загубленных миллионов и анонимности в область повседневности. Обыденное, домашнее слово «соседи» приобретает смысл жуткой метафоры.

Поэтому господствует понимание или ощущение этой темы и проблемы как чрезвычайно актуальных и современных. И не только с точки зрения возможности воспроизводства, повторения ситуации — тут и государство гнилое, и массовые антиимигрантские настроения, и многочисленные акты насилия по отношению к «чужакам». *Первый вопрос, который задаешь себе: «Возможно ли это сегодня?». Потом начинаешь спрашивать себя: «Возможно ли это еще где-нибудь кроме России?». Мой ответ — возможно везде, где власть уклоняется от своих обязанностей, степень погромов может определяться только степенью бездей-*

³⁴ Гросс Я.Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка/ Пер. с польского В.С. Кулагиной-Ярцевой. Предисловие А. Михника. М.: «Текст»; Журнал «Дружба народов», 2002.

ствия властей. Всегда, к сожалению, найдутся люди, желающие кого-то громить». Это понятно — и это страшно. «Тупун мне на язык, конечно, но я и правда боюсь этой еле сдерживаемой агрессии. Одного только на поорать хватит, а второй за ножик схватится». И вывод: «Благовещенская катастрофа стала первым шагом России в пропасть Смуты».

Но главное же дело — в себе. Как **нам и сейчас** жить с памятью об этом? «Интересно, мы созрели, чтоб каяться/извиняться? — за уничтожение нескольких тысяч ни в чем не повинных китайцев около Благовещенска в 1900 году».

Покаяние понимается не как навязанный извне комплекс коллективной вины, а как внутреннее переживание, принятие на себя внутренней моральной ответственности за то, что сделали предки. За полученное наследство, от которого невозможно отказаться да и нельзя отказываться. Покаяние — как единственная надежная гарантия от повторения. Как показатель взросления общества. Как переход от проблемы групповой оппозиции и групповой ответственности к личностному выбору.

Как писал Мачей Яновский о такой реакции польского общества на ситуацию, описанную в книге Я.Т. Гросса, «принять к сведению, не пытаться отрицать и жить дальше с признанием того, что у твоего собственного народа, как и у других, есть в истории страницы хорошие и плохие, прекрасные и отвратительные»³⁵.

Как и в Польше, это не единственная позиция, да и не преобладающая в дискуссии. «И сегодня одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и вместе с тем моральным долгом, другие же убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа. Названные позиции основаны на мировоззренческих принципах, а не на знаниях, полученных эмпирическим путем, поэтому не стоит и думать, что они могут измениться под влиянием тех или иных исторических исследований»³⁶.

³⁵ Яновский М. Едвабне, 10 июля 1941 года: дискуссия о событиях страшного дня// Pro et Contra. 2011, Май- август. С. 155.

³⁶ Там же. С. 161.

Это так, но исторические исследования могут привлечь к проблеме общественное внимание, спровоцировать дискуссию, поставить перед людьми проблемы, от которых невозможно отмахнуться. Они могут дать людям слова и образы, в которых те иногда так нуждаются. Конечно, реакция на благовещенские события в современном российском обществе несопоставима с тем, как Польша отреагировала на резню в Едвабне. Ни по масштабам дискуссии, по невозможности остаться в стороне от морального, ценностного и идеологического выбора, ни по глубине осмысления. Но то, что тема возвращена в историческую память, что она не оставляет знающих о ней равнодушными, внушает некоторый оптимизм.

**«... Сегодня китаец – раб, а завтра – господин...»:
китайцы в нанайском селении**

«...Сегодня китаец – раб, а завтра – господин...» – эти слова из интервью местной жительницы нанайской деревни Найхин являются своеобразной попыткой непротиворечиво совместить две взаимоисключающих версии сложных взаимоотношений дальневосточных аборигенов и китайских пришельцев.

Одна из них общеизвестна и общепринята с подачи всемирно известного путешественника, ученого, писателя и кадрового военного Владимира Клавдиевича Арсеньева², автора «Дерсу Узалы», выдержавшего бесчисленное количество изданий в России и за рубежом, экранизированного Акиро Курасовой. Менее известна широкой публике, но профессионалами высоко оценивалась – и оценивается сейчас – исследовательская работа о китайцах в Уссурийском крае, написанная в качестве выполнения прямого служебного поручения³. Важное место в ней занимает доказательство того, что пришлые китайцы нещадно эксплуатировали аборигенов (инородцев в категориях того времени), закабляли их, делали фактически рабами.

И только профессионалы-этнографы иногда отмечали существование прямо противоположной версии. Того, что в современной исторической памяти нанайцев, в их языке и мифологии существует образ китайца – раба. Раба, принадлежавшего их народу, в силу своей пришлости и чужеродности.

Так кто же был рабом, а кто поработителем: нанайцы или китайцы? Авторы не ставят своей задачей выяснить и доказать, какая из этих версий правильная, а какая ложная. Важнее посмо-

¹ Ли Елена Львовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск); Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета.

² Его научную биографию см.: Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872 – 1930. М.: Наука, 2005.

³ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отделения Императорского русского географического общества. Хабаровск: Тип. канц. приамур. ген.-губ. 1914. Т. 10. Вып. 1.

треть их внутреннюю логику, причины появления, систему аргументации. Интересен и важен сам факт появления совершенно нового представления в хорошо знакомой картине русской колонизации на Дальнем Востоке. Интересует система аргументации новой позиции, значение ее присутствия в исторической памяти представителей древнего исчезающего народа.

Традиционная версия реконструируется по работам В.К. Арсеньева, другим текстам того времени, которые вышли из-под пера российских путешественников, ученых, чиновников и военных. Она вошла также в некоторые официальные документы дальневосточных властей. Версия «китайцы – рабы нанайцев» рассматривается в основном на основе серии интервью, взятых одним из соавторов, у жителей нанайских сел Нанайского и Хабаровского районов Хабаровского края, носителей устной исторической традиции своего народа. Интервью (1) – жительница села Нахин, 35 лет; (2) – житель села Найхин, 65 лет; (3) – жительница села Найхин, 60 лет; (4) – жительница села Сикачи-Алян, 55 лет; (5) – жительница Сика-Алян, 83 г.; (6) – жительница Сикачи-Алян, 80 лет.

«Китаец является истинным пауком тайги»⁴

Эта яркая метафора военных аналитиков в сухом и строгом отчете Генерального штаба стала на рубеже XIX–XX веков расхожим местом в отечественной литературе, посвященной только что присоединенному Дальнему Востоку. Оценки и наблюдения относительно кабальной эксплуатации аборигенов китайцами встречались и раньше, скажем, у Н.М. Пржевальского⁵. Об озабоченности властей края этой проблемой свидетельствует то, что она обсуждалась на IV Хабаровском съезде «сведущих людей»,

⁴ Главное управление Генерального штаба (Издание отдела генерал-квартирмейстера). Дальний Восток. Том 3. Военно-статистический обзор. 1) Население. 2) Средства. СПб., 1911. С. 133.

⁵ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867-1869 гг. М.: Географгиз, 1947. (<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000126/st008.shtml>.)

созванном по инициативе приамурского генерал-губернатора Д.И. Субботича⁶.

Но основу образа «инородца – раба китайцев» сформировал, как уже отмечалось, В.К. Арсеньев. Выполняя поручение генерал-губернатора Н.Л. Гондатти по борьбе с хунхузами, он изучал положение и деятельность китайцев в Уссурийском крае, в т. ч. и их взаимоотношения с аборигенами. Сформированный в его трудах неоднозначный, но в целом, негативный образ китайского мигранта – тема особого разговора. Важно подчеркнуть только, что принципиально важным моментом было для него угнетение китайскими торговцами и промышленниками представителей коренного населения края.

Со сдержанной яростью он описывает систему кабальной эксплуатации инородцев, механизм чинимых обмана и насилий. Пользуясь неграмотностью и доверчивостью аборигенов края, спаивая и приучая к опиуму, китайские купцы практически безвозмездно изымали у них добытые тяжелым трудом дары тайги. Долговая кабала часто заканчивалась пытками, продажей семей должников и их самих в рабство. Проданных за долги людей «китайцы называют «хула-цзы», что значит – рабы. Рабы обязаны всю свою жизнь работать бесплатно и они не имеют права жаловаться, их можно заставить выполнять те работы, которые исполняют животные, например: вращать жернова, молоть муку, их можно продавать на сторону, как движимое имущество, и т. п.». Описав несколько виденных им лично случаев пыток, В.К. Арсеньев констатирует: «...сыны Поднебесной Империи царили полновластно, жили самостоятельно по своим законам, а инородцы находились у них в полнейшем рабском подчинении. В то время (1890 – 1910) здесь можно было видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в отношении к неграм: отнимание детей у матерей, насильная продажа жен, наказание плетьюми, бесчеловечные пытки и увечья и т. д.»⁷.

Доказывая фактическую экстерриториальность китайцев на российской территории, подчинение их только китайским законам, В.К. Арсеньев приводит переводы нескольких соответ-

⁶ Труды IV Хабаровского съезда, созванного приамурским генерал-губернатором Д.И. Субботичем, 1903 г. Хабаровск, 1903.

⁷ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 85.

ствующих текстов. Более того, он находит в них подтверждение того, что эти законы китайцы, которые нередко именовали себя хозяевами, распространяли и на инородцев. Например, в законах китайского общества Гунь-и-Хуэй указывается следующая норма: «если да-цзы (инородец) достанет рысью шкуру, то он должен передать ее своему хозяину...» (закон 23). В законе 30 инородцы приравниваются к постороннему, праздному и бродячему люду, который причиняет неприятности хозяину. В законе установлено, что: «хозяин не обязан давать им разные товары, опий или какие-нибудь другие деньги». Однако этот же свод законов определил и права инородцев. Согласно закону 35, китайским купцам запрещалось требовать долги с инородцев, когда они были на промыслах: «только когда да-цзы с саями возвращаются с охоты домой можно требовать с него долг». В последнем — 36 законе определено, что «если да-цзы должен китайцу деньги, будет ли то большая или малая сумма, то не разрешается китайцу стрелять из ружья, а также снимать с должника одежду». В указанных законах регулировались отношения, содействующие получению прибыли китайских хозяев и купцов, которые касались мужчин. Вопросы о женщинах в законах не рассматривались, поскольку ороцкие и гольдские женщины, отобранные у инородцев силой, становились наложницами у китайцев⁸.

Следует оговориться, что В.К. Арсеньев, исследуя Уссурийский край, описывал рабское положение преимущественно орочей и тазов, а не гольдов. Однако это не мешало формироваться обобщенному образу инородца — раба китайцев. К тому же, существовали аналогичные описания ситуации и в отношении гольдов (нанайцев). И.А. Лопатин называл китайцев — «полными властителями жизни и смерти гольдов»⁹. Автор одного из наиболее глубоких исследований ситуации с мигрантами в крае, чиновник Министерства иностранных дел В.В. Граве констатировал: «...инородцы закабаляются без всякой надежды выйти из кабалы. Когда китайский хозяин успев выжать все соки из инородца, он обращает его в рабство, продает его другому китайцу,

⁸ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 184.

⁹ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарские. Опыт этнографического исследования // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Примурского отдела русского географического общества. Том. XVII. Владивосток. 1922. С. 193.

отобрав жену и детей. Нередко инородец кончает свою жизнь под ударами бамбуков или от голода, брошенный в тайге на произвол судьбы, искалеченный китайскими пытками».¹⁰

Таким образом, образ китайцев – жестких поработителей беззащитных инородцев монополюно господствовал в официальной позиции общества и власти того времени. Он сохранился и до сегодняшнего дня.

Нанайцы: миф и образ славного рабовладельческого прошлого

Совершенно иными являются представления нанайцев о себе. Представители старшего поколения, плохо говорящие по-русски, не имеющие образования и владеющие только устной нанайской речью, рассказывают древние мифы. Они касаются зарождения вселенной, жизни на земле, взаимосвязи с космосом и духами. Местные жители гордятся, что нанайцы знали о возможности человека летать в воздушном пространстве Земли и космосе. Эти мифы передавались из поколения в поколения и родились раньше, чем появились самолеты и космические корабли. По одной из легенд, запечатленных частично на петроглифах (изображениях на камнях в районе Сикачи-Алян), именно их древний предок Адо (Кадо) спас всю Землю. Когда появились три палящих солнца и уничтожили все живое – он стрелами убил два из них и вернул тень и прохладу. В легендах есть упоминания о горячем дожде из смолы, кипении земли и потопе.

Современный нанайский писатель Н. Бельды указывает, что согласно легендам, во времена гибели солнц и жизни Адо (до потопа) нанайцы имели рабовладельческий строй, т. е. семьи владели слугами и рабами¹¹. Это указывает на укорененность рабовладения в культуре нанайцев. Древние сказания формируют героический образ предка, который благодаря своим навыкам смог покорить стихию. В культуре нанайцев все стихии являются олицетворением богов. Предок не был рабом. Напротив, был выше

¹⁰ Граве В.В. Корейцы, китайцы и японцы в Приамурье. Отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб, 1912. Вып. XI. С. 36 – 37.

¹¹ Бельды Н. Сокровища края сильной воды: нанайские мифы, легенды, стихи, орнаментально-декоративное творчество. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП», 2009. С. 37.

других живых существ, способен управлять богами. Он обладал древними знаниями, стремился жить в гармонии с окружающим миром и действовал воинственно только тогда, когда гармония нарушалась. Интересным является формирование образа героя, который одновременно осознает свою вину перед богами и свое преимущество. При этом нанайцы рассматриваются как владельцы рабов, что также ставит их выше других народов.

Высокую самооценку давало и подчеркиваемое родство с маньчжурами — многовековыми правителями Цинской империи. Нанайцы считают себя и маньчжуров двумя ветвями потомков великих чжурженей — основателей Бохайского государства. Память о родстве сохраняется, в том числе, через язык и предания. *«Мы с ними в высшей степени родственный народ. В нанайском языке около 50 % маньчжурских слов. Например, «веру» — норма, «печхэ» — грамота (письмо)... нанайцы больше тяготеют к маньчжурам»* (интервью 1). Об этой родственности писали и этнографы¹². По словам нанайцев, Приамурье маньчжуры называли *«северной родиной»* (интервью 1), а гольды / нанайцы воспринимались ими не просто как дальние родственники в далеком прошлом, а как часть сохранившегося единого народа.

Не случайно академик Л.И. Шренк обнаружил маньчжурские постоянные посты, в которых жили и собирали подати с местного населения маньчжурские чиновники, расположенными преимущественно в гольдских деревнях, в т. ч. Джоада на реке Уссури и Мылки на реке Амур¹³.

По словам Н. Бельды, нанайцы не просто принимали милостыню от маньчжуров, но оказывали им помощь, принимая участие в защите их правления в Китае. Маньчжуры *«... набирали дёнгдинов (рекрутов) ... для военных действий с восставшим населением внутри Китая, вероятно с повстанцами-тайпинами, так как это было в годы хэдени эдени Доргон билуэни (в годы правления хэчжэнского (нанайского) императора Доргоня)»*¹⁴. Далее по тексту Доргонь указывается уже как маньчжурский император, что позволяет рассматривать предыдущее заявление о нанайском императоре как описку. Хотя она отчасти объясняет-

¹² Лопатин И.А. Указ. соч. С. 7.

¹³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Бельды Н. Указ. соч. С. 10.

ся признанием родства нанайцев и маньчжуров. Маньчжурский император представлял власть и рассматривался, вероятно, ими как император нанайский.

По преданию, покровительство маньчжуров защищало нанайцев от эксплуатации со стороны китайцев и русских. При возникновении угрозы со стороны русских многих на добровольной основе перевезли в Китай. *«По истории получается фактически... почему нанайцы не подверглись такой колонизации активной, русской колонизации, потому что... благодаря маньчжурам ... После того как Хабаров пришел, начались первые стычки, маньчжуры обеспокоились и угнали население в Китай»* (интервью 1). Это угнанное население получило название хэджэ и сохранилось до настоящего времени.

Н. Бельды описывает ситуацию, когда китайцы завезли статую Золотого Будды для постройки кумирни, чтобы познакомиться аборигенов с буддийской верой, но маньчжуры попросили убрать ее. В этом можно проследить элемент защиты нанайцев от китайской культуры или политику маньчжуров по противодействию усилению власти китайцев над нанайцами, что грозило потерей лояльности родственного народа на рубежах страны.

Кровная связь нанайцев с маньчжурами скреплялась рабами. Это является одним из объяснений причин существования китайских рабов и рабства у нанайцев. По словам местных жителей, китайцы попадали в нанайские селения, чаще всего, как *«награда от маньчжур»*, которые сами сохраняли рабовладельческий уклад. Нанайцы же, в культуре которых рабство существовало с древних времен, считали нормой принятие рабов от маньчжур за помощь в поддержании их власти в Китае. Китайские рабы по обоюдному согласию выступали как элемент механизма поддержания родственных связей. Китайские рабы поступали также в качестве сопровождающих слуг для китайских жен, ввозимых нанайцами.

Японский ученый Сиро Сасаки замечает по этому поводу: «Коренные народы Нижнего Амура сохраняют воспоминания об этно-культурных контактах с маньчжурами и китайцами в середине XIX в., когда предки нынешних нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев, орочей принимали невест из Маньчжурии и Китая. Информация о случаях заключения браков с маньчжурскими и

китайскими невестами сохраняется не только в народной памяти, но имеется и в этнографических трудах. Чаще всего браки объясняются традиционным обычаем покупки невест. Исторические документы свидетельствуют, что такая форма брака была определена в качестве механизма укрепления даннических отношений коренных народов Нижнего Амура и Сахалина по отношению к маньчжуро-китайской династии Цин (1616 – 1912). Межэтнические браки считались важным политическим мероприятием для народов региона, которые находились под управлением цинской династии с конца XVII до середины XIX в.». «В качестве приданого за невесту давали двух-трех рабов из ссыльных, что способствовало распространению рабства среди нанайцев и ульчей. Маньчжурские купцы и чиновники охотно отдавали дочерей нанайцам и ульчам в качестве жен, чтобы укрепить свои экономические связи через семейные отношения». «А.М. Золотарев сообщает о самоидентификации народов Нижнего Амура как людей привилегированного класса. Нанайцы и ульчи принимали рабов из китайцев, маньчжуров и айнов, но обратных случаев не наблюдалось, т. е. представители коренных народов Нижнего Амура никогда не уезжали служить китайцам, маньчжурам и айнам»¹⁵.

Китайцы воспринимались нанайцами как менее смекалистый по сравнению с ними народ. По словам местных жителей, они всегда обманывали китайцев, обменивая менее ценное на более ценное: *«конечно обманывали, продавали им барахло взамен драгоценностей. Шкуры, рыбу меняли на шёлк, посуду, одежду, табак, оружие, муку»*. Драгоценностями были те товары, которые создавали ремесленники или выращивали крестьяне. «Барахлом» считалась любая добыча, которую приносил гольд с охоты или рыбалки, то есть за которую он не платил.

В исторической памяти нанайцев и их культуре сохранился образ китайцев как рабов или слуг. В нанайско-русском словаре С.Н. Оненко¹⁶, который считается одним из наиболее полных и содержательных, приводится термин «никан», имеющий два значения: китаец и раб / слуга. Примечательно, что между эти-

¹⁵ Сасаки С. Межэтнические браки коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 64 – 65.

¹⁶ Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь: 12800 слов/ под ред. проф. В.А. Аврорина. М.: Русский язык, 1980. С. 289.

ми значениями в устной речи современных нанайцев ставится знак равенства. *«По-нанайски китаец — это раб / слуга, пишется «нека», «некан», «никан», произносится «няка»... «К китайцам отношение такое: «китаец» — «няка» с нанайского переводится как слуга — слуга китаец»* (интервью 1).

«Няка» занимали самую низкую социальную позицию. Они не имели права жениться и, как правило, не вливались в нанайскую общину. *«Китайцы были рабами у нанайцев, поэтому смешанных браков было мало. Нельзя было господам на рабах жениться»* (интервью 4).

Образ нанайца — владельца рабов — не является открытием, он встречался еще в первых этнографических исследованиях. Например, в работе И.А. Лопатина упоминается термин «няка». Он означал — «раб-иностранец» и касался в первую очередь айнов, проживавших на о. Сахалин¹⁷. Работа И.А. Лопатина подтверждает существование рабства у нанайцев, однако не позволяет сделать вывод, что термин «няка» касался китайских подданных. К началу русской колонизации рабство встречалось в отдельных местах, но уже не имело широкого распространения, т. к. китайцы оказывали сильное экономическое и политическое влияние. Возможно поэтому в описаниях других авторитетных исследователей практически отсутствуют описания фактов рабства китайцев в нанайских селениях.

В современных работах (например, в коллективной монографии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН¹⁸) имеется четкая «привязка» термина «некан» к китайским рабам. Отмечается, что всего у нанайцев существовало шесть видов рабства: «аха» — «раб, слуга, служанка»; «суруку» или «сэруку» — «работающий за женщину»; «элчи» — «раб военнопленный»; «кэкэчен» — «рабыня слуга, женщина»; «некан» — «раб китаец»; «токса» — «ребенок, рожденный вне брака, или ребенок, рожденный от раба и рабыни». Данная классификация позволяет выделить «некан» как особый тип рабства, относящийся к китайцам.

Китаец-раб занимал одно из самых последних мест в иерархии рабов. Наиболее сложные условия жизни отмечались у

¹⁷ Лопатин И.А. Указ. соч. С. 185.

¹⁸ История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. Российская академия наук. СПб: Наука, 2003. С. 45 – 49.

мужчин, взятых в плен или попавших в рабство за долги. Легче была жизнь у рабынь, т. к. они преимущественно являлись наложницами. Единицы из числа «няка» получали право жениться на нанайских женщинах, сохраняя при этом свой статус раба или слуги. Количество рабов-китайцев определяло статус нанайцев: чем больше рабов, тем выше был статус. Они специализировались на различных ремеслах, которыми нанайцы не владели: «... ну а вообще китайки и китайцы больше в качестве рабочей силы были, огородниками, может быть, какие-то ремесла могли делать» (интервью 1). Потомки китайца раба лишь через несколько поколений получали такие же права, как и нанайцы.

Образ китайских рабов также сохранился в нанайской письменности. В работе Н. Бельды приводится рассказ Белдай Улукэ – жителя стойбища Халбон (Халбы), в котором используется термин «никан» (рис.1). На рисунке представлена фраза следующего содержания: «на берег деревенок выходили, бывало, нанайцы, манчжуры, китайцы» (на нанайском языке – ихокансал ваячиачи хэдени, мадэ, никан эури бичин)¹⁹.

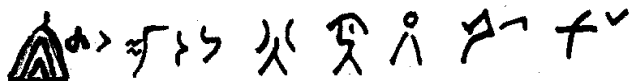

Рис. 1. Фрагмент рассказа Белдай Улукэ – жителя стойбища Халбон (Халбы)

Этот рисунок представляет огромный интерес по нескольким причинам. Во-первых, он еще раз подтверждает укорененность термина «никан» в культуре нанайцев не только в устной, но и письменной речи. Перевод дает только одно его толкование – «китаец», оставляя вторую смысловую часть в латентной форме, как потерявшую свою актуальность. Во-вторых, по этому рисунку можно сделать предположение, что «никан» существовало раньше, чем появились русские, которые здесь не упомянуты, но в одном ряду стоят маньчжуры и китайцы. В-третьих, этот рисунок указывает на существование письменности в нанайской культуре, что само по себе противоречит официальной точке зрения, согласно которой нанайский язык относится к бесписьменным или младописьменным языкам. Эти термины означают, что

¹⁹ Бельды Н. Указ. соч. С. 47.

нанайский язык был оформлен в письменности только в 1920-е годы (сначала в латинском, а затем в русском написании)²⁰.

Существование письменной формы начертания слова «никан» позволяет предположить, что факт китайского рабства вплетен в историю. Своеобразная нанайская письменность, по словам Н. Бельды, являлась не столько средством связи, сколько способом украшения. Ее элементы присутствуют в орнаментах в элементах одежды и декора и, возможно, слово «китаец-раб» не просто осталось в памяти нанайцев, но также сохранилось в рукоделиях.

Современное отношение к китайцам

Феномен китайского закабаления, так ярко описанный в дореволюционной российской литературе, из коллективной памяти нанайцев стерся. Скорее всего – вместе с китайцами, которые по воле Советской власти исчезли с Дальнего Востока в предвоенные годы. Нанайцы хорошо знают и охотно ссылаются на работы первых исследователей, в которых содержится позитивный образ их предков, описываются факты их превосходства над пришельцами. Ярким примером является повесть «Дерсу Узала», чей главный герой (реальный персонаж) помог выжить экспедиции В.К. Арсеньева в Уссурийской тайге (рис. 2). Однако не менее известная книга путешественника о китайцах в Уссурийской тайге таким вниманием не пользуется.

Возможно, это произошло в связи с разрывом между поколениями, а также из-за огромного количества событий и испытаний в XX веке. Наибольший след в памяти нанайцев оставила Великая Отечественная война. В каждом нанайском селении есть память о героях (преимущественно, снайперах и разведчиках), которые получили боевые награды на фронте. Не менее тяжелым испытанием была и их мирная жизнь в тылу. Во время войны местные жители продолжали обычную жизнь, женились, ловили рыбу, растили детей, проводили шаманские обряды. Спокойствие нарушал голод и мор в соседних русских деревнях, жителям которых было предписано сдавать

²⁰ Оненко С.Н. Указ. соч. С. 6.

весь урожай в колхоз. Когда провизия заканчивалась, люди, семьи и целые селения умирали. Нанайцы с голоду умереть не могли. При виде опасности они всем селением уходили в лес или дальше по Амуру и оседали на новых местах. В лесу и на реке их никто не мог догнать.

Рис. 2. Из книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала». Серия: В дебрях Уссурийского края. М.: Мысль, 1987. Иллюстрации А.Н. Клементьева.

Как подчеркивали все респонденты, следующим по важности событием в памяти стала «русификация» нанайцев, особенно агрессивная политика по внедрению русского языка. Существовал официальный запрет на общение на нанайском

языке. Результатом стала частичная утрата языка, культуры, обычаев, обрядов и т. д. Термин «частичная» не является вполне корректным, т.к. утрачена, скорее, большая часть культуры. По-нанайски уже многие жители не говорят, особенно, те которые родились после этапа интенсивного привития русского языка коренным малочисленным народам 1960-х годов. Нанайский язык детьми изучается как иностранный. Информация о жизни нанайских сел в местных музеях является весьма скудной. Местный музей не располагает архивными материалами о судьбах жителей. Описания взаимоотношений между китайцами и нанайцами в нем практически отсутствуют.

У амурских нанайцев нет ни одного открытого шамана. Соответственно часть культуры, связанная с поклонением миру духов, ушла в прошлое. У некоторых общин в последнее время появились шаманы, но преемственность нарушилась. Право на ведение традиционных видов деятельности (охота и рыбалка) ограничивается законодательно. Несмотря на то, что нанайцы получили ряд преференций по доступу к ресурсам, их жизнедеятельность существенно изменилась.

Нанайцы – хэджэ, проживающие в Китае, также практически полностью исчезли или, как говорят нанайцы, «окинтаились». Они утратили свой язык настолько, что сейчас в Маньчжурии нет носителей языка. *«Те маньчжуры, которые есть сейчас это уже не маньчжуры»* (речь идет о хэджэ – нанайцах, которые живут в Китае на территории Маньчжурии – прим. авт). Самое главное, что из их повседневной жизни ушла рыба, т. к. они проживают в «пустых местах». А рыба всегда определяла направления миграции, быт и занятость нанайцев. *«Наши там живут, но уже стали китайцами»* (интервью 2). *«Они – нанайцы конечно, но отличить их от китайцев нельзя. Даже лица другие, не такие как у наших. Они уже сильно с китайцами смешались ... и рыбы у них нет, а для нанайцев это главное. Пицца вся китайская, не наша»* (интервью 1). Тем не менее, нанайцы в Китае сохраняют свой национальный статус, несмотря на распространенность смешанных браков. Этот статус позволяет им получать особые льготы. Например, на нанайцев не распространяется ограничение по количеству детей. Им предоставляют жилье по льготной цене.

В общем, времена изменились, проблема перестала быть актуальной. С современной точки зрения взаимоотношения китайцев и нанайцев в прошлые века рассматриваются не столь жестко, как современниками. Например, Н. Бельды подчеркивает, что нанайцы контактировали «с солонями, манчжурами, китайцами ... были с ними в партнерских отношениях, вели торговлю, вступали в брак, перенимали друг у друга культуру, обычаи, привычки, вкусы»²¹. Оценка отношений как партнерских не случайна, она дает возможность подчеркнуть равноправный, высокий статус своего народа.

Несмотря на значительную трансграничную миграцию, с реальными китайцами нанайцы контактируют не слишком интенсивно. Только единицы китайцев селятся в нанайских селениях, т. к. там нет возможности найти работу. *«А что им тут делать, работы нет»* (интервью 4). Национальные села редуют и приезд туда иностранцев на постоянное место жительства, даже китайцев, — это случаи единичные. В целом местные жители не против китайцев и говорят, что им рады — *«новые люди»*. Нанайцы часто подчеркивают и свою кровную близость с китайцами: *«в каждом из нас есть китайская кровь»* (интервью 1). Но «новые люди» в нанайском селении остаются «китайцами» даже после многих десятилетий совместной жизни. Потомки редких смешанных нанайско-китайских браков считаются китайцами, а некоторые из них чужаками. *«Несколько лет назад там (указывается другое селение — прим. авт.) поселился китаец. По-русски не говорил, женился на местной нанаечке, которая говорила только по-русски и не знала ни слова по-китайски. У них родился сын. Он стал говорить только по-китайски. Отец (китаец) в селе уже не живет. Бросил жену с ребенком и женился на другой девушке из соседнего села. Местные дети «полукровку» не приняли. Он и не нанаец, и не китаец, значит, чужой»* (интервью 5).

Этот пример показывает, что взаимоотношения китайцев и нанайцев, во-первых, являются редкими, поэтому появление единственного китайца вызвало большое обсуждение среди нанайцев. Во-вторых, китайцы воспринимаются как чужие. Возможно, сохранение дистанции между нанайцами и китай-

²¹ Бельды Н. Указ. соч. С. 20.

цами вызвано сохранением устаревшей традиции рабовладения и сохранения термина «няка» в нанайском языке, придающим неравный вес в «партнерских» отношениях.

Таким образом, коллективная память нанайцев как в России, так и в Китае подверглась как естественным, так и искусственным трансформациям. Образ нанайцев как поработленного китайцами народа из памяти стерся. Образ китайцев в памяти нанайцев сохранился в виде раба или слуги и до сих пор используется в быту, но в латентной форме, утратив первоначальное значение.

Вместо выводов: нанайцы — рабы или хозяева?

Таким образом, мы можем наблюдать ситуацию двух взаимоисключающих версий относительно взаимоотношений нанайцев и китайцев. И не верить какой-либо из них нет серьезных оснований. Не исключено, что одно не противоречит другому. Возможно, что одна ситуация («китаец — раб») могла по времени предшествовать другой («нанец — раб»). И к началу русской колонизации первые этнографы застали лишь отголоски ранее процветавшего рабства. Зато в период проведения этнографических обследований русскими учеными и представителями власти, влияние китайцев являлось значительным, а инородцы находились у них в экономической зависимости, что позволяло за неуплату долгов забирать имущество, членов семьи и даже жизнь инородцев.

Касалось ли это в равной степени всех инородческих племен, включая нанайцев, сказать сложно. Исследователи и власти рассматривали инородцев, преимущественно как одну группу. Показательной в этом отношении является работа Н.М. Ядринцева, где при детальном описании климата, зверья, жизни и трудностей русских переселенцев в Восточной Сибири, в т. ч. на Амуре, об инородцах есть упоминание в трех строках. На одной из них сообщается численность инородцев, на двух других указывается, что они «прозябают» и соответственно численно увеличиться не могут²². В этой связи инородцы не представляли угрозы, пользы

²² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в ее географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. С. 59.

и, соответственно, особого интереса для колонизаторов. Соединение всех местных племен в одну группу позволяло делать обобщенные выводы, нарисовав угрожающую картину китайской экспансии.

В подробнейшем описании В.К. Арсеньева под инородцами понимаются, прежде всего, орочи и тазы. Факты закабаления собственно гольдов отсутствуют, за исключением практики отнимания китайцами гольдских и орочских женщин. Трудно предположить, что он целенаправленно выбирал примеры по орочам и тазам, случайно оставляя гольдов без внимания. Дело здесь, скорее, в географии его исследований. Его экспедиция охватила Уссурийский край, включая долину реки Уссури. Быт китайцев в долине реки Амур, где были сконцентрированы нанайские поселения, он не рассматривал. Хотя экспедиция Арсеньева формировалась в Хабаровске, расположенном на реке Амур и, следовательно, факты их угнетения должны были попасть в его отчеты, если бы они были распространены. Сомнения развеивают исследования другого прекрасного ученого — И. Лопатина, непосредственно изучавшего жизнь гольдов. Он убедительно показал, что и гольды находились в рабском подчинении у китайцев. Соответственно, официальная позиция относительно закабаления и порабощения инородцев китайцами относится и к гольдам.

Следует иметь в виду и возможную предубежденность многих российских наблюдателей и особенно администраторов, которые опасались присутствия и деятельности на территории края китайских мигрантов. Поэтому они пристально наблюдали за ними и тщательно подбирали все возможные анти-китайские аргументы.

Возможно, закабаление нанайцев было менее жестким и/или менее продолжительным, чем у остальных инородческих племен. До появления русских у них был иммунитет в виде поддержки со стороны маньчжуров, которые их одаривали рабами-китайцами и защищали от эксплуатации. С появлением русских нанайцы получили новую защиту, т. к. борьба с китайскими законами и традициями являлась одной из целей российских властей.

С другой стороны, В.К. Арсеньев создал замечательный образ гольда Дерсу Узала. Его герой показан мудрым, сильным и

свободолюбивым человеком. Трудно сказать, насколько он был типичным представителем гольдов и насколько литературный образ отражает его прототип. Но транслируя его образ на гольдов, сложно представить картину рабства, где хозяином его или их жиней были китайцы. Дерсу Узала невозможно представить ни рабом, ни рабовладельцем.

Не меньше прав на существование имеет версия о китайцах-рабах. Свидетельства, сохранившиеся в письменной и устной форме и коллективной памяти, доказывают факт наличия рабов у нанайцев, в том числе, китайского происхождения. С точки зрения официально установленной позиции это признать сложно, т. к. образ инородца-раба прочно укоренился в сознании.

Но самое интересное и важное здесь в другом. Почему в исторической памяти нанайцев сохранился лишь один образ, почему травмирующая история рабской зависимости выпала, исчезла? Результат ли это того, что эпоха, когда нанайцы были хозяевами рабов, была более длительной и устойчивой? И именно она сформировала мифологию и конструкции языка? А период китайской эксплуатации выглядит на этом фоне непродолжительным и случайным? Не заслуживающим запоминания и специальной рефлексии. Или же в процессе растущего этнического самосознания, где так необходимо героическое прошлое и героические предки, образ предков-рабов является не очень желательным? Можно предположить, что сохранение только этой версии взаимоотношений в культуре нанайцев можно рассматривать через призму защитного рефлекса малочисленного этноса, старающегося возродить свою историю и самобытность.

Заканчивая свой текст, хотелось бы процитировать строки Н. Бельды, отнесенные к другому вопросу и месту: «когда исчезли эти стойбища, об этом река Муданцзян — свидетель давних пор — ничего не хочет рассказать...». В нашем случае географически вернее заменить реку Муданцзян на реку Амур, но важно то, что найти какой-то однозначный ответ в прошлом не представляется возможным, т. к. одна история уходит, а другая появляется и позволяет усилить самосознание народа.

Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп)

В современном языке, который принимающее общество использует для описания мигрантов, зачастую на первый план выходят этнические категории. Независимо от целей, мотивации и других специфических характеристик переселенческих групп, именно этническое происхождение становится основным маркером, как для представителей официальных властей, так и для рядового обывателя. Но всегда ли подобная рамка определяла восприятие и репрезентацию мигрантов? Интересно посмотреть, как обстояло дело в иную историческую эпоху, а именно в период реализации столыпинской аграрной реформы, составной частью которой была организация переселения на восточные окраины Российской империи. Какие категории использовались в официальном бюрократическом языке относительно «столыпинских» переселенцев начала XX века, в каком качестве воспринимали их соседи-старожилы? Как, наконец, сами мигранты репрезентировали себя окружающему социуму, превращаясь из массы разрозненных семей в сплоченное локальное сообщество?

Эти вопросы рассматриваются на примере двух переселенческих групп, появившихся в Иркутской губернии в 1910 году. Одна из них прибыла с территории бывшего Царства Польского и, поселившись на Трубачеевском участке, основала деревню Вершина (сегодня она относится к Боханскому району Иркутской области). Члены другой группы, выходцы преимущественно из Волынской и Гродненской губерний, обосновались на Пихтинском переселенческом участке, где основали несколько поселений, которые сегодня называются Пихтинск, Средний Пихтинск, Дагник и относятся к Заларинскому району Иркутской области.

¹ Галеткина Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики».

В основе мотивации переселенцев лежало стремление улучшить свое экономическое положение за счет «вольных земель» Сибири. Сыграли роль и активная пропаганда переселения, развернувшаяся в эти годы, и льготы, которые предоставляло государство (право на покупку железнодорожного билета по дешевому тарифу, освобождение от воинской повинности, льготное налогообложение, безвозвратные ссуды в 100–250 рублей). Но самое главное – переселенцы бесплатно получали в пользование земельный надел, величина которого в среднем равнялась 15 десятинам на 1 мужскую душу².

Переселенческие участки образовывались из земель колонизационного фонда, который был сформирован в ходе землеустроительных работ 1890–1900-х годов. Вся территория Иркутской губернии была поделена в связи с этим на переселенческие районы и подрайоны³. Возглавлявшие их чиновники должны были утверждать границы сформированных участков, определять категорию сложности каждого из них, исходя из природно-климатических условий, и в зависимости от этого планировать размер помощи будущим поселенцам. После этого наступала следующая стадия: осмотр участка ходоками – доверенными лицами, представлявшими интересы группы семей, решившихся на переселение. Получив от чиновника карты и маршруты, ходоки осматривали предлагаемые им участки и либо записывали понравившиеся земельные наделы за своими доверителями, либо продолжали осмотр далее. Только после этого наступал этап собственно переселения и обустройства людей на записанных за ними землях⁴.

Рассмотрим, как происходил этот процесс в каждом из двух случаев.

² 1 десятина = 1,092 га.

³ Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО), ф. 171, оп. 1, д. 256

⁴ Хотя зачастую эта схема давала сбой, когда, например, приехавшие на участок переселенцы оказывались недовольными условиями и просили разрешения искать другой участок. Или же когда они не приезжали на участок вовсе, вероятно, найдя для себя более подходящие земли в другом месте. О плюсах и минусах хождения писалось в каждом годовом отчете переселенческих чиновников о водворении переселенцев (см. например: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195).

Вершинины

Переселенческий участок, на котором в 1910 г. возникла деревня Вершинино (позднее Вершина), был образован в 1908 г. и первоначально назывался Яматским, а затем Трубачеевским. Он находился в Осинской волости Балаганского уезда и относился к Кутуликскому переселенческому подрайону⁵.

Еще на стадии образования участка, между чиновниками-землеустроителями и жившими здесь бурятами возник конфликт. Суть его заключалась в разном понимании того, какое количество земли необходимо оставлять в пользовании старожилов. Чиновники полагали, что поскольку процесс перехода местных бурят от скотоводства к земледелию зашел довольно далеко, то обширные летние пастбища, необходимые им в прошлом, уже не имеют прежнего значения, а потому должны быть включены в колонизационный фонд. Буряты же, привыкшие к экстенсивному ведению хозяйства, вовсе не считали эти земли «излишками» и протестовали против подобного решения. Несмотря на протесты и жалобы, к 1909 г. границы Трубачеевского переселенческого участка были окончательно утверждены и включали в себя 164 десятины, находившиеся до этого в пользовании бурят Укырского инородческого ведомства⁶. Таким образом, еще до появления переселенцев были созданы предпосылки для враждебного к ним отношения со стороны старожильческого населения.

Первые переселенческие семьи прибыли на Трубачеевский участок летом 1910 г., а к концу года здесь насчитывалось уже 59 дворов, в которых проживало 328 человек⁷. К началу 1912 г. число жителей деревни выросло до 400 человек⁸. В дальнейшем население Вершины росло незначительно, таким образом, основная часть переселенцев прибыла на участок в 1910–1911 годах.

⁵ ГАИО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 36 об. – 37.

⁶ ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 200. Л. 10.

⁷ ГАИО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 36-37.

⁸ Это – округленная цифра, поскольку в архивных документах, даже исходящих из одного и того же источника, присутствуют некоторые расхождения. РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1799, л. 73 об., 75 об.

Основатели Вершины были выходцами из Малопольши (исторического региона Польши). Деревни, в которых они жили, относились к Келецкой, Петроковской и Радомской губерниям Царства Польского⁹. В интервью, записанном в 1994 г., старейшая на тот момент вершининская жительница Магдалена Юзефовна Мычка, приехавшая с родителями в Сибирь в 11-летнем возрасте, вспоминала: «*Наши поляки не с одной губернии уезжали, а с разных мест наехали. В Сибири, на Вершине познакомились. Из нашей деревни вот только Петшики были, одна семья только, трое человек. А другие — с других. Знакомых здесь не было*»¹⁰. То есть, до переселения в Сибирь будущие жители Вершины не представляли собой единой группы, скрепленной социальными связями, будь то родственными, дружескими или экономическими.

Архивные материалы дают довольно скудную информацию о том, как воспринимали вершининских поселенцев те люди, которые вступали с ними во взаимодействие — чиновники, старожилы, поселенцы других переселенческих участков. Тем не менее, попытаемся проанализировать имеющийся материал с точки зрения того, какие категории используются в них для описания жителей Вершины, и какой образ группы возникает при этом.

Прямые характеристики интересующей нас группы встречаются в ежегодных отчетах чиновников переселенческого ведомства, а также в переписке католических священников. Чиновники рассматривают вершининцев, прежде всего, в общем контексте переселенческой политики. Они определяют, к какому типу поселенцев их следует отнести с точки зрения экономического положения, и какие действия в связи с этим рекомендуются предпринять (каков должен быть размер инди-

⁹ Figura L. Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi // Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. Ewy Nowickiej i Małgorzaty Głowackiej-Grajper. Kraków: NOMOS, 2003. S.75-76; Tomczyk K. Dzieje wsi Czubrowice. Kraków: Drukarnia Koleiowa Krakow Sp.z.o.o., 2002. S.140; Шостак Я. Эпитафия жителям польской деревни Вершина в Иркутской области, погибшим в результате репрессий НКВД в 1938 г. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: Сборник материалов между. науч. конф. (Иркутск, 11-15 сентября 2001 г.) / Ред. Б.С. Шостакович и др. Иркутск, 2001. С. 144-147.

¹⁰ Архив автора, полевая фонограмма (далее ПФ)-4-1994.

видуальной ссуды, давать ли ссуду на общественные нужды и если да, то на каких условиях и пр.). Своеобразие именно этой группы переселенцев описывается ими через употребление нескольких категорий, среди которых есть этнические («поляки»), историко-географические («выходцы из Привисленского края», «выходцы из Келецкой и Петроковской губерний»), экономические («бедные», «не имеющие достаточных средств», «горнорабочие»), конфессиональные («переселенцы-католики»).

Так, например, заведующий Кутуликским переселенческим подрайоном Иркутской губернии Л. Кременер пишет в отчете за 1910 г.: «Едва ли когда-либо устроится без особой помощи большинство поляков, выходцев горнопромышленного района, не имеющих ни средств, ни сельскохозяйственных навыков»¹¹.

Как переселенцы, имеющие мало шансов для адаптации без посторонней помощи, вершининцы предстают и в отчете иркутского католического священника П.П. Бульвича за 1911 год. При этом он пользуется практически теми же самыми категориями, характеризуя их с точки зрения района выхода («переселенцы из губерний Царства Польского, преимущественно, если не исключительно, из Келецкой и Петроковской губерний»), профессионально-сословной принадлежности («крестьяне, занимавшиеся горнозаводской деятельностью»), экономической состоятельности. Конечно, для него это в первую очередь поляки-католики, относящиеся к иркутскому римско-католическому приходу.

«Для удовлетворения насущных духовных потребностей означенных переселенцев или «выходцев из Привисленского края», как некоторые из «власть имущих» выражаются, — пишет П.П. Бульвич, — является необходимым, в первую очередь, постройка костела и школы в Вершинине <...>. Устройство костела и школы вершининцам и потому крайне необходимо в самом непродолжительном времени, что они:

*1-то*¹², заняли самый неподходящий для земледелия участок, годный разве как запасный, состоящий из высоких крутых хребтов.

¹¹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195. Л. 366.

¹² 1-то – во-первых, 2-до – во-вторых, 3-ю – в-третьих.

2-до, не имеют никакого подспорья, например, в продаже леса на шпалы, гонке смолы и дегтя и т. п.

3-ю, проголодав зиму прошлого года, будут голодать и настоящую, а то и на засеменение распаханых клочков не всем хватит. Выдача им полностью суммы на устройство школы, частью же и на костел, могла бы их поставить на ноги». Затем следует интересный пассаж, относящийся к вопросу отношений рассматриваемой группы со старожильческим населением. «Про вершининских переселенцев говорят соседи: «должно быть плохо живется, если красть начинают». И действительно, был случай, когда один из вершининцев <...> судился за кражу у бурята двух хлебов и был оправдан, хотя в краже сознался: «очень уж голод поприжал, продать нечего, всё распродано, а буряты, пользуясь случаем, эксплуатируют безсовестно»¹³.

Наряду с образом бедствующих, малоприспособленных к сибирским условиям переселенцев в архивных документах можно увидеть и иную картину, где вершининцы предстают как сплоченное организованное сообщество. Уже к осени 1910 г. они образовали «Вершининское сельское общество»¹⁴, а в ноябре того же года на общем сельском сходе решили ходатайствовать перед властями о выдаче им «безвозвратного пособия от казны в 3 тысячи рублей» на строительство начальной школы или, как его называли, одноклассного министерского училища¹⁵. Спустя два года начальная школа с преподаванием на польском языке была открыта.

Одновременно с постройкой школы Вершининское сельское общество занималось вопросом возведения в деревне католического храма, в связи с чем также обратилось за помощью к государству. Прочитируем Общественный приговор

¹³ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1799. Лл. 73-74.

¹⁴ Сельское общество было формой местного самоуправления и структурой, через которую осуществлялось взаимодействие с властями. Оно состояло из самостоятельных, имеющих право голоса, домохозяев, которые на общем сельском сходе решали насущные для деревенского сообщества вопросы (приход и расход общих денежных средств, строительство общественных зданий и пр.). «Общественный приговор» был формой выражения этих решений. Во главе сельского общества стоял местный выборный администратор – сельский староста.

¹⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 43. Лл. 1-4.

Вершининского сельского схода для иллюстрации того, как репрезентировали себя члены рассматриваемой группы.

«1911 г. Декабря 23 дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Балаганского уезда, Осинской волости, Вершининского сельского общества, в коем значится 70 домохозяев, имеющих право участвовать в сходах, быв собраны по распоряжению нашего Сельского Старосты Пыжа на мирской сельский сход <...> имели суждение, что мы и семьи наши имеют большую нужду в религиозной потребности, так, например, дети рождаются и остаются не крещеными, умирают без отпевания, в большие праздники взрослые желали бы излить свои накопившиеся духовные потребности в храме, но такового нет. По обсуждению этого вопроса, мы, на основании Высочайше утвержденного 19 апреля 1909 г. закона о порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев, обращаемся к Его Высокоблагородию, Господину Заведующему Кутуликским подрайоном с просьбой исходатайствовать нам безвозвратную ссуду на постройку «Каплицы»¹⁶ в размере 3000 рублей»¹⁷.

Решение вопроса о строительстве храма затянулось, несмотря на положительный отзыв заведующего переселенческим районом, признававшим, что «сооружение храма вызывается насущною нуждою в удовлетворении религиозных потребностей исключительно католического населения участка»¹⁸. В РГИА хранится переписка, которая велась по этому вопросу между различными чиновниками и церковными иерархами на протяжении нескольких лет. Не вдаваясь в ее детали, скажем только, что непосредственное строительство храма началось лишь в 1914 г., а завершилось к маю 1915 г. Известно, что освящение костела во имя Святого Станислава в деревне Вершина было назначено на 15 мая 1915 г.¹⁹.

Следует упомянуть еще о двух документах 1910 г., интересных тем, что не только показывают вершининцев как организованное сообщество, но свидетельствуют о возникшей коо-

¹⁶ От польского карліса – часовня.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1812. Л. 77-78.

¹⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1812. Л. 75.

¹⁹ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2066. Л. 10.

перации между ними и жителями соседних переселенческих деревень. Это общественные приговоры доверенных от четырех сельских обществ, возникших на переселенческих участках Благодатном, Тальяновском, Козаковском и Трубачеевском. В первом документе речь идет о фельдшерском пункте и аптеке, во втором — о содержании писаря. В обоих случаях представители сельских обществ, собравшись на общий сход, решают объединить усилия. *«Находя неудобным существующий ныне порядок иметь медикаменты в каждом участке порознь, мы пришли к заключению, что для нас <...> будет наиболее удобным и выгодным соединиться в общий медицинский пункт <...> в селе Верхне-Идинском»*²⁰. Точно так же они решают содержать одного грамотного писаря, *«так как местные писари не удовлетворяют своему назначению по безграмотству, а содержать хорошо грамотного писаря на каждое общество наши доверители не имеют средств»*²¹.

Известно, что на одном из упомянутых участков, а именно на Козаковском, жило шесть семей польских переселенцев²². Также здесь обосновались выходцы из центральной и южной России. Тальяновский и Благодатный участки упоминаются как места поселения православных переселенцев из Полтавской, Черниговской, Витебской губерний. Несмотря на профессиональные различия, можно говорить о том, что культурная дистанция между ними и вершининскими поляками была не так велика, как в случае с соседями-бурятами. Кроме того, их всех объединял статус переселенца и условия жизни в новом окружении. Вряд ли соседи-переселенцы выступали в роли «значимых чужих», в сравнении с которыми вершининцы ощущали себя как «мы-группа». Скорее всего, таковыми являлись старожилы-буряты, жители близлежащих улусов Нашата, Хонзой, Тодобол и Дундай. Именно они в наибольшей степени определяли тот фон, на котором шло формирование внутригрупповой солидарности поселенцев Вершины.

На первых порах отношения переселенцев и старожиллов характеризовались, скорее, взаимным неприятием. Степень

²⁰ Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). Ф. 201. Оп. 1. Д. 22. Л. 23, 23 об.

²¹ ГАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

²² РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1799. Л. 75 об.

отчужденности была так велика, что в сознании людей по отношению к представителям «чужой» группы возникали довольно специфические предубеждения. Иллюстрацией тому может служить фрагмент из интервью 1994 г. с жительницей Дундая, буряткой по происхождению, где она пересказывает эпизод, слышанный ею от свёкра. Дело происходило в первый год пребывания поляков на Трубачеевском участке, когда те еще не успели построить дома и жили в землянках, вырытых в склоне горы. Буряты поехали к полякам, чтобы обменять мясо на картошку. Переселенцы же, завидев подъезжающих на конях бурят, «забились» в свои землянки, *«потому что так получилось, что кто-то им сказал, будто буряты – людоеды»* (ж, 1941, ПФ1-94)²³. В другом интервью, записанном с жительницей Вершины, упоминалось также и о страхе, который испытывали буряты по отношению к полякам: *«Поляки мельницу построили – буряты боялись подходить»* (ж, 1929, ПФ1-94). Существовали неофициальные, но четкие границы для выпаса скота. Не раз приходилось слышать от польских информантов рассказы о том, как буряты не давали собирать полякам ягоду в «их» лесу, как напоминали о том, что те приехали на «их бурятскую землю».

Однако отношения переселенцев и старожилов не сводились к подобным эпизодам: на фоне острой эмоциональной напряженности все-таки существовали и разнообразные формы взаимовыгодных отношений, выраставшие из объективной потребности друг в друге. Не зная местного климата, не имея достаточного количества пашни (участок надо было еще расчищать от леса), поляки не могли сразу же получить хорошие урожаи. Поэтому они обращались к местным бурятам за продуктами, за посевным зерном. Взамен более состоятельные поселенцы предлагали деньги; чаще же всего расчеты были натуральными. Семьи, в которых имелись свои мастера (бондари, кузнецы), несли в обмен на продукты изделия собственного производства (ж, 1935, ПФ2-94). Те, у кого не было такой возможности, меняли картошку. Вскоре после переселения наиболее состоятельные польские семьи поставили на

²³ В скобках после цитаты из интервью через запятую указывается пол, возраст информанта, номер полевой фонограммы и год записи.

речке мельницы и пилорамы, которыми со временем стали пользоваться и буряты из близлежащих улусов. Хозяину мельницы с мешка смолотого зерна отдавалась лопата муки, с распиленных бревен — часть досок.

Таким образом, суровые условия жизни подталкивали обе группы к сотрудничеству, а элементы хозяйственной специализации способствовали росту натурального обмена.

Пихтинцы

Пихтинский переселенческий участок был образован в 1907 г. в Тагнинской волости Балаганского уезда и относился к Око-Тагнинскому переселенческому подрайону²⁴. Конфликтов со старожилами, подобных тем, что сопровождали образование Трубачеевского участка, здесь не возникало, поскольку Пихтинский участок включал в себя только свободные казенные земли и не затрагивал традиционного землепользования старожилов. В непосредственной близости от Пихтинска, на расстоянии 10 верст от него, находилось лишь одно старожильческое поселение — русская деревня Хор-Тагна. Остальные населенные пункты, располагавшиеся в радиусе 5–20 верст, были основаны такими же «столыпинскими» переселенцами, приехавшими одновременно с пихтинцами в 1910–1913 гг. В этническом отношении это были русские, украинцы, белорусы и татары.

Заселение Пихтинского участка шло поэтапно на протяжении нескольких лет. Первые шесть семей прибыли весной 1911 года²⁵, следующая переселенческая партия появилась на участке год спустя, и к сентябрю 1912 г. здесь проживало 248 человек²⁶. На протяжении последующих нескольких лет число поселенцев продолжало расти, но уже менее быстрыми темпами. Всего на Пихтинском участке в 1911–1913 гг. обосновалось примерно 300 человек.

Преобладающая их часть приехала из Гушанской волости Владимир-Волынского уезда Волынской губернии и

²⁴ ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 235. Лл. 27–28.

²⁵ Там же. Д. 235. Л. 133.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 401. Л. 1; Д. 53. Л. 14.

Домачевской волости Брестского уезда Гродненской губернии. Здесь находились поселения, обозначаемые в документах как «колонии»²⁷, жители которых были последователями евангелическо-лютеранской веры и относились к Курляндскому консисториальному округу²⁸. Будущих основателей Пихтинска связывали родственные и дружеские отношения, а также объединяли институциональные связи и общие практики, сложившиеся на прежней родине (встречи на общих богослужениях, строительство и ремонт церковного здания, обмена визитами по случаю свадеб, похорон и т. п.). Все это способствовало быстрому складыванию нового локального сообщества на новом месте поселения.

Анализ архивных документов показывает, что представителей власти в первую очередь интересовал экономический потенциал прибывающих переселенцев. В отчетах чиновников переселенческого ведомства общие сведения о количестве водворенных на участке сопровождаются информацией об их имущественном положении. Так, в ведомостях имущественного обследования все население участка подразделяется на три категории: «работоспособное население» (люди в возрасте от 16 до 60 лет), дети и старики²⁹. Подробно перечисляется количество имеющихся в каждом хозяйстве лошадей, телег, скота, птиц, построек. Что же касается этнических характеристик, то они в данных документах не встречаются.

Вопрос о происхождении пихтинцев опосредованно возникает лишь в письме иркутского лютеранского пастора Вальдемара Сиббуля, который посетил Пихтинский участок летом 1912 г. Впрочем, и в его характеристике присутствует оценка «полезности» переселенцев, что возможно было продиктовано стремлением склонить в пользу последних крестьянского начальника, которому адресовалось послание. В. Сиббуль пишет: *«Познакомившись на месте с бытом переселенцев-лютеран, позволю себе поделиться своим впечатлением. Народ трудолю-*

²⁷ Перечисляются следующие колонии: Забужские Голендры, Свержовские (или Свезевские) Голендры, Замостече (или Самостече), Новины – в Волынской губернии; Нейбров и Нейдорф – в Гродненской губернии. ГАИО. Ф. 789. Оп. 3. Д. 4, 5.

²⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 529. Лл. 200 об.-201.

²⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 53. Л. 14; ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 53. Л. 13.

бивый, молодой, благочестивый и знающий рациональную обработку земли — но бедный. Я думаю, что они составляют элемент вполне полезный для нашей губернии. <...> На прежней родине их звали официально Свебужскими, Нейбровскими и Нейдорфскими голлендрами — имя, с которым они свыклись и которое им нравится. Поэтому я просил бы присвоить занимаемой ими новой родине имя: Пихтинские Голлендры.

При посещении моих новых прихожан сказывался недостаток достаточно просторного помещения, приспособленного для богослужения, соответствующего столь большому числу прихожан, которые также и в мое отсутствие по воскресным дням собираются для чтения проповедей и пения церковных песен. В виду вышеизложенного обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой пойти навстречу назревшим духовным нуждам населения доверенного Вам участка, то есть деревни Пихтинские Голлендры и содействовать постройке молитвенного дома, который скрасит жизнь теперешним труженикам и вновь прибывающим»³⁰.

Предложение пастора Сиббуля о переименовании участка не нашло отклика у официальных властей, и больше каких-либо комментариев на эту тему в архивных документах не встречалось. Трудно сказать, было ли чиновникам вообще знакомо это слово, упоминаемое пастором как официальное наименование группы. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона по этому поводу можно прочесть следующее: «Голлендры — в Гродненской губернии под этим названием известны потомки голландцев, поселившихся здесь, вероятно в XIII веке. В настоящее время, в Брестском уезде, существует близ местечка Влодавы только две колонии их — Нейбров и Нейдорф, население которых, забыв свой природный язык, говорит на местном наречии, с примесью польских слов»³¹.

Неизвестно, совпадало ли это толкование с тем содержанием, которое вкладывал в слово «голлендры» лютеранский пастор. За неимением прямых свидетельств, невозможно с определенностью говорить и о том, как понимали его сами поселенцы. В интервью со старейшими жителями Пихтинска,

³⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 401. Л. 1-1 об.

³¹ Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. 17. С. 42.

записанными в 1994 г., это слово (чаще всего в форме «олендры») встречается в двух значениях: как этноним и как топоним.

«Вот голендры-то наши и назывались. Наши деды все голендры. А там были поляки какие-то уже отдельно, немцы. А наши, вот эти, которые приехали, да и остались там много — голендры» (м, 1914, ПФ2-94).

«Вообще олелдры — это деревня такая. На олелдрах жили — так мать называла» (м, 1919, ПФ2-94).

«Олелдры-то — нам так и говорили. А что они, эти олелдры, означают? Или это нация какая олелдры, или это деревня такая. Те, кто здесь сейчас, так они и не знают ничего. То, что пихтинские, а большие ничего, они даже и не слышали про это. Я-то хоть все-таки немного от стариков слышала» (ж, 1920, ПФ3-94).

Если говорить о «голендрах» как о термине, принятом в кругу современных историков-полонистов, то под ним понимается «одна из социальных категорий польского крестьянства, исторически сложившихся в эпоху позднего средневековья»³². Его этимология связана с переселенцами — колонистами из Северной Германии, Голландии и Фрисландии, которые в XVI в. осваивали заболоченные земли на польском побережье Балтики, в долинах рек Висла, Ногат, Варта и Нотеца³³. Благодаря своим мелиоративным навыкам, они были благосклонно приняты местными землевладельцами, которые предоставляли им земельные участки на льготных условиях. Постепенно в группу вливались колонисты польского происхождения, а слово «голендры» или «олелдры», (происходящее от польского *Holandrzy* — голландцы), в большей степени применялось для обозначения не этнического сообщества, а группы польских крестьян, которые имели особый социально-правовой статус³⁴. Среди голелдров преобладали последователи протестан-

³² Шостакович Б. Голелдры: этимология термина и понятия // Тальцы. 2004. № 4. С. 24.

³³ Освоение так называемых Вислинских Жулавов началось еще при крестоносцах в конце XIII в. Вероятно, поэтому в статье словаря Брокгауза и Ефрона фигурирует XIII век. Однако, начало именно «олелдерской» колонизации этого региона относится к XVI в., а появление «олелдерских» колоний на Западном Буге — к началу XVII в.

³⁴ Шостакович Б. Указ. соч. С. 24–26.

стантских течений, в частности, евангелическо-лютеранского и менонитского³⁵.

В XVII – XVIII вв. «олендерские» поселения возникают и в других регионах Речи Посполитой, в том числе на землях вдоль Западного Буга и на Вольни. Здесь за ними закрепляется название «бужские голендры» (Bużskie \ Bużańskie Holendrzy в польском языке, Bugholländer – в немецком). Территория, на которой располагались эти колонии, после третьего раздела Польши вошла в состав Российской империи. Таким образом, бужские голендры оказались российскими подданными, и в 1910-х гг. небольшая их часть в качестве «столыпинских» переселенцев появилась в Иркутской губернии.

Вернемся к письму пастора Сиббуля о «пихтинских голлендрах». Ходатайство пастора о казенном пособии для строительства церковного здания на Пихтинском участке было поддержано властями. *«Если переселенцы лютеране Пихтинского участка имеют твердое намерение осесть на участке, то мною будет поддержано ходатайство их о безвозвратном пособии на постройку молитвенного дома»*³⁶, – такую резолюцию дал заведующий переселением в Иркутскую губернию Иконников. Вслед за этим последовала длительная бюрократическая переписка, которая лишь к 1914 г. завершилась положительным решением. Однако реальных денег пихтинцы так и не получили, поскольку из-за начавшейся вскоре мировой войны все выплаты по ссудам и пособиям были заморожены. Впрочем, пихтинские поселенцы на этом пособии и не настаивали. Инициатива пастора не была подкреплена с их стороны ходатайством, изложенным в Общественном приговоре (в отличие от подобной ситуации с вершининцами).

Обнаруженные общественные приговоры Пихтинского сельского общества касаются лишь строительства на участке начальной школы³⁷. В них поселенцы просят оплатить из каз-

³⁵ Marchlewski W. Mennonici w Polsce (o Powstaniu Społeczności Mennonitów Wymyśla Nowego) // Etnografia Polska. 1986. t. XXX, z. 2, s. 129-146.

³⁶ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 401. Л. 2 об.

³⁷ В этом они не отличались ни от вершининцев, ни от многих других переселенцев, просящих и получавших деньги в первую очередь на строительство начальных училищ из средств Министерства народного просвещения. Как следует из отчета начальника Иркут-

ны половину сметных расходов на возведение школы и подсобных помещений при ней³⁸. Они пишут: «Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне из переселенцев Пихтинского участка Пихтинского сельского общества Тагнинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии, собравшись сего числа на сельских сход <...> имели суждение, что <...> как недавно прибывшие из России на переселение, еще недостаточно окрепли на новых местах, чтобы могли ассигновать из своих средств недостающую сумму на постройку училища и зданий»³⁹.

Общественные приговоры являются единственным видом архивных документов, имеющих в нашем распоряжении за этот период времени, которые исходят непосредственно от членов рассматриваемой группы. Несмотря на стандартную форму, они дают некоторую информацию о репрезентации группы в контексте взаимодействия с властями. Мы видим, что в данном случае участники сельского схода, представляя себя членами некоего сообщества, дают указание на сословную принадлежность («крестьяне», с уточнением «из переселенцев») и на территориально-административную приписку (участок, волость, уезд, губерния). Место выхода группы обозначено очень абстрактно — «из России», что в данном случае говорит о важности противопоставления «Россия vs Сибирь». Ни этнические, ни конфессиональные характеристики здесь не упоминаются.

Если сравнить этот документ с процитированным ранее общественным приговором Вершининского сельского общества по вопросу строительства в Вершине капличы, то можно видеть некоторые различия. Вершининцы подчеркивают свою религиозность и довольно эмоционально описывают испытываемые ими трудности из-за отсутствия на участке католического храма, то есть репрезентируют, прежде всего, свою конфессиональную идентичность. Вполне вероятно,

ского переселенческого района за 1912 год, подавляющая часть всей суммы казенных пособий была выдана как раз на строительство начальных училищ (ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 202. Л. 102). Для этой цели в бюджете МНП предусматривались специальные средства — ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 202. Л. 116.

³⁸ Все упоминаемые здесь общественные приговоры находятся в ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 53.

³⁹ Там же. Л. 11.

что пихтинцы также прибегли бы к подобной риторике, если бы обратились к властям за помощью в строительстве молитвенного дома. Тот факт, что они этой помощи не попросили, может свидетельствовать как о степени их религиозности, так и о меньшей значимости для них специального молитвенного помещения⁴⁰.

Во время полевых исследований в Пихтинске не раз приходилось слышать от местных жителей о том, что их предков в Сибири «неправильно записали немцами». Однако анализ архивных данных не подтверждает факта такой записи. В отчетах о переселении и в служебной переписке члены рассматриваемой группы характеризуются как «крестьяне-переселенцы», как «переселенцы лютеране», как «выходцы из Вольнской и Гродненской губерний», как «поселенцы Пихтинского участка Тагнинской волости Иркутской губернии» и «члены Пихтинского сельского общества». Категории, указывающие на их этническую принадлежность, в этих материалах не встречаются (в отличие от ситуации с Вершиной).

В старых метриках дореволюционного периода, сохранившихся в некоторых семьях жителей Пихтинска, упоминается место рождения ребенка, сословная принадлежность и евангелическо-лютеранское исповедание его родителей. Записи о рождении, браках и смерти пихтинских жителей были обнаружены также в метрических книгах Иркутского евангелическо-лютеранского прихода⁴¹. Их вносил туда губернский пастор после того, как раз в год или полгода посещал Пихтинский участок и подтверждал обряды, совершенные в его отсутствие местными религиозными лидерами, избравшимися односельчанами из своей среды. Бланк метрической книги предусматривал фиксацию следующих характеристик: «Имя, фамилия, звание и чин, или ремесло» умершего / родителей умершего (если умер ребенок) / родителей и крестных родителей новорожденного / венчающихся. Применительно к поселенцам Пихтинского участка «звание и чин» означали

⁴⁰ В отличие от вершининцев, нуждавшихся в специальном церковном здании, пихтинские лютеране сразу стали собираться на богослужения в одном из жилых домов. Эта практика сохраняется в Пихтинске и по сей день.

⁴¹ ГАИО. Ф. 789. Оп. 3. Д. 3, 4, 5.

принадлежность к крестьянскому сословию. Чаще всего они описываются в этом блоке документов как *«крестьяне Тагнинской волости Иркутской губернии евангелическо-лютеранского исповедания»*. То есть опять же перечисляются сословные, конфессиональные и административно-территориальные характеристики. В метрических записях, относящихся к 1918–1919 гг., указание на сословную принадлежность заменяется уравнивающим всех наименованием *«граждане»*, либо же *«гражданин/гражданка из крестьян»*.

О каких-либо внешних вызовах, которые бы актуализировали этническую составляющую групповой идентичности, в это время говорить не приходится. Если и существовали основания для идентификации жителей Пихтинска как «немцев», то на тот момент времени это никак не отражалось на судьбе группы. Первая мировая война затруднила коммуникацию с теми, кто остался на прежней родине, но она не внесла радикальных изменений в отношения с новым социальным окружением. Многих пихтинцев, так же как и жителей соседних деревень, в 1914 г. мобилизовали в армию и отправили на фронт. Нет никаких свидетельств того, что усилившиеся в это время в российском обществе германофобские настроения, «борьба с немецким засильем» и ужесточение контроля за немецкими колонистами⁴² каким-либо образом затронули жителей Пихтинска.

Выводы из сравнения двух ситуаций

Рассматриваемые группы прибыли в Иркутскую губернию в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы. Обстоятельства переселения — мотивация решения, схема движения, время заселения участка — в обоих случаях были очень похожи. Различия касались социального окружения, в котором оказались переселенцы по приезду, и изначального уровня внутригрупповой сплоченности. Многих основателей

⁴² Вибе П.П. Влияние германофобских настроений на переселенческую политику в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 86-91.

Пихтинска еще до переселения связывали отношения родства и соседства, а также объединяли институциональные связи и общие практики, сложившиеся на прежней родине. Можно сказать, что Пихтинский участок лишь обозначил территориальные границы новой — сибирской, колонии голендров, которая вобрала в себя нейдорфских, нейбровских, забужских представителей этой социокультурной группы.

Иная ситуация была у поселенцев Трубачеевского участка. Хотя они и приехали из близких в территориальном отношении регионов Польши, но до переселения жили в разных деревнях, не имея друг с другом (за редким исключением) контактов и связей. Формирование этой группы начало происходить только в новых условиях проживания на переселенческом участке. Однако в ситуации с вершининскими поляками присутствовал важный фактор внутригрупповой консолидации, которого не было в случае с пихтинскими голендрами. Это — чуждое социальное окружение в лице старожильческого бурятского населения, землепользование которого было нарушено самим фактом образования Трубачеевского участка. Различия внутри группы приехавших поляков отходили на второй план перед резким отличием от местных бурят и натянутыми отношениями с ними, которые складывались сразу после приезда. Вершининцам пришлось более активно выстраивать отношения с окружающим микросоциумом, чем пихтинцам, которые оказались в непосредственном соседстве с такими же, как они сами, переселенцами.

Как основатели Вершины, так и жители пихтинских деревень, до переселения в Сибирь входили в более широкие, чем собственно переселенческие группы, этнорегиональные сообщества, описываемые как привисленские поляки и бужские голендры. Однако у вершининцев наряду с региональной идентичностью существовало представление о принадлежности к более широкому этническому сообществу поляков вообще. В случае же с пихтинцами четкая этническая идентификация отсутствовала.

Для представителей власти и «вершининские поляки», и «пихтинские голендры» были частью единого переселенческого потока, различаемые, прежде всего, по месту выхода и

месту поселения, а также по степени полезности для заселяемой территории. Статус переселенца являлся определяющим для их восприятия этих людей. Можно предположить, что для проживавших по соседству старожилов этот момент также стоял на первом месте. Все переселенцы, в первую очередь, были для них «пришлыми», «новоселами». Другие групповые характеристики по своей важности стояли на втором месте.

В случае с жителями Вершины такими дифференцирующими групповыми признаками «второго порядка» стали этническая и конфессиональная принадлежность. Прилагаемые к ним характеристики «поляки» и «католики» не раз встречаются в отчетах о переселении, в служебной переписке, а также в документах, исходящих от самих членов группы.

Лютеранское вероисповедание жителей Пихтинска также входило в разряд специфических групповых отличий. Что касается этнической составляющей их групповой идентичности, то имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают оснований для определенных выводов. Складывается впечатление, что на тот момент времени ни для внешнего наблюдателя (будь то чиновник, житель соседней старожильской деревни или поселенец соседнего переселенческого участка), ни для самих членов группы этническая принадлежность не входила в число наиболее важных групповых характеристик. По крайней мере, нет никаких свидетельств о возникновении ситуаций, которые бы актуализировали их этничность. Тем не менее, спустя три десятилетия после переселения именно этническая идентификация начинает определять судьбу как всей группы в целом, так и отдельных входящих в нее людей.

Этнизация социального пространства и ее последствия для рассматриваемых сообществ

Этнический параметр выдвигается на первый план в официальной категоризации населения вскоре после установления Советской власти. Впрочем, утверждать, что «национальность» — это изобретение большевиков, было бы не совсем верно. В паспортах и метриках эта графа, действительно, является лишь в советский период, но в документах поли-

цейского и воинского учета, как отмечает А.К. Байбурин⁴³, а также в служебных аттестатах и врачебных карточках «национальность» фиксируется уже в начале XX века. Тем не менее, говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени рано, поскольку «указание на национальную принадлежность пока еще не отменяло, а лишь дополняло сведения о вероисповедании и сословной принадлежности». Но вот после революции 1917 года «национальность» и «социальное происхождение» заменяют собой прежние конфессиональные и сословные принципы официальной классификации населения⁴⁴.

Изменяется и сам принцип определения этнической принадлежности. На рубеже XIX–XX веков, как это можно видеть на примере материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «этнографический состав» населения определялся преимущественно на основании «родного языка»⁴⁵. Существовала также четкая корреляция между этничностью и вероисповеданием. В начале 1920-х годов в ходе подготовки первой Всесоюзной переписи была разработана сложная двухступенчатая процедура учета этнической (национальной) принадлежности. Она включала фиксацию ответов на вопросы переписи о языке, вероисповедании, самоназвании, а затем последующую их перекодировку и сведение к заранее заданному перечню⁴⁶.

Разработкой списков народностей было поручено заниматься Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). Первый вариант, предложенный КИПС Центральному статистическому управлению, состоял

⁴³ Байбурин А.К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 533-555.

⁴⁴ Байбурин А.К. Указ. соч. С. 547-548.

⁴⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т.VIII. Вольнская губерния. СПб., 1904. С. VII, XI.

⁴⁶ Соколовский С.В. Этническая идентичность в советских переписях населения / Доклад на науч. конф. «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва. 2002. Режим доступа: http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm

из 155 пунктов. Затем он был расширен до 190 наименований «основных народностей» и около 400 наименований «прочих народностей»⁴⁷. В дальнейшем перечни продолжали корректироваться: менялось общее количество наименований национальностей; одни из них переносились из дополнительного списка в главный, другие, наоборот, определялись как менее важные. В основе таких корректировок лежали вовсе не требования научной классификации, а государственные интересы, находившиеся в тесной связи с проводимым национально-территориальным делением страны. Сверка полученных ответов с заранее разработанным списком национальностей, определяемым государственными интересами, стала принципиальным отличием переписи 1926 г. от первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. «Национальные классификации из умозрительных конструкций, которые время от времени — локально и ведомственно — использовали власть, превратились в один из основных инструментов управления новым государством». Кроме того, переписи доносили утвержденные классификации до каждого отдельного члена общества, тем самым делая их фактом реального самосознания людей⁴⁸.

К концу 1930-х годов национальные категории понимались государственной властью как неизменные, врожденные, объективно и документально фиксируемые характеристики и нередко становились основанием для проведения репрессивных мер против людей, включенных в ту или иную этническую группу. Этот подход ощутили на себе и члены рассматриваемых переселенческих групп — сначала вершининцы, чуть позже пихтинцы.

В ноябре 1937 г. в Вершине по приказу Управления НКВД Иркутской области были арестованы 30 человек. Им было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, проводимой в рамках польской контрреволюционной

⁴⁷ Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 192.

⁴⁸ Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 170-172.

организации диверсионно-повстанческого характера⁴⁹. Все арестованные были осуждены по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и расстреляны в феврале-марте 1938 г. (один из осужденных умер до казни в тюремной больнице).

В это время в стране проходила первая массовая этническая чистка — так называемая «польская операция» НКВД. Она стала моделью для осуществления всех последующих массовых национальных операций: немецкой, харбино-японской, латышской, греческой и др.⁵⁰. «Польская операция» началась с Приказа НКВД СССР № 00485, утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г. и разосланного во все местные органы НКВД вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». В ходе операции с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было осуждено почти 140 тысяч человек, в том числе 86 человек были осуждены НКВД Бурят-Монгольской АССР⁵¹. Вполне вероятно, что в это число входят и 30 вершининских жителей, осужденных как «диверсанты-контрреволюционеры» в силу своей этнической принадлежности.

Вскоре после этого началась широкомасштабная «немецкая операция» НКВД, в ходе которой в 1937–38 гг. были арестованы тысячи жителей сибирских немецких деревень⁵². Но на жителях Пихтинска эти события никак не сказались, что косвенно свидетельствует о том, что в это время их еще не приписывали к «лицам немецкой национальности».

С началом Великой Отечественной войны мобилизованные из Пихтинска молодые люди вместе с другими военнослужащими оказались в действующей армии, однако осенью 1941 г. их отправили в тыл на строительные и лесозаготовительные

⁴⁹ Шостак Я. Эпитафия жителям польской деревни Вершина в Иркутской области, погибшим в результате репрессий НКВД в 1938 г. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов межд. науч. конф. / Ред. Б.С. Шостакович и др. Иркутск, 2001. С. 142-149.

⁵⁰ История и этнография немцев в Сибири / сост. и науч. редактор П.П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 347.

⁵¹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // <http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm>

⁵² История и этнография немцев в Сибири ... С. 346-349.

работы. Прочитую один из записанных рассказов об этом. *«Меня еще до войны отправили для подготовки на стрельбище, наша дивизия готовилась стрелять. Прибыл и до осени был. Тут война началась. Осенью 41-го года как раз 7 ноября доехали до вокзала Новосибирска. В военном билете мне записали: мобилизован – демобилизован. Я спросил: “Почему уволили?”. Ответили: “Немец”»* (м, 1919, ПФ2-1994).

Историк А.Ф. Смирнов нашел документальное подтверждение, что эти действия основывались на приказе № 35105 от 8 сентября 1941 г., в котором говорилось: «Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, военнослужащих рядового и начального состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части»⁵³. Этот факт, вкупе с последующей массовой мобилизацией в трудовую армию жителей Пихтинска, говорит о том, что к этому моменту государство уже воспринимало их как немцев.

Вероятно, главным основанием для такой идентификации стали фамилии пихтинских жителей. В разъяснении к циркуляру НКВД № 65 от 2 апреля 1938 г. говорилось, что национальность должна записываться не со слов регистрирующегося, а на основании национальности родителей. При этом подчеркивалось, что «в случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как например: фамилия регистрирующегося Попандуполо, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т. д. и если во время записи не удастся установить действительную национальность регистрирующегося, — графа национальность не заполняется до предоставления документальных свидетельств о принадлежности регистрирующегося к той или иной национальности»⁵⁴. По аналогии с этим примером вряд ли жители Пихтинска по фамилии Кунц, Гильдебрант, Зелент, Людвиг могли претендовать на то, чтобы быть записанными русскими или украинцами. Вопрос их официальной категоризации требовал уточне-

⁵³ Смирнов А. Годы унижений // Земля Иркутская. 1997. № 7. С. 53.

⁵⁴ Цит. По: Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 203-204.

ния. В Пихтинске до сих пор можно услышать рассказы о том, как перед войной в деревне появились сотрудники НКВД, которые подслушивали, на каком языке общаются между собой местные жители. Тот факт, что они не слышали немецких слов, по мнению информантов, спас пихтинцев от тотальной эвакуации или арестов. Тем не менее, почти половина трудоспособного населения Пихтинска оказалась в 1941–42 гг. в трудовой армии фактически на положении заключенных. Среди них были не только взрослые мужчины, но и женщины, а также 15-летние подростки. Многие из них погибли в трудармии от голода и болезней. Выжившие вернулись домой только в 1950–52 гг. Отношение к пихтинцам как к немцам, (а к немцам – как к врагам, «фашистам»), сохранялось еще спустя много лет после войны. *«Стыдно было быть немкой, страшно. Каждый раз испытывала страх и смущение и хотела переменить национальность»* (ж, прим.1950, ПФ2-1997).

Можно сказать, что война, а вслед за ней трудовая армия, стали ключевым моментом для формирования групповой идентичности пихтинских поселенцев, для актуализации ее этнической составляющей. Этничность вышла на первый план, потому что сложившиеся обстоятельства вынудили людей размышлять над этим, ведь именно происхождение («настоящее» или нет – уже не важно) стало причиной враждебного к ним отношения со стороны властей и окружающего сообщества. Приписывание «немецкой национальности» поставило пихтинцев в положение изгоев, стигматизировало группу. На фоне этого травмирующего опыта при отсутствии явных оснований для немецкой самоидентификации пихтинцы стали все более и более подчеркивать ошибочность такого внешнего определения. Противостояние навязываемой извне этнической идентификации становилось значимой чертой их групповой идентичности, определило ее специфику, которую можно обозначить как «протестная» этническая самоидентификация.

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу — всегда ли этническая рамка определяла восприятие и репрезентацию мигрантов, можно с уверенностью сказать, что относительно «столыпинских» переселенцев это было не так. Анализ имеющихся материалов показывает, что по прибытии в Сибирь этническая принадлежность не входила в число наиболее важных групповых характеристик (особенно в случае с пихтинцами). Она не определяла ни способ внешней категоризации переселенческих групп, ни их внутреннюю самоидентификацию. Однако этничность выходит на первый план в советское время в силу «запроса извне», во многом из-за того, что именно государство начинает классифицировать людей преимущественно в этнических категориях. Можно сказать, что этнический дискурс во многом был навязан бывшим переселенцам, которые включились в него в поисках ответа на вопросы, ставившиеся перед ними извне. Независимо от того, совпадала внешняя категоризация с внутренней (как это было в случае с вершининскими поляками) или же не совпадала (как в случае с пихтинцами), этнический дискурс в любом случае стал превалировать и определять восприятие и репрезентацию этих локальных сообществ.

Региональная идентичность и фактор миграции: «нелинейная» зависимость

Специфика современного регионального развития России привлекает пристальное внимание ученых. Активно обсуждаются и такие темы, как взаимодействие Российской империи и Сибири, областническое движение, Гражданская война в Сибири, советская модернизация сибирских регионов, историческая динамика геополитического, этнического, культурного, социально-экономического, политического развития Сибири. Дело не ограничивается научными рамками, мы можем наблюдать всплеск публикаций и на уровне СМИ (журналы «Эксперт – Власть», «Эксперт – Сибирь», «Русский репортер»). С этим интересом коррелируют и разнообразные государственные программы по развитию Сибири и Дальнего Востока с присущей им идеологией.

Важной составляющей и научных, и публицистических, и официальных нарративов является тема сибирской региональной идентичности. В СМИ она часто интерпретируется с помощью идеи «колониального развития» Сибири. Однако при таком анализе возникают ножницы между быстро меняющейся реальностью и используемой методологией. Сложное переплетение культурных и языковых факторов, связанных с процессом освоения Сибири; проблемы современного российского федерализма, асимметричности отношений Центр – регионы, подчеркивание политической составляющей «сибирской идентичности» – все эти и многие другие феномены, связанные с развитием сибирской региональной идентичности, политизируются. А это часто ведет к подмене научного анализа готовым выводом об угрозе «сибирского сепаратизма» (или ее отсутствии). Такого рода анализ строится только по принципу ответа на простой вопрос: «есть сепаратизм – нет

¹ Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, научный директор Межрегионального института общественных наук при Иркутском государственном университете (МИОН при ИГУ).

сепаратизма». Но, очевидным образом, идентичность нельзя уложить в это прокрустово ложе.

В статье ставится задача описать несколько новых методологических подходов к феномену идентичности, особенно, с точки зрения глобализационных процессов, связанных с иной конфигурацией отношений между глобальными и локальными (в том числе, региональными) формами общественного, культурного, социально-экономического и политического развития. Возникают новые формы развития, которые не вписываются в традиционную структуру общества модерна, строящуюся по принципу: регион — «государство-нация» — сообщество государств. Эти процессы, носящие трансграничный, транснациональный характер, видны не только на уровне анализа идентичности.

Другим важным фактором, определяющим современное развитие сибирского общества, все больше становится миграция. Сам феномен миграции очень характерен для всей истории освоения Сибири, но сейчас он обретает особенную важность. Как и в случае с региональной идентичностью, анализ феномена миграции часто упрощается и сводится только к выбору между двумя готовыми рецептами: пускать — не пускать. Поэтому еще одной целью статьи является описание возможностей новых подходов к миграционной тематике, особенно, в контексте ее влияния на региональную идентичность.

Данная статья не претендует на полный анализ заявленной проблемы. Как исследовательскую гипотезу можно выдвинуть идею возможности выявления новых факторов регионального развития, не вписывающихся в традиционный контекст общества модерна, связанных с региональной идентичностью и миграцией.

Современные региональные процессы можно трактовать как две разнонаправленные тенденции — глобализации и локализации, причем они могут быть вызваны как властными директивами (недавнее укрупнение российских регионов), так и стихийными политическими или этническими процессами (Косово, Абхазия и т. д.). В условиях общественной анонимии, отсутствия консолидирующих общество идей, актуализация форм идентичностей, сфокусированных на регионе или

городе, может сопровождаться размыванием идентификации с «большим» сообществом. Об этом свидетельствуют результаты некоторых исследований, проведенных отечественными социологами в 90-е гг. Доля респондентов, ассоциирующих себя только с локальными и региональными общностями, доминировала над долей тех, кто в первую очередь идентифицировал себя с россиянами. Схожие процессы наблюдаются и в 2000-е годы.

М.П. Погодиным, С.М. Соловьевым, А.Д. Градовским была выдвинута идея культурной однородности России в пространстве и слабой выраженности территориальной укорененности. Попытка модернизировать эту концепцию принадлежит Л.В. Смирнягину, который говорит об «аспатиальности русской культуры», обусловившей «ослабленность реакции на пространство» и отсутствие региональной идентичности². Ряд авторов отрицает существование российской региональной идентичности, говоря о кризисе идентичности вообще, пиаре, отсутствии символического смысла у российских регионов, не структурированности и отсутствии импульса саморазвития, отсутствию у русских «архетипа дома» и самого понятия «малая Родина»³. О.И. Шкаратан и М.П. Крылов, напротив, утверждают, что региональная идентичность в России с конца XX в. создается на базе новых городских локальных субкультур путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества⁴. В сборнике «Центр и региональные идентичности в России» исследования региональной идентичности вписаны в более широкий контекст анализа социальной идентичности, который предлагается рассматривать как продукт многоплановых социальных взаимодействий между отдельными агентами,

² Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108-115.

³ Филиппов А.Ф. Гетеронимия родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 62; Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. С. 91-95; Глазычев В.Л. Капитализация пространства // Эксперт. 2004. № 1. С. 100-104.

⁴ Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. № 3. С. 55; Крылов М.П. Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 228-236.

между ними и элементами социальной структуры, включая доминирующие дискурсы и социальные практики⁵. В таком случае речь идет о сторонниках «конструктивистского» подхода, противостоящих примордиалистам, рассматривающих идентичность как нечто данное индивиду от рождения или, по крайней мере, формирующееся в ходе первичной социализации. Правда, по мнению авторов сборника, конструктивистский подход устаревает и должен быть заменен анализом того, каковы агенты и механизмы формирования социальных идентичностей, кто и что их создает и меняет.

Такой подход не отменяет длительную историю рассмотрения проблем идентичности. Среди выдающихся исследователей можно назвать Ч. Мида, Г. Зиммеля, У. Джеймса и других. В условиях современного и постсовременного общества, проблема идентичности приобрела особую остроту и новые измерения, что, впрочем, не отменяет и возможность исторических исследований феномена.

Дополнительное измерение идентичности придают глобализационные процессы, что проявляется на примере различных составляющих идентификации, в частности, феномена этничности. Базовая социально-конструктивистская модель этничности в антропологии основана на следующих допущениях:

- этничность строится на различиях в культуре;
- этничность только строится на разделяемых (общих) смыслах, связанных с культурой, но производится и воспроизводится во взаимодействии;
- этничность не есть нечто фиксированное и неизменное; напротив, она зависима от ситуации и социального окружения, до некоторой степени изменчива и поддается манипуляции;
- этничность как одна из идентичностей (идентификаций) одновременно коллективна и индивидуальна, экстернализована и интернализована.

Эти базовые постулаты, однако, не все могут объяснить. Всегда остается масса вопросов для понимания и дальнейшего исследования. Один из таких вопросов: в чем заключаются

⁵ Центр и региональные идентичности в России. СПб.: Летний сад. 2003. С. 9-10.

сходства и различия между этничностью и другими основаниями для принадлежности и идентификации с другими общностями? Соотношение сходства и различия является основой для групповой идентичности. Этничность подчеркивает, прежде всего, отличие, поскольку этническая идентичность реализуется и воспроизводится во взаимоотношениях с Другими, которые не похожи на Нас⁶. Рост этнического самосознания вполне вписывается в контекст постмодерна, который, по мнению его пропагандистов, празднует не сходство, а именно отличие и в силу этого служит:

- оплотом сопротивления европоцентричным метанарративам истории и прогресса;
- отправной точкой для воображения «нового мира» горизонтальных взаимоотношений, взаимного признания и толерантности;
- плацдармом для наступления против фундаменталистского мировоззрения;
- основанием для отстаивания прав на автономное (со)существование людей, вытесненных на периферию, маргинализованных, признаваемых меньшинствами;
- источником вдохновения для этнической и политической репрезентации и конструирования отличий, которые бросают вызов централизации, унификации, интеграции и доминированию нации-государства;
- источником вдохновения для новых моделей, предназначенных для анализа сложного социального мира.

Согласно социальной теории, подобные рассуждения приводятся для того, чтобы поставить под сомнение простоту и единообразие социального мира, наивные убеждения последующего поколения, которые часто видели в том мире, в котором они выросли, норму, а не историческое исключение.

Проявления этнической идентичности связаны с вопросом о том, как мы отличаем этнические идентичности от локальных, региональные от национальных и т. п. Интерпретация идентичностей также связана с их категоризацией и масштабом. Любая, например, этническая идентичность состоит из

⁶ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. С. 9-48.

сегментов, образующих иерархию. Две группы могут различаться друг от друга в одной ситуации, как А и Б, а в другой ситуации — как В и Г (см. классический текст М. Мёрмана и выстроенную по аналогии схему идентичности Иркутска)⁷.

Академгородок — Иркутск
Город (центр) — область (периферия)
Иркутск — остальная Сибирь
Сибирь — Россия
Россия — Европа
— Америка
— Китай
Ближнее — дальнее зарубежье.

Каждая из приведенных оппозиций отражает «социальную организацию культурного различия» и включает социально одобряемые личностные идентичности. Приведенную схему можно дополнить различием номинальной и действительной идентичностей. Номинальная (*nominal*) идентичность — это ярлык, лейбл, наименование, отнесение к определенному классу объектов; действительная (*virtual*) идентичность связана с практическими последствиями наименования (ярлыка), с действительными отношениями к тому лицу, которого наименовали (идентифицировали) определенным образом. Если говорить о современном развитии, то на индивидуальном уровне описания идентичности, психолог Дж. Арнет выделяет несколько последствий глобализации.

1. Формирование бикультуральных идентичностей, когда одна часть самоидентичности индивида укоренена в локальную, другая — в глобальную идентичность. В результате появляются гибридные идентичности, причем гибридность возрастает, поскольку локальные культуры меняются под воздействием глобализации.

2. Распространение диффузной идентичности проявляется в том, что люди, не принадлежащие к глобализированному миру, не ощущают принадлежности к своим локальным мирам. Принижая значение локальной культуры по сравнению с глобальной культурой, они не становятся частью последней,

⁷ Moerman M. *Ethnic Identification in a Complex Civilization. Who are the Lue? // American Anthropologist*, 1965. Vol. 67.

так как она для них остается недоступной. Такие люди не становятся ни бикультурными, ни гибридными; они становятся исключенными из всякой культуры.

Параллельно с диффузной идентичностью употребляются понятия «делокализация» (delocalisation), «перемещенность», «детерриторизация» и др. Молодые поколения особенно прижимают значение мест, где они выросли. Это результат своего рода отчуждения, неуверенности, отсутствия ясных перспектив и притягательных жизненных траекторий, связанных с малой родиной. Дж. Арнет, вслед за психологом Дж. Бери, использует также понятия «маргинализация», «культурный провал», «стресс-аккультурация», «культурная дистанция». Эти явления могут приводить к депрессии, самоубийствам и т. п. Однако и в случае распространения диффузной идентичности одной глобализацией всего не объяснить.

3. Индивиды сами выбирают культуру: люди, особенно молодые, склонны становиться частью той культуры, которая придаст их жизни больше смысла и уверенности, чем глобальная культура. Постмодерн вдохновляет на выбор. Эта тенденция уравнивает гомогенизирующее влияние глобальной культуры⁸.

По мнению К. Кинвал, глобализация лишает индивидов онтологической безопасности, придает им экзистенциальную неуверенность. Глобализацию стали ощущать на себе даже обычные люди в своей повседневной жизни. В том числе и потому, что события глобального мира повсеместно проникают в локальные сообщества: терроризм, экологические катастрофы и т. п.⁹

Массовая негативная реакция на глобализацию облегчает запуск процессов демодернизации, отвечающих стремлению повернуть время вспять, возродить былое чувство безопасности, чувство «дома», обесцененное глобализацией. Присоединение и эмоциональное вовлечение в большие общности (религиозные, националистические) — одно из средств обрести чувство «дома», попытаться возродить (вообразить) традици-

⁸ Arnett J.J. The Psychology of Globalization // *American Psychologist*. 2002. Vol. 57.

⁹ Kinnvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // *Political Psychology*, 2004. Vol. 25.

онное сообщество Мы (которое непременно влечет за собой формирование образа Они). Религия и национализм дают ощущение единения, безопасности и соучастия во времена общественных кризисов.

Таким образом, развитие региональной идентичности, в частности сибирской, не может рассматриваться как однообразный и линейный процесс по принципу: «больше – меньше» или «сепаратизм – не сепаратизм». Оно противоречиво переплетается с ростом этнических, религиозных, культурных элементов общественного сознания. Некоторые субрегионы Сибири захватил процесс формирования транснациональных идентичностей на этнической или религиозной основе. Другие – рост миграции населения из южных регионов постсоветского пространства, сопровождающийся образованием в составе населения Сибири «новых» (современных) диаспор. Особенно острыми, как отмечают исследователи, окажутся проблемы, связанные с развитием полноценного, демографически здорового и численно достаточного населения именно в Сибири, с ее огромной ресурсно-сырьевой базой. Именно здесь во всей масштабности встают проблемы адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сибирском социуме, сохранения и развития «старых» и «новых» диаспор и обеспечения нужд и защиты интересов коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, мы видим, что современные процессы проявления и формирования региональной идентичности далеки от однозначных оценок. Но ситуация складывается так, что исследование современных процессов в этой сфере невозможно без отдельного изучения самосознания и идентичности представителей новых этнических групп, задействованных в миграционных процессах. Собственно, предмет изучения у всех на глазах – постоянно увеличивающийся поток приезжих в подавляющем большинстве из стран Средней Азии и Кавказа, которые являются носителями иных типов культуры и самосознания. С другой стороны, в сибирских регионах с конца 1980-х по начало 2000-х годов уменьшалась численность всех «традиционных» для региона групп – русских, немцев, укра-

инцев, татар, белорусов, казахов, евреев, чувашей. Зато заметно увеличились диаспоры азербайджанцев, армян, таджиков.

Понятно, что роль миграции очень существенна для этносоциальных процессов. Меняется привычная этническая структура, усложняются межэтнические контакты. Очевидно, что мигранты не собираются терять свою национальную идентичность, а те формы идентичности, которые существуют в Сибири, часто их не привлекают. Часто исследователи сводят механизм адаптации к двум формам — оптимальному включению в принимающий социум и геттоизации. На самом деле, современная региональная миграционная ситуация гораздо сложнее. Рассматриваемая в терминах культурного шока (Ф. Бок) геттоизация и ассимиляция, являются только двумя возможными реакциями, двумя полюсами. Помимо них можно выделить промежуточный тип реакции, состоящий в культурном обмене и взаимодействии. В этом случае очень важно время взаимодействия. Очень интересен и тип адаптации, который можно обозначить как частичная ассимиляция, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды частично, разделяя свою жизнь на две неравные половины (например, на время работы и на время отдыха). Способом реакции на культурный шок становится модель колонизации, когда представители чужой культуры активно навязывают принимающему населению свои ценности, нормы и модели поведения¹⁰.

Интересным также представляется возможность использования различных типологий мигрантов, своего рода идеальных типов (в веберовском смысле). В данном случае, речь может идти о таких типах, как: «трудяга», «бедолага», «бунтарь», «жертва», «товар», «мафия», «отбросы», «наемник», «миссионер», «ученик» и т. д.¹¹. Анализ жизненных стратегий отдельных индивидов с точки зрения соответствия тем или иным типам позволяет преодолеть упрощенные трактовки поведения мигрантов.

Часто демографические и экономические объяснения миграции концентрируются в категориях выталкивания — встра-

¹⁰ Цит. по: Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 15-17.

¹¹ Гусев А. Гастарбайтер. История вопроса // Сеанс. 2011. № 43 – 44.

ивания («push—pull» факторы). Среди выталкивающих факторов на первом месте бедность и безработица. Среди притягивающих — возможность работы и хороший заработок. Но для современной социологии проблема выглядит гораздо сложнее. Ее можно сформулировать следующим образом: когда бедность становится выталкивающим фактором. Современные исследователи указывают, что рациональность эмиграции — гораздо более сложный и комплексный феномен, чем объяснения по принципу выталкивания — встраивания¹². Такая методология исследования делает очень интересным именно региональный уровень рассмотрения этих проблем, помогая проанализировать действительную сложность миграционной тематики, преодолеть редукцию к двум упрощенным позициям: «понаехали тут всякие — все флаги в гости к нам».

Региональная и миграционная проблематика в современном обществе взаимно дополняют друг друга, как в методологическом, так и в содержательном плане. Очень интересно разнообразие возможных векторов развития региональной идентичности проявляется в медийном поле сибирских регионов. Например, на уровне электронных СМИ Байкальского региона существует несколько объединительных трендов. Естественно, что есть федеральное вещание и его естественным агентом выступает Иркутская государственная телерадиокомпания (ИГТРК). Это дополняется и программой, объединяющей сибирские телестудии с центром в Новосибирске (в данном случае мы наблюдаем строгое соответствие территориальному и географическому распределению власти в РФ).

Но существует и проект «Середина земли» (АИСТ — Альтернативная иркутская студия телевидения). «Середина земли» позиционируется как первый межрегиональный информационный выпуск на иркутском телевидении. Телекомпания — участники: «АИСТ» (г. Иркутск), «Альтес» (г. Чита), «Тивиком» (г. Улан-Удэ), «АИСТ — Монголия» (г. Улан-Батор). Программа выходит по будним дням в эфире всех телекомпаний-участников. Начиналось все с идеи: объединить в единое информационное пространство Иркутскую область, Забайкальский край, Бурятию и Монголию. «Соседние территории,

¹² Sassen S. A Sociology of Globalization. N.Y., 2007. P. 129–163.

так или иначе, оказывают влияние на жизнь друг друга. У нас схожие проблемы и такой обмен опытом — возможность совместно найти пути их решения, — говорит автор идеи «Середины земли» Амгалан Базархандаев, генеральный директор телекомпании «АИСТ». Интересно участие в этом проекте монгольской телекомпании, которая готовит выпуск с рассказом об основных событиях в степной стране на русском языке как для эфира в Улан-Баторе, так и для Иркутска.

Это абсолютная новинка не только для регионального, но и для российского телевидения в целом. Всего же в проекте задействовано четыре телекомпании, каждая из которых транслирует в своем эфире «Середину земли». Таким образом, идет постоянная переключка территорий, создается информационное поле «без границ». «Середина земли» востребована разными группами населения региона, властью. У программы стабильно высокий рейтинг. «Проект получился по-настоящему антикризисным, — подчеркивает Амгалан Базархандаев. Затраты на его воплощение минимальные, а охват и информационное наполнение — максимальные». Вопрос о расширении числа телекомпаний-участников не стоит, так как у проекта нет цели заменить собой федеральные каналы. Но есть задача — сделать «Середину земли» еще более интересной для зрителей. В планах поиск новых тем, форм и оформления — а это и проведение телемостов, и даже расширение географии проекта. К «Середине Земли» уже присоединился канал «ССТВ-Русский» — московский филиал центральной телекомпании Китая. По мнению участников, это сотрудничество обогатит информационные выпуски. В службе новостей «ССТВ-Русский» десятки корреспондентов по всему миру, в том числе в России, Белоруссии и Казахстане.

Сама подача материала выглядит достаточно консервативно и не отличается новыми поисковыми решениями, но структура передачи, претендующая на горизонтальный характер взаимодействия, задает достаточно интересный («лица не общим выражением») вектор развития. И как мы видим из слов А. Базархандаева, в проекте сочетаются и бизнес-решения, и конструирование нового регионального образа, сочетающего

в себе как традиционные идеи, так и претензии на новое позиционирование региона в условиях глобализации.

Помимо данного проекта у АИСТа существуют тесные связи с Монголией в медийной сфере, что отражается в существовании отдельного корпункта студии в Монголии и возможности давать свою информацию и картинку из другой страны, не связанную с федеральными каналами. Очень интересной кажется возможность более глубокого анализа мотивации главы компании, связанной с началом реализации проекта, ориентации на те или иные нормы и образцы при ее создании, – но оставим эту задачу про запас. Важно отметить, что структурно описываемый проект носит открытый характер и нацелен на работу с разными виртуальными образами, в том числе связанными с другими культурами. Существование такого рода программ способствует переводу языка обсуждения проблем взаимодействия разных культур из дискурса «интересов государства» и «геополитических опасностей» в русло тематики возможных выгод мультикультурализма, связанных с креативностью и другими подобными феноменами.

Отсутствие анализа такого потенциала мультикультурности принципиально отличает российский дискурс обсуждения данных проблем от многих европейских стран или США. Но реальность отпуска, проводимого в Турции, Китае, Вьетнаме или Таиланде, студенческой мобильности, ориентированной на другие страны, доступных технологий поиска возможной работы или собственности за рубежом, развития сферы питания, ориентированной на азиатскую, кавказскую и европейскую кухни (с необходимым условием поиска аутентичной кухни и места, где ее готовят), увеличения числа встреч с представителем другой культуры, религии, языка в самых разных местах – школе, больнице, общественном транспорте, на улице, в магазине, на работе и необходимость реагирования на эти процессы, постоянно ставит под сомнение возможность упрощенной интерпретации происходящего.

В заключение подчеркнем, что при исследовании взаимодействия развития региональной идентичности и миграционного фактора важно определить две проблемы. Они неизбежны, и в будущем с ними всегда будет сталкиваться все сибир-

ское сообщество. Это, во-первых, неостановимая депопуляция населения. И, во-вторых, бесконечный миграционный поток. Второе явление вроде бы должно снять первую проблему, но этого никогда не произойдет. И здесь в сознание властей и самого сибирского сообщества должна быть внедрена мысль, что собственными демографическими ресурсами сибирские проблемы решить сложно. Значит, нет ничего более важного, чем очень аккуратная и очень точная целенаправленная политика принятия нового миграционного слоя. В этих условиях исследование проблем взаимодействия мигрантов и принимающего общества, использующее новые «нелинейные» модели анализа этих феноменов, становится особенно актуальным.

**Буряты Китая и Монголии в дискурсе
«национального возрождения»:
идея «собираания нации»**

Распад СССР, крах социалистической идеологии и модели общественного устройства дали мощный толчок к новому витку общественных дискуссий вокруг того, что в России традиционно, еще с XIX века, принято называть национальным вопросом. Повсеместно формируется дискурс «национального» или «национально-культурного возрождения», понимаемого как в культурных, так и в общественно-политических категориях. Сама формулировка предполагает существование классического цикла расцвета, умирания и возрождения. Не вдаваясь в споры о смерти/умирании национального в советскую эпоху (есть на этот счет и убедительная позиция Терри Мартина²), можно сойтись на том, что это словосочетание, уже фактически термин, стало обозначением нового этапа нациестроительства, понимаемого в этнических категориях.

Чрезвычайно бурно и интенсивно такой процесс происходил в 1990-х гг. в Бурятии. Наряду с общими причинами этому способствовало и существование мощной интеллектуальной и общественно-политической традиции, сложившейся на рубеже позднейимперской и раннесоветской эпох. Одна из ее политических составляющих получила название панмонголизма (в некоторых случаях это было и самоназванием), а затем этот термин стал в руках советских властей инструментом стигматизации и репрессий по отношению к носителям всей этой традиции, идеологам и практикам начального этапа

¹ **Балдано Марина Намжиловна**, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Зам. главного редактора журнала «Вестник БГУ», серия «История».

Дятлов Виктор Иннокентьевич, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Дiasпоры».

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

бурятского нациестроительства. Предпосылкой и стимулом к формированию этого концепта было представление о принадлежности бурят к единому монгольскому миру и вытекающей из этого необходимости укрепления его культурного, а в некоторых случаях, и политического единства³.

Монгольский мир сейчас в понимании авторов – это монгольское историко-культурное пространство, исторически рассеченное несколькими государственными границами, форматированное полутора веками нациестроительства в рамках и контексте нескольких государств. Как результат – существование как минимум в рамках трех государств нескольких самостоятельных народов (с собственными культурами, языками, историей, судьбой, историческими и культурными мифами). При этом сохраняется и воспроизводится ярко выраженное представление о культурном родстве, общих культурных, исторических корнях, общая мифология, родство языков и культурных норм.

Проблема единства монгольского мира и места в нем бурят и Бурятии возникла и в эпоху «национально-культурного возрождения» 1990-х годов. Шел бурный процесс как актуализации досоветского и раннесоветского культурного и общественно-политического наследия, так и осмысления новых этнокультурных и этнополитических реалий. И нет ничего удивительного в том, что вновь выходит на первый план идея разделенности монгольского мира, реализуясь иногда в концепте «разделенной нации» и необходимости «собираения нации». При этом происходит наложение и в какой-то степени конфликт двух подходов: общемонгольского единства и единства бурятского.

Нас интересует обсуждение той части проблемы бурятского единства, которая касается диаспоральных групп в соседних Китае и Монголии. Они сформировались в результате нескольких волн перекочевков бурятских родов и семей, вызванных как экономическими причинами, так и катаклизмами первой

³ Подробнее см.: Балдано М.Н. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 228–244.

трети XX века в России. В качестве носителя «идеальной», аутентичной национальной идентичности диаспоральные группы выступают излюбленным объектом выстраивания идеологических и политических конструктов «собрания нации» и «собрания соотечественников» в проектах «национально-культурного возрождения», широко распространившихся на постсоветском пространстве.

Наша гипотеза состоит в том, что при всей важности «проблемы соотечественников» для проекта «национально-культурного возрождения», интенсивности и эмоциональной насыщенности дискуссий, место в них бурят Китая («шэнэ-хэнские буряты») и бурят Монголии было совершенно разным. Буряты Монголии почти не привлекали внимания в этом контексте, несмотря на то, что их было в несколько раз больше, повседневные связи с Бурятией более интенсивны, а их история была более драматичной. Можно предположить, что объяснение этой явной избирательности может лежать в самой логике формирования концепта «собрания соотечественников».

Задачам статьи подчинена ее структура. Вначале мы попытаемся дать по возможности краткий очерк формирования и драматической истории этих диаспоральных групп с тем, чтобы потом выявить их место в проекте «национально-культурного возрождения», в динамике интереса к ним в Бурятии.

Шэнэ-хэнские буряты: диаспоральная одиссея

Шэнэ-хэнские буряты — локальная этнокультурная группа, сформированная бурятскими беженцами из России в районе реки Шэнэ-хэн, область Барги Внутренней Монголии Китая⁴.

⁴ Подробнее об истории этой группы см.: Балдано М., Дятлов В. Шэнэ-хэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // Диаспоры. 2008. № 1. С. 164–192; Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Мат-лы 1-й науч. экспедиции НГИ. 2004 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005; Бороноева Д.Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ). Рукопись канд. дис. по спец-ти 24.00.02 — историческая культурология. Улан-Удэ, 1999; Абида Ц., Болод З., Димчиг Б., Лхамсүрэн С. Современный исторический очерк бурят Шэнэ-хэна (перевод со старомонгольского языка Е. Санжанова). Хайлар, 1985 // Локальные особенности. . . С. 23–38.

Они бежали от потрясений Гражданской войны и катаклизмов социалистических преобразований в России. В конце 1917 г. выдающийся представитель бурятской интеллигенции, ученый и общественный деятель М.Н. Богданов и бурятский *нойон* (князь) Намдак Базаров подали от имени Агинских бурят ходатайство о разрешении переселиться в Баргу (Хулун-Буир) и получили на это официальное согласие местных властей. Тогда же прибыли и первые переселенцы. В 1921 г. решением местных властей их пребывание было окончательно узаконено. Им была выделена обширная территория в долине реки Шэнэхэн, где создавалась специальная административная единица – бурятский *хошун* (уезд), включающий четыре *сомо́на* (удела). Были назначены администраторы из числа переселенцев. В 1922 г. там жило более 60 семей, т. е. около 700 человек. Приток новых мигрантов продолжался до 1933 г., особенно усилившись с началом коллективизации в СССР. К окончанию этого периода в бурятском хошуне насчитывалось уже свыше 700 семей, т.е. около 3000 человек.

С началом японской оккупации и образованием Маньчжоу-Го миграция почти полностью прекратилась, связи с исторической родиной надолго оборвались. В качестве подданных «империи» Маньчжоу-Го шэнэхэнские буряты должны были нести общие для всех повинности, в т. ч. службу в охранных войсках. В школе в качестве обязательного предмета вводился японский язык. Бурятский хошун был ликвидирован. Японские власти установили непомерные налоги и постоянно проводили реквизиции скота. Несколько довольно больших групп бурят откочевали из Шэнэхэна, стремясь уйти подальше от границы и предполагаемых мест военных действий.

Приход советских войск в 1945 г. ознаменовался репрессиями против тех, кого обвинили в сотрудничестве с японцами. Около 400 человек (до половины взрослого мужского населения) были принудительно депортированы в СССР и частью репрессированы. Большие человеческие жертвы и огромные материальные потери принесла гражданская война между гоминьданом и коммунистами (1946 – 1949 гг.). Численность группы заметно сократилась – до 3000 человек (с учетом 700 живущих по соседству эвенков).

Серьезные перемены принесло провозглашение КНР. После ряда административно-территориальных преобразований шэнэхэнские буряты проживают сейчас в трех сомонах Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака. Их численность оценивается в пределах 6 – 7 тыс. человек. В социалистическую эпоху, особенно в годы «культурной революции», они пережили коллективизацию, массовые репрессии. С началом реформ Дэн Сяопина появилась возможность вернуться к привычным устоям жизни. Теперь это довольно зажиточная группа, основой экономики которой остается скотоводство. Для ведения хозяйства получены в 30-летнюю аренду большие участки земли. Есть возможность использовать наемный труд. Функционируют три бурятских школы. Восстановлены разрушенные во время «культурной революции» дацаны. Открылась граница с Россией и появилась возможность восстановить связи с «исторической родиной», куда решили вернуться более 300 человек.

Основателями этой группы были беженцы. Однако беженство приняло традиционную и привычную еще с царских времен форму откочевки. Уход на новую территорию (в другое государство) родовыми группами, со скотом, вел к автоматическому воспроизводству там традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни и хозяйственного уклада. Поэтому не происходило деклассирования и маргинализации. Насильственный отрыв от основного этнического массива, от родовой основы был мощным стимулом к созданию фактически новой этнолокальной группы. Не просто конгломерата людей, живущих в одном месте, а общности, объединенной самосознанием и развитой системой внутренних связей, взаимозависимостей и социального контроля, но на традиционной, привычной основе, на базе принесенных с собой родовых отношений и структур.

Вплоть до «культурной революции» местные власти и республиканского Китая, и Маньчжоу-Го, и КНР относились к шэнэхэнским бурятам именно как к группе. В той или иной форме им было дано право на внутреннее самоуправление, самостоятельное регулирование внутренней жизни и решение внутренних конфликтов. Их родовая верхушка получила санк-

цию на власть и интегрировалась в государственную структуру принимающего общества. Власти, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь, требовали исполнения внешних обязанностей — демонстрации лояльности, уплаты налогов, воинской службы.

В условиях постоянных политических катаклизмов труднее всего было демонстрировать политическую лояльность множеству враждующих между собой властей. Неверный выбор мог оказаться фатальным. Служба Маньчжоу-Го обернулась массовыми депортациями в СССР и репрессиями. Несколько групп шэнэхэнских бурят, связавших свою судьбу с гоминьданом во время гражданской войны 1946–1949 гг., подверглась беспощадным репрессиям со стороны коммунистов. Связи или просто проявление симпатии к СССР могли позднее привести к обвинению в шпионаже.

Знаковой для понимания характера взаимоотношений шэнэхэнских бурят и властей принимающего общества представляется судьба видного бурятского политического и военного деятеля времен Гражданской войны в России Уржина Гармаева. Он был активным сторонником атамана Г.М. Семенова, играл заметную военную и политическую роль в его режиме. В 1921 г. бежал в Маньчжурию, осел в Шэнэхэне, занялся скотоводством. Сразу стал заместителем, а с 1926 г. — начальником хошуна. Быстро нажил большое состояние. В 1928 г. У. Гармаев продемонстрировал свою лояльность китайским властям тем, что во главе сформированного в хошуне отряда принял активное участие в подавлении сепаратистского восстания родственных бурятам баргутских племен. В Маньчжоу-Го сделал стремительную военную карьеру, став генерал-лейтенантом, начальником охранных войск провинции, затем — командующим военным округом, начальником военного училища. Воевал на Халхин-Голе. В 1945 г. сдался советским войскам и в 1947 г. был казнен по приговору военного трибунала.

Все исследователи отмечают, что мигранты не встретили вражды или недоброжелательства со стороны старожильского населения. Это можно объяснить как близким родством и тесными историческими связями бурят и баргутов, так и отсутствием конфликта интересов. Выделенные переселенцам

земли были «выморочными». После одной из эпидемий около ста лет на них никто не хозяйствовал и потому на них не претендовал.

Натуральный тип экономики, характер экономического уклада (традиционное скотоводство) не требовали продвинутой интеграции. С соседями не было ни конфликта интересов из-за ресурсов, ни развитой экономической кооперации и обмена, ни конкуренции. Поэтому не было необходимости в постоянном и повседневном общении с ними. Это позволяло безболезненно решить такую тяжелую адаптационную проблему, как освоение языка принимающего общества. Бурятский язык остался языком повседневного общения. До последнего времени он мог обслуживать почти весь спектр языковых потребностей группы.

Однако для лидеров общины сразу стала актуальной проблема языка управления и взаимоотношений с региональными властями. Во времена Китайской республики официальным языком в провинции был маньчжурский, но бурятским переселенцам было дано право вести делопроизводство, используя монгольскую письменность. При Маньчжоу-Го активно внедрялся японский язык, он был обязательным предметом в школе. Знание японского языка позволяло сделать карьеру в армии и даже получить высшее образование. Власти КНР официально относят шэнэхэнских бурят к монголам. Монгольский язык с графикой старомонгольского письма является официальным языком Автономного района Внутренней Монголии КНР. Он преподается в школах, используется на радио, в печати, в делопроизводстве, на нем издается художественная литература. Но это не ставит проблемы выбора между бурятским и монгольским языками.

Сложнее обстоит дело с ролью китайского языка. Но эту проблему невозможно рассматривать вне контекста развития школьной системы. Необходимость школы осознавалась со времени основания общины. Первые группы по обучению детей основам монгольского языка были созданы в 1922 г., первая начальная школа – в 1927 г. В ней в двух юртах (жилой и учебной) один учитель обучал 20 учеников. Не получив финансовой поддержки местных властей, через несколько

месяцев школа закрылась. В период Маньчжоу-Го были созданы сначала две начальных, затем на их основе – средняя школа (шесть лет обучения) с 70 учениками. Здесь преподавался японский язык и работал учитель-японец. Несколько десятков ее выпускников продолжили образование в городах Внутренней Монголии и даже Японии. Большинство учителей этих школ получили российское образование и часто использовали переведенные с русского языка учебники.

Радикально изменилась ситуация в эпоху КНР. Сейчас по единым государственным стандартам и планам работают две начальных и средняя школа (несколько сот учащихся, более сотни учителей). Со второго класса предусматривается изучение двух иностранных языков – английского и еще одного по выбору. Китайский язык изучается с первого класса (1 – 5 классы – 4 часа, 6 – 11 классы – 5 часов в неделю). Преподавание ведется на монгольском языке, но есть параллельные классы с обучением на китайском. Все наблюдатели и исследователи единодушно отмечают популярность китайского языка, ориентацию на его глубокое изучение у большинства школьников. Все шире распространяется практика, когда бурятских детей с первого года обучения отдают в китайские классы. В бурятском языке молодых встречается много китаизмов. Быстро распространяется бурятско-китайское двуязычие.

Фактором сплочения шэнэхэнских бурят была ламаистская религия. Еще не преодолев первых трудностей на новом месте, они принялись за строительство дацана. Отмечаются традиционные праздники и обряды. Сохранилась национальная одежда. Все это является частью обыденной повседневной жизни. Принесенные с исторической родины религия, обычаи, обряды, одежда становились основой для консолидации и формирования из отдельных родовых групп этнолокальной общины.

Мы видим здесь классическую общинную модель организации – вплоть до жесткой системы внутренних браков. Несмотря на этнокультурное, религиозное, языковое, историческое родство со многими соседними группами (теми же баргутами), смешанных браков с ними почти не было. Не проявилось даже тенденции к растворению в культурно близкой монголоязыч-

ной среде. Судьбу группы определило уникальное сочетание ее полной незаинтересованности в аккультурации (тем более — ассимиляции) в принимающем обществе с отсутствием внешнего давления последнего (до «культурной революции»).

В результате из конгломерата родовых групп и отдельных беженцев сформировалась единая группа, с четкой внутренней организацией, системой власти, контроля, санкций, с минимальной открытостью принимающему обществу. Она была самодостаточной с точки зрения экономической специализации; культурно отъединенной от принимающего общества бурятским языком, системой родовых связей, обычаями, праздниками и традициями; достаточно крупной для того, чтобы поддерживать структуру социальности — от внутренних браков до языка, систем образования и власти. Не получая импульсов к интеграции со стороны принимающего общества, община замкнулась в себе, законсервировала жизненно важную в этой ситуации систему традиций.

Одной из опор замкнутости стала память об «исторической родине» и осознание группы ее «осколком», оторвавшейся частью. Но что понималось под «исторической родиной» — государство, местность, люди, отношения? Вряд ли они разделялись в сознании людей, однако на первом месте в ответах респондентов стоит *«тоонто нюта»* (малая родина), затем — родственники и, наконец, государство Россия⁵. Как видим, не последнее место в этой иерархии представлений занимал оставшийся там основной родовой массив. И мечта о возвращении базировалась на стремлении воссоединиться с родственниками. Представители первого поколения шэнэ-хэнских бурят сознательно не учили китайского языка в надежде на скорое возвращение; многие владели русским, в их языке и сегодня много русизмов. Респонденты отмечали, что научились у русских строить дома, печь хлеб, косить и заготавливать сено, обращаться с сельскохозяйственной техникой. И это с самого начала давало им дополнительные преимущества перед соседями — баргутами, дагурами, эвенками.

⁵ См. об этом также: Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 186–190.

Устойчивость, замкнутость и самодостаточность общины подверглась серьезным потрясениям во время «культурной революции» в Китае. Впервые власти так радикально принялись за преобразование системы внутренних отношений. Закрытие школ, репрессии против образованной элиты (знающей китайский язык), аресты «советских шпионов», прифронтной статус границы с СССР, коллективизация, общие потрясения в государстве – все это расшатывало привычный уклад жизни.

Бурные модернизационные преобразования начались с эпохой Дэн Сяопина. Экономические свободы и частная собственность, возможность вести собственное хозяйство – все это в условиях рыночной экономики разрушает замкнутость и самоизоляция. Формируются новые возможности и соблазны, связанные с городской культурой. Привычная деталь быта шэнэхэнских бурят сейчас – мотоциклы, автомобили, телевизионные «тарелки». Ведение частного хозяйства диктует необходимость деловых операций, предпринимательства, постоянных контактов, отлаженных деловых связей. Китайский язык и китайская культура становятся «предметами первой необходимости». Не зря все наблюдатели фиксируют бурный процесс формирования бурятско-китайского двуязычия. Теперь это путь к экономическому процветанию, современному образованию, городским профессиям, карьере. Шэнэхэнские буряты вступили в полосу жесткой конкуренции за ресурсы, образование, рабочие места. Они заняты не только в скотоводстве, но и в медицине, здравоохранении, образовании, сфере услуг. Неизбежно растет их территориальная и социальная подвижность. В Хайларе и Маньчжурии только за последние годы открыто около двух десятков бурятских кафе, закусочных и пекарен. Все это размывает общинность и в перспективе формирует качественно иную, чем раньше, уровень интеграции в китайское общество.

В 1990-х гг. в Россию приехало около 300 шэнэхэнских бурят. Сейчас их около 400 (300 в Бурятии и 100 в Агинском округе). Мотивы возвращения могли быть разными: ностальгическими («родина предков»), экономическими (поиск новых возможностей), образовательными (в рамках существующих льготных программ). В любом случае, они *возвращались* в

Бурятию, на родину предков, к соотечественникам-бурятам. Но и они столкнулись с типичным для мигрантов набором адаптационных проблем. Не произошло быстрого слияния с «материнским этносом». Мигранты нашли для себя специфические ниши в экономике, а в социальном плане в основном используют внутренние сети, связи и отношения. Они опираются на оставшийся в Китае основной массив группы, который стал фактически «национальным очагом», в чем-то — новой «исторической родиной».

Трудности с получением российского гражданства затруднили процесс экономической интеграции. Отсутствие гражданства препятствует приобретению и даже аренде пастбищных угодий для занятия скотоводством. Между тем, это привычная сфера занятий, накопленный веками профессионализм, традиционный образ жизни, минимальные потребности в контактах и знании русского языка. Местные власти и население такую специализацию только приветствуют. Но лишь отдельные семьи смогли взять в аренду земельные участки и заняться скотоводством.

Важной экономической нишей стало удовлетворение постоянно растущего спроса на услуги носителей, хранителей и знатоков традиционной бурятской культуры, обычаев, знаний, т. е. всего, что было частично или полностью утеряно в процессе модернизации. Сложился широкий диапазон такого спроса — от высокой культуры до традиционной кухни. В 2003 г. Бурятский театр драмы поставил спектакль «Легенды шэнэхэнских бурят». Большой популярностью пользуется солистка театра песни и танца «Байкал», певица Бадма-Ханда Аюшеева. В 1990-х гг. шэнэхэнцы проводили публичные показы традиционной бурятской одежды и украшений, давали концерты. Они активные участники и эксперты празднования традиционного нового года Сагаалгана, конкурсов «Белый месяц», международного бурятского национального фестиваля «Алтаргана».

Не менее важный ресурс шэнэхэнцев — использование опыта жизни в двух мирах, китайском и российском. В условиях интенсивного экономического обмена, массовой «народной торговли» (от «челноков» до среднего бизнеса), их знание

китайского, бурятского и русского языков, связи и знакомства в обеих странах открывают довольно широкие рыночные возможности. Используя этот ресурс, многие шэнэхэнские буряты или сами занимаются торговлей или обслуживают ее в качестве переводчиков и посредников.

Чрезвычайно острой оказалась проблема аккультурации. Почти столетие раздельного существования не прошло даром. Что касается бурятского языка, то лингвисты отмечают лишь некоторые различия в словарном запасе. Использование старомонгольской письменности и кириллицы не привело к значительным изменениям в устной речи. Но несколько поколений российских бурят учились во всеобщей, обязательной и единой школе, базирующейся на русской культуре, европейской традиции и советской идеологии. Горожане в массе своей перешли на русский язык как материнский. Без него невозможно полноценное социальное существование, не говоря уже о натурализации. Разная история породила и разный жизненный опыт. Сельские жители, люди, не мыслящие существования вне патриархальных, общинных структур, связей и отношений, попали в общество городское, атомизированное, индивидуалистское, хотя и с сильными элементами родовых и клановых структур и отношений. Все это затрудняло взаимное понимание, усложняло процесс вхождения репатриантов в существующие социальные и профессиональные сети, систему связей и отношений.

А ведь речь идет о людях в большинстве своем довольно состоятельных, с высоким уровнем притязаний, не беженцах или выходцах из бедствующих слоев. Задачу адаптации, выработки ее стратегий и повседневных практик им пришлось решать преимущественно своими усилиями и опираясь на собственные ресурсы. Создав свои национально-культурные общества – землячества шэнэхэнских бурят в Республике Бурятия (в начале 1990-х) и Агинском округе (2000) – они институционализировали себя как особую группу.

Таким образом, за довольно короткую, но насыщенную катаклизмами историческую эпоху, сформировалась особая, развивающаяся на собственной основе этнолокальная группа, чьи основные характеристики задавались трансграничным об-

разом и укладом формирования и жизни. Являясь интегральной частью китайского общества, она теснейшим образом связана с бурятским народом, Бурятией, а через них — Россией.

Буряты в процессе нациестроительства в Монголии

Бурятское население Монголии формировалось постепенно⁶. Долгое время — в ходе постоянной диффузии, откочевков отдельных семей и родов в поисках пастбищ через довольно символическую границу. А с начала XX века последовало несколько волн беженства — вначале от земельной политики царских властей и мобилизаций первой мировой война, а затем от ужасов Гражданской войны и политики Советской власти. Они оседали в основном в приграничных северо-восточных районах Внешней Монголии.

Их правовой статус определился только после революции 1921 г. Власти провозгласившей свою независимость Монголии отнесли к бурятским мигрантам чрезвычайно доброжелательно. Они поддержали создание ими собственных институций, признав их органами представительства интересов группы. В 1918 г. был сформирован Бурятский комитет в Урге, который провел в 1921 г. Первый бурятский съезд и сформировал Бурятский хурал, признанный правительством в качестве представительного органа бурят. Для переселенцев были выделены специальные районы, откуда в случае необходимости перемещалось монголы-халха. Были созданы специальные административные единицы — бурятские хошуны. На три года мигранты освобождались от налогов. В 1923–1929 гг. 35517 человек (9243 семьи) получили монгольское гражданство. Остальные после 1924 г. выселялись в СССР. В результате

⁶ Подробнее об этом процессе см.: Бороноева Д.Ц. Буряты в Монголии и во Внутренней Монголии КНР: антропология переписи и идентичность // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 273–283; Нанзатов Б.З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 83–110; Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонголов) // Там же. С. 132–146; Ринчинова О.С. Бурятская диаспора в Монголии: этапы формирования и развития // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011.

интенсивных миграций, поощряемых монгольскими властями, численность бурятского населения составила по всеобщей переписи населения 1924 г. 35 тыс. человек.

Причин такой доброжелательности властей много. Они не скрывали того, что буряты, с их образованностью, знанием ремесел и продвинутых технологий животноводства и земледелия, представляют ценный человеческий материал для формирования современного общества и государства.

Не менее важно то, что бурятские интеллектуалы и политики, направленные коммунистическим режимом России, составили на первых порах наиболее влиятельную группировку в руководстве страны. Европейски образованные, прошедшие уникальную школу политической деятельности накануне и в годы революции и Гражданской войны, они стремились создать нацию-государство в современном для того времени европейском понимании на всем обширном пространстве монгольского мира. Их национализм не вступал какое-то время в противоречие с идеями мировой революции большевиков, что давало основу для союза. Свою деятельность в Монголии они рассматривали как этап на пути реализации этой цели. Они лоббировали интересы бурятских переселенцев, принимали активное участие в их самоорганизации и обустройстве.

К процессу миграции и укоренения бурят в Монголии вполне доброжелательно отнеслись и советские власти. Это не расходилось с их политикой, направленной на укрепление независимости Монголии и создания там жизнеспособных основ государственности. Какое-то время она рассматривалась и как опорная база для экспансии мировой революции в Китай, прежде всего области Внутренней Монголии.

Ситуация радикально изменилась к началу 1930-х годов. Власти СССР разочаровались в идеях мировой революции, в т. ч. и в плане объединения монгольских народов под своей эгидой. Поэтому бурятская часть политической элиты Монголии потеряла их политическое доверие. Они превратились теперь в «буржуазных националистов», а слово панмонголизм вскоре станет политическим обвинением. Бурятское население северо-восточных аймаков Монголии теперь рассматривается

в категориях «белоэмигрантов», противников советской власти и контрреволюционеров.

В политической элите Монголии, которую всегда раздирали групповые конфликты, включились в ожесточенную борьбу за власть представители молодежного, «худонского» крыла, халха по происхождению. Под флагом борьбы с «правыми» они стремились оттеснить ветеранов, в значительной своей части бурят. Борьба поколений и идеологий приобретает этнический характер. Опираясь на поддержку коминтерновских работников, «левые» сумели уничтожить, в т. ч. во многом и физически, своих бурятских соперников. Апогеем борьбы стало сфабрикованное «Дело Лхумбэ», секретаря МНРП, руководителя монгольских профсоюзов. Вместе с элитой попали под удар все буряты, которые как группа стали политическими врагами. От массовых репрессий пострадала почти каждая семья. В некоторых бурятских районах было физически уничтожено до 90% мужчин⁷.

Естественным результатом стало стремление скрыть бурятское происхождение, не носить национальную одежду и не употреблять бурятского языка в общественных местах. По мнению монгольского исследователя Р. Рэгзэндоржа, истребление большинства мужчин вызвало рост числа смешанных халха-бурятских браков, что резко ускорило ассимиляционные процессы⁸.

Дальнейшие судьбы бурят Монголии связаны с процессами модернизации в ее социалистическом варианте, резко ускорившимися после Второй мировой войны. Шел процесс становления монгольской нации – государства на основе культуры и языка халха и при их доминировании. Это изначально предопределило положение тех, кто халха не являлся. Репрессии против бурят как группы прекратились. Их национальные районы (а значит и возможность самоуправления) были ликвидированы еще в конце 1920-х гг. Однако они были признаны в качестве одного из пяти национальных меньшинств. При юридическом равноправии, на практике халха обладали

⁷ Подробнее см.: Ринчинова О.С. Указ. соч. С. 78–90.

⁸ Рэгзэндорж Р. Монголын буриад ардын амьдралын зарим асуудал (Некоторые вопросы образа жизни бурятского народа Монголии). Уланбаатар, 2003. С. 17.

более высоким статусом и возможностями для жизненной карьеры. Респонденты Б.З. Нанзатова отмечали, как нечто само собой разумеющееся, что им пришлось скрыть свое бурятское происхождение, чтобы попасть на учебу в СССР⁹. Многие наблюдатели отмечают, что одной из стратегий преодоления фактического неравенства было ярко выраженное и массовое стремление дать детям образование, в т. ч. и высшее. Этим объясняют высокую долю бурят в образованной элите страны.

Стремление скрыть бурятское происхождение, заявить о себе как о халха, было массовым на протяжении всей социалистической эпохи. Это отмечает, в частности, У. Булаг, проводивший полевые исследования в 1991 – 1992 гг. среди бурят столицы и северо-восточных аймаков¹⁰. Такой практике не слишком мешала обязательная фиксация национальности в паспортах. Свободное владение монгольским языком было повсеместным, бурятский язык или терялся или, чаще, использовался только как домашний, в семейном общении.

Тем не менее, ассимиляции не произошло. Это продемонстрировала ситуация, сложившаяся после демократической революции. Заметно растет число тех, кто во время переписей населения объявил себя бурятами: 1956 – 24,6 тыс., 1963 – 28,5 тыс., 1969 – 29,8 тыс., 1979 – 29,8 тыс., 1989 – 35,4 тыс., 2000 – 40,6 тыс., 2010 – 48,5 тыс. человек. Однако многие эксперты считают, реальное число может доходить до 100 тыс. человек¹¹.

При этом буряты – не просто статистическая категория, тем более что отметка о национальности в паспортах сейчас отменена. Подсчетов их удельного веса в составе современной интеллектуальной, политической и деловой элиты страны никто не делал, да вряд ли они и возможны. Однако то обстоятельство, что бурятами являются многие крупнейшие бизнесмены, общественные деятели, политики говорит о многом. Особенно важно, что среди них много публичных политических фигур – вплоть до основателей и лидеров политических партий, парламентариев, премьер-министров и президентов.

⁹ Нанзатов Б.З. Указ. соч. С. 101.

¹⁰ Uradin E. Bulag. *Nationalism and Hybridity in Mongolia*. N.Y.: Oxford Univ. press, 1998. P. 35–36.

¹¹ Ринчинова О.С. Указ. соч. С. 108–110.

Не особенно подчеркиваемое, но и не скрываемое бурятское происхождение не помешало им обрести большой политический вес и побеждать на выборах в стране, где подавляющая часть избирателей — халха.

При том, что в большинстве своем они позиционируют себя как монгольские (в гражданском смысле) политики и общественные деятели, некоторые из них активно занимаются и проблемами развития бурятской общины. Это выражается в создании сети бурятских общественных и культурных институций. Основаны и активно функционируют «Совет бурятского землячества», «Фонд по развитию бурятской культуры и традиций в Монголии», молодежная организация «Тоонто». «Фонд» имеет региональные отделения там, где компактно живут буряты, проводит много общественных и культурных мероприятий, организует и финансирует издание литературы. По его инициативе создана в 2008 г. Академия бурятоведения. В 1994 г. Фонд инициировал создание фестиваля «Алтаргана», который стал не просто регулярным мероприятием, но и влиятельным общественным движением во всем бурятском мире¹².

Однако эта тенденция к общепурятской консолидации наталкивается на сохранение административно-родового принципа расселения, сложившегося еще в начале миграционного процесса. Отдельные родоплеменные группы четко локализованы территориально по отдельным аймакам¹³. И полевые исследования 2007 — 2009 гг. одного из авторов подтверждают вывод польского исследователя З. Шмыта: «Слабое сотрудничество между разными группами бурят в Монголии и гораздо большее значение родовых и территориальных контактов может указывать на незавершенность процесса этнической консолидации бурят в Монголии. Нельзя забывать, что изоляция отдельных бурятских групп, рассеяние в монгольской среде и годы репрессий не способствовали таким процессам. Родственные и территориально-родовые связи составляют на сегодняшний день эффективную форму групповой организа-

¹² Подробнее см.: Ринчинова О.С. Указ. соч. С. 112–120.

¹³ Подробнее см.: Очир А. Сэржээ Ж. Хэнтий аймгийнхны овгийн товч лавлах, овог, угийн бичиг сэргээх зовломж (Краткий справочник хэнтэйских родов и родословных). Уланбаатар, 1993; Оюунтунгалаг А. Монгол улсын буриадууд (Буряты Монголии). Уланбаатар, 2004.

ции, направленной на достижение определенных экономических, политических и социальных целей»¹⁴. Недостаточно велика и объединяющая роль бурятского языка, который остается по преимуществу языком домашнего общения.

Одно из возможных объяснений заторможенности процесса консолидации монгольских бурят в качестве единой общности, а не комплекса территориально-родовых групп, состоит в том, что буряты всегда являлись активным участником формирования гражданской нации в Монголии, они приняли и доминирование культуры и языка халха в этом процессе. А свои специфические интересы они могут отстаивать через систему территориально-родовых групп. Можно предположить, что и в дальнейшем будут сосуществовать и сложно взаимодействовать все эти стратегии интеграции в монгольскую нацию: через ассимиляцию с халха; через систему территориально-родовых групп; через формирование единого бурятского этнокультурного меньшинства. Возможно, наберет силу и стратегия индивидуального участия в качестве монгола бурятского происхождения.

Бурятское национально-культурное возрождение и диаспоральные группы

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли процессы, часто называемые «национально-культурным возрождением». Необходимость осмыслить итоги этнонационального развития в советскую эпоху, сформулировать ориентиры и цели на будущее — эти задачи были для национальной элиты несомненным приоритетом. Чередой шли собрания, конгрессы, создавались исследовательские и публицистические тексты, принимались резолюции и официальные документы, формировались партии и движения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, конструировались новые версии национальной истории. Д.Д. Амоголонова считает всю эту деятельность по преимуществу,

¹⁴ Шмыт З. Бурятская диаспора в Монголии. Вопрос идентичности // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола. Улан-Удэ, 2007. С. 75–90.

если не исключительно, культурной¹⁵. Однако дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Говоря современным языком, формировался «проект», проект нациестроительства¹⁶.

В Бурятии в его основе лежало несколько «краеугольных камней». Как и на всем постсоветском пространстве, это, прежде всего, проблема суверенитета нации, причем, чаще в ее этническом, чем гражданском понимании. Неразрывно связан с этим вопрос о статусе государственности Бурятии и/или государственном статусе бурятского народа. Среди части приверженцев «этнонации» были сильны представления о том, что она не может и не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. Нация воспринималась как естественный, органичный и необходимый результат многовекового формирования и развития на гигантских просторах центра Азии феномена, который называют «монголоязычными народами», «монгольскими народами». Отсюда логично вытекала идея о необходимости административно-политического и даже *государственного* объединения монголоязычных народов. Она существует в разных версиях – от «Бурятии в границах 1937 года» до государственного единства *всей* монгольской историко-культурной общности.

Поэтому такое значение придавалось концептам «Бурят-Монголия» и «бурят-монголы». Это была не просто академическая дискуссия: «В последние годы, начиная с конца 1980-х..., перед соответствующими инстанциями властных структур ставился вопрос о возвращении республике прежнего наименования “Бурят-Монголия”». Однако он до сих пор положительно не решен. Требование бурятской обществен-

¹⁵ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008.

¹⁶ Подробнее см.: Строганова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Иркутск: «Радиан», 2005; Балдано М.Н. Панмонголизм. . .; Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000; Хамутаев В.А. Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; История Бурятии: в 3 т. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 335–348.

ности вернуть прежнее название народу и республике висит в воздухе. Поддержанное Советом Министров Бурятии предложение о восстановлении традиционного названия, к нашему стыду, было провалено депутатами Верховного Совета республики»¹⁷.

Как считает П. Варнавский, «...введение данного этнонима предназначалось для более веского обоснования права бурятского народа на собственную государственность. И особую значимость он приобретал, когда речь заходила о возможности политической консолидации бурятского и монгольского народов. Таким образом, появление термина «бурят-монголы» в лексике бурятского национализма отчасти свидетельствовало о том, что «национально-культурное возрождение» уже не ограничивается исключительно этнокультурной проблематикой и вторгается в область политики»¹⁸.

Органически связан с этим концепт признания бурят «репрессированным народом» — как юридического и морально-политического обоснования для изменения статуса государственности и расширения прав этнонации. Требование придать бурятскому языку статус государственного выступает в таком контексте как вопрос о власти.

Именно в этом ряду рассматривался и «вопрос о возвращении на историческую родину желающих бурят Шэнэхэна»¹⁹. В итоговом документе I Общебурятского хурала (важнейшего для своего времени общественно-политического мероприятия, состоявшегося в 1992 г.) проблема шэнэхэнских бурят рассматривается в контексте задачи «реабилитации репрессированного бурятского народа». Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенса-

¹⁷ Вернуть название «Бурят-Монголия» / Сост. д-р ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1998. С. 4.

¹⁸ Варнавский П. Идея единства монгольского мира в националистическом дискурсе бурят // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... / Альманах Школы молодого автора. М.: Наталис, 2002. С. 62.

¹⁹ Нимаев Р.Д. Делегат от Конгресса бурятского народа. Выступление // Мат-лы II съезда народов Бурятии. Улан-Удэ, 2001. С. 126.

ции, содействовать размещению, создать специальную миграционную службу для содействия возвращению²⁰.

Мотивация такого внимания четко и подробно обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В.А. Хамутаева²¹. Это заставляет прибегнуть к обширному цитированию. «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворятся в других...». «Казахстан самым серьезным образом... подходит к реэмиграции казахов на историческую родину, учитывая неблагоприятную демографическую ситуацию и задачи ускоренного развития национальной государственности... Балтийские государства также постоянно и планомерно занимаются возвращением соплеменников в лоно их небольших наций... И бурятскому народу необходимо планомерно и последовательно, учитывая богатый опыт других энергично развивающихся народов, работать над собственным возрождением, консолидацией, ростом. И в этом благородном деле организатором возрождения народа, его государственности и пассионарности должен выступить Конгресс бурятского народа – представительный орган этноса».

Комментариев здесь практически не требуется. Возвращение рассматривается не как гуманитарная, а как политическая проблема. Это часть задачи «собираения нации», путь к ее кон-

²⁰ Нимаев Р.Д. Указ. соч. С. 126.

²¹ Будучи профессиональным историком, он впоследствии собрал и опубликовал их отдельной книгой: Хамутаев В.А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Ч. 1–2. Улан-Удэ, 2000.

солидации, сохранению и развитию ее «генофонда». Репатриация выступает здесь как инструмент нациестроительства.

Поэтому так важно, что шэнэхэнские буряты «ведут традиционное хозяйство, учатся, поют, танцуют, играют свадьбы. Подчеркнем, что они сохранили все родное, бурятское: сознание, язык, игры, традиции, одежду, обряды, старомонгольскую письменность, «табан хушун» — традиционное животноводство и т. д... Необходимо выделение земли для индивидуального строительства и компактного — в одной местности — расселения шэнэхэнских репатриантов с целью сохранения сложившегося мироустройства, порядка, традиций, быта, форм хозяйствования, ведения «табан хушун», огородничества. Сохранение устоявшегося традиционного уклада жизни уникальной этнокультурной группы отвечает интересам всего этноса». Отсюда такое негодование по поводу адаптации репатриантов и их детей: «В Республику прибывают буряты из Китая, их дети, знающие только родной язык, вынуждены постигать чужую культуру, язык, мораль, манеру громко выражать эмоции, потому что их раскидывают по разным школам. С каждым днем они теряют все свое родное, этническое, тысячелетиями выработанные национальные качества, манеры, поведение, все больше превращаясь в шумных, визгливых советских манкуртов»²².

Совершенно не случайны здесь постоянные отсылки к программе репатриации соотечественников-оралманов в Казахстане, призванной изменить параметры этнодемографической структуры в стране, решить проблемы выстраивания нации-государства²³. То есть опять же, решающей проблемы не культурные, гуманитарные, а политические.

Все это совершенно не означает, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Возможно, этот сюжет и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес. Массе людей было

²² Хамутаев В.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 177; Ч. 2. С. 20, 24–25, 99.

²³ Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 204-І «О миграции населения»; Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: Основные тенденции и перспективы. Алматы, 2001. С. 108–124.

просто интересно, как жили и живут «наши» в чужой стране. На этот интерес охотно откликнулись СМИ. Нам кажется, что они уловили и природу такого интереса. Достаточно посмотреть на заголовки статей: «Русские буряты в Китае. Шэнэхэн — заповедный уголок бурятского духа и культуры», «Китайские буряты возвращаются на родину. Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад», «Урга — территория вернувшихся на родину. Семья известной певицы Бадма-Ханды Аюшеевой, приехавшая из Шэнэхэна, сейчас осваивает Тугнуйскую долину»²⁴.

Очень характерная цитата из одной газетной публикации о шэнэхэнских бурятах: «Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад. Их стороной прошла коллективизация, индустриализация и Вторая мировая война. Не было для них ни первомайских демонстраций эпохи застоя, ни перестроечных карточек-талонов. А была жизнь, согласно многовековым бурятским традициям в тяжелом ежедневном труде на благо своей семьи. Историческая память потомков бурятских иммигрантов не замусорена переменами последних десятилетий. Шэнэхэнские буряты, колонизировавшие в начале 20-го века незанятые земли Внутренней Монголии, сумели приумножить спасенное от большевиков богатство и сохранить свою культуру в том виде, в каком она была более ста лет назад. Некоторые из них, преодолевая бюрократические препоны, начали возвращаться на землю предков»²⁵.

Возможно, это чем-то напоминает огромный, можно даже сказать экзальтированный, интерес к российской послереволюционной эмиграции вообще. В нее, как в «иное свое», вглядывались, чтобы понять себя, увидеть «овеществленное несбывшееся». Другую жизнь, «другую Россию», которую миновали, которой лишились из-за сделанного когда-то выбора. Пожалуй, наиболее остро это чувство и это ощущение было передано Василием Аксеновым в его «Острове Крым». Наверное, не случайно, что трагические судьбы столь же многочисленной послевоенной эмиграции особого интереса в нашем обществе никогда не вызывали.

²⁴ Информполис. 2004. 4 июля.; 2005. 7 сент.; Номер один. 2004. 2 июня.

²⁵ Номер один. 2004. 2 июня.

Так или иначе, и власти не смогли остаться в стороне от этой проблемы. Тем более что проявленный интерес к ней позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью и внимание к ее этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников «бурятского национализма». Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских провинций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. Требовалось только увести проблему из опасной этнополитической сферы в область гуманитарную и культурную. Это и было сделано в «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997):

«Деятельность за пределами Бурятии:

– помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;

– заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;

– поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье, в их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией»²⁶.

В рамках реализации этого направления государственной политики Внутреннюю Монголию с официальными визитами посетили Председатель Президиума Верховного Совета Бурятской АССР С. Булдаев (1989), председатель Совета Министров БурССР В. Саганов (1991). В 1990 и 1991 гг. с ответными визитами в Улан-Удэ побывали правительственные делегации Внутренней Монголии. В рамках развития торгово-экономического сотрудничества и налаживания дружеских

²⁶ Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия. Одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия 29.09.1997. № 336 // Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001). М.; Иркутск: Наталис, 2002. С. 90–102.

связей обсуждалась и возможность возвращения шэнэхэнских бурят на историческую родину²⁷. Есть сведения, что в начале 1990-х гг. между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии было подписано соглашение, по которому приехало около 300 человек. К сожалению, найти текст этого соглашения нам до сих пор не удалось.

Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья со стороны Всебурятской ассоциации развития культуры, руководства Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лицея, были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного — оказать реальную помощь в получении российского гражданства.

Вот как описывает ситуацию одна из телерадиокомпаний Бурятии. «К 2007 г. российские паспорта сумело получить не более 10% репатриантов. По оценке начальника отдела по вопросам гражданства ФМС, шэнэхэнским бурятам не сложно выполнить условия о непрерывном пятилетнем проживании в РФ по виду на жительство, об отказе от гражданства КНР и об обладании законным источником средств к существованию. Главная проблема — владение русским языком и получение соответствующего сертификата. В БГУ и БГСХА есть специальные платные курсы, но, как отмечает представитель шэнэхэнского землячества Цырен Дамбиев, «молодежь, которая учится, конечно, без проблем изучает язык. А людям старшего возраста, которым за 40, им труднее освоить язык». Респонденты старших возрастов пытаются быть объективными в оценках, они говорят, что им самим не хватает настойчивости, а программа обучения слишком сложна. Многие, заплатив от 500 до 700 долларов, бросают курсы, овладев языковым минимумом для ведения своего бизнеса. Некоторые интересуются, нельзя ли им сдать экзамен по бурятскому языку.

Не стала на первых порах Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников. Александр Елаев, первый заместитель председателя Комитета по международным

²⁷ Елаев А.А. Указ. соч. С. 278–279.

отношениям Администрации Президента Бурятии, отметил: «Переселяющиеся к нам соотечественники — это конкуренты наших людей. То есть здесь — тоже конфликт интересов. И мы должны учитывать, прежде всего, интересы граждан России. Кроме федеральных средств понадобятся республиканские средства на обустройство этих переселенцев. Это предоставление жилья, предоставление работы. А с этим могут быть проблемы, и люди окажутся в подвешенном состоянии»²⁸.

В конце «нулевых годов» идея реанимируется, но теперь уже в духе идеологии обновленной программы. Гуманитарные и идеологические мотивы уходят на второй план, во главу угла ставятся задачи решения демографических проблем. Заместитель председателя правительства Республики Бурятия А. Чепик отметил, что программа не распространялась на регионы с высоким уровнем безработицы, Бурятию в том числе. Но соотечественники — буряты из Китая и Монголии, готовые заняться скотоводством и освоить огромные пустующие земли, не станут конкурентами на рынке труда и, скорее, уменьшат безработицу за счет создания новых рабочих мест для местного населения.

Бурятия включилась в Государственную программу и в 2011-2012 гг. в ее рамках планируется привлечь около 500 шэнэхэнских бурят, уже готовых к переселению. По замыслу Министерства экономики, основного исполнителя программы, предполагается создание с их участием фермерских скотоводческих хозяйств, гуртов. Республика выделяет землю, обеспечивает жильем и трудоустройством, а федеральный центр берет на себя переезд и выдачу российских паспортов²⁹.

Таким образом, тема «шэнэхэнских бурят» постепенно теряет свою идеологическую насыщенность и экзотическую привлекательность для общества. Окончилась «эпоха

²⁸ Что мешает возвращению шэнэхэнских бурят на историческую родину? // Телерадиокомпания «Ариг Ус». 2007. 1 марта. (<http://www.arigus-tv.ru/news/detail.php?ID=3468>). Последнее посещение 27 февр. 2012).

²⁹ Цыренов А. Бурятии запрещают возвращать шэнэхэнских бурят в республику // Номер один. 2010. 2 сент.; Махачкеев А. Шэнэхэнские буряты получили шанс на возвращение на историческую родину // Информполис. 2011. 31 марта; Хыргыгеева Е. Долгий путь домой. 500 шэнэхэнских бурят желают вернуться на историческую родину // Номер один. 2010. 12 мая.

национально-культурного возрождения» 1990-х гг., у политиков и чиновников появилось много новых проблем и забот, угас общественный интерес. Идеологически мотивированную идею «собираания нации» постепенно оттесняет государственный прагматический подход на привлечение соотечественников для решения сложных демографических и экономических проблем страны.

При этом, и объектом пристального внимания общества, и материалом для выстраивания конструкта «собираания нации», и потенциальным резервуаром источника необходимой рабочей силы были и остаются далеко не все зарубежные буряты. Сложился разительный контраст между шэнэхэнцами и куда более крупной и значительной общиной бурят Монголии. Ни в девяностые годы, ни сейчас они не привлекали внимания общественности, о них почти не писали и не пишут газеты. И это несмотря на их заметную роль в культурной, экономической и политической жизни страны. Не проявляется особой гордости по поводу соотечественников, ставших олигархами, премьерами и президентами. Буряты Монголии не присутствуют в качестве отдельной и значимой (как шэнэхэнцы) группы в концепциях «собираания нации». На них не рассчитывают авторы программы по возвращению соотечественников.

Можно предложить несколько гипотез для объяснения этого чрезвычайно важного феномена. Причиной спокойно-равнодушного отношения общества послужило, скорее всего, отсутствие экзотики и новизны, давняя традиция массовых контактов и высокий уровень информированности. Монгольские буряты пережили те же перипетии социалистического развития, что и российские. Их жизнь была привычна, понятна и не слишком отличалась от советских реалий. Широкая возможность наблюдать и сравнивать существовала благодаря взаимным поездкам с целью туризма, работы, учебы. Кроме того, традиционными были связи приграничных районов двух стран, также предполагавшие интенсивные повседневные контакты. Особую значимость этому придавало то, что по обе стороны границы жили зачастую представители одних родоплеменных групп, между которыми выстраивались особые отношения.

Официально утвержденный проект по привлечению соотечественников рассчитан на бурят Китая и Монголии. Однако его содержание показывает, что последние названы скорее для проформы. Причина очевидна – отсутствие желающих переселиться³⁰. При особом отношении к родовым местам исхода предков, усилиях по поддержанию родовых связей поверх границы, стремление ассоциировать себя с Россией в гражданском и политическом отношениях практически отсутствует.

Поэтому и идеологический концепт «разделенной нации» с его задачей «собирания нации» обходит эту группу стороной. Идея «возвращения» очевидно нереалистична. Все другие варианты «собирания» (от выстраивания особых отношений диаспоры с исторической родиной до ирредентизма) предполагают непримиримый конфликт между идеями общепобурятской и общемонгольской общности. Поэтому по умолчанию идеологические конструкты девяностых годов не выделяли бурят из состава общества Монголии в качестве группы, требующей особого отношения и особой политики.

* * *

Опыт взаимоотношений бурятского общества с диаспоральными группами бурят Китая и Монголии подтверждает довольно тривиальный вывод: проблема соотечественников – это проблема отпускающего общества. Сам термин – его существование, наполнение, эмоциональная и идеологическая насыщенность – это взгляд «исторической родины», инструмент решения ее проблем. Те, кого называют соотечественниками – объект, а не равноправный субъект системы желательных, потенциально возможных или реально существующих отношений. Соотечественники в проекте «национально-культурного возрождения» в Бурятии, в частности, стали одним из инструментов и формой нациестроительства в его этническом варианте.

³⁰ Цыбикдоржиев Д. Буряты КНР и Монголии как возможные участники программы возвращения соотечественников // Власть. 2009. № 3. С. 85–87.

**Центр — регион — местное
сообщество:
борьба с мигрантами
и/или «борьба за мигранта»?**

Отношение к еврейским общинам Сибири XIX – начала XX в. со стороны местного общества и местных властей

Сибирь являлась и является особым регионом России, огромным по территории краем, с одной стороны – районом интенсивной колонизации, местом ссылки и каторги – с другой. Сибирь на протяжении всей своей истории представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России.

Сложные национальные и этнокультурные проблемы наших дней заставляют все более внимательно относиться к историческому опыту межнациональных отношений. Особый интерес с этой точки зрения представляет история сибирских евреев – народа, обладавшего богатейшим опытом жизни в диаспоре, оказавшемся в районе фронта многонациональной империи.

Правовой статус евреев в Сибири имел свои особенности. Эти особенности определялись политикой властей, отличавшейся от той, что проводилась в отношении евреев других регионов государства, хотя и находившейся в общем русле официальных позиций по «еврейскому вопросу». Первые попытки регламентации жизни евреев в регионе относятся к началу XIX в., когда, собственно, и происходит формирование сибирских общин. В этот период список ограничений для них был еще не велик.

Кроме законов, издававшихся правительством, различные ограничительные меры вводила и местная администрация. Так, в 1831 г. Томский губернский совет постановил не допускать евреев и цыган в города губернии (за исключением ремесленников), а в 1832 г. подобное же решение было при-

¹ Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета.

нято Тобольским губернским управлением². В январе 1833 г. Совет Главного управления Западной Сибири постановил не водворять евреев в города, однако уже на следующий год ссыльным евреям и членам их семей было разрешено причисляться в сельские и городские обыватели³. Унижала евреев и мера, принятая в Тобольской губернии в 1848 г., когда иудеев, желающих носить ермолки, обложили постоянной податью в 5 руб. серебром⁴.

Тем не менее, по мнению некоторых исследователей, однозначно охарактеризовать политику государства в отношении сибирских евреев как дискриминационную нельзя: «скорее, складывается мнение, что государство не имело четкой линии в отношении евреев»⁵. Об этом свидетельствуют противоречивые законы, принятые по отношению к сибирским евреям: в 1827 г. был издан закон, запрещающий евреям-мужчинам следовать к месту ссылки вместе с сосланными женами; с 1834 г. евреи, сосланные в Сибирь на поселение, получили право причисляться в купечество; закон 1836 г. разрешил переселение в Сибирь; 1837 г. — запретил; в 1847 г. было позволено выдавать торговые свидетельства всем евреям; в 1859 г. — разрешено сибирским евреям переселяться в губернии «черты оседлости», но запрещено евреям из несибирских губерний приезжать в Сибирь. В 1860 г. было принято решение прекратить еврейскую ссылку в Сибирь «вследствие непомерного увеличения в ней числа их», ссыльные же должны были поселиться не отдельными селениями, а в деревнях старожилов. Однако отмена еврейской ссылки осталась только на бумаге. В конце XIX в. современник писал: «Хотя в 1860 г. повелено прекратить ссылку евреев в Сибирь, ... тем не менее ссылка их продолжается»⁶.

² Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 9.

³ ПСЗРИ-II. Т. IX. Отд. 1. № 6875.

⁴ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начала XX в. Томск, 2004. С. 173.

⁵ Ключева В.П. Указ. соч. С. 10–11.

⁶ Ефимов А. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890. С. 35.

В целом положение евреев регулировалось многочисленными, порой неясными, часто противоречащими друг другу законами и подзаконными актами. Даже высшие сановники не всегда знали, как трактовать тот или иной законодательный акт.

Эти ограничительные меры во многом могут объясняться также тем, что Сибирь, еще с момента вхождения в состав России, рассматривалась как объект эксплуатации, прежде всего, со стороны государства. В силу этого, на протяжении долгого времени существовали различные ограничения для использования сибирских богатств со стороны частных лиц, к числу которых относились нераспространение в регионе крепостного права, частного землевладения и свободного предпринимательства.

Вообще, на рубеже XIX–XX вв. можно отметить ужесточение репрессивных мер по отношению к евреям. В 1890 г. был принят указ Сената, из которого следовало, что евреям запрещено не только селиться, но и временно находиться в пределах 100-верстной приграничной полосы. В 1896 г. закон запретил евреям-солдатам жить вне черты оседлости даже в короткий промежуток отпуска в годы действительной службы в армии. Получалось так, что еврейский солдат из сибирской части должен был на время своего месячного отпуска удалиться в черту оседлости! В следующем, 1897 г. Сенат запретил сибирским евреям «свободное переселение из одного места Сибири в другое»⁷.

Сибирская администрация в эти годы стала буквально следовать ограничительным законам. Примеров можно привести множество. В частности, было отказано временно прибыть в Сибирь инженеру для строительства Транссибирской магистрали, доверенным столичных аристократов для участия в торгах, слепому старику 67 лет при сыне и т. д.⁸ Выселять стали даже людей, которые прибыли в Сибирь малолетними детьми со своими сосланными родителями и практически всю жизнь провели в Сибири.

⁷ Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.: Автореф. дис. . . . д-ра. ист. наук. М., 2001. С. 36.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 775. Л. 13 об.

О роли местной администрации бывший чиновник Омского областного правления Т.И. Тихонов писал: «Кроме так называемого законодательства о евреях, существует нечто неизмеримо худшее, это т. н. «местная политика» по отношению к евреям. Эта политика... постоянно меняется, находясь в зависимости не только от местных генерал-губернаторов, но и более скромных по положению, но всемогущих по существу уездных начальников, исправников, приставов и т. д.»⁹.

Тем не менее, численность еврейского населения в регионе, начиная с рубежа XVIII–XIX вв., быстро увеличивается. В начале XIX столетия появляются уже довольно значительные компактно проживающие группы евреев (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске) и именно с этого момента можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири.

Уже в середине XIX в. сибирские евреи, под влиянием местных условий, образовали достаточно специфическую общность. Сибирская община заметно отличалась по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не только от евреев черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи.

Во второй половине XIX в. складывается также особый тип ментальности сибирских евреев. Исследователи отмечали их зажиточность, меньшую набожность, близость по образу жизни, характеру и привычкам к местному русскому населению, развитое чувство достоинства, свойственное сибирякам в целом¹⁰.

Характеризуя процессы интеграции евреев в сибирское общество, иркутский историк В.Ю. Рабинович делает вывод о том, что «попадая в новое окружение, выходцы из черты приобретали некие новые внутренние качества, которые еще более усиливались в следующих поколениях. Таким образом, появились новые этнокультурные «генерации» еврейской диаспоры в России. Сибирские евреи иначе одевались, говорили, думали, нежели их соплеменники в черте. Региональные колонии по-иному были связаны с этническим большинством

⁹ Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 290.

¹⁰ Романова В.В. Указ. соч. С. 24.

и властными структурами. Члены их демонстрировали новые поведенческие стереотипы, тяготели к иным ценностным приоритетам, гораздо сильнее были подвержены процессам ассимиляции и аккультурации. Вместе с тем они оставались евреями, сохраняли основные этнические черты, традиции, чтли религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность»¹¹.

Место, которое евреи занимали в социальной системе региона, во многом определялось спецификой Сибири как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Русские, заселившие в XVII–XIX вв. обширные пространства за Уралом, сами были пришлыми здесь. Сибиряки с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями. Это во многом определило толерантность местного населения к «иным»: «...оставаясь православным, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов»¹².

Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность, как это было в европейской части страны. В.Ю. Рабинович пишет: «Как и большинство сибиряков, они были либо преступниками, нарушившими закон, либо авантюристами и искателями приключений, либо хваткими, образованными и предприимчивыми коммерсантами. В психологическом портрете этих людей преобладали... деловая сметка, высокая социальная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, склонность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом... Важно, что в окружающем обществе пре-

¹¹ Рабинович В.Ю. Евреи и иркутское общество (конец XIX – начало XX в.) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 24.

¹² Цит. по: Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири... С. 22.

обладал тот же психологический тип. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызвали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний»¹³.

К тому же обширные богатства малозаселенного региона давали возможность прокормиться всем. Потомки предприимчивых русских первопроходцев умели ценить предприимчивость и практичность евреев. Современник отмечал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешевой, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неутомимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их – христиан, и приобрели им, таким образом, полное доверие... О враждебности христиан к еврейской торговле... не может быть и речи в здешнем крае. Здесь не обвиняли и не обвиняют в эксплуатации евреев... сближение евреев с христианским населением совершалось быстро, и без всякого труда и принуждения»¹⁴.

Антисемитских настроений, бытового антисемитизма в Сибири практически не наблюдалось. Вплоть до начала XX в. отношения между еврейским и христианским населением были достаточно спокойными. Ю. Островский отмечал: «в торжественные праздники те и другие обмениваются визитами, часто «откушивают» друг у друга, дружат между собою. Лишь за последние годы, с усилением реакции и, главным образом, под давлением сверху, добрые отношения между русским и еврейским населением несколько нарушились».

В то же время со стороны чиновников, в большинстве своем выходцев из европейской части страны, отношение к евреям было часто негативным. Резкий рост еврейского населения вызывал неприязнь у сибирской администрации. Так, в октябре 1884 г. тобольский губернатор поддержал ходатайство Тобольской городской думы о приостановке причисления евреев к тобольскому мещанскому обществу, высылке неправильно

¹³ Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. С. 117.

¹⁴ Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. 1871. № 30.

приписанных и временно проживающих в черту оседлости, ограничении прав на питейную торговлю¹⁵.

Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и антисемитизм. Поэтому, представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция. Вот как писал один из таких чиновников в своих мемуарах: «...попадаются часто жидаы. Их в Тобольске много. Они промышляют здесь ростовщицеством, наживаясь за счет мелкого чиновничества, находящегося в поголовной зависимости от своих иерусалимских благодетелей»¹⁶.

В официальном издании – «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» говорилось о евреях: «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством и избрав для себя одну только отрасль промышленности – тайную беспатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на все возможные манеры. Ростовщицество и сбыт краденых вещей – самые излюбленные занятия евреев и этим объясняется тот факт, что они через год, через два по прибытии путем ссылки в Сибирь из нищих делаются людьми весьма достаточными и, обзаведясь порядочными домами, щеголяют и дорогими костюмами, и разного рода драгоценностями. Изошрив себя в искусстве прятать концы в воду, Израиль весьма редко попадается в преступлениях уголовного свойства, но и облеченный в них, он разными изворотами и пронырством избегает большею частью кары закона»¹⁷.

В отличие от толерантных коренных сибиряков, чиновники, направленные сюда на службу из Европейской России, нередко оценивали экономическую активность евреев негативно: «Несмотря на закон, евреев наплодилось в Сибири множество и в городах, и в селах. Прикрываясь званием ремесленника, они занимались излюбленным своим ремеслом: продажею водки, корчемством, процентами за ссуды и вообще жидовским гешефтом. Никакой казенный подряд не обхо-

¹⁵ Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири... С. 14.

¹⁶ Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. Тюмень, 1878. С. 37.

¹⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 51–52.

дился без участия евреев, если не лично, то под именем кого-нибудь православного»¹⁸.

В то же время для средних и низших слоев населения, особенно для местных уроженцев, было свойственно очень терпимое отношение к евреям. В Сибири никогда не было еврейских погромов. Не знали сибирские евреи того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские единоверцы. Русские купцы в Сибири очень часто были компаньонами и контрагентами евреев, подтверждая известную истину, что капитал интернационален. Ю. Островский высказал достаточно распространенную для начала XX в. точку зрения: «Еврейского вопроса — в обыденном смысле — нет в Сибири и быть не может»¹⁹.

Определенный подъем антисемитских настроений произошел только в годы революции 1905–1907 гг. В известном погроме в Томске в 1905 г., помимо прочих лозунгов, присутствовали и антисемитские, черносотенцы призывали бить евреев и студентов. Были разграблены еврейские лавки и дома²⁰.

Местная администрация предпринимала некоторые шаги для профилактики погромов. В.П. Ключева упоминает секретное предписание 1905 г. тобольского полицмейстера тобольскому приставу. В предписании говорилось о появлении писем и воззваний, подписанных «Белой сотней», содержащих провокационные высказывания и подстрекательство к насилию над евреями. Так как подобные письма и высказывания, «поддерживая в течение более или менее продолжительного времени повышенное настроение, как в христианской, так и в еврейской части населения, и разжигая их национальную ненависть, способны при самом незначительном поводе вызвать острое столкновение между христианами и евреями и повлечь за собою весьма печальные последствия», то приставы различных частей Тобольска при обнаружении таких листовок

¹⁸ А. П. Записки сибиряка // Исторический вестник. 1898. № 9. С. 936.

¹⁹ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 18.

²⁰ Дело о погроме в Томске в 1905 г.: Отчет о заседании окружного суда. Томск, 1909; Галашова Н.Б. Из истории еврейского погрома в Томске в 1905 году (по воспоминаниям очевидцев) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Материалы II регион. науч.-практич. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 45–50.

должны были «в целях общественного порядка и спокойствия принять все меры к прекращению в самом зародыше такой агитации»²¹.

В годы Первой мировой войны усиливаются антисемитские настроения, наряду с антипольскими и антигерманскими. Опасаясь массового шпионажа со стороны евреев и поляков, администрацией составлялись списки нижних военных чинов польской и еврейской национальностей, находившихся на военной службе. После начала военных действий с территории западных губерний в Сибирь устремился большой поток беженцев. Так, например, в феврале 1916 г. в Тюмень прибыло 150 евреев-беженцев. Однако, вопреки опасениям чиновников, местное население встретило вновь прибывших спокойно. В донесениях отмечалось, что появление беженцев «не отразилось на местной жизни и прибывших евреев незаметно. Они, наоборот, стремятся из Сибири в Россию и сибирские города на линии железных дорог, где идут крупные и успешные торговые обороты»²². В целом, в конце XIX – начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума. Сохранив свою национальную и религиозную идентичность, сибирские евреи стали ощущать себя и сибиряками, что сближало их с другими народами, проживавшими в регионе, чему во многом способствовали общий язык, территория, бытовая культура.

Специфика социальных и этно-конфессиональных процессов в регионе во многом определила терпимое, толерантное отношение к евреям со стороны сибиряков, как русских, так и иных национальностей. В то же время со стороны представителей местной администрации, многие из которых были выходцами из европейской части страны, отношение к евреям нередко было негативным. Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и антисемитизм. Поэтому представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция.

²¹ Цит. по: Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири... С. 22–23.

²² Клюева В.П. Указ. соч. С. 23.

**Власть, бизнес и китайские мигранты:
механизмы извлечения административной ренты
(случай сельского хозяйства Амурской области)**

Уровень политической централизации в России значительно изменился в последние годы; замена выборов губернаторов их назначениями, новая «игра» в выборы губернаторов, изменение системы выбора глав муниципалитетов – все это может оказать влияние и на взаимоотношения центра и регионов, а также региональных и муниципальных властей по поводу «миграционного вопроса». Предсказуемо выглядит ситуация, в которой назначенный центром губернатор в ответ на запрос центра и демонстрируя свою лояльность ему, будет стремиться сократить присутствие экономических мигрантов в своем регионе, ужесточая миграционную политику и понижая размер запрашиваемой квоты или строго требуя уничтожения «этнических рынков». Вероятно, он будет стремиться это сделать, даже если местный бизнес, нуждающийся в рабочей силе или зависящий от сетевых взаимодействий с иностранными предпринимателями, будет настаивать на обратном. С другой стороны, в регионах, где присутствие иностранных не крупных бизнесов ощутимо влияет на конкурентную ситуацию, их уход может быть выгодным для местных предпринимателей. Например, широко известно о хороших конкурентных позициях китайского торгового бизнеса в некоторых восточных регионах страны (Амурской и Иркутской областях, Приморском и Забайкальском краях). Можно предположить, что ужесточение миграционных правил в этих регионах может быть выгодным для местных торговых фирм, и они сами будут требовать более жесткого соблюдения миграционного законодательства.

В любом случае именно бизнес (и не только «местный») – источник пополнения регионального бюджета, а также возможность извлечения административной ренты региональными

¹ Рыжова Наталья Петровна – кандидат экономических наук, заведующая Амурской лабораторией экономики и социологии Института экономических исследований ДВО РАН (Благовещенск).

ми чиновниками. Следовательно, губернатор и региональные чиновники, отвечая на «запросы» федерального центра, учитывая интересы разных сторон, оказываются в центре классических политэкономических противоречий: между интересами федерального центра и региона, между интересами бизнеса и необходимостью пополнения регионального бюджета, между максимальным извлечением административной ренты сейчас и возможностью получения долгосрочных преимуществ. Основным механизмом управления этими противоречиями является манипулирование барьерами. «Играя» с высотой барьеров (например, понижая или повышая размер запрашиваемой квоты на трудовых мигрантов), региональное правительство имеет возможность управлять получаемыми эффектами.

В статье обсуждается влияние «игры» с барьерами и механизмов извлечения административной ренты на конкурентную ситуацию в сельском хозяйстве Амурской области.

Источником информации для исследования случая послужили 31 экспертное полуструктурированное интервью (продолжительностью от 40 до 120 минут), полученное в Амурской области, в ноябре-декабре 2011 г. Информанты – представители крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств Амурской области, в том числе 2 фермера – граждане КНР, 2 фермера, имевшие опыт совместной деятельности с гражданами КНР; а также посредники (доставка и распределение овощей и фруктов) и представители торговых сетей. Качественные данные дополнены данными официальной статистики по Амурской области, что свидетельствует о внешней триангуляции полученных выводов.

Структурно работа представлена семью разделами – (1) концептуальная рамка исследования; (2) характеристика формальных барьеров, влияющих на деформализацию экономических практик мигрантов; (3) общая характеристика проблем развития сельского хозяйства Амурской области; (4) статистическое описание использования китайского труда в сельском хозяйстве Амурской области; (5) механизмы извлечения административной ренты при допуске китайских мигрантов на амурские аграрные рынки; (6) последствия сложившегося распределения экономической власти для конкуренции в

сельском хозяйстве региона; (7) выводы — обсуждение типов и уровней политэкономических противоречий.

Триада власти: концептуальная рамка исследования

Рента — это доход, получаемый сверх прибыли посредством любого производительного фактора, характеризуемого неэластичным по цене предложением². Таким образом, источником ренты является монополия на ресурс. Экономисты до некоторых пор основное внимание уделяли ресурсной ренте, которая возникает благодаря ограничению доступа к природному ресурсу. Реже обсуждается, но хорошо известна экономистам рента предпринимателя, получение которой зависит от наличия «предпринимательских способностей». В последнее время активно обсуждается т. н. административная рента, получаемая государственными служащими (чиновниками) в процессе реализации их функций. Принципиальным отличием административной ренты от ресурсной и предпринимательской является ее источник, заключающийся в различного рода барьерах и ограничениях, налагаемых на экономические транзакции³.

Административные барьеры играют значительную роль в эффективности деятельности отдельных фирм, а также и экономической системы (страны или региона) в целом. Так, во влиятельной работе⁴ утверждается, что регулирование входа на рынок выступает источником административной ренты. На кросс-национальных данных доказывается, что более жесткие барьеры входа не приводят к повышению качества выпускаемых в стране продуктов, улучшениям в сфере защиты окружающей среды или в состоянии здоровья населения, но сильно связаны с уровнем коррупции и долей неформальной (ненаблюдаемой) экономики.

Использование барьеров для ведения бизнеса в собственных целях политиков и бюрократов (и развитие в этой связи

² Долан Э.Дж., Линдсей Д. Микроэкономика. СПб., 1997. С. 442.

³ Олейник А. О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе // Политическая концептология. 2011. № 2. С. 117-140.

⁴ Djankov S., La Porta R., de Silanes F.L. and Shleifer A. The Regulation of Entry// Quarterly Journal of Economics, 2002. Vol. 117. P. 1-37.

коррупции и неформальной экономики), очевидно, характерно для разных по уровню развития политических институтов государств. Однако компаративные исследования⁵ показывают, что эти процессы взаимосвязаны, и в государствах, не остановивших развитие коррупции, неформальные экономические транзакции полностью замещают те, что ведутся в рамках формальных правил. В формирующихся в результате этого «хищнических» государствах⁶ государственные чиновники перепродают свои должности, которые рассматриваются как «феодалные поместья», и «беспокоятся о благосостоянии своего народа ничуть не больше, чем хищник о благосостоянии своей жертвы». Впрочем, подтверждение связи между высотой административных барьеров и развитием коррупции / неформальной экономики оставляет открытым вопрос о том, что же первично – барьеры, приведшие к коррупции, или коррумпированные чиновники, лоббирующие повышение барьеров.

Барьеры вводятся государством и ограничивают вход на рынки через специальные нормативные акты. Среди них наиболее значимыми являются монопольные права и лицензии; импортные тарифные ограничения; квоты (на привлечение иностранной рабочей силы); субсидии; государственные закупки; санитарные и фитосанитарные нормы и меры по защите окружающей среды; регистрация, сертификация, лицензирование⁷.

В соответствии с теорией общественных благ, перечисленные меры вводятся государством для поддержания социальной эффективности общества, для защиты от появления на рынке игроков, поставляющих некачественный товар/услугу, или являющихся источником вредных экстерналий – например, таких как загрязнение⁸. Впрочем, в теории об-

⁵ Shleifer A., Vishny R. *The Grabbing Hand. Government Pathologies and their Cures*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

⁶ Evans P.B. *Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State* // *Sociological Forum*, 1989. Vol. 4, No. 4, pp. 561-587.

⁷ Panayotis K. *Regulatory Barriers to Entry in Industrial Sectors*. MPRA Paper 27976, University Library of Munich, Germany, 2010.

⁸ Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A. *Op. cit.* P.1-37.

ественного выбора давно обсуждается то, что государство далеко не всегда устанавливает барьеры для достижения благородных целей, нередко его представители вводят барьеры, желая сместить общественный выбор. Две базовых концепции, исследующих барьеры входа на рынки (теория «дорожной кассы» и теория «захвата регулятора»⁹) отсылают нас к вопросу о «благородности» целей государства, устанавливающего эти ограничения. В двух классических объяснениях механизма извлечения административной ренты активны, по сути, только две стороны, государство и бизнес (одна из них «страдает»), и обе концепции мало обращают внимание на возможное существование третьей стороны. Но эта сторона, очевидно, существует, ведь нельзя ожидать, что все участники рынка могут выстроить одинаковые отношения с представителями власти. Бизнес, не обладающий доступом к административному ресурсу, «страдает» больше, а государство и наделенный административным ресурсом бизнес получает явные или неявные преимущества от этого¹⁰. Пример из международной интеграции: государство изменяет правила регулирования иностранных инвестиций (скажем, отменяет соглашение о разделе продукции), в результате иностранный инвестор, вложивший средства в разведку месторождения, «страдает», а выигрывает компания, получающая право приобретения его акций.

Уже описывались¹¹ некоторые неформальные схемы ведения бизнеса в приграничных городах Благовещенск и Хэйхэ, и в том числе — неформальные каналы доставки товара (контрабанды). Этот канал может рассматриваться сквозь призму концепции триады власти (см. рис. 1)¹² (то есть существования

⁹ В первой теории представители государства захватывают часть прибыли экономических субъектов за счет взимания с них платы за вход на рынок; а во второй экономические субъекты подчиняют своей воле представителей государства и используют находящуюся в их руках политическую власть в собственных интересах, в частности, ограничивая доступ своих конкурентов.

¹⁰ Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011.

¹¹ Ryzhova N., Ioffe G. A Tale of two Cities: Trans-Border Exchange between Blagoveshchensk, Russia, and Heihe, China // Eurasian Geography and Economics. USA. 2009. № 2. p.348-364.

¹² Олейник А.Н. Власть и рынок: ...

трех, а не двух сторон в механизме извлечения административной ренты).

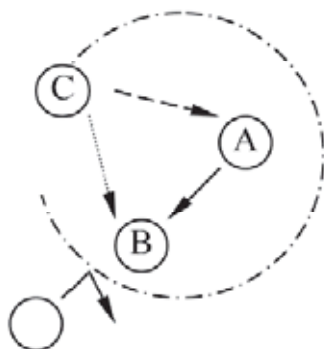

Рис. 1.

Актор «С», государство («охранник на входе») создает предпосылки для укрепления своих доминирующих позиций и извлечения административной ренты. Актор «А» – бизнес, получающий доступ к рыночному полю в обмен на оплату «входного билета», в т. ч. административной ренты, «С». Взамен «С» создает благоприятные условия для «А», ограничивая доступ к полю его потенциальных конкурентов. Страдающей стороной, актором «В», является бизнес, не имеющий административных преимуществ.

Для того чтобы воспользоваться неформальным каналом доставки товара необходимо установить взаимодействие с организатором неформальной группы («контрабандистом»); а для того, чтобы стать организатором неформальной группы нужно выстроить взаимодействие с представителем таможни, ориентированным на получение административной ренты. Таким образом, отношения представителей государства с разными субъектами рынка становятся неоднородными: благодаря рентным платежам одни бизнесы получают конкурентные преимущества над другими. Например, фирма, импортировавшая товар без уплаты таможенных пошлин, с выплатой за это рентного платежа, обладает конкурентными преимуществами

перед фирмой, выполнившей все таможенных формальности. Для объяснения механизма извлечения административной ренты при привлечении китайских мигрантов используем эту аналитическую схему (концепцию триады власти).

Барьеры для экономических мигрантов

Законодательство в сфере привлечения иностранной рабочей силы изменяется почти каждый год. Оглашаемые причины изменяются, но базовой остается «необходимость легализации» рынка труда. Изменения последних лет с одной стороны способствовали росту числа официально работающих (то есть учтенных статистикой) иностранных граждан из так называемых «безвизовых стран», что было расценено как победа на пути к легализации. Но с другой стороны, привели к постепенному сокращению числа иностранных граждан из визовых стран. Последний факт сопровождается «недоиспользованием» квот, выделяемых регионам. В частности, тем, которые, как и Амурская область в основном привлекают иностранную рабочую силу из визовых стран, и конкретно – из Китая (Забайкальский и Хабаровский края, Еврейская АО). Почему так происходит? Чиновники уверены, что причина – в самих работодателях: «квота в 21 тыс. человек, выделенная Хабаровскому краю в прошлом году, была освоена лишь на 70%, а порядка 6 тыс. квот оказались не востребованы – «работодатели их заявили, но не привезли». При этом подчеркивалось, что 99% отказов в предоставлении квот происходит по вине самих работодателей, предлагающих работнику оплату труда ниже прожиточного минимума – «плодить бедность и занижать доходную базу краевого бюджета» чиновники не хотят». И более того, «барьеры, с которыми предприниматели якобы сталкиваются при получении квот, – это надуманный миф»¹³.

Можно ли согласиться с чиновником?

В настоящее время распределение установленной квоты осуществляется следующим образом:

¹³ Золотой пор. 2012. № 18. Доступно он-лайн <http://www.zrpress.ru/zr/2012/18/53173/?print=Y>. Дата последнего посещения – август 2012.

1. Каждый регион получает общую квоту, в т. ч. отдельно для «визовиков»;

2. Квота распределяется по профессиям, специальностям и квалификациям¹⁴;

3. Законодательно существует, но не применяется, возможность распределения квоты по странам происхождения иностранного подданного.

Чтобы воспользоваться квотой, работодатель обязан спланировать потребность в трудовых ресурсах до 1 мая текущего года. Это, кстати, противоречит идее рыночной экономики – ведь работодатель должен гибко реагировать на изменения спроса – при его увеличении нанимать новых работников, а при сокращении – их увольнять.

Согласовывают заявки региональные чиновники, оценивая следующие показатели: трудовой потенциал, перспективы демографического развития региона, его участие в программе переселения соотечественников, возможность перераспределения трудовых ресурсов и др. Жесткой методики оценки этих показателей нет и поэтому в принципе решение субъективно. Особую роль в согласовании играет межведомственная комиссия, которая имеет право отказать работодателю в привлечении иностранного работника на основании:

- отрицательного заключения службы занятости;
- наличия сведений о результатах проверок работодателей и выявлении фактов нарушений соблюдения гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан;
- наличия возможности удовлетворения потребности в рабочей силе за счет региональных трудовых ресурсов;
- наличия у работодателя не устранимых нарушений порядка привлечения и использования иностранных работни-

¹⁴ Это означает, что при решении привлечь токаря 4 разряда, работодатель указывает именно такие квалификационные требования. Если вдруг находится токарь 6 разряда, возможность его привлечения ставится под угрозу. С другой стороны, квалификационные характеристики китайских работников вообще, как правило, не формализованы – т. е. отсутствуют документы, их подтверждающие. Решить проблему за определенное вознаграждение, впрочем, возможно.

ков, допущенных при выполнении квот в предыдущем и текущем годах;

– наличия у работодателя непогашенной задолженности по оплате труда работников за период, превышающий 3 месяца, а также выявленных государственной инспекцией труда и не устраненных нарушений трудового законодательства в предыдущем и текущем годах;

– отсутствия возможности обеспечения иностранных работников жильем в населенных пунктах, в которых предполагается привлечение этих работников работодателями.

Почти каждый из рассмотренных элементов системы привлечения иностранного работника является потенциальным источником административной ренты:

«Знаете, когда я начал оформлять на второй год китайских работников. Первый год, я оформлял полгода. Второй год, когда на девятый месяц, у меня просто не хватило сил. Потому что приходишь, стучишься, и везде ждут, ждут, когда ты что-то принесешь. А у меня на тот момент не было желания, и наверно знаете какой-то максимализм. Знаете, я не понимаю, почему человек, получая заработную плату, еще хочет получить сверху, просто за то, что он делает» (интервью 2011, сельское хозяйство, представитель ООО, м.).

«Да тот же пресловутый центр занятости. Вот я даю заявку, у меня постоянные заявки в центре занятости. Ни одного человека с центра занятости они мне не дали. Когда я дал заявку на китайцев, они мне говорят, что мы обязаны, мы вам двух китайцев отдаем, а двух нет, вы должны русских выучить». «Я им даю вторую заявку. Они отвечают, что у вас нет подтверждения от Министерства сельского хозяйства. Я пишу в Министерство сельского хозяйства, ... он дает мне подписку, что нет возможности выучить русских... И отправляют туда, вот три письма, три месяца. Понимаете в чем дело. [С ума сойти.] Потом пошел в паспортный стол, миграционно-визовую службу. Каждый день стояние в непонятных очередях. Приносишь, где буква не понравилась, где-то закорючка. То не понравился перевод, фирма, которая перевела договора. Нужно переделывать, и постоянно это переделывать, переделывать

и переделывать. Просто вымотало» (интервью 2011, сельское хозяйство, представитель ООО, м.).

«содержание китайцев здесь ведет за собой дополнительные расходы. Нужно четко понимать, что мы можем с ними больше сделать, но мы должны их устроить, где жить. Мы должны заключить договора, это просто коррупционная составляющая. Большая, если честно, ... одного угостить, другого подмазать» (интервью 2011, сельское хозяйство, фермер, м.).

Представители бизнеса согласны, что привлечение иностранного рабочего — это достаточно затратный, как по времени, так и по финансовым ресурсам «проект». На оформлении иностранных рабочих в крупных компаниях заняты отдельные сотрудники, которые должны получать заработную плату. На небольших предприятиях оформление отдается посредникам, что, конечно, также не бесплатно. За государственные услуги по оформлению иностранных работников уплачивается госпошлина — на каждого человека по 6000 руб. Сам труд иностранного работника должен оплачиваться по таким же расценкам, что и труд резидентов и не может быть меньше установленного прожиточного минимума. Наконец, привлечение сопряжено со значительными затратами на оплату административной ренты. Все это подталкивает работодателей к выбору альтернативной стратегии — неформальном использовании труда иностранного работника.

Кроме собственно квоты в федеральном центре определяются следующие параметры:

а) список «наиболее востребованных специальностей», по которым иностранный гражданин может трудоустроиваться вне квоты. Это решение, продиктованное объективной потребностью, также оборачивается возможностью извлечения ренты:

«... они получали какое-то свое свидетельство, что они там растильщики огурцов или растильщики чего-то. И он как специалист въезжал сюда. Все они работали обычными рабочими. Все это прекрасно понимали, но никто ничего не говорил» (интервью 2011, сельское хозяйство, фермер, м.). «Если кто-то

может ввозить востребованных специалистов, то под их видом можно ввезти кого угодно. Но это тоже, Вы понимаете, будет сделано на определенных условиях» (интервью 2011, независимый эксперт, м.).

б) доля иностранцев в определенных секторах экономики: в настоящее время это спорт, а также розничная торговля, в которой, кстати, традиционно занята большая часть китайских экономических мигрантов. В розничной торговле квота составляет ноль процентов.

Доля иностранцев в розничной торговле – отдельный барьер и возможность для извлечения ренты, особенно важная для приграничных и некоторых сибирских регионов, где китайские мигранты традиционно заняты в торговле. Одним из решений проблемы является получение разрешения на временное пребывание (РВП), которое необходимо для получения разрешения на ведение предпринимательской деятельности.

Квоты на РВП распределялись с момента введения данного инструмента. Вне квоты разрешение могут получить люди, воссоединяющиеся с семьей и те, кто родился на территории РСФСР или РФ. В 2003 г. были приняты «Правила определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации», однако механизма определения потребности субъектов Федерации и страны в целом во временно проживающих разработано не было¹⁵. Непубличность определения и распределения квоты на РВП является источником для извлечения ренты и стимулом для деформализации бизнеса.

Таким образом, действующие барьеры на использование иностранных работников являются источником ренты, платить которую вынужден привлекающий их работодатель; в противном случае он ищет иные способы – нередко неформальные – решения проблемы нехватки работников. Барьеры на получения РВП являются в свою очередь источником ренты, заплатить которую вынуждены мелкие предприниматели, имеющие иностранное гражданство и желающие вести в Рос-

¹⁵ Выхованец О., Градировский С. Кому выгодны квоты // Полит.ру. 2008. 11 авг. Доступно онлайн: <http://polit.ru/article/2008/08/11/kvota/> Дата последнего посещения – июнь 2012.

сии торговый, аграрный или другой вид деятельности. Альтернативным вариантом является вновь практики деформализации — конкретно, использование системы подставных лиц.

Сельское хозяйство Амурской области: общая характеристика изучаемого случая

Амурская область традиционно относится к аграрным регионам, занимая первое место на российском Дальнем Востоке по площади сельскохозяйственных угодий (34,1%). Удельный вес сельского населения в общей численности населения региона к концу 2010 г. составил 33% (275,8 тыс. чел.). При этом среднесписочная численность работников сельскохозяйственных предприятий составила 11,1 тыс. чел. (или 4% от сельского населения), а общая численность занятых в сельском хозяйстве региона — 57,6 тыс. чел. (20,8%)¹⁶. Такое соотношение численности работников, занятых и проживающих на селе, отражает многочисленные социально-экономические проблемы амурской деревни, среди которых отсутствие рабочих мест — одна из ключевых. Несмотря на это, фермеры — и российские, и китайские — единодушны в том, что нехватка рабочей силы является важной и неразрешимой проблемой без привлечения китайских трудовых ресурсов. К объяснению этого противоречия мы вернемся в конце данного раздела, а сейчас перечислим другие проблемы, также влияющие на формирование и извлечение административной ренты.

Наиболее емкой остается проблема несбалансированной государственной (региональной) политики в области сельского хозяйства, не учитывающей интересы мелких производителей, которых в Амурской области большинство:

«Политика концентрации у крупного производителя, и это происходит бессовестным образом. Сегодня у нас [мелких про-

¹⁶ Амурская область в 1995 г. Краткий статистический сборник. Благовещенск, 1996; Сельское хозяйство Амурской области за 1995–2000 гг.: Сб. Амуроблкомстат. Благовещенск. 2001; Сельское хозяйство Амурской области за 1997–2002 гг.: Сб. Амурский облкомстат. Благовещенск. 2003; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области за 2007 г.: Сб. Амурстат. Благовещенск. 2008; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области за 2010 г.: Сб. Амурстат. Благовещенск. 2011.

изводителей — прим. Н.Р.] скупают все, процветает только крупный производитель. Но крупный и эффективный у нас еще не сформировался. А от мелкого [от личных подсобных хозяйство — прим. Н.Р.] толку все равно не будет. Ставку надо делать на фермеров — средних, стабильно работающих, но испытывающих проблемы из-за недостатка ресурсов. Разных ресурсов. И административных тоже» [производство картофеля, Ю., ферм].

«Вот тут как раз должна быть работа нашего министерства. Только у нас министерство не сельского хозяйства, а министерство коллективного хозяйства. Они как были коллективные, так и остались, они по-другому не мыслят. Это проблема вообще сегодня развития сельского хозяйства. Вот почему поддерживают всяких там Партизанов? И Лучей? [названия крупных предприятий — прим. Н.Р.] Я не против именно их. Но разве они доказали, что эффективнее? Чем?» [производство картофеля, С., ферм].

Статистические данные свидетельствуют о значительных площадях неиспользуемой (особенно в сравнении с советским периодом) пашни. Опрошенные фермеры утверждают обратное — что свободной земли нет, и нехватка земельных угодий становится одним из факторов, ограничивающих их развитие.

«Вообще уже не осталось ничьей земли в Амурской области. Вся земля, на которой что-то можно производить, она чья-то» [производство сои, ф.г., ферм]; «Землю раздали. Сейчас война за пай, раньше отдавали бесплатно, теперь 1 пай (15 га: 10 пашни, 3 под посадки) стоит 12-15 тысяч рублей» (производство сои, А., ферм.); «Вот я сейчас с инвестором разговаривал, который готов был обеспечить, там, купить технику, комбайны... вот земля теперь. Земли нет» (смешанное производство, Н., ферм.); «У нас тем более так получилось, что земли вокруг села скупил другой хозяин, то есть получается, что, хозяйка не те предприятия, которые держат [скот], а другие. Там какой-то конфликт получился, и с землей проблемы. Земель много, а трогать их нельзя... Да, нельзя, те и предупредили, что только сунуться туда, на пустые земли, на неоформленные никем земли, мы вас затаскаем по прокуратурам» (смешанное производство, А., ЛПХ.).

Впрочем, это противоречие может быть объяснено следующим. Во-первых, пустующие земли сельскохозяйственного назначения, конечно есть, но они часто принадлежат неэффективному собственнику; т.е. в виде паев находятся у бывших участников коллективных (совместных) хозяйств или скуплены с целью извлечения прибыли в недалеком будущем.

«А сейчас, видимо, как-то людям деньги надо куда-то вложить и они надеются что [земля] будет потом какой-то доход приносить и вот скупили людские паи. У нас людские паи были по 15 га. И вот они скупили и оформили эту землю» [производство молока, ЛПХ, ф.-г.].

Во-вторых, из-за отсутствия комплексных мероприятий по улучшению земель (мелиорации), из-за их заброшенности в течение продолжительного времени, пашня потеряла свои качества и требует существенных инвестиций в ее разработку, что, как правило, не под силу отдельным небольшим хозяйствам:

«Проблема номер один – нет земли нормальной» [производство сои, А., ферм.].

«Земля уже не обработанная, давно уже, ее надо пахать пару раз как минимум, полностью...» [смешанное производство, Н., ферм.].

С проблемой обеспеченности земель тесно связана и проблема сложности процедур оформления и регистрации прав на земельные участки.

«Мне лично самому... тяжело... вот я недавно сдал заявление в администрацию Благовещенского района, запросил у них семьсот двадцать гектаров брошенных земель. Я хочу соей заняться. Ну, там, видите, везде свои нюансы. Сначала делается схема, подается вместе с заявлением, потом месяц рассматривается. Потом... Все вместе если посчитать? Я полгода могу просто потерять. Это учитывая – я пока изготовил схему, подал заявление, там месяц рассматривается, они согласились, например, дали добро, обратно в межевой отдел, да, в межевую организацию, они выбрали какой-то момент и выехали туда, все размежевывали, сделали мне межевой план. Я пошел в кадастровую, там еще месяц... ну и без хорошего специалиста это не сделать. То есть мне самому можно разобраться, но тогда моя работа

– *ее кто-то другой должен делать*» [смешанное производство, Н., ферм].

В последние годы сельское хозяйство активно субсидируется, и это — долгожданная мера, однако эффективность этих мер господдержки вызывает сомнения и вновь, похоже, формирует ловушки, попадание в которые закрепляет неэффективность аграрного производства и развивает неформальную экономику.

«У нас программа развития АПК именно нацелена на развитие и поэтому, если ты покажешь снижение площадей, ты пролетаешь мимо всей господдержки. Вроде как люди разумные и понимаем, зачем я буду показывать снижение и пролетать мимо господдержки... если я покажу хотя бы такую же площадь. Я покажу такую же площадь, но она реально ниже, чем у меня на поле посажено. Понимаете, что допустим какое-то время назад, я очень сильно развил площадь под картошку. Т. е. у меня реально было больше ста гектар под картошку, реально у меня у одного без всякой кооперации. Но поработав несколько лет, я понял, что это мне не надо. У меня попался хороший покупатель, ... который у меня приобрел часть мощностей, т. е. картофелесажалок, культиваторов, комбайнов, семян. И я сразу сократил реальную площадь от того момента в три раза. Но, чтобы не пролетать мимо субсидий, фактически стараюсь статистику не портить» [производство картофеля, Е., ферм]

«Вот сегодня я сдаю мясо, потом в статистике укажу, сколько я продал, там совру, понимаете? Я могу соврать, легко. Взять сказать в статистику: «я продал 10 тонн мяса». Никто не проверит. А я получу дотации 18 рублей за килограмм ... Как Вы проверите? Ну, у меня было до этого поголовье в 100 голов, стоит, ну да. Вот умножьте на 100 килограмм, 10 тонн получится. Я всё продал. Кто проверит? ... дается-то форма: сколько вы реализовали, без всяких документов. Он скажет: «20 тонн». 30 тонн можно написать» [производство мяса, С., ферм].

«Я 2 года не могу получать никакой поддержки. У меня хозяйство — смотрите, проверяйте. Никуда ничего не скроешь. А их-то никто не контролирует. А он получал, подоил летний период, летом корова больше молока дает, чем зимой. А зимой надо кормить. Летом пастухам по 200 рублей заплатили и все. Каждый

день доили и сдавали мне же, деньги получали. А зимой надо ухаживать, зимой 40 градусов мороз, на каждую корову 3-3,5 тонны сена надо. Вот он не покупает, он продал опять корову или на мясо сдал. Зато субсидию на молоко получил!» [смешанное производство, Ш., ферм].

Наконец, существует проблема рабочей силы. Хотя она по-разному влияет на разные виды аграрного бизнеса. Практически не влияет на производство в ЛПХ, где работают члены одной семьи.

КФХ, занятые в производстве картофеля, сои решают проблему, имея небольшие коллективы постоянных рабочих и привлекая на сезонную работу лиц, не имеющих постоянного места работы.

«Сейчас у фермеров свой костяк рабочих – 10 основных и 20 сезонных. Сезонные – это местное население, такое которое в основном нигде не работает. Зарплата у рабочих нормальная, основные зарабатывают хорошо» [производство сои, А., ферм.]; *«Какие есть проблемы – это люди, которые, понятно, и пьют, и на работу не ходят. У нас они в принципе сезонные нужны, поэтому решать проблему можно»* [производство сои, Ф.Г., ферм]; *«[А с людьми у вас как? Откуда набираете? Местных?] А нас немного работает... 3 механика. Местные, ... ну на барже один человек... А так на копку картошки – тоже местных на время набираем... Продали картошку – рассчитались... И все...»* [производство овощей, К., фермер]. *«У меня всего 40 га, 20 га пашни и я практически всю механизацию, весь механизм работы, я делаю все сам»* [производство картофеля, Ю., ферм].

Но трудозатратные виды растениеводства (например, производство огурцов, помидоров, зелени и т. п.), животноводство требуют ежедневного и дисциплинированного труда.

«У нас колоссальное отсутствие трудовых резервов. Колоссальное, ... у нас некому работать» [производство овощей, Р., ООО, М].

«Рабочая проблема очень сильная. Вот контингент хороший, они работают, а кто с этим делом, им работать негде. Допустим, а ты берешь его на работу, 2-3 дня, 5 дней нормально работал, как деньги попали в руки, все. В запой ушел, неделю не

увидишь, то бегай солому раздавай коровам, то воду дай... С рабочими очень трудно» [смешанное производство, Ш., ферм].

«И, кроме этого, у нас в пограничной зоне фермерское хозяйство, и туда... ну, там нету толком рабочей силы. Если рабочая сила есть — то это городские или еще, скажем так, с южной стороны, с Тамбовской... Им надо пропуск оформлять, а пропуска — это долго. Лишние вопросы, лишние бумаги... В пограничных зонах ... там проблема — первая проблема — это по рабочим силам» [смешанное производство, Н., ферм].

В этой ситуации нередко единственным выходом становится использование труда иностранных, и преимущественно китайских, рабочих.

Использование китайского труда в сельском хозяйстве Амурской области: статистические свидетельства

Относительно адекватное статистическое наблюдение за трудовыми мигрантами в РФ началось после 2002 г., хотя и эти данные не полны и количество неформально занятых в России трудовой деятельностью иностранных граждан остается значительным¹⁷. В таблице представлены данные о пространственном распределении легальной китайской рабочей силы в регионах РФ после 2000 г.

Очевидно, что в приграничных регионах в структуре привлекаемой из-за рубежа рабочей силы преобладают китайские граждане. Доля китайских трудовых мигрантов в приграничных регионах по отношению к китайским трудовым мигрантам в РФ в целом подтверждает, что пространственно китайская рабочая сила смещена к востоку страны.

¹⁷ Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. Доступно он-лайн http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_09/sod_r.html. Дата последнего обращения — июнь 2012.

Таблица 1. Пространственное распределение импорта китайской рабочей силы

	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009
в целом по РФ:							
иностранные трудовые мигранты, тыс. ч.	701,7	935,7	1135,1	1302,8	1863,3	2545,8	2346,2
в т. ч. из КНР, тыс. ч.	26,2	94,1	160,6	210,8	228,8	281,7	269,9
иностранные трудовые мигранты из КНР в % к общему количеству трудовых мигрантов	3,7	10,1	14,1	16,2	12,3	11,1	11,5
иностранные трудовые мигранты в % к экономически активному населению	0,8	1,0	1,2	1,4	2,0	2,7	2,5
китайские трудовые мигранты в % к экономически активному населению	0,03	0,10	0,17	0,23	0,24	0,30	0,29
по совокупности приграничных с КНР регионов:							
иностранные трудовые мигранты, тыс. ч.	23,7	49,0	64,6	96,2	119,0	137,4	135,1
в т. ч. из КНР, тыс. ч.	11,7	31,5	42,4	65,2	74,9	84,9	71,5
китайские трудовые мигранты в приграничных регионах в % к китайским мигрантам в целом по РФ	44,7	33,5	26,4	30,9	32,8	30,1	26,5
китайские трудовые мигранты в % к общему количеству трудовых мигрантов	49,1	64,4	65,7	67,8	62,9	61,7	52,9
иностранные трудовые мигранты в % к экономически активному населению	0,8	1,7	2,2	3,3	4,1	4,6	4,5
китайские трудовые мигранты в % к экономически активному населению	0,4	1,1	1,5	2,3	2,6	2,8	2,4
в т. ч. китайские трудовые мигранты в % к экономически активному населению по отдельным регионам:							
Забайкальский край	0,1	1,5	2,2	3,1	4,3	5,0	3,2
Амурская область	0,1	1,4	2,0	3,0	4,4	5,4	4,6
Еврейская АО	1,0	3,4	4,2	7,0	5,4	7,4	6,2
Хабаровский край	0,3	0,4	0,5	0,7	1,2	1,4	1,5
Приморский край	0,7	1,1	1,4	2,3	1,7	1,4	1,4

Рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. Доступно

он-лайн: www.gks.ru. Дата последнего обращения – ноябрь 2011

В таблице 2 представлены данные о доли трудовых мигрантов, занятых в сельском и лесном хозяйстве, в приграничных с Китаем регионах, в сравнении с аналогичным показателем в среднем по России. Из-за введенных ограничений на вывоз леса, занятость в этом виде деятельности значительно сократилась в 2008 и тем более в 2010 г. Следовательно, доля занятых в 2010 г. отражает именно занятость трудовых мигрантов в сельском хозяйстве, которая в приграничных с Китаем регионах существенно выше занятости в этом виде деятельности в целом по стране. В регионах с ярко выраженной аграрной специализацией доля занятых в сельском хозяйстве исключительно велика: 34% в Амурской области и 53% в Еврейской АО. Что косвенно подтверждает данные качественного исследования о необходимости использования труда иностранных граждан в сельском хозяйстве.

При этом обращает на себя внимание сокращение доли (также как и абсолютных цифр) по использованию иностранного труда в сельском хозяйстве в 2010 г. по сравнению с 2008 г. Что соответствует информации наших респондентов о давлении со стороны региональных властей к сокращению иностранцев, занятых в сельском хозяйстве и значительном уменьшении квоты.

Таблица 2. Доля трудовых мигрантов, занятых в сельском и лесном хозяйстве, в процентах по отношению к общему количеству трудовых мигрантов, занятых в экономике, %

	сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		
	2006	2008	2010
Российская Федерация	7,2	6,6	9,1
Забайкальский край	7,4	23,2	19,1
Приморский край	1,0	13,8	16,5
Хабаровский край	14,1	30,8	11,8
Амурская область	16,0	47,1	34,1
Еврейская АО	3,0	56,3	53,2

Рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость, 2007; 2009; 2011. Доступно он-лайн www.gks.ru. Дата последнего обращения – ноябрь 2011.

Механизмы извлечения административной ренты и конкуренция в сельском хозяйстве

На привлечение китайской рабочей силы установлены ограничения, и далеко не каждый фермер имеет возможность эти ограничения преодолеть.

«Вот с рабочим очень трудно, пытался китайцев взять, не знаю, что-то не получилось. [А почему?] Ну не знаю, говорят квоты нет, не знаю, все дальше не интересовался уже» [смешанное производство, Ш., ферм].

«Из 50 человек, 30 человек это были иностранные рабочие. Два года как мы лишились права привлекать иностранную рабочую силу и с тех пор мы соответственно снижаем площади под бахчевыми, снижаем площади под овощами, снижаем площади под защищенным грунтом» [смешанное производство, Е., ферм].

Барьеры привлечения китайской рабочей силы становятся, по мнению участвовавших в исследовании сельхозпроизводителей, механизмом извлечения административной ренты для тех, кто обладает правом распоряжаться соответствующими квотами.

«Плохо говорить, но часть чиновников, которые... эээ... ну они куплены. Вот представьте себе, что у нас квота в прошлом году была 100 человек, в этом году где-то 120 человек, но что такое 120 человек китайцев квота в сельском хозяйстве? Мы говорим: «Ребята, давайте за нулевую квоту», ну не делают погоду эти 100 человек китайцев, но зато для нас китайцы все на одно лицо. В квоте у нас 100, а трудятся у нас тысячи китайцев, я говорю, давайте мы квоту «занулим», и вот каждый китаец, который будет на поле, это уже будет нелегальный китаец 100%. Но не хотят... потому что кто-то где-то там имеет финансовые эти самые, потому что за счет этого, решают финансовые проблемы» [производство картофеля, Ю., ферм].

Как мы уже писали¹⁸, существует большое количество причин, из-за которых самостоятельное использование китайских рабочих затруднено. Это и языковой барьер, и низкая мобильность персонала с низким уровнем образования и квалификации. Поэтому использование китайских рабочих в основном происходит через выстроенные сетевые каналы, через «бригадира»:

«Но китайский рабочий, он будет работать только под китайцами, он не будет под русскими работать. Ему нужно, чтоб хозяин был, который. Я знаю абсолютно аспекты другие, что их потом палкой не выгонишь, у них контракт, он лежит тупо, ничего не делает, а ты деньги должен платить. А он тупит: ничего не понимаю, ничего не знаю. Есть и такие. И будешь вокруг них бегать с дубиной. Так же подгонять, только развернулся, а он опять ничего не делает» [производство мяса, С., ферм].

Впрочем, привлечение бригадира фактически означает вступление в партнерские отношения с китайским предпринимателем, вход которого на рынок иначе ограничен как минимум необходимостью получать РВП (что обсуждалось выше), но также и необходимостью выполнения множества других процедур (самой сложной из которых является покупка/ аренда земли):

«Правда, если с бригадиром, но это... знаете бригадир — это уже другой порядок расчета. Это уже как бы партнер. Ну и по такому и даже не по такому, а совсем по другому, прямо скажем, пути, многие идут. То есть он на машине приехал. Обозрел свои владения. То есть ему даже туфлю не надо в навозе вымазать. Просто деньги забрал. Или ему привезли. То есть на него просто земля оформлена. А все остальное ... ну все об этом знают, да?» [смешанное производство, Н., ферм].

«С китайцами было бы, может и проще — но нам китайцев не дают. С другой стороны с китайцами могут работать только китайцы — т. е. надо брать китайского партнера. А он нам не нужен, у нас нет проблем с машинами, с деньгами для оборота, ... а если так китайцев взять, то намучаешься — они могут лечь

¹⁸ Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009.

и лежать и не ходить на работу, говорить, что ничего не понимают. Да и стоить они будут не дешево!» [производство сои, ф.г., ферм].

«То есть, в большинстве, 90% случаев, которые я знаю, кто бы что не говорил, идет разговор о том или ином сотрудничестве. Т. е. фермер предоставляет земельный участок, оказывает помощь техникой, которая у него есть и решает ряд каких-то вопросов, которые необходимо решить с рабочими. Т. е. в расцвет нашего сотрудничества с китайцами, когда у нас это было, т. е. я вот тут как раз напротив миграционной службы, постоянно здесь решался вопрос о провозке иностранной рабочей силы, по ее обеспечению всем необходимым по ее работе по всему. Ну, естественно, фермер ведет и какие-то самостоятельные работы и также непосредственно вся эта ответственность весь документооборот лежит на нем» [смешанное производство, Е., ферм].

«Так смотрите, я Вам сказал, пожалуйста, пусть будут рабочие, но не хозяева, ведь получается как, значит, на этом деле, просто люди делают хороший бизнес. Человек... один... имеет право, значит, распоряжаться землей, т.е. вот сейчас, там, допустим, учет ведется ... ага... столько-то долей там уже не востребовано, значит, это перейдет, допустим, в сельские администрации там, раньше этим область руководила, или район. Вот. Кто-то имеет право дать в аренду землю. Второй человек, который просто хотел бы заработать, ну организовать, чисто заработать, даже не организовавая. Вот есть у Вас земля, я к Вам прихожу и говорю, дайте, пожалуйста, 200 га земли. Зачем? Я привезу китайских рабочих, и они будут заниматься сельхозпроизводством. Вот он завозит, ... но не он хозяин там. Он ставит китайского бизнесмена там...предпринимателя... ну как его назвать? Вот. Все» [производство овощей, Н., ферм].

Таким образом, в соответствии с аналитической схемой исследования, «охранник на входе» (или актер «С») ограничивая доступ к получению китайской рабочей силы для одних сельхозпроизводителей («В»), распределяя земельные ресурсы

в соответствии со своими приоритетами и предоставляя права ввоза китайских рабочих бизнесу («А»), создает для первых жесткие конкурентные условия, а вторых наделяя почти монопольными преимуществами:

«Я завидую N., что у него работают китайцы. И что? Он ничего не делает, он одел белую рубашку, на ... ездит. Приехал, китайцы выскочили, ноги облизали, ручки поцеловали, деньги отдали, он поехал домой» [производство мяса, интервью, ферм].

«Я много искал себе компаньонов, партнёров. Нужна производственная база, тут нужны какие-то родственные отношения, как вот произошло у нас в N-ске. Там китаец женат на дочке фермера, и он раз, раз организовал, китайцев привёз, какие-то такие моменты. ... А чем я? Тут, понимаете, тоже моменты такие» [смешанное производство, интервью, ферм].

С другой стороны, китайские предприниматели, имея «монопольное право» на использование труда своих соотечественников, вступают в договорные отношения с тем же бизнесом («А»), в результате бизнес («В») «страдает» не только от непреодолимых барьеров, которые выставляет «охранник на входе», но и от «китайского присутствия». Разобранная схема бизнеса свидетельствует, что причины деформализации бизнеса и получения «меж-этническими» бизнесами конкурентных преимуществ – в жестких барьерах, но большинство опрошенных фермеров сетовало на жесткую конкуренцию с китайскими бизнесами.

«Так вот, для того что бы хотя бы остановить, да сегодня уже и картофель, с картофелем проблемы стали. Ведь сегодня в чем? ... если китайцы раньше все завозили, как бы от себя, то сегодня они начали производить (производство картофеля, интервью, ферм.)

«Сейчас наши фермеры объединяются против китайских, получается, что против своих, но за ними стоят китайцы (китайские деньги)» (производство картофеля, интервью, ферм.)

«Но уже сегодня, те же самые китайцы, нас настолько уже сжали, что мы уже готовы, как говорится, руку жать и говорить: ладно, нам все равно жить-то надо, либо мы с тобой объединимся, либо мы с тобой исчезнем. Так вот страх исчезнуть, заставляет нас объединяться» (смешанное производство, интервью, ферм.)

Заключение

В начале работы речь шла о политэкономических противоречиях, в которых оказываются региональные власти, принимая решение о том, ужесточать ли барьеры, отвечая на запросы центра или снижать их, следуя интересам локальных бизнесов. Теоретически ситуация может быть противоположной – когда центральные власти ориентированы на привлечение мигрантов, а региональные власти, испытывая давление региональных элит, будут стремиться снизить количество привлекаемой иностранной рабочей силы. Важно при этом, что и сами региональные власти оказываются, своего рода, «бизнесом» в модели триады власти. Они увеличивают выгоды (становятся бизнесом «А», получая субсидии, принимая крупные инвестиции на реализацию национальных проектов и т.п.) или снижают их (то есть становятся бизнесом «В»), в зависимости от того, в какой мере они признают правила игры, установленные «С». Ущемление интересов «В» происходит из-за того, что бюджетные доходы, перераспределяемые на реализацию национальных проектов и прочих выгод для «А», формируются за счет всех регионов.

«Китайский» торговый центр: эффекты запрета

С 2007 года допустимая норма иностранных торговцев на розничных рынках в России составляет ноль процентов. Очевидно, что запрет на торговлю иностранцев должен был повлечь за собой исчезновение этнически маркированных, «мигрантских» рынков. На Дальнем Востоке — это «китайские» рынки, которые, как и везде, появились в начале 1990-х годов и просуществовали до наших дней. Артикулированных мотивов введения запрета было несколько. Во-первых, это освобождение рабочих мест для местного населения (политически популярный тезис). Во-вторых, переход к более цивилизованным форматам торговли и попытка решить множество проблем, связанных с «этническими рынками» в России (нарушение санитарных норм, криминальность рынков, малая прозрачность бизнеса и др.²). И, в-третьих, новая попытка урегулировать ситуацию с неформальным оборотом. Последний вызвал наибольшее количество дискуссий, поскольку в данном случае проблемы теневого оборота решались с помощью инструментов миграционной политики, а не экономическими методами регулирования.

Однако были ли достигнуты ожидаемые результаты?

Предметом настоящего исследования являются итоги запрета на торговлю иностранцев на рынках на примере одного региона. Мы предлагаем последовательно в соответствии с представленными выше мотивами рассмотреть, что произошло после введения нулевой квоты в одном из приграничных регионов Дальнего Востока — Амурской области.

¹ Журавская Татьяна Николаевна — младший научный сотрудник Амурской лаборатории экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН, старший преподаватель Амурского государственного университета, Благовещенск

² См. об этом, например: Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4.

Эмпирическая база исследования

Исследование проведено по методологии case-study. Выбор в пользу такого подхода обусловлен специфичностью самого объекта исследования. Этнически маркированные места торговли невозможно идентифицировать с помощью доступных статданных. Здесь необходимо понимание существующих связей, особенностей ситуации. Кроме того, «китайские» рынки и торговые центры распространены далеко не на всей территории страны, по мнению экспертов, они «концентрируются» в восточных территориях. Существенно отличается ситуация и на локальных рынках труда, различен уровень развития бизнеса и конкуренции. К оценке неформального оборота также следует подходить осторожно, не зная особенностей статистического учета не просто в стране, но даже в конкретном регионе. Также интерес представляют сами схемы и стратегии акторов³.

В качестве исследовательского кейса выбран один из приграничных регионов Дальнего Востока – случай Амурской области. Как и во многих других регионах, здесь в 1990-е гг. широкое распространение получила «челночная торговля», чему способствовало отсутствие значимых производств и упадок основных отраслей хозяйства⁴. Благовещенск (областной центр) соседствует с Хэйхэ, в котором действует приграничная зона «Хуши», направленная на стимулирование развития «народной торговли» в Китае (эквивалент «челночного бизнеса», специальные условия для жителей приграничной территории). Трансграничное положение⁵ Благовещенска привело к быстрому заполнению рынка импортом, в город потянулись

³ Об особенностях и границах метода см., например: Platt J. What can case study do? // R. Burgess (ed). *Studies in Qualitative Methodology*. 1988. № 1; Ragin Ch. Becker H. (ed). *What is a cases: Exploring the foundations of social inquiry*. Cambridge, 1992; Козина И. Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10-11.

⁴ Рыжова Н.П. Благовещенск – форпост российской империи или зона свободной экономики? // Дятлов В.И., Рязанцев С.В. (ред.). *Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказ*. М., 2005.

⁵ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Барнаулина Т., Карпенко О. (ред.). *Миграция и национальное государство*. СПб., 2004.

покупатели из других городов, а потом и из других регионов. Благовещенск стал «городом-купцом», «воротами» России в Китай⁶. Закономерно, что одной из форм торговли в регионе стали «китайские» рынки, а затем и «китайские» торговые центры.

Под «китайским» торговым центром в статье понимается торговое предприятие, в котором осуществляют торговлю граждане КНР товарами производства КНР. При этом это означает лишь преобладающее число граждан КНР и вовсе не исключает присутствие граждан других государств. В отличие от «китайских» рынков, юридически такие объекты (это капитальные строения) имеют статус магазина, где торговые места предоставляются по договору аренды.

Источниками данных послужили материалы наблюдений за практиками торговли в 2008–2011 гг. в Благовещенске, данные Росстата, таможенная статистика, материалы сайта информационного агентства «Амур.инфо»⁷ (главным образом, обсуждение в блоге В. Злочевского), результаты инициированной темы форума на сайте «Чита.ру»⁸, интервью с жителями Екатеринбурга⁹. Также были рассмотрены основные законодательные акты РФ, касающиеся привлечения иностранных граждан на работу и правил пересечения границы физическими лицами.

Освобождение рабочих мест?

В структуре занятости экономики Амурской области *торговля стабильно занимает первое место* — около 20% занято в оптовой и розничной торговле и ремонте бытовых изделий уже более 5 лет. Однако *уровень оплаты труда остается практически самым низким*, опережая только доходы работников

⁶ Журавская Т.Н. «Зона свободной торговли»: конкурентная ситуация и деловые стратегии игроков на локальном рынке г. Благовещенска// Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1.

⁷ <http://www.amur.info/>

⁸ <http://www.chita.ru/forum/> (раздел форума «Новости нашего города», пост «Китайские рынки Читы», сентябрь 2011 г.)

⁹ Данные о других регионах использованы для подтверждения некоторых выводов.

сельского и лесного хозяйства (занятость 10-13%), текстильного и швейного производства, химического производства (совокупная занятость около 10%). Причем в розничной торговле заработная плата ниже, чем в среднем по отрасли, и составляет примерно половину средней заработной платы по области (табл. 1).

Таблица 1. Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата работников предприятий торговли и сельского хозяйства Амурской области, руб.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата в целом по видам экономической деятельности	9391,8	11110,8	13534,4	16665	19019	21204,4
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4296,6	4852,9	6282,4	8122,7	9900,6	11978
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	5830,5	6831,1	8013,3	10417,6	11308,3	12596,4
розничная торговля	5171,5	6635,0	7235,6	8614,3	9884,2	11491,1

Источник: Амурская область в цифрах: Краткий статистический сборник / Благовещенск: Амурстат, 2011.

Несмотря на наибольшую долю в структуре занятости, *спрос на рабочую силу в отрасли остается высоким*. Так, число заявленных вакансий работодателями (всего с начала года) в 2008 г. — более 13 тысяч. Это второе место по числу вакансий (в строительстве — более 16 тысяч мест). В 2009 году число заявленных вакансий в торговле составило около 12 тысяч, в строительстве — более 22 тысяч и 18 тысяч в сельском и лесном хозяйстве¹⁰.

Учитывая сложившуюся ситуацию, трудно понять мотивы местных властей, утверждающих квоту на привлечение иностранных граждан. Низкая оплата труда в случае работы на рынке *усугубляется и более тяжелыми условиями работы*, особенно в

¹⁰ Труд и занятость в Амурской области. Ст. сб. 2008–2010. Благовещенск.

холодное время года. В работах М. Ильиной и В. Ильина, В. Титова, А. Яковлева, В. Голиковой, Н. Капраловой и В. Фаузера¹¹ описаны мотивы прихода на рынок. Так, в конце 90-х основной мотив прихода на рынок — это отсутствие других вариантов трудоустройства. Многие рассматривали это как временный заработок, способ преодолеть финансовые трудности. Немалую роль играло и желание накопить некоторый капитал для дальнейшего развития бизнеса, оплаты учебы, отпуска, приобретения недвижимости. Условия работы на рынке более половины оценивали как тяжелые, высказывали желание сменить место работы. В середине 2000-х гг. прийти на работу в качестве предпринимателей, а не продавцов, стало сложнее, на рынках стало больше студентов и тех, кто желал накопить первоначальный капитал для дальнейшего роста. Исследование в конце 2000-х гг. в Сыктывкаре показало, что большая часть пришла на рынок по причине низкой заработной платы на прежнем месте работы и невозможности устроиться по специальности. Все эти примеры свидетельствуют о том, что мотивация прихода на рынок скорее *вынужденная*, чем добровольная.

По понятным причинам, большую часть привлекаемых иностранных работников составляют граждане КНР (более 70%). В структуре привлекаемой ИРС области за 2000–2009 гг. доля китайцев в торговле составляла от 2 до 27%, в общей численности ИРС из КНР — от 11 до 48%. Однако в целом по отрасли доля китайцев никогда не превышала 6% (табл. 2). Более того, учитывая специфику расчета показателя ИРС («всего работало»), когда суммируются все иностранные работники на начало года и все те, кто прибыл в течение года, без учета бывших, их доля в структуре занятости должна быть еще меньше, поскольку часть из них подверглись двойному учету¹².

¹¹ Ильина М., Ильин В. Торговцы городского рынка: штрихи к социальному портрету// ЭКО. 1998. № 5; Титов В.Н. Вещевой рынок как социальный институт// Общественные науки и современность. 1999. № 6; Яковлев А., Голикова В., Капралова Н. Открытые рынки и «челночная» торговля в российской экономике: вчера, сегодня, завтра (по материалам эмпирических исследований 2001–2005 гг.)// Препринт WP4/2006/0. Серия WP4. «Социология рынков». М, 2006; Фаузер В.В. Кто и почему работает на городском рынке// ЭКО. 2007. № 9.

¹² Чудиновских О.С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы// Вопросы статистики. 2010. № 6.

Таблица 2. Структура и динамика занятости ИРС из КНР в торговле в Амурской области

Год	Всего ИРС, чел.	ИРС из КНР, чел.	ИРС из КНР в торговле, чел.	Доля ИРС из КНР в торговле в общей численности ИРС, %	Доля торговли в структуре привлеченной ИРС из КНР, %	Среднегодовая численность занятых в торговле, тыс. чел.	Доля ИРС из КНР в торговле, %
2000	3759	468	77	2,0	16,5	62,7	0,1
2001	4166	626	98	2,4	15,7	79,5	0,1
2002	6439	2397	1026	15,9	42,8	80,5	1,3
2003	9233	5237	2502	27,1	47,8	81,0	3,1
2004	9120	5907	2268	24,9	38,4	84,5	2,7
2005	13042	8390	2433	18,7	29,0	84,3	2,9
2006	18454	13129	3322	18,0	25,3	83,3	4,0
2007	26671	19452	4863	18,2	25,0	83,8	5,8
2008	31319	23567	4171	13,3	17,7	83,6	5,0
2009	27948	20067	2167	7,8	10,8	77,5	2,8

Составлено и рассчитано по: Миланин Г.Б., Л.А. Путько Л.А. Проблемы занятости и безработицы в АО: Зап./Амурстат. Благовещенск, 2005; Проблемы занятости и безработицы в АО: Зап./Амурстат. Благовещенск, 2008; Амурский статистический ежегодник 2010: Стат. сборник/Амурстат. Благовещенск, 2010.

Как видно, значительный рост привлечения китайцев в торговлю произошел в 2002 году. В это время были приняты ФЗ РФ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и постановление правительства РФ «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу», в котором, в частности, устанавливалось, что работодателем или заказчиком может выступать также иностранный гражданин, зарегистрированный в России в качестве предпринимателя. Однако максимальная доля ИРС из КНР в структуре занятости в отрасли приходится на 2007, а вот в 2009 и доля,

и фактическое число китайцев в торговле сократилось почти вдвое (согласно утвержденным квотам). Зато резко увеличилось число малых предприятий в торговле (табл. 3).

Таблица 3. Динамика числа малых предприятий в торговле и доля оборота на розничных рынках Амурской области

Год	Число малых предприятий в торговле	Доля торговли в ИРС из КНР, %	Доля розничного товарооборота на рынках и ярмарках, %
2000	1742	16,5	60,5
2001	1706	15,7	54,4
2002	1206	42,8	41,0
2003	871	47,8	34,6
2004	831	38,4	26,8
2005	900	29,0	22,6
2006	900	25,3	20,6
2007	1800	25,0	10,8
2008	2300	17,7	9,7
2009	2200	10,8	10,0

Источник: Амурская область в цифрах: Краткий статистический сборник / Благовещенск: Амурстат, 2011.

Это может свидетельствовать об увеличении числа фирм, зарегистрированных на подставное лицо. Как и снижение числа малых предприятий в 2003 году в результате законодательных изменений. На 1,8 тысяч выросло и число индивидуальных предпринимателей в торговле за 2006–2007 гг.¹³ Интересно и то, что динамика привлечения китайских торговцев мало связана с долей оборота на розничных рынках и ярмарках. Наибольшая доля оборота на рынках пришлась на 1999 год – 65%, что сравнимо с долей оборота на рынках северокавказских республиках (!)¹⁴. Статистика, к тому же, не учитывает и тех туристов, которые реально торговали на рынках по гостевой визе.

¹³ См. например: Михайлова Е., Тюрюканова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов // Витковская Г., Платонова А., Школьников В. (ред.). Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика. М., 2009.

¹⁴ Торговля в России. 2009: Стат. сб. М., 2010.

Число розничных рынков сокращается по двум причинам: 1) законодательные ограничения, направленные на «цивилизацию» торговли и 2) конкурентное давление со стороны крупных сетевых ритейлеров¹⁵. Так, в Амурской области с 2006 по 2010 год число рынков сократилось с 78 до 9, а число торговых мест на рынках — с 10648 до 1262. Фактически, в центре города были построены 2 торговых центра «XL» и «Три кита», которые стали «китайскими» (по сути — вещевыми рынками). В этом же районе города уже работали еще два «китайских» торговых центра, более специализированные — «Атик» (продажа светильников и сотовых телефонов) и «Каньон» (продажа сантехники). Но об этом немного позже.

Несмотря на сокращение торговых мест на рынках, не все они используются. В целом по РФ в 2007 г. фактически использовалось 78,9% мест, в 2008 — 78,2%. В Амурской области эта цифра еще ниже: 76,4% в 2007 и 67,4% в 2008¹⁶. Подобная статистика должна свидетельствовать о правильном курсе (судя по всему, предприниматели предпочитают торговать в магазинах). Однако на практике в Амурской области происходит «выдавливание» мелких предпринимателей, а не иностранных торговцев. Кроме того, с 2005 г. основным работодателем для иностранных продавцов было муниципальное предприятие «Городской Деловой Центр», в 2007 г. ситуация изменилась, поскольку китайцы «переехали» в торговый центр с частной формой собственности. По этому поводу шло активное обсуждение на форуме «Амур.инфо»¹⁷:

«По мнению гор. Администрации, мы там стояли незаконно [речь идет о районе Центрального рынка]. Решили нас убрать, поставить других. Полтора месяца — август, сентябрь — предприниматели, не видя свои детей, ночевали уже холодными ночами в палатках, чтобы на их местах не установили "купавы". Сегодня в этих "купавах" торгуют вьетнамцы бюстгальтерами, лица кавказских национальностей б.у. телефонами. С улицы Пионерской тоже убрали предпринимателей, в результате 4 года стояли китайцы на наших местах, но при этом их никто не видел. (...)

¹⁵ См. об этом: Радаев В.В., Котельникова З.В. (ред.). Организационные формы и конкурентные стратегии в российской розничной торговле (региональный аспект). М., 2008.

¹⁶ Торговля в России. . .

¹⁷ Блог В. Злочевского, пост от 8 дек. 2010. «Конец торговли гражданам КНР», <http://blogs.amur.info/zlochevsky/1567.html>

Потом у нас начались нехорошие отношения с «ДТК1». (...) Сегодня нам предлагают торговые места на задворках. В узком проходе между ТЦ «Россия» и «Россиянин». (...) Нам предлагают занять места, где доход будет идти частному лицу. И мы на этих местах будем банкротами стоять в подворотне, окруженные со всех сторон т. центрами с китайцами»¹⁸.

Этот же автор комментария добавил, что вынужден обращаться 2 раза в год, чтобы отстоять свое место. Важно и то, что обсуждение по этому поводу длилось почти год (учитывая продолжительность постов). Однако, этот процесс, как и вопрос о подставных лицах в торговле, требует дополнительного, специального изучения. В данном тексте важно зафиксировать эти процессы как возможные альтернативы озвученным мотивам об освобождении рабочих мест, призывая к осторожному оперированию статданными.

Таким образом, сокращение квоты и фактического числа ИРС из КНР в торговле не дало ожидаемого эффекта на рынке труда Амурской области. Более того, в 2010 г. численность работников в отрасли сократилась на 6000, хотя число китайцев уменьшили вдвое. Сохраняется высокий спрос на рабочую силу в отрасли, низкий уровень оплаты труда. К тому же, пострадали мелкие предприятия торговли. Выиграла ли вторая сторона – потребители?

Изменение формата торговли

Распространенное мнение о том, что рыночный бизнес – самый непрозрачный, в случае с благовещенским рынком себя не оправдало. В связи с изменяющимся законодательством, в городе были построены два торговых центра – «XL» и «Три кита», в которые и переехала торговля с городского рынка. Но в новые здания переехали не все. Если раньше на рынке торговали и иностранцы, и российские граждане, то теперь эти торговые центры стали только «китайскими», за исключением цокольного этажа в одном из центров, где разместились офисы и продуктовый магазин. В преобразовании формата прежде всего были заинтересованы инвесторы из Китая. Китай-

¹⁸ Из комментариев в блоге В. Злочевского от 29 янв. 2011.

ские инвестиции в экономике региона занимают очень малую долю, однако динамика поступления средств не нуждается в комментариях (табл. 4).

Таблица 4. Структура и динамика поступления инвестиций из КНР в Амурскую область, тыс. долл.

	2006	2007	2008	2009	2010
Инвестиции из КНР, всего	2089,4	2902,73	4731,91	7277,09	10149,8
В т. ч. оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств	900,52	2128,74	145,83	0	100,33
Доля от всех инвестиций из КНР	43,1%	73,3%	3,1%	0	1%

Источник: Амурская область в цифрах: Краткий статистический сборник / Благовещенск: Амурстат, 2011.

Важно и то, что существенно изменилась структура экспорта услуг региона. За период с 2000 по 2009 гг. до 2006 г. экспорт услуг по коммерческой аренде (услуги по предоставлению аренды нежилого фонда — торговых мест) всегда превышал экспорт других услуг. А вот в 2007 г. доля коммерческой аренды резко сократилась в пользу роста экспорта транспортных услуг. Дело в том, что ранее услуги по аренде торговых мест на рынке предоставляло муниципальное предприятие, а с 2007 г. эта сфера перешла в частные руки. В результате поступления сократились в 2007 г. по сравнению с 2006 в 4 раза и в 2008 по сравнению с 2009 — еще в 4 раза¹⁹. Это говорит о том, что изменился механизм предоставления торговых мест в торговых центрах, и, вопреки ожиданиям, стал менее прозрачным.

Росстат дает определение того, что попадает под категорию «розничный рынок»: *«Розничный рынок — имущественный комплекс, предназначенный для осуществления деятельности по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на основе свободно определяемых непосредственно при заключении договоров розничной купли-продажи и договоров бытового подряда цен и имеющий в своем составе торговые места»²⁰.*

¹⁹ Рассчитано по: Амурская область в цифрах: Краткий стат. сборник / Благовещенск: Амурстат, 2011.

²⁰ Торговля в России. . .

Пользуясь такой формулировкой, часто сложно провести границу между рынком и нынешними торговыми центрами. Разница, как правило, заключается лишь в статусе торгового предприятия. А вот действительно ли торговый объект является торговым центром или все же рынком, пусть и крытым, можно понять, лишь непосредственно посетив его. Для того, чтобы выявить произошедшие изменения, мы воспользовались аналитической схемой концепции маркетинга или «4Р» (product, place, price, promotion), согласно которой четыре главных элемента должны соответствовать ожиданиям и потребностям целевого сегмента²¹. По нашему мнению, именно сочетание этих компонентов позволяет судить о том или ином формате торговли (произошли ли качественные изменения?), а вовсе не официальный статус торгового предприятия. Мы провели сравнение практик торговли в «китайских» торговых центрах и на «китайских рынках» по предложенной схеме.

Продукт. Ассортимент «китайского» торгового центра мало чем отличается от набора товаров привычного вещевого рынка. Большая часть отделов «специализируется» на продаже швейных и текстильных изделий, трикотажа, белья, верхней одежды. Что касается качества товаров, то это все тот же китайский ширпотреб сомнительного производства. Среди отделов есть некоторое разделение, например, товары для детей, нижнее белье, бижутерия, обувь, верхняя одежда, но остались и смешанные отделы. При этом в похожих отделах множество одинаковых товаров. Появились также и товары более качественные, даже брендовые. Например, PLJST, Li Gao Jeanz, VT boy, HaiLooZi. Есть также отдел с национальным колоритом, где продают отделанные характерной вышивкой кимоно и предметы интерьера. Появились и разного рода услуги: кафе, ремонт сотовых телефонов, изготовление штор на заказ. Услуги по ремонту обуви, замков и ключей, ранее осуществлявшиеся на рынке, также переехали в торговый центр.

Размещение. Под размещением понимается весь процесс товародвижения от размещения заказа до складирования и

²¹ Borden N.H. The Concept of the Marketing Mix// Journal of Advertising Research. 1964. June; Engel J. F. Consumer Behavior. NY., 1968; Howard J.A. The Theory of Buyer Behavior. NY., 1969; Kotler P. Atmospherics as a Marketing Tool// Journal of Retailing. 1973. № 4 (49).

доставки покупателю. Как будет показано далее, товар продолжают поставлять по «серым» схемам, а продают их все те же торговцы. Поэтому существенных изменений в размещении со сменой статуса не произошло. Стоит отметить, что торговые центры также взяли на себя функции логистического центра, поскольку здесь часто делают мелкооптовые закупки внутренние «челноки». Кроме того, торговые залы, как и ранее на рынке, не отделены от других необходимых помещений: складирование, «зона отдыха» торговцев и т. д. остаются в рамках занимаемого отдела. Также нет существенных изменений в уровне обслуживания покупателей, поскольку все также нельзя получить адекватной консультации при покупке, нет помещений для примерки, сложно получить даже чек и пр.

Цена. Традиционно – низкая, однако это уже необязательно самая низкая цена в городе. Политика установления цены для простых покупателей и мелких оптовиков разная: партия товара продается по более низкой цене. Отличительным признаком торговых центров остается и торг, что трудно представить себе в магазине. Потому и торговля в большинстве осуществляется без ценников, как это было и на рынке.

Продвижение. Продвижение продукции весьма ограничено. Из используемых инструментов назовем самые распространенные:

1) призывы продавцов: «Детское давай!», «Мужское!», «Трусы, носки посмотри!», «Заходи, карифана, посмотри, нового товара много!» и др.;

2) вывески:

«Одни из самых лучших мастеров Китая по ремонту сотовых телефонов ждут Вас. А также в продаже имеются запчасти и оборудование для ремонта сотовых телефонов»

или

«Телефоны прямо с фабрики!!!»

3) использование манекенов, бюстов, пластиковых ног;

4) распродажи («все по 100 р.», «все по 300 р.»).

Это практически весь арсенал используемых для продвижения средств, опять же мало чем отличающихся от используемых ранее на рынке.

Несмотря на то, что есть некоторые позитивные сдвиги (появление туалета, кафе, эскалатора, банкоматов, номеров на секциях, охраны), все же в торговых центрах слишком много от прежних рынков. Сюда, например, переехала нестационарная торговля обедами и зеленью – обычные тележки, которые с легкостью перемещаются теперь по проходам между отделами. Все так же нет примерочных, приличных зеркал, кассовых аппаратов и ценников, невозможно получить данные о происхождении товаров. Практически не появилось и российских продавцов, исключение – отделы по продаже сотовых телефонов и шуб.

Переход «китайских» рынков в статус торговых центров произошел и в других городах: Хабаровске, Чите, Екатеринбурге и др. В других местах, в частности, в Биробиджане, торговых центров не открыли, предприниматели с рынков ушли и поставили на свое место российских продавцов, тем самым не устранившись из бизнеса. Показательно высказывание на форуме «Чита.ру» о торговом центре «Ся Ян»: *«Обычный магазин с обычными бутиками в центре нашей деревушки. С виду здание – шедевр забайкальской архитектуры, а внутри погано».*

В Чите, кстати, на освободившиеся места пришли другие мигранты – киргизы («киргизЫ» как их называют жители города), осуществляющие торговлю на рынках нелегально.

«Китайские» торговые центры обслуживают все тех же покупателей: низкодоходный сегмент потребителей (пенсионеры, студенты, многодетные семьи) и внутренних «челноков», для которых самым важным остается уровень цен, а не особенности выкладки товара или стимулирующие акции. Туда продолжают ходить и те, кто понимает, что товары везде одни и те же, а вот цена в магазине может отличаться на порядок. Потому и формат торговли, по сути, не изменился, сменилась лишь вывеска.

Происходившие трансформации рынков привели к стиранию границ в определении того, что можно считать торговым центром, а что – все тем же рынком²². Определить эту грань достаточно сложно. *Значение здесь имеет именно официальный*

²² См.: Ильина М.А., Ильин В.И. Российский базар: Социальная организация и маркетинг. Сыктывкар, 2001; Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М., 2007.

статус, т. к. от этого зависит и статус иностранного торговца, *a вовсе не форма торговли*. Получается, что торговля вряд ли стала более цивилизованной, но при этом пострадал местный бюджет, потеряв часть доходов от предоставления торговых мест в аренду. Возможно, перемещение в торговый центр сделало мелкую торговлю более прозрачной?

Сокращение неучтенного оборота?

Неформальная экономика является объектом внимания как минимум четырех направлений науки: экономики, социологии, антропологии и юриспруденции. Множество исследований проведено на стыке, в частности, в рамках экономической социологии и экономической антропологии. Сам феномен часто понимается по-разному, имеет разные названия. По мнению Т. Шанина, множественность определений неслучайна, связана с тем, что речь идет о «частично пересекающихся характеристиках, причем, не только экономических»²³. Так, В.О. Исправников отмечает, что термины «неофициальная», «подпольная» и «скрытая» экономика используются в англоязычной литературе, «подземная», «неформальная» – во французской, «тайная», «подводная» – в итальянской, «теневая» – в немецкой. В России чаще всего используют термины «незаконная», «внезаконная», «подпольная», «криминальная», «неформальная», «теневая»²⁴.

Исходя из этого, по-разному оценивается и объем неформальной экономики (неформальный/неучтенный оборот), поскольку в эту категорию попадают разные явления. Для целей этого исследования, под неучтенным оборотом мы будем понимать объем торговли, находящийся вне системы статистического учета или официального наблюдения (как следствие нахождения вне системы государства и формальных правил)²⁵. Точнее,

²³ Шанин Т. Эксплуатационные структуры и неформальная экономика современной России// Шанин Т. (ред.). Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.

²⁴ Исправников В.О. «Теневая экономика» и перспективы образования среднего класса// Общественные науки и современность. 1998. № 6.

²⁵ Наиболее близки к данной точке зрения работы, например: Гершуни Дж. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность// Шанин Т. (ред.). Неформальная экономика.

мы попытаемся оценить объем неучтенного оборота розничной торговли, предположительно, вклад «челночной торговли». В качестве инструмента мы воспользовались балансовым методом, основанном на несоответствии макроэкономических параметров²⁶. В нашем случае это измерение на уровне региона.

Начнем с того, что опишем механизм «серого импорта». Сама *схема доставки* товаров *не имеет прямой связи доли иностранцев в торговле на рынках с объемом неучтенного ввоза*. Каналы «серого импорта» Благовещенск-Хэйхэ представляют собой китайско-русскую (русско-китайскую) сеть. Товар провозит подставное лицо без уплаты соответствующих пошлин как вещи для личного пользования. Участники схемы:

Предприниматели (они же – собственники товара) – российские и китайские граждане, имеющие торговый бизнес. Услугами подставных лиц, как правило, пользуются предприниматели из КНР, поскольку административные и иные виды барьеров на пути к легальной деятельности для многих остаются непреодолимы. Российские «челноки» провозят товар сами, но часто без уплаты пошлин как частные лица, либо пользуются услугами «кирпичей».

«Кирпичи» – организаторы перевозки грузов. Создают и управляют группой российских граждан для переправки товаров, ведут неофициальные переговоры с представителями таможни и т. д.

«Фонари» – подставные лица, перевозящие товар якобы для личных целей²⁷.

Россия и мир. М., 1999; Feige E. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. № 18 (7); Эверс Х.-Д. Теневая экономика, нетоварное производство и неформальный сектор: экономическое действие по ту сторону рынка и государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4; Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Шанин Т. (ред.). Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.

²⁶ Пономаренко А.Н. Подходы к определению параметров «теневой экономики» // Вопросы статистики. 1997. № 1.

²⁷ См. об этом: Рыжова Н.П. Благовещенск – форпост российской империи или зона свободной экономики? // Дятлов В.И., Рязанцев С.В. (ред.). Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказ. М., 2005; Рыжова Н. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями

Так доставляются одежда, обувь, мелкие бытовые товары – привычный ассортимент вещевого рынка. Несколько другая схема при доставке овощей и фруктов, которые затем продаются на плодовоовощной базе (тоже маркированную местным населением как «китайскую»). Здесь работают более крупные игроки, поскольку официальных барьеров существенно больше и при переправке через границу, и при продаже на территории РФ. Участники сети:

«Производители» – фирмы в Китае, продают товар китайской фирме-экспортеру, которая оформлена на российского предпринимателя (в том числе и в форме ООО).

Фирма-экспортер – переправляет товар через границу своими силами или с помощью посредника.

«Декларант» – физическое или юридическое лицо, которое оформляет все необходимые таможенные документы (это не только декларации, но и необходимые сертификаты).

Далее грузы поступают крупным оптовикам (фирмы также оформлены на российских граждан), у которых покупают более мелкие китайские предприниматели. В этом механизме также распространена схема «коллективного заказа»: более мелкие предприниматели делают заявку одной фирме, вместе собирая деньги на крупную партию товара (такой заказ тоже юридически не оформляется)²⁸.

Мы попытались оценить вклад «челночной» торговли. Предполагается, что доставляемый по «серым» схема товар реализуется на рынке. Статистика учета продаж товаров показывает, какие из них преимущественно продаются на розничных рынках и ярмарках: изделия швейные и верхний трикотаж (более 50%), изделия бельевые трикотажные, кожаная обувь и меховые изделия (более 40%), а также картофель, овощи, плоды и ягоды (30-40% всех продаж)²⁹. Для оценки неучтенного

«челноков»// Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5; Журавская Т.Н. «Серый импорт» на российско-китайской границе: что нового?// Экономическая социология. 2011. Т 12. № 5.

²⁸ См. об этом подробнее: Дятлов В., Журавская Т., Охотников А., Первалова Л., Собеникова Е. «Китайские рынки» российских городов – «уходящая натура»?// Дятлов В.И. (ред.). Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009.

²⁹ Торговля в России. . .

оборота мы выбрали две группы товаров – швейные изделия и трикотаж (из-за особенностей учета разных лет, несколько категорий объединены в одну группу) и кожаная обувь³⁰. Для расчета использовались данные об общем объеме продаж населению выбранных групп товаров, межрегиональном ввозе и вывозе, импорте и собственном производстве региона. Представим здесь результаты наших расчетов (табл. 7).

Таблица 7. Неучтенный оборот некоторых групп товаров в Амурской области

Год	Швейные изделия и трикотаж			Обувь кожаная		
	поступило в продажу, млн руб.	неучтенный оборот, млн руб.	доля неорганизованного ввоза, %	поступило в продажу, млн руб.	неучтенный оборот, млн руб.	доля неорганизованного ввоза, %
2002	2473,87	2395,45	96,8	760,97	739,5	97,2
2003	1796,31	1699,32	94,6	832,89	808,2	97,0
2004	2307,43	2203,30	95,5	981,82	907,1	92,4
2005	2550,90	2490,52	97,6	1130,52	511,7	45,3
2006	3010,70	2896,72	96,2	1308,73	239,7	18,3
2007	3313,35	3134,33	94,6	1415,62	355,5	25,1
2008	5458,0	4643,16	85,1	1610,00	335,9	20,9
2009	5975,0	4849,15	81,2	1794,00	758,2	42,3
2010	7599,4	6531,73	86,0	2033,24	858,7	42,2

Рассчитано по: Таможенная статистика Амурской области: годовые сборники, 2002–2009 гг.; Амурский статистический ежегодник, 2002–2010; Ресурсы, завоз и вывоз потребительских товаров Амурской области: бюллетень, 2002–2010 гг.

Доля неучтенного оборота (точнее – неучтенного/неорганизованного ввоза, по сути, вклада «челноков») швейных изделий и трикотажа существенно превышает официальный ввоз. С 2005 г. доля по данной группе товаров стала снижаться, а в 2010 г. снова увеличилась. Вспомним, что в 2010 г. Россия вступила в Таможенный союз и были установлены новые правила пересечения

³⁰ В тексте не приводится оценка неформального оборота овощей и фруктов, поскольку эти товары не провозятся «челноками», а также большая часть овощей неформально продается местными производителями и китайскими фермерами.

границ физическими лицами. Так, были сняты ограничения на число поездок в месяц, а допустимый груз увеличился с 35 до 50 кг. Ситуация с обувью заметно отличается. Здесь доля неучтенного оборота резко сократилась в 2005 и 2006 гг., но в 2009 отмечается новый рост. В 2007, когда была запрещена торговля иностранцев на рынках, *доля неучтенного оборота только увеличилась.*

Существенный недостаток выбранного подхода — невозможность учесть торговую наценку в структуре оборота. Поэтому мы сделали расчет в «натуральном выражении» для обуви, чтобы сравнить получившийся результат с предыдущей оценкой (подобный расчет по второй группе товаров невозможен, поскольку номенклатура товаров слишком широка и получить такого рода данные не представляется возможным). Результат получился неожиданным.

Таблица 8. Неучтенный оборот кожаной обуви в Амурской области

Год	Поступило в продажу, тыс. пар	Неучтенный оборот, тыс. пар	Доля неорганизованного ввоза/вывоза, %
2002	1904	1849,7	97,1
2003	1875	1817,9	97,0
2004	1943	1452,0	74,7
2005	2207	-1316,6	-59,7
2006	2385	-3232,6	-135,5
2007	3004	-3442,8	-114,6
2008	3101	-4445,4	-143,4
2009	3351	-1766,0	-52,7
2010	4065	-14,1	-0,3

Рассчитано по: Таможенная статистика Амурской области: годовые сборники, 2002–2009 гг.; Амурский статистический ежегодник, 2002–2010; Ресурсы, завоз и вывоз потребительских товаров Амурской области: бюллетень, 2002–2010 гг.

В 2002–2004 гг. оценка неучтенного ввоза близка к той, которую мы получили при расчете в денежных единицах. А вот в 2005 часть обуви просто «растворилась» на территории региона, то же самое происходило еще 4 года. С 2004 г. официальный импорт в область резко увеличился и продолжал расти до 2009 г. Затем

снижение официального импорта происходит одновременно со снижением неучтенного оборота, пока в 2010 г. не произошло практически совпадения ввоза и продаж. Однако это не обязательно означает реальное снижение доли неформального оборота. Мы сделали еще одну оценку – рассчитали простым делением среднюю цену продажи и импорта. Получается, что цена продажи одной пары обуви за период – от 400 до 535 рублей за пару (напомним, что речь идет о кожаной обуви), а средняя цена пары обуви по импорту – от 157 до 280 рублей (!). Учитывая всю условность таких расчетов, все-таки цена в 500 рублей кажется совсем нереальной. На наш взгляд, это ярко демонстрирует распространенность *практики занижения таможенной стоимости и искривленной отчетности торговых предприятий*. А вот данные Амуроблстата о некоторых ценах на обувь (табл. 9).

Таблица 9. Средние потребительские цены на обувь в Амурской области, руб. за пару

Вид товара	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Сапоги, ботинки мужские зимние кожаные на утепленной подкладке	1584,67	1685,23	1816,97	1962,15	2107,02	2513,22
Полуботинки, туфли мужские кожаные	1257,22	1306,91	1468,9	1623,48	1683,43	1855,31
Сапоги, женские зимние кожаные на утепленной подкладке	2378,07	2443,06	2583,12	2859,01	3131,29	3413,09
Сапоги, сапожки женские осенние кожаные	1963,01	1969,47	2059,7	2118,51	2245,19	2677,55
Туфли женские модельные кожаные	1267,33	1235,04	1242,02	1319,02	1371,71	1561,8
Ботинки, полуботинки детские дошкольные	333,53	382,65	415,23	461,23	495,07	484,45
Кроссовые туфли для взрослых кожаные	1371,08	1371,08	1379,43	1516,44	1611,68	1764,5

Источник: Торговля в Амурской области. Сборник. Благовещенск: Амурстат, 2006–2009.

Важен тот факт, что *продажная цена превышает цену по импорту в 2-4 раза*. Потому нельзя принять получившееся откло-

нение при расчете неформального оборота в деньгах за торговую наценку. Так, в 2005 году, когда впервые зафиксирован неофициальный вывоз, неучтенный оборот в деньгах составил всего 18%, а продажная цена превысила цену по импорту в 3 раза. Непонятно также и то, с чем связано резкое увеличение потребления населением обуви в 2010 году, поскольку продано сразу почти на 1,5 млн пар обуви больше, чем в предыдущем году.

Изменение знака неучтенного оборота, когда в область ввозилось в 1,5-2 раза больше обуви, чем ее поступало в продажу, можно объяснить, как минимум, двумя причинами. Во-первых, возможно, что образовался неофициальный коридор по доставке обуви в другие регионы. И, во-вторых, произошла замена механизма доставки обуви с мелких партий, доставляемых физическими лицами, на более крупные «групповые» поставки. Это означает активизацию деятельности посредников, как в случае с доставкой овощей и фруктов.

Несмотря на произведенные расчеты, реальный неформальный оборот оценить сложно, предложенные механизмы расчетов позволяют лишь предположить масштабы и характер происходящих изменений. Но приведенные примеры показывают, что *нет никакой явной связи между числом официальных оформленных торговцев, работающих совершенно законно, и объемами неформального/неучтенного оборота.*

Поиск простых решений не всегда приводит к ожидаемым результатам. В этом случае неформальные практики оказались сильнее официальных запретов. Причины сложившейся ситуации очевидны. С одной стороны, это непривлекательность торговли на рынках для местного населения. С другой, — смещение акцентов с конкуренции между работниками на конкуренцию между мелкими и крупными предприятиями торговли. «Китайские» торговые центры сохранили прежнюю ориентацию на определенный сегмент потребителей. Это, в свою очередь, не способствует преобразованию формата «естественным путем». А в неформальный оборот и цепочки

«серого импорта» вовлечены не только мигранты, но и местное население. Собственно, без участия граждан РФ такой канал был бы практически невозможен (в рамках действующего законодательства). Кроме того, далеко не весь ввезенный по «серым» схемам товар реализуется на рынках.

Несомненно, что для генерализации наших выводов требуются дополнительные исследования, поскольку описаны лишь некоторые индивидуальные «случаи», что не позволяет судить об эффективности введения ограничения на иностранных торговцев в целом по России. Во многих регионах действительно иностранцы были вынуждены заменить продавцов на «лицо славянской внешности», но это только там, где рынки еще не утратили своего статуса...

«Северокорейское трудовое рабство» в России: социально-экономические факторы

Хотя легальное рабовладение официально запрещено во всех странах мира², проблема рабской эксплуатации людей остается весьма острой. Крайние ее формы выражаются в незаконном лишении свободы, торговле людьми, принуждении их к труду, обращении, унижающем человеческое достоинство.

«...Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах... Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда..., на равную оплату за равный труд..., на... вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи... Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии...»³

С юридической точки зрения, ключевым условием, при котором современный человек может оказаться во владении другого, не имея возможности изменить сложившуюся ситуацию (т. е., по сути, попасть в *рабство*), является физическое и/или моральное принуждение, реализованное в форме обмана, шантажа, похищения, применения силы или угроз жестокого обращения⁴. Данный список отличается от того, что практиковался в эпоху рабовладения, отсутствием в нем лишь двух пунктов: по факту рождения и по собственной воле. Однако из-за несовершенной законодательной и судебной-исполнительной системы, принятых в обществе норм и просто равнодушия окружающих в условиях никуда не исчезнувшей классовости, человек нередко вынужден соглашаться на роль эксплуатируемого и лично зависимого.

¹ Скрипник Екатерина Олеговна – канд. экон. наук, ст. лаборант отдела социальных проблем Института экономических исследований ДВО РАН.

² В 1981 г. Мавритания последней отменила право собственности на человека.

³ Всеобщая декларация прав человека. Генеральная Ассамблея ООН, 10.12.1948 г. Статьи 1, 4, 23.

⁴ Уголовный кодекс РФ. Статья 127. Незаконное лишение свободы.

В России в качестве примера подобной ситуации можно привести трудовую миграцию северных корейцев, факт ущемления прав и свобод которых имеет глубокие корни в историческом, экономическом и социальном развитии не только РФ, но и КНДР. Целью данной работы является попытка выявить элементы рабства в положении трудовых северокорейских мигрантов в России.

Исследование опиралось на немногочисленные научные работы по данной тематике, материалы прессы, а также на интервью и опросы, проведенные автором в г. Хабаровске 2011 г. с представителями бизнеса, правовой сферы, местного населения и мигрантов. В качестве экспертов со стороны российских нанимателей выступили руководители строительных компаний, одна из которых – крупная организация, занимающаяся стройкой масштабных объектов и нанимающая работников из Северной Кореи по договору строительного подряда; две остальные – небольшие фирмы, привлекающие мигрантов на строительномонтажные или ремонтные работы. Были также взяты интервью у Любови Михайловны Тотарец⁵, адвоката и правозащитницы из Благовещенска; интервью с этническим корейцем, владельцем лесного бизнеса, чьи родственники были в числе репрессированных в Казахстан в 1930-е гг., интервью с гражданином Украины Сергеем Янисом, который уже больше 10 лет проживает в России без вида на жительство. Использовались личные наблюдения автора за бытом северных корейцев в общежитиях и на стройках жилых домов; результаты опросов жителей города и интервью со студентами хабаровского вуза.

Трудовое рабство: происхождение термина и сферы распространения

Официального определения *трудового рабства* в словарях или юридических документах не существует. С точки зрения русского языка данное словосочетание даже можно назвать

⁵ Представители Северной Кореи неоднократно пытались оказывать давление на Л.М. Тотарец, добиваясь прекращения ею адвокатской поддержки их граждан, обращающихся за убежищем в России.

плеоназмом. Однако оно достаточно широко используется в СМИ и в научной литературе, что, скорее всего, объясняется необходимостью обозначить формально упраздненное, однако существующее в реальности явление.

В прямом смысле *рабство* означает форму общественного устройства, при которой человек является собственностью другого человека или государства⁶. В переносном значении этот термин остался актуален, т. к. имеет достаточно сильную эмоциональную окраску и используется для характеристики состояния полной зависимости и подчиненности⁷. В результате, в современной, достаточно широкой трактовке, под *рабством* нередко стали понимать систему отношений, функционирующую в условиях нарушения прав и свобод отдельных ее участников⁸. Т. к. это чаще всего происходит в сфере труда, то явление получило название *трудового рабства*. Крайней формой эксплуатации в данном случае считается принудительный труд, когда одни в целях получения прибыли используют труд других, нарушая при этом их права⁹. Такая занятость (даже формально легальная) часто сопровождается примитивными условиями жизни, обманом, низкой оплатой или её полным отсутствием, отношением к работнику, ущемляющим его человеческое достоинство.

К числу традиционных групп риска *трудового рабства* принадлежат мигранты, которые, приезжая в Россию, оказываются зависимыми от своих работодателей и бесправными в глазах закона и принимающего сообщества. Как показывают социологические исследования, подобная эксплуатация мигрантов имеет огромные масштабы и разнообразные формы.

«...80% мигрантов не имеют письменного договора со своим работодателем и получают зарплату, так называемым, черным

⁶ Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>, свободный.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>, свободный.

⁸ Конвенция относительно рабства. Женева, 25 сентября 1926 г. С изменениями от 7 декабря 1953 г. Ст. 1. Доступно на сайте <http://hrlibrary.ngo.ru/russian/instree/Rf1sc.html>

⁹ Седея Ю.С. Трудовое рабство: основные причины, виды и последствия // Вестник международного славянского университета. Харьков. Серия «Социологические науки». 2008. Т. 11. № 2. http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/VMSU/2008-02/08yussioya.htm

налом. В массовом порядке распространены грубые нарушения трудовых прав мигрантов: принуждение работать сверх положенного времени (до 80–90%); отсутствие социальных льгот, оплаченных выходных, отпуска по болезни и пр. (до 90%); принуждение работать с повышенной интенсивностью (60–70%); без оплаты или с неопределенными перспективами оплаты (25–47%). Работодатели часто (в 23% случаев) изымают документы, удостоверяющие личность мигранта — под предлогом регистрации, — что делает мигрантов еще более уязвимыми. Распространены также более серьезные формы эксплуатации, связанные с элементами рабства и торговли людьми: ограничение свободы, изоляция (25–30%); обман, угрозы, шантаж (27–35%); принуждение к секс-услугам (25–30% от числа опрошенных женщин-мигрантов); наличие долга работодателю (15–18%)...»¹⁰

Отличительной чертой *трудового рабства* мигрантов можно назвать то, что подобная практика благодаря своей массовости и повсеместности стала нормой в глазах принимающего сообщества и, как следствие, является устойчивой формой занятости. Мигранты в России практически не получают юридической защиты своих прав не только из-за пробелов в законодательстве. Во-первых, факт принудительного труда или подневольного состояния нужно доказывать, чего мигранту самостоятельно, без помощи местных правозащитных организаций, сделать практически невозможно. Во-вторых, мигранты не заинтересованы тратить время и деньги на отстаивание своих прав, т. к. они приезжают зарабатывать, и срок их пребывания ограничен. В-третьих, рабский труд мигрантов часто принимает неявные формы, обусловленные не насилием, шантажом или обманом (преследуемых Уголовным кодексом), а той социально-экономической и политической средой, которая сложилась в странах, поставляющих и принимающих рабочую силу, и которая вынуждает мигрантов безропотно соглашаться на принудительную эксплуатацию своего труда.

Одним из наиболее ярких примеров подобной ситуации является трудовая миграция северных корейцев в Россию,

¹⁰ Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, Международное бюро труда, 2006. С. XVII–XVIII.

условия жизни, занятости и уровень оплаты труда которых намного ниже, чем у местного населения, а часто даже ниже, чем у *нелегалов* из стран СНГ (т. е. проживающих и/или работающих без соответствующих разрешений).

«... Неявные формы принудительного труда... не менее опасны, чем принудительный труд, сопряженный с рабским состоянием жертвы... Работник здесь зачастую оказывается несвободен исходя из социальных и иных обстоятельств... Такие массовые практики, содержащие элементы принуждения под прикрытием «нормального» труда, опасны тем, что они, благодаря своей массовости, постепенно превращают принудительный труд из маргинального явления в массовое, привычное, а следовательно, принимаемое как нормальное состояние...»¹¹

Корейские деревни в царской России

Миграция корейцев на территорию Дальнего Востока России началась во второй половине XIX в. Беднейшие слои тогда еще единой Кореи, гонимые нужной, налогами и безземельем, переходили границу и селились на территории Южно-Уссурийского края¹². Российские власти, столкнувшись с невозможностью их выдворения мирным путем, предпринимали значительные усилия для того, чтобы направить процесс массового переселения в выгодное для хозяйственного освоения Дальнего Востока русло.

... Для количественного усиления земледельческой колонизации Приамурья, необходимо привлечь в край, кроме русских, иной состав переселенцев-землепашцев; таким желательным и подходящим к местным условиям элементом является местное корейское население, которое, будучи принято в русское подданство и получая землю (по 5 дес. на душу мужского пола и не свыше 30 дес. на семью), создало бы в крае русское, по государственной принадлежности, земледелие даже в самых недоступных для колонизации районах и явилось бы противовесом экономическо-

¹¹ Тюрюканова Е. Указ. соч. С. 153.

¹² Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Ч. 1. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1965. Доступно на сайте <http://uznet.biz/Han/Articles/ArticleInfo.aspx?Id=acdce744-900d-4859-abc6-0f80594392fa>

*му завоеванию края китайцами...Пустующая окраина получила бы население благонадежное политически и полезное экономике страны...*¹³

Корейские мигранты получали подъемные, земельные наделы в наименее заселенных районах Южно-Уссурийского края, их устраивали на работу на лесопилках, сельских и городских стройках, на угольных шахтах. Вклад корейских мигрантов в освоение Дальнего Востока оказался весьма значительным. На арендованных у русских площадях они выращивали чумизу, кукурузу, бобовые, овес, сою и рис. Кроме зернового хозяйства корейцы занимались и овощеводством, которое вблизи больших городов (Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийского, Благовещенска) приобретало довольно крупные масштабы. Уже к 1910 г. на территории Приамурского края образовалось 104 корейских селения, в которых проживало свыше 50 тысяч корейцев: из них 20–30% получили российское подданство¹⁴.

К 1917 г. численность корейцев на Дальнем Востоке превысила 100 тыс. человек¹⁵, а к середине 1930-х гг. — 170 тыс. человек. Несмотря на то, что корейцы в основной своей массе были лояльны к Советской власти и поддержали ее становление во время революции, они не избежали репрессий сталинского режима. Их тотальное выселение с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан в 1937 г. связывают не только с общим направлением политики террора того времени¹⁶, но также с внешней предвоенной обстановкой, в рамках которой СССР стремился пойти на сближение и с Германией, и с Японией. Депортация корейцев с приграничных территорий Дальнего

¹³ Гондатти Н.Л., Романов В.Ф. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год // Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. Вып. 3. С. 50–51.

¹⁴ Ким Сын Хва. Указ соч. Доступно на сайте <http://uznet.biz/Han/Articles/ArticleInfo.aspx?Id=acdce744-900d-4859-abc6-0f80594392fa>

¹⁵ Герман Ким. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. Алматы: Дайк-пресс, 1999. Доступно на сайте http://world.lib.ru/k/kim_o_i/kkk4.shtml

¹⁶ Полян П. Большой террор и депортационная политика // Демоскоп Weekly. 2007. № 313–314. Доступно на сайте <http://demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit03.php>

Востока вполне могла стать уступкой в пользу последней¹⁷. Так или иначе, к октябрю 1937 г. было вывезено более 171 тыс. корейцев из южных районов, а к 1938 г. — еще 700 из северных¹⁸.

Северокорейские лесные лагеря Советской России

С образованием КНДР миграция корейцев на территорию Дальнего Востока возобновилась, однако стала исключительно трудовой. Послевоенный Дальний Восток, нуждавшийся в значительных трудовых ресурсах, открыл свои границы для северокорейских рабочих. В 1945—1948 гг. в отдаленные районы Хабаровского края, Сахалинской, Магаданской областей прибыло более 20 тыс. северокорейских рабочих и более 5 тыс. членов их семей¹⁹. Среди приезжавших на работы в сельском хозяйстве, на лесозаготовках и в рыбном промысле были и те, кого выселили за границу в 1937 г. Из-за недостаточного контроля за въездом и выездом северных корейцев, многие из рабочих этой волны остались в СССР и получили советское гражданство.

С 1966 г. начался массовый (15—20 тыс. чел. в год) заезд северокорейских гастарбайтеров на лесозаготовки в Верхнебуринский район Хабаровского края²⁰. СССР обязался соорудить в КНДР крупные хозяйственные объекты и предоставить на эти цели кредиты. Северная Корея в ответ обеспечивала поставку трудовых ресурсов на лесозаготовительные площадки Дальнего Востока. Получить эту работу для рядового корейца считалось большой удачей, т. к. обещанный заработок был выше в десятки раз того, на что они могли рассчитывать дома. Как пишет Л.В. Забровская, за год-два напряженной работы в лесах Дальнего Востока северокорейский гастарбайтер теоретически мог скопить сумму, позволяющую приобрести на родине дом или подержанный автомобиль. Однако в действи-

¹⁷ Пак М.Н. О причинах насильственной депортации советских корейцев Дальнего Востока в Центральную Азию. М., 1997. С. 30-32.

¹⁸ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). М.;Иркутск;СПб., 1995. С. 234—235.

¹⁹ Забровская Л.В. КНДР—Россия—РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly. 2008. № 333—334. Доступно на сайте <http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php>

²⁰ Там же.

тельности такая возможность была только у руководящего состава, который находится в России по 3-5 лет и более.

Чтобы не повторилось прецедента 1940-х гг., когда многие гастарбайтеры не возвращались в КНДР, претенденты на поездку стали подвергаться тщательному отбору. Все они обязаны были состоять в партии, быть женатыми, иметь незапятнанную собственную репутацию, а также членов своих семей, не владеть русским языком. Власти КНДР ограничивали срок работы своих граждан на Дальнем Востоке тремя годами, чтобы они не смогли полностью адаптироваться и наладить контакты с местным населением. Все работники находились под постоянным контролем со стороны правительственных наблюдателей и проживали в специальных поселениях, изолированных от внешнего мира. По описаниям журналистов, эти поселения скорее походили на лагеря специального режима, в которые невозможно было попасть без разрешения северокорейских спецслужб, запрещалось задавать вопросы и фотографировать²¹. Есть свидетельства того, что мигранты нередко пилили лес без оплаты, т. к. не могли выполнить специально завышенные нормативные показатели. Это вынуждало их убежать или *отправляться у надзирателей*²² (в счет будущего дохода, которым нужно будет поделиться) на подработку. Тех, кого ловили, жестоко наказывали и отсылали на родину, где они признавались политическими преступниками. В зависимости от степени тяжести проступка их ожидала казнь (иногда показательная), тюремное заключение, каторжные работы, лишение права выезда и т. д. Соответственно семья этого человека и последующие поколения разделяли все эти тяготы²³.

В 1984 г. между правительствами Северной Кореи и СССР была достигнута договоренность о переходе с северокорейских вон на советские рубли при оплате труда мигрантов на лесозаготовках Дальнего Востока. Казалось, это должно было

²¹ Белясов А. Гетто для корейских лесорубов // Экспресс газета. 2001. 21 авг. № 33 (34).

²² Здесь и далее курсивом выделены слова, которые употреблялись респондентами: строителями, прорабами, начальниками строительных фирм, с которыми контактировал автор в процессе исследования. Автор посчитал возможным оставить их без изменения, т. к. по его мнению, они наиболее точно отражают передаваемый смысл.

²³ Из интервью Л. Тотарец, адвоката и правозащитника из Благовещенска.

обеспечить 15–20 тыс. гастарбайтеров ежемесячным заработком в рублях, эквивалентным 120 дол. США²⁴. На самом деле работники нередко вообще не видели *живых денег*. Половина заработанной суммы сразу отсылалась семье на родину, вторую половину работник видел только в ведомости и мог получить только после возвращения и в вонах. С конца 1990-х гг. по требованию северокорейской стороны трудовые соглашения с российскими предприятиями составляются так, что все заработанные мигрантами деньги перечисляются на счета северокорейских представительств. Таким образом, северокорейское правительство получило официально возможность распоряжаться валютой, заработанной гастарбайтерами, и тратить ее на приобретение товаров на территории России. Фактическое безденежье простых мигрантов стало причиной роста *нелегальных отлучек* с лесозаготовок, что, в свою очередь, вызвало волну коррупции и взяточничества среди партийных чиновников КНДР, занимавшихся контролем за мигрантами на территории Дальнего Востока. Они ввели в практику поборы за отправку домой денег, перевод на другую работу, обеспечение инструментами, разрешение выйти за пределы лагеря и т. д.²⁵

Подобное отношение правительства КНДР к своим собственным гражданам не могло не сказаться на отношении к ним русской стороны. Т. к. в Россию сознательно отбирались неквалифицированные работники, не владеющие языком, и на короткий срок занятости, то их труд использовался только на непрестижных и физически тяжелых работах. Это исключало обучение мигрантов какой-либо профессии. Местные работодатели сами нередко обманывали корейцев, особенно в случае *нелегальных подработок*, т. к. знали, что жаловаться они не будут, иначе рискуют быть наказанными за отлучку. В кризисные 1990-е гг., лесные компании, не способные выплачивать зарплату, *забывали* их в тайге: бросали корейцев без продуктов и средств передвижения.

«...По рассказам связанных с лесной индустрией людей, бросить корейцев в тайге, без продуктов, заработанных денег и средств передвижения являлось обычной практикой с российской

²⁴ Забровская Л.В. Указ. соч.

²⁵ Там же.

стороны. Официальных свидетельств этому немного. Но это лишь потому, что свидетели обычно не выживали ...»²⁶

Северные корейцы на стройках современной России: условия труда, проживания и отношения с местным населением

С 2000 г. численность северокаорейских гастарбайтеров в лесной индустрии начала падать. Официально это связывают с сокращением квот на иностранцев в данной отрасли. Однако люди, связанные с лесной индустрией, говорят, что корейцы, столкнувшись с обманом со стороны российских фирм, опасаются ехать в лес²⁷. Сейчас в Хабаровском и Приморском краях доля северокаорейских рабочих от численности всех трудовых мигрантов в среднем составляет 11 и 15% соответственно. В год это, примерно, 4 и 6 тыс. человек²⁸, против 15–20 тыс. в советское время.

В настоящее время их основная ниша на рынке труда Дальнего Востока – строительство. Поэтому большая часть этих работников сконцентрирована в городах: на крупных и мелких строительных площадках, на улицах или в многоквартирных домах, частных коттеджах и дачах. Основное отличие условий их работы от советской *лагерной системы* заключается в том, что северокаорейские работники теперь находятся среди местного населения, что существенно снижает степень контроля за их деятельностью со стороны северокаорейских спецслужб, а также исключает возможность применения откровенного насилия, *ведь в городе сложно что-то утаить*²⁹. Однако эксплуатация труда северокаорейских гастарбайтеров продолжается, хотя и принимает неявные формы.

Можно выделить три основные причины (они же своеобразные конкурентные преимущества), вследствие которых

²⁶ Из разговора с владельцем лесопилки (этническим корейцем, с рождения проживающим в России).

²⁷ Новак О. Гастарбайтеры уходят в партизаны //Тихоокеанская звезда. 2007. 9 окт.

²⁸ Статистические отчеты отдела по вопросам трудовой миграции Управления миграционной службы по Хабаровскому краю за 2007–2011 гг.

²⁹ Из разговора с владельцем лесопилки (этническим корейцем, с рождения проживающим в России).

строительные организации в Хабаровском крае отдают предпочтение работникам из Северной Кореи. Во-первых, это производительность труда: за меньшую стоимость северокорейские мигранты выполняют больший объем работ за более короткий срок. Цена их труда, по словам нанимателей, в сфере отделочных работ (каменщики, штукатуры, маляры) в 1,5–2 раза ниже, чем у бригад, состоящих из русских работников. На площадках монолитного строительства, где северные корейцы заливают бетон, им платят на 25-30% меньше, чем местным. При этом рабочий день на стройках у северных корейцев начинается в 8 утра и продолжается до 8 часов вечера, каждый день, кроме субботы, когда они работают до 4 часов дня. Гастарбайтеры, работающие на частных лиц, нацеленные на быстрый заработок, готовы работать по 16 часов в сутки и жить на месте работы в антисанитарных условиях постоянной стройки.

Во-вторых, жесткий контроль со стороны государственных органов Северной Кореи за въездом и пребыванием своих граждан на территории России, существенно облегчает жизнь российским нанимателям. Северных корейцев привозит специально уполномоченная северокорейская фирма (*Фирма*), с которой заключается договор на выполнение строительных работ. Т. е. российскому застройщику нет необходимости самостоятельно подавать заявки на квоты, заниматься оформлением трудовых мигрантов, их обустройством, контролировать и нести за них ответственность.

В-третьих, система оплаты труда бригад северных корейцев для наших застройщиков весьма выгодна, т. к. позволяет превращать постоянные издержки, связанные с заработной платой строителей, в переменные. Бригады корейцев мобильны по численности и их можно *заказать в такой комплектации, которая нужна именно сегодня*. Например, если поставщики не привезли на стройплощадку бетон или по погодным условиям внешние работы производить нельзя, корейцев отправляют обратно и не оплачивают им за простой, или запрашивают меньшее количество работников. Если строительная фирма использует русскую рабочую силу, то независимо от объемов работ, фиксированную зарплату им необходимо выплачивать.

Несмотря на отмеченные существенные преимущества, найм северокорейских трудовых мигрантов имеет свои ограничения. По отзывам российских строителей, *среди северных корейцев особенно хороши* каменщики, штукатуры и кафельщики, они выполняют *сносного качества* работы по оклейке стен обоями и укладке паркета. Однако, по мнению многих застройщиков, чтобы *чистовые работы* (наклейку обоев, сложную покраску, установку дверей или сантехнического оборудования) северные корейцы сделали качественно, нужно постоянно *стоять у них над душой и следить, чтобы они ничего не испортили*. Дизайнерские работы и элементы декора им доверяют чрезвычайно редко — сказывается отсутствие специального образования и навыков. Поэтому высокооплачиваемые строительные и отделочные работы, требующие определенной квалификации, отдают русским бригадам или трудовым мигрантам из стран СНГ. **Таким образом, северокорейские работники занимают наименее оплачиваемую нишу в цепочке строительных работ. Так как конкурировать в данной сфере с другими мигрантами по качественным параметрам они не могут, им приходится держать самую низкую цену на свои услуги на этом рынке.**

Северокорейская сторона вносит свой вклад в процесс эксплуатации её граждан в России. Из полученных от застройщика средств *Фирма* переводит определенную сумму (которая, по слухам, составляет от 20%) в казну северокорейского Правительства в так называемую *Партийную кассу*. Поэтому в *Фирме*, существует ответственное лицо — *капитана*, который договаривается с руководством компании-застройщика о возможности оплаты определенной части заработанных строителями денег *наличкой* (примерно те же 20%). Если такая схема *проходит*, то корейские рабочие получают часть денег непосредственно в свое пользование и могут уберечь этот заработок от обязательных выплат своему государству. Возможность проведения таких *схем* — это репутация *Фирмы*, которой при прочих равных условиях отдадут предпочтение гастарбайтеры.

Еще *какой-то* процент от заработанных мигрантами денег *Фирма* забирает себе, покрывая расходы на доставку и содержание работников в России, а также формируя свою прибыль. По отзывам самих российских нанимателей, сумма, которая

достается непосредственно *корейским трудягам*, ничтожна. Ее размер можно оценить лишь примерно, т. к. получить хоть какие-то цифры можно только от российской стороны. Но как было сказано выше, то, что заплатили русские, не равняется тому, что получают корейские мигранты.

В 2011 г. на крупной стройплощадке монолитного дома в центре г. Хабаровска за кубометр залитого бетона (куда также входят все подготовительные работы: строительство опалубки, вязка арматуры, непосредственно заливка и т. п.) корейцам платили 900 рублей. В среднем за месяц (без осадков и сравнительно теплый!) 25 работающих здесь мигрантов заливали 600 кубометров бетона (не считая фундамента)³⁰, т. е. выполняли объем работ в среднем на 540 тыс. рублей. Т. е. заработок одного корейца должен был бы составлять 21,6 тыс. руб. Если предположить, что в *Партийную кассу* перечислялось 20%, то рабочему оставалось уже 17,2 тыс. руб. Сколько забирает *Фирма*, сказать невозможно. Однако со слов администратора общежития, где проживали северные корейцы, стоимость 1 койко-места начиналась от 200 руб. за сутки, т. е. не менее 6 тыс. рублей. И это не считая денег за оформление документов, проезд и завтраки и т. п., на которые *Фирма* сократит первоначальный заработок мигрантов. Таким образом, *корейский трудяга*, официально работающий на крупной стройке г. Хабаровска 6 дней в неделю по 12 часов, получал не более 11 тыс. рублей. Для сравнения: минимальная зарплата русского строителя начиналась от 25 тыс. рублей за 8 часов 5 дней в неделю.

Из-за действительно низких заработков в случае легального трудоустройства через *Фирму*, все корейские работники стремятся *уйти налево*, чтобы заработать больше и желательно наличные деньги, которыми *не нужно делиться*. В этом случае никакого официального договора не предусматривается и схема работает следующим образом. Среди корейских рабочих есть *бригадиры* — это, как правило, или *партийные полушишки*, или бывшие рабочие, но более опытные, которые не один год ездят в Россию и часто владеют русским языком хотя бы на

³⁰ Заливка фундамента (примерно 2000 м³) — это самая легкая часть работы т. к. она не предполагает сложных перекрытий и фигурных конструкций. Такую сплошную заливку корейцы могут сделать за 2 удлинненных смены, т. е. за 2 дня по 14–16 часов.

уровне разговорного. *Бригады* имеют связи с руководством *Фирмы* и негласное разрешение на привлечение отдельных завезенных корейцев на частные работы, оплачиваемые наличными деньгами. Руководство *Фирмы* получает *долю*, так как *закрывает глаза* на то, что корейцы работают на себя и часто для экономии не проживают в месте официальной регистрации — в общежитии. Деньги от работодателя получает уже не *Фирма*, а непосредственно *бригадир*, который распределяет ее, за вычетом всех взяток, между собой и работниками.

В 2011 г. в г. Хабаровске группе северных корейцев, состоящей из 5 человек за ремонт *под ключ с нуля*³¹ помещения в 100 м² (без сложного декора, дизайнерских элементов и не считая стоимости строительных материалов) платили в среднем 250 тыс. рублей. Данный объем работ они выполняли за месяц. Т. е. по сравнительным оценкам, каждый член северокорейской бригады мог бы заработать 50 тыс. рублей в месяц, при том, что изначально за один и тот же объем работ им платят в 1,5–2 раза меньше, чем русским или мигрантам из стран СНГ³². Работники, однако, не знают, на какую цену договаривается их *бригадир* с заказчиком, и сколько на самом деле он отдает в *Фирму*, поэтому они, естественно, не получают все, что заработали. Тем не менее, данная схема занятости приносит им больше денег, чем официальная на стройке, подкрепленная договором, хотя условия их труда ухудшаются значительно, а вероятность обмана с русской стороны — увеличивается. По словам самих работодателей, в случае *кидка*, если трудоустройство мигрантов происходит без оформления договора, власти ничего предпринимать не будут. И даже если договор был подписан, сами работники никуда пожаловаться не смогут. Во-первых, они не владеют языком, во-вторых, не знают к кому обратиться за помощью. Поэтому *выколачиванием* денег часто с привлечением криминальных структур занимаются *Фирмы*, которые привезли работников. Северные корейцы, работающие с официальным договором или без него, зная о возможности обжа-

³¹ Т. е. включая все подготовительные и отделочные работы.

³² Русские рабочие за этот же объем работ просили от 450 тыс. руб.

на, договариваются с нанимателем о поэтапной оплате, чтобы снизить вероятность *кидка* на всю сумму.

Работающие в бригаде *на частников* корейские гастарбайтеры, способные хотя бы немного изъясняться по-русски, чтобы увеличить свой доход стараются договориться с нанимателем о возможности сделать какие-то работы *в обход бригадира* и, естественно, за меньшую плату. Как правило, это несложно, т. к. *бригадир* не всегда бывает на объекте (который у него может быть не один), а заказчик может придти в любой момент с проверкой. Если *бригадир* узнает о подобном факте, провинившийся может больше не попасть в бригаду, однако многие идут на этот риск. Самые удачливые и расторопные могут впоследствии набрать свою собственную бригаду, если найдут русского, который их наймет. По сути, для простых работяг *бригадир* — это *потолок карьерного роста* в России.

Таким образом, сложная схема расчета заработка простого гастарбайтера, инициируемая с одной стороны северокорейским правительством, с другой — коррумпированной сетью чиновников и партийных работников корейских Фирм, заставляет трудовых мигрантов из этой страны искать пути нелегальной занятости, соглашаясь на рабские условия труда и проживания.

Условия проживания северокорейских гастарбайтеров зависят от того, на кого и где они работают. В лучшем с бытовой точки зрения случае — это небольшие комнаты в общежитии с двухъярусными железными кроватями и удобствами на этаже. Утром у всех рабочих совместный завтрак, после чего их забирают на объекты. Крупные строительные компании обычно предоставляют свой транспорт, мелкие фирмы и частные лица договариваются, чтобы они добирались самостоятельно. В комнате проживает в среднем 6-8 рабочих, а расстояние между койками дает возможность стоять только одному человеку (хотя *бригадиры* могут жить и по двое). Несмотря на тесноту, в общежитии северных корейцев чисто и аккуратно. Т. к. в здании разместиться сложно, в теплое время года они часто обустроиваются на прилегающей территории: отдыхают, ужинают, играют в настольные игры. Это воспринимается жителями близлежащих домов резко отрицательно, несмотря на то, что

по их же собственным словам, никто из северокорейских мигрантов *не дебоширит и не мусорит*.

В худшем с точки зрения условий быта, но более предпочтительном с точки зрения экономии и заработка случае, северокорейские рабочие живут непосредственно на строящихся объектах, что позволяет им работать интенсивнее. При сдельной оплате труда, которая распространена в данном бизнесе, это означает, что, закончив быстрее один объект, они смогут перейти на другой, т. е. заработают больше. Такой вариант в настоящее время крупными строительными фирмами уже не практикуется, т. к. система миграционного контроля жестко наказывает застройщика, если обнаруживает подобные факты. Однако в сфере частного строительства и ремонта данная практика – не редкость. Если северокорейским мигрантам удалось договориться с хозяевами о возможности проживания на месте работы, то туда переносится весь их быт. Они готовят и спят на стройке, где первое время может не быть ни электричества, ни воды, ни канализации. Ко времени, когда ремонтируемое ими помещение становится пригодным для жизни, для выполнения заключительных отделочных или дизайнерских работ наниматели меняют северных корейцев на более квалифицированные российские бригады или на рабочих из стран СНГ.

Ни о каком досуге говорить не приходится. Во-первых, как уже упоминалось, при наилучшем раскладе они работают по 12 часов в день, кроме, возможно, воскресенья³³. Корейцы, занятые ремонтом в частных квартирах или на объектах мелких строительных фирм, трудятся семь дней в неделю. Заработанные деньги они стараются в России не тратить, т. к. на родине их самих и их заработок ждут родственники.

Во-вторых, как показал опрос работников Управления Федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю, проведенный в марте 2011 г., среди других групп мигрантов рабочие из Северной Кореи наиболее обособлены, т. е. практически не интегрируются в среду принимающего сообщества (рис.).

³³ В воскресенье они нередко подрабатывают у «частников».

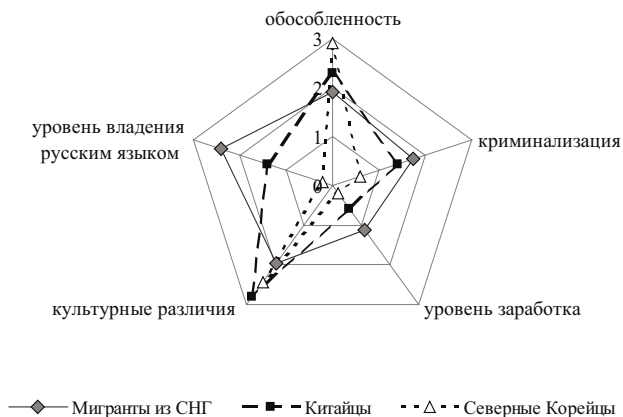

Рис. – Оценки экспертами миграционной службы по Хабаровскому краю некоторых характеристик наиболее распространенных в Хабаровском крае групп трудовых мигрантов (от 0 до 3-х, где 3 соответствует высокому уровню проявления данной характеристики).

С одной стороны, любые частные контакты северных корейцев с местным населением запрещены и за этим строго следят представители от коммунистической партии, работающие в *Фирме*. Северным корейцам даже в городе разрешено передвигаться только по трое, не позволено уединяться или разговаривать на любые, не связанные с работой, темы³⁴. С другой стороны, изначальный барьер в языке и культуре русских и северных корейцев достаточно высок (рис.), а преодолеть его без личностных контактов (которых нет) нельзя.

В-третьих, как показали результаты опросов и интервью с местным населением, принимающее сообщество также не готово впускать мигрантов в свой социум. Во-первых, для большинства все азиатские мигранты – *на одно лицо*. Т. е. наблюдается явное обобщение образа мигранта: все они (в том числе и северные корейцы) *необразованные, темные, агрессивные*. Во-вторых, отсутствие информации и позитивного опыта

³⁴ Из интервью Л. Тотарец, адвоката и правозащитника из Благовещенска.

общения с мигрантами создают эффект неизвестности, когда мы не знаем, чего от них ждать³⁵.

Таким образом, ни северокорейские мигранты, ни русское население в силу различных причин не предпринимают попыток более тесных личных контактов. Это приводит к тому, что, несмотря на отсутствие явных негативных эмоций или конкретных претензий к северным корейцам, местное сообщество в целом достаточно безразлично к проблемам этих людей. При этом, признавая плачевность их социального и экономического положения в России, отказываться от их труда никто не собирается.

Эксплуатация труда северных корейцев в России: можно ли это изменить?

В настоящее время положительно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Эксплуатация труда северокорейских работников будет продолжаться до тех пор, пока существуют условия, её обуславливающие, которые, к сожалению, быстро не исчезают. Вот только некоторые из них.

Экономические. Основной фактор, который определяет качественные характеристики прибывающих в страну трудовых мигрантов – это спрос. В настоящее время российскому рынку ввиду сокращения численности национальных трудовых ресурсов, трудоемкости экономики, дефициту кадров массовых рабочих профессий, низкому внутреннему предложению в секторе услуг, требуются значительные объемы именно низкоквалифицированной рабочей силы, которая и приезжает.

«...Корень слова «работник» – «раб». Раб – экономическое понятие. Дальневосточному региону рабы нужны в сельском хозяйстве, строительстве, лесозаготовках ...»³⁶

³⁵ Некоторым хабаровчанам, которые проживают в домах рядом с общежитием северных корейцев, мы задали вопрос: если бы к ним подошел кто-то из гастарбайтеров и каким-то образом дал понять, что ему нужна помощь, и он просит вас пройти с ним, вы бы последовали за ним? Из 12 человек 9 ответили отрицательно: *непонятно, что у них в голове*. Одна женщина сказала, что сначала позовет еще кого-нибудь, и лишь двое мужчин однозначно готовы помочь.

³⁶ Шелепов Е. Если тебе иностранец имя... // Тихоокеанская звезда. 2002. 6 июля.

Эта потребность удовлетворяется вследствие существующей разницы экономических потенциалов стран поставщиков и реципиентов трудовых мигрантов и несбалансированности спроса и предложения на их рынках труда. Например, в странах СНГ уровень среднемесячной заработной платы от 1,5 до 5 раз ниже, чем в России³⁷. Официальной статистики по Северной Корее нет, однако из неофициальных исследований разрыв по этому параметру оценивается в сотни раз³⁸. Т. к. основной массив приезжающих северокорейских трудовых мигрантов представлен именно неквалифицированными работниками, конкурировать на дальневосточном рынке с многочисленными мигрантами из Китая, Вьетнама и стран СНГ становится все сложнее. Заикленность северокорейских мигрантов в России на своем локальном сообществе не способствует повышению уровня их квалификации. Поэтому основным конкурентным преимуществом северных корейцев остается низкая цена, которую они поддерживают в ущерб условиям своего проживания.

Правовой. Трудовую миграцию из Северной Кореи нельзя назвать стихийной, т. к. ее правительство строго следит за тем, кто, куда и насколько едет работать. В 100% случаев северокорейский гастарбайтер — это легальный трудовой мигрант³⁹. Т. е. он имеет разрешение на въезд и трудовую деятельность в России. На первый взгляд официальный статус должен давать ему те же права, которые закреплены Трудовым кодексом РФ за любым человеком, законно работающим на территории страны: право на заключение и расторжение трудового договора, на условия труда и отдыха, соответствующие государственным нормативам, своевременную выплату заработной платы, защиту своих прав и т. п. (ТК РФ, ст. 21). Однако порядок участия мигрантов

³⁷ Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской / Центр миграционных исследований, институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 26-27.

³⁸ Баунов А. Правда о жизни в самой закрытой стране мира: откровенный разговор с северокорейским бизнесменом. Доступно на сайте http://slon.ru/world/otkrovennyu_razgovor_s_severokoreyskim_biznesmenom-586903.xhtml

³⁹ В рамках Соглашения между правительством РФ и правительством КНДР с 1997 г. все поездки граждан России и КНДР были переведены на визовую основу.

в трудовых отношениях на территории РФ также регламентируется законом от 21 июня 2002 года «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». При этом инициатива потенциального работника-мигранта в российском законодательстве никак не учитывается, т. к. только работодатель может обратиться в компетентные государственные органы за разрешением на использование труда мигрантов, после чего у самого мигранта появится возможность работать в России, но исключительно там, где укажет работодатель⁴⁰. Т. е. ни о каком праве трудового мигранта свободно выбирать вид занятости на территории России говорить не приходится.

Процедура оформления разрешения на работу мигрантов в РФ не содержит каких-либо положений о правах самих мигрантов. Законом не предусмотрено процедуры обжалования мигрантом действий работодателя, который, к примеру, не совершает законно предусмотренных мер по официальному оформлению труда мигрантов. Не может мигрант обжаловать и действия властей, нарушающих процедуры выдачи разрешений⁴¹. Поэтому в российской практике достаточно много упоминаний о том, как *кидают* работодатели трудовых мигрантов: отбирают документы, эксплуатируют *длинный рабочий день*, не платят зарплату или платят гораздо меньше, чем было условленно⁴².

При нынешнем нормативном регулировании именно работодатель несет материальные затраты на привлечение мигрантов в виде оплаты разрешения на каждого работника и обеспечения выезда мигранта после прекращения работы. На практике это стимулирует принуждение к труду именно у этого работодателя и на определенный период времени для компенсации понесенных расходов. Нормы миграционного законодательства также ограничивают свободу передвижения мигранта и *привязывают* к работодателю, т. к. временно проживающие в РФ иностранные граждане не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания, не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта РФ, на территории которого ему разрешено временное проживание.

⁴⁰ Тюрюканова Е. Указ. соч. С. 47-48.

⁴¹ Там же. С. 49-50.

⁴² Шелепов Е. Указ. соч.

Таким образом, любой мигрант попадает в зависимое положение от работодателя, т. к. фактически не может распоряжаться своим трудом, сменить место работы, выбрав другие, более приемлемые, условия. Что касается северных корейцев, то степень их *несвободы* в выборе места, сферы и условий занятости многим выше, чем у нелегальных мигрантов из стран СНГ. Во-первых, за корейцев решает не только российская сторона. Во-вторых, для граждан СНГ предусмотрен безвизовый въезд и разрешение на проживание в России в течение 90 суток со дня постановки на миграционный учет. За это время они могут официально трудоустроиться, получить на основании трудового договора разрешение на работу и продлевать свое пребывание.

«... Нелегалы из СНГ всегда могут где-то устроиться, потому что у нас здесь уже созданы свои сети... Или, в крайнем случае, отделаться штрафом и уехать, а если нет денег, то сдать властям и дожидаться депортации в специальных учреждениях (в них даже кормят нормально!), после чего опять вернуться в Россию...»⁴³

Конечно, в реальности безвизовые мигранты тоже встречают массу проблем. Официально трудоустроиться гастарбайтеры могут только в тех фирмах, которые заранее получили квоты на иностранных работников. Поэтому в большинстве случаев мигранты из СНГ не выбирают работодателя и едут по предварительной договоренности. Либо становятся участниками *теневых схем*, когда они неофициально работают там, где хотят, но за *определенную плату* числятся в фирмах, которые *подсуетились и выбили* себе квоты. Еще один способ остаться — прописаться в квартире гражданина России, что также является предметом купли-продажи.

С 2010 г. в России появилась новая возможность *легализовать нелегальную занятость* безвизовых мигрантов — получить трудовой патент. Изначально данный механизм задумывался для того, чтобы легализовать тех гастарбайтеров, которые трудятся на частных лиц, например, в личном подсобном хозяйстве⁴⁴. Патент стоит 1 тыс. рублей в месяц и его можно

⁴³ Из интервью с мигрантом из Украины.

⁴⁴ Лакунин А. Надеялись на чудо, а получилось как всегда // Миграция. XXI в. 2011. № 1(4). С. 20-22.

приобретать сразу на 3 месяца⁴⁵. В реальности, этот документ позволяет безвизовым мигрантам трудоустроиться в любом другом месте. Таким образом, все бюрократические проблемы легко решаются с помощью различных схем, которые, однако, не доступны северокорейским мигрантам.

«...Раньше (до появления патентов) я всегда искал фирму, которая формально трудоустроила бы меня у себя каким-нибудь рабочим. Но это не так-то и легко было сделать, ведь у нее должна быть на меня квота. А если меня никто не ждет, то и квоты на меня у них нет... Есть фирмы, которые делают большие деньги на таких, как я. Я не рабочий, у меня есть высшее образование (как, кстати, у многих из Украины) и работаю я в Хабаровске на фирму, которой не нужны мигранты, зачем ей заморачиваться ради меня одного квотами? Поэтому сейчас я просто каждые три месяца покупаю патент. Раньше я был как бы рабочий, а теперь я — как бы садовник (смеётся)...»⁴⁶

Политические. Согласно официальной статистике, доля иностранных работников в России составляет 3% от общей численности занятых. Учитывая нерегулируемую составляющую миграции, в реальности она оценивается примерно в 8–9%⁴⁷ — это 5,5–6,2 млн человек. И эта цифра растет год от года. У российской стороны в настоящее время нет стимула бережно относиться к неквалифицированным трудовым мигрантам (в том числе и северным корейцам), т.к. их поток вследствие разницы в экономических потенциалах принимающего государства и стран, поставляющих ресурсы труда, превышает потребности российского рынка труда.

Существуют ли у правительства Северной Кореи планы относительно улучшения положения ее граждан в России неизвестно. Однако, уже сейчас понятно, что без определенных действий со стороны государства ситуация не изменится. Доля северокорейских мигрантов на Дальнем Востоке падает. Если в Хабаровском крае 2007 г. их было более 18%, то к 2011 г. —

⁴⁵ Кстати, прибыль от распространения патентов идет не в федеральный, а региональный бюджет.

⁴⁶ Из интервью с мигрантом из Украины.

⁴⁷ Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. С. 270.

чуть более 11% от численности всех прибывших из-за рубежа. Китайцы, вьетнамцы, выходцы из стран СНГ, при немалом содействии со стороны своих государств, постепенно забирают нишу северных корейцев. Например, китайская сторона инвестирует в строительство на Дальнем Востоке, т. е. стимулирует создание рабочих мест для своих граждан. В странах Средней Азии, в которых денежные переводы занимают значительную долю ВВП, государство организует курсы для потенциальных мигрантов, на которых они могут обучиться популярным в России рабочим профессиям. В таких условиях, Северная Корея может рассчитывать на рост спроса на труд своих граждан со стороны российских нанимателей только в случае совместных инвестиционных проектов, а также финансовых и организационных усилий со стороны государства, направленных на повышение квалификации её трудовых мигрантов⁴⁸.

В тоже время КНДР продолжает относиться к своим собственным гражданам как к ресурсу, который можно переместить с одного места на другое, сдать в аренду, неограниченно использовать и получать от этого прибыль.

«... В 1995–1999 гг. Генеральное консульство КНДР в Находке под предлогом сбора средств для голодающих соотечественников обязало своих граждан в России вносить ежемесячно значительные суммы денег. Так, северокорейские рабочие в Приморье обязаны были ежемесячно сдавать по 200 долл., а на Сахалине, где подённых работников больше и оплата выше, по 300 долл. и т. д., что позволяло генконсульству ежемесячно собирать по 200 тыс. долл. ...»⁴⁹

Со слов правозащитников, северные корейцы даже сейчас чрезвычайно редко обращаются за помощью, т. к. Северная Корея — это государство, где узаконены пытки и внесудебные казни, и любой контакт с местным населением может быть расценен (особенно если есть необходимость в показательных карательных мерах) как измена.

«...В прошлый приезд Вождя КНДР в 2002 г. сотрудники северокорейских спецслужб в России организовали отлов беглых северных

⁴⁸ Забровская Л.В. Корейская Народно-Демократическая республика в эпоху глобализации: от затворничества к открытости. Владивосток: Изд-во ТЦСР, 2006. С. 135.

⁴⁹ Забровская Л.В. КНДР–Россия–РК: обмен трудовыми ресурсами ...

корейцев и провели торжественную их передачу на станции Хасан, приурочив это событие ко дню рождения Ким Чен Ира...»⁵⁰

... 6 июля 2009 г. в г. Благовещенск Амурской области был похищен гражданин Северной Кореи, лицо, ищущее убежища на территории России, — Ли Кук Сон, который уже 13 лет проживает в России нелегально, создал здесь семью, имеет трехлетнего сына. Представители неизвестных структур КНДР заставили его сесть в машину и увезли в неизвестном направлении. По счастью, соседи заметили номер машины. Близкие Ли Кука Сона обратились в правоохранительные органы, сотрудники которых приняли срочные меры. Беженец был возвращен. Он в тяжелом состоянии: избит и очень напуган. Соотечественники били его через привязанные к телу палки...⁵¹

Социальный. Для местного населения есть проблема с нечистоплотностью китайцев и с агрессивностью приезжих из стран Средней Азии, однако проблемы эксплуатации труда мигрантов не существует, тем более корейских, которых не видно и не слышно. А если нет проблемы, разве нужно ее решать?

...Группе студентов из 18 человек было предложено порассуждать о правах людей (абстрактно, без привязки к личностям, национальностям и сферам занятости). Изначально ребята заняли действительно социально-ответственную позицию: все люди имеют равные права и любой человек имеет право на достойные условия труда и на его справедливую оплату. Коллективно было принято считать, что современное трудовое рабство — это когда человек не может распоряжаться собой, когда его используют для работы, ущемляя при этом его права и достоинство. Однако, когда был задан вопрос, можно ли считать рабами мигрантов, которые на территории России живут и работают в ужасных условиях, студенты ответили отрицательно, потому что «...их никто не заставляет ехать сюда...», «...они знают на что идут...», «...если паспорт у них не забирают, значит, они свободны, вправе уйти или отстаивать свои права...»

Возможно, это безразличие происходит от изначально высокой классовой неоднородности нашего общества, в котором

⁵⁰ Из интервью Л.М. Тотарец, адвоката и правозащитника из Благовещенска.

⁵¹ Ганнушкина С. Похищение гражданина Северной Кореи не состоялось // Правозащитный центр «Мемориал». 2009. 6 июля 2009. Доступно на сайте <http://www.memo.ru/d/1287.html>

социальный статус определяет количество благ и свобод, на которое может рассчитывать человек. В таком обществе мигрант не может обладать теми же правами, что и любой другой гражданин, т. к. в этом случае он займет сопоставимое социальное положение, и будет претендовать на блага, которые по определению не бесконечны.

Заключение

Занятость северокорейских мигрантов на территории России по многим признакам можно назвать эксплуатацией: грубые нарушения трудовых прав, работа сверх положенного времени, плохие условия проживания, низкая зарплата, высокая вероятность обмана и т. д. Однако с этим сталкиваются все гастарбайтеры, независимо от их национальности. Исключительность положения северных корейцев заключается в том, что подобная эксплуатация их труда узаконена и поддерживается даже не российской, а северокорейской стороной. Форма такой государственной эксплуатации собственных граждан на территории другой страны (в данном случае России) реализуется правительством КНДР вот уже более 70 лет. В настоящее время она стала намного менее явной, эволюционировав от фактической «барщины» в леспромхозах-концлагерях Дальнего Востока, до «оброка» на стройках современных городов, который сейчас собирается в виде обязательных отчислений в пользу партийной кассы. Находясь под постоянной угрозой физического наказания со стороны своего правительства, плохо зная русский язык и не пользуясь лояльностью местного населения, мигранты из Северной Кореи оказываются не в силах изменить сложившуюся ситуацию. Они лишены свободы распоряжаться собой, своим временем, трудом и его результатами. У них нет возможности даже оспорить свое положение, потому что в России они — лишь трудовые мигранты, а в Северной Корее — всего лишь рабочая сила. Внешняя незаметность механизма такой эксплуатации является одной из причин того, что о проблеме рабского труда северокорейских гастарбайтеров практически не говорят. Вместе с тем *северокорейское трудовое рабство* — это не просто метафора, это констатация социально-экономической, политической и правовой реальности России и КНДР.

Интересы региональных властей и местного сообщества в проведении миграционной политики (на примере Еврейской автономной области)

Миграция и миграционная политика вновь оказывается в центре не только исследований, но и общественных дискуссий². Особенно острыми они становятся на дальневосточных землях России, все больше выплескиваясь из «кухонных разговоров» и академических проектов в публичную сферу.

Причина проста, местное население, как в начале 90-х годов, вновь начинает активно мигрировать из региона. Причины «нового исхода» лежат за пределами нашего рассмотрения, но сам факт его фиксируется уже и официальной статистикой³. Образующиеся ниши заполняют выходцы из других стран, с иной культурой. При том, что сама необходимость присутствия в регионе этих людей уже никем всерьез не оспаривается, осознание этого наличия как проблемы остается. И в разных слоях общества эта проблема осознается различно.

Пожалуй, наиболее ярко сама проблема и ее трансформация в различных социальных слоях проявляется в Еврейской автономной области. В силу малой территории и слабой заселенности, а также отсутствия значительных промышленных центров, областное сообщество здесь отличалось до самого недавнего времени достаточно устойчивыми связями, отчасти воспроизводящими архаические общинные отношения⁴. Наличие компактной массы трудовых мигрантов (почти 90% из них составляют граждане КНР) серьезно деструктурирует эти отношения. Это и делает переживание проблемы особен-

¹ **Бляхер Леонид Ефимович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Полития». Хабаровск.

² Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: «Европа», 2009.

³ См.: «Социально-экономическое положение России», с января 2009 по март 2010 гг.

⁴ Бляхер Л.Е., Соловченков С.А. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. СПб., 2009. Вып. 1.

но острым, а значит, фиксируемым. Именно это и предопределило географические рамки описания.

Эмпирическим материалом, позволяющим, на наш взгляд, достаточно полно описать проблему миграции и восприятие ее местным сообществом, выступают три серии неформализованных интервью, собранных С.А. Соловченковым, С.В. Мишук и автором этих строк в 2008 – 2010 годах. Общее число интервью – 27. Из них 19 интервью проводились по общему плану (биографические интервью), а 8 были экспертными, но связанными с осмыслением проблем миграции. В силу этого мы сочли возможным также использовать содержащуюся в них информацию.

По социальному составу респонденты делились на несколько групп. В группу «власть» (в основном, экспертные интервью) входили представители регионального правительства, работники миграционной службы, муниципальные служащие (7 интервью). В группу «бизнес» – руководители предприятий, использующих иностранных работников (всего 8 интервью). В 3-х интервью сами предприниматели использовали иностранных работников в незначительной степени. Зато эти ресурсы активно использовали их конкуренты. Оставшиеся интервью проведены с работниками тех сфер, где наиболее активно используются рабочие-мигранты («сообщество»). Понятно, что названия групп и само это разделение достаточно условны. Однако именно так распределялись позиции респондентов по отношению к иностранным мигрантам, их видение ситуации. Это видение мы и попробуем охарактеризовать.

Общим моментом выступает признание необходимости привлечения китайских рабочих в область. Это прослеживается в подавляющем большинстве интервью (в 25 из 27). Без этого, по мнению респондентов, остановится строительство, лесозаготовка, возникнут проблемы в сельском хозяйстве и в службах ЖКХ. По словам респондентов, китайские рабочие трудолюбивы и непритязательны. В отличие от недавно появившихся в области иностранных рабочих из стран СНГ («безвизовых»), китайцы гораздо более дисциплинированы, соблюдают установленные нормы. Как отметил один из

респондентов-предпринимателей, «с китайцами всегда можно договориться».

Этим, пожалуй, сходства во взглядах на проблему ограничиваются и начинаются расхождения. Так, на официальном уровне власть, в принципе, не видит здесь проблемы. Китайские рабочие приглашаются в соответствии с выделяемыми квотами. Они компенсируют недостаток трудовых ресурсов в области. При этом о «нелегальных мигрантах», т. е. лицах нелегально пересекших границу, сегодня говорить не приходится. Правда, как отмечают сами респонденты, остается сфера административных нарушений, когда иностранные граждане работают не на тех предприятиях, которые запросили квоту. Контроль здесь трудно осуществим. («Кто их в тайге сосчитает?»).

С точки зрения представителей региональной власти, напряжения на рынке труда области в связи с появлением китайских рабочих не возникает⁵. Во-первых, их слишком мало для того, чтобы влиять на рынок труда. Во-вторых, они заполняют ниши, в которые граждане России не особенно стремятся.

При неформальной беседе признавалось, что часто предприниматели предпочитают китайских рабочих местным, поскольку *«китайцы не пьют и меньше возбужают»*. Приведем типичную точку зрения: *«Наши в селах уже давно спились, все пораспродали. Работать не хотят, да и не умеют уже. Китайцы здесь для нас, как спасение какое-то. Они работают. Вот, урожай сои у нас уже третий год растет. Это — китайцы»* (работник областной администрации, 49 лет, образование высшее).

Вина за наличие административных нарушений, по мнению этой группы респондентов, лежит, прежде всего, на предпринимателях, которые «заказывают» рабочих больше, чем им реально нужно. В результате те вынуждены устраиваться на другие производства, что существенно затрудняет контроль и уменьшает налоговые отчисления, поскольку эта

⁵ Мищук С.Н. Современные миграционные процессы в Еврейской автономной области // Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т. 3. Мезоэкономика. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

работа часто осуществляется посредством устного найма. Часть вины респонденты-работники государственного и муниципального управления возлагают на федеральные власти и проводимую ими политику.

Наряду с разумными изменениями в административном кодексе (2007) есть и те, которые связаны с особенностями миграционной ситуации «на Западе», с преобладанием трудовых мигрантов из стран СНГ. Задача этих новаций – обеспечить легальный статус, минимизировать возможность проникновения этнического криминала, интегрировать иностранных рабочих в принимающее сообщество, растворить их в нем. Миграционные правовые акты в минимальной степени учитывают реалии Дальнего Востока и особенно ЕАО с абсолютным преобладанием китайцев среди гастарбайтеров. Здесь, по мнению респондентов, проблема состоит не столько в легальном статусе и противодействии криминалу, сколько в последовательной защите экономических интересов страны и ее граждан.

Несколько иную тональность имеют интервью тех работников администрации, которые связаны с «социальным» и «экологическим» блоками. Здесь тоже признавались исключительные качества китайских рабочих, которые соглашались работать до 18 часов в сутки, крайне неприспособлены в отношении к бытовым условиям. Но область «негатива» в этих интервью была намного шире. Граждане России в описании этих респондентов не выдерживают конкуренции с китайскими рабочими и вытесняются из тех секторов, в которых работают китайцы. Соотношение 25% китайцев к 75% соотечественников выдерживается, по их словам, только «на бумаге». Реально же китайцы занимают более 80% вакансий на этом рынке.

Более того, вытеснив из данных сфер (строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки) российских работников, китайцы постепенно начинают вытеснять и своих «хозяев». Через систему кредитов, инвестиций и заказов китайские предприниматели сначала становятся совладельцами, а потом и реальными собственниками предприятий с преобладанием рабочих-китайцев. При этом они остаются добросо-

вестными налогоплательщиками. Формальных оснований для приостановки деятельности их предприятий нет. Однако социальное напряжение в районах, где преобладают такие фирмы, стремительно возрастает. Вытесняются уже не только работники, но и инженерный корпус, менеджмент.

Есть, по мнению респондентов, и прямая угроза экономической безопасности страны. Эти фирмы с потребностей рынка ЕАО и Дальнего Востока, практически сразу переориентируются на рынок северных районов КНР. Тем самым, территория ЕАО втягивается в экономическое пространство сопредельного государства, «отрываясь» от экономического пространства Дальнего Востока и России. Область же, выигрывая в краткосрочной перспективе, *«проигрывает будущее»*.

Еще более категоричны «экологи». С их точки зрения, китайские предприятия наносят непоправимый вред природному комплексу области.

Данную ситуацию эксперты обозначают как *«уничтожают всё вокруг»*, *«если человек временный, то он так и относится к территории»*. Основной причиной в сложившейся ситуации (особенно в ресурсодобывающих отраслях) эксперты называют отсутствие нормативной базы (федерального уровня), позволяющей как регулировать вопросы природопользования иностранными рабочими, так и применять при необходимости штрафные санкции.

Примером может служить любая отрасль, связанная с добычей («варварской») ресурсов: создается новое предприятие, которое по Закону № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и предпринимательства» не может быть проверено в течение первых трех лет с момента регистрации. Отработав сезон, выбрав все возможные ресурсы, причем здесь речь идет не только о заявленной деятельности, но и о биологических ресурсах, как на территории проводимых работ, так и вокруг, предприятие «исчезает».

По закону учредитель не несет ответственности за деятельность созданного им юридического лица. В результате, предъявлять претензии (штрафы) некому. В следующем году тем же учредителем создается новое предприятие, которое

будет работать по существующей схеме. Таким образом, добыча ресурсов на территории ЕАО осуществляется в рамках существующего законодательства, но с нарушениями экологических норм.

Иная тональность прослеживается в интервью с предпринимателями. С их точки зрения, и этот момент есть во всех интервью, обойтись без китайских рабочих сегодня область не может. *«Где я возьму людей на стройку? Рожу? Их просто нет. Если завтра китайцы снимутся, то строительство всего остановится. Просто станет. Понимаешь?»* (предприниматель, 58 лет, образование высшее).

Предприниматели не отрицали, что они охотнее возьмут на работу китайца, чем соотечественника. В качестве мотива, диктующего такое решение, назывались не только позитивные качества китайских работников, но и негативные стороны работников из ЕАО. По мнению предпринимателей, местные работники намного менее эффективны, чем китайские. *«Ты сам посмотри: наши три рубля заработали, сразу за пузырьем. Потом жди, пока они протрезвеют и похмелятся. Таких работников только от большой беды возьмешь. А китайцы — это совсем другое дело. Они с рассветом вышли, до заката отпахали. Никаких проблем»* (предприниматель, 52 года, образование высшее).

Однако и с китайскими рабочими, по мнению предпринимателей, существуют проблемы. Правда, эти проблемы, скорее, связаны с получением разрешения на ввоз китайских работников. *«Есть два способа получить квоту на ввоз китайцев. Один — убедить чиновника, что таких работников, как мне нужны, у нас в «еврейке» нет. Здесь будет много проблем. Начнут твердить, что такие работники есть, что целое ПТУ таких готовит. То, что мне такие не нужны, что они работать не умеют, никому не объяснишь. Есть работник — знаешь, китайца не завезешь. Есть вариант проще — дать взятку»* (предприниматель, 41 год, образование высшее).

Вполне понятно, что большая часть опрошенных предпринимателей предпочитала второй вариант. При этом, подобная операция воспринималась именно, как форма «совершенствования» наличного законодательства. Местные

работники при этом, однозначно оценивались, как «негодные». А китайцы, как «спасители» и бизнеса, и экономики области в целом. Однако при интервью с предпринимателями, не использующими китайских работников, обнаружилось несколько «нестандартных схем», функционирующих на этом рынке.

Во-первых, квота на завоз иностранных (китайских) рабочих, полученная за взятку, достаточно слабо связана с реальной потребностью. Соответственно, при наличии тесных контактов с лицами, ответственными за выдачу квот, возникала возможность «торговли китайскими рабочими». «Лишние» работники не безвозмездно переходили к другим работодателям. При этом используется форма «устного найма». Иными словами, сам факт работы на ином предприятии нигде не фиксируется.

В одном из интервью отмечается, что существуют «предприятия», специализирующиеся только на этом виде деятельности. Они выступают, своего рода, «кошельком» местных администраций. Последние не берут взятку напрямую, но создают благоприятный режим получения квот для конкретного предприятия. Остальные предприятия области, нуждающиеся в иностранной рабочей силе, вынуждены *«идти на поклон»* к привилегированному предприятию. Само же предприятие оказывается на диво «социально ответственным», участвуя в финансировании проектов администрации.

Китайские рабочие в этих условиях оказываются «подарком» для работодателя. Они не фиксируются (не всегда фиксируются) в официальной отчетности. Соответственно, избавляют предпринимателя от необходимости платить НДС, социальные выплаты. Даже, если заработная плата китайского работника в этих условиях равна зарплате гражданина России, для работодателя он оказывается выгоднее. Зачастую, будучи оформленным на одну зарплату, китайский работник «на руки» получает другую. В зависимости от соот-

ношения номинальной и реальной зарплаты это может быть и формой уклонения от налогов, и способом увеличения собственной зарплаты⁶.

Однако высказывалась и иная трактовка ситуации⁷. Причем, именно она была распространена и среди властных лиц, и среди работодателей. Получение квот, по сути, является не столько экономическим, сколько политическим жестом. В зависимости от политической конъюнктуры квоты могут быть уменьшены или увеличены. Соответственно, предприниматели (работодатели), заинтересованные в обеспечении производства рабочей силой, предпочитают *«просить рабочих впрок»*, в расчете на то, что *«дадут меньше»*. В условиях, когда запрос выполняется в полном объеме, на предприятии *«повисают»* лишние работники. Здесь и возникают все, описанные выше коллизии.

«Ну, куда мне их девать? Мне нужно 30 рабочих, а завезли 45. Откажешься, в следующем году просто не дадут квоты. Вот и крутимся. Это не бизнес. Так, небольшой гешефт» (предприниматель, 36 лет, образование высшее).

Не все «гладко» обстоит и с высокими деловыми качествами китайских работников в противовес низким деловым качествам соотечественников. В ряде интервью отмечалось, что китайские работники выгоднее работодателям и администрации в ином отношении. Наличие иностранных рабочих существенно снижает социальную нагрузку на предприятия и местные власти. В отличие от соотечественников, большая часть китайских рабочих не ориентирована на долговременное проживание. Во всяком случае, до самого недавнего времени. Соответственно, они не нуждаются в детских садах, школах, в минимальной степени используют больницы и т. д. Да и социальные выплаты и налоги в условиях устного найма и постоянно возрастающей налоговой нагрузки на предприятия, у китайских работников намного меньше.

⁶ Барсукова С.В. Формальное и неформальное трудоустройство в России: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7.

⁷ Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск, 2009.

Местные работники, местные жители, включенные в формальные институты и неформальные связи, гораздо сильнее «нагружают» и социальную инфраструктуру, и предприятия. При этом, в профессиональном отношении они не хуже своих иностранных коллег. Однако, для того, чтобы использовать «китайский ресурс» необходимо обосновать обратное. Так и формируется дискурс о тотальном пьянстве и профнепригодности жителей ЕАО. С помощью этот дискурса, ставшего чем-то само собой разумеющимся, местные работники, по существу, вытесняются из определенных сфер занятости. С помощью этого дискурса обосновываются квоты на ввоз иностранных рабочих, приоритет китайских работников перед местными и т. д. В интервью, взятых у местных жителей, проживающих в сельской местности и связанных с сельским хозяйством, этот мотив прослеживается совершенно отчетливо.

«Китайцы вытесняют нас. Уже почти выгоняют из своего дома. И всем плевать. Они всем удобны. Пашут, как муравьи, и ничего им не надо. В вагончике набьется тридцать штук и нормально. Посмотри, в поле ни одного нашего не увидишь. Люди хотят работать. Так, нет. Только китайцы. Мы, говорим, бухаем только. Ага. Им так удобно говорить» (житель Смидовичского района ЕАО, образование среднее, 48 лет).

Заметим, что в условиях крайне узкого рынка труда сельскохозяйственной области, столкновение между местными и приезжими кажется почти неизбежным. Однако, ни один из респондентов не упомянул об открытых конфликтах между местным населением и приезжими рабочими из сопредельного Китая. С другой стороны, взаимоотношения с приезжими из «безвизовых» стран СНГ достаточно часто порождает конфликтные ситуации и на бытовой, и на экономической почве.

Причина, на наш взгляд, состоит в том, что приезжие из Центральной Азии и Закавказья вливаются в существующую структуру, начинают жестко конкурировать с местным населением не только на низовом уровне (за рабочие места низкой квалификации и уровня оплаты), но и на уровне менеджмента, административного руководства. Наличие жестких

неформальных связей и использование полукриминальных систем «налаживания отношений» делает их вполне конкурентоспособными в отношении с местными жителями. Жесткость конкуренции задает и напряженность конфликта, выливающегося порой в открытое противостояние (конфликт в 2010 году в Октябрьском районе ЕАО между местными жителями и приезжими из республик Северного Кавказа).

Китайцы используют иную социально-экономическую стратегию. Причем, по мнению респондентов, это именно осознанная стратегия, а не случайно сложившийся набор поведенческих стереотипов. *«Они же все заодно. А финансирует их государственный банк. Это такая осознанная политика. Сначала рабочие, потом предприниматели. А там и, смотришь, оно уже не наше, а китайское»* (преподаватель вуза, бывший военный, 51 год).

При всем том, что никаких враждебных проявлений со стороны китайских мигрантов не наблюдается, во всяком случае, о них никто не говорил, напряженность имеет место. По интервью картина вырисовывается следующая. Сначала прибывают китайские рабочие, которые вытесняют местных работников, ставя, по сути, хозяев предприятий в зависимое положение. *«Если сегодня уедут китайцы, то завтра все строительство в области станет. Заменить их некому»* (глава строительной организации, 43 года, образование высшее). После этого появляются китайские бизнесмены, предлагая российским партнерам «рационализацию» производства. В качестве такой «рационализации» предлагается переориентация на китайский рынок и инвестиции со стороны партнера⁸.

При этом дается понять, что принятие предложения приведет к немедленному расцвету, а его отвержение к серьезным проблемам с китайскими работниками. Предприятие юридически или фактически становится совместным. Китайский партнер занимается производством и сбытом, а его российский коллега обеспечивает контакты с властями и

⁸ Мищук С.Н. Совместные предприятия с участием КНР на территории ЕАО // Мат-лы и док. науч. семинара, посвященного 350-летию похода Е.П. Хабарова «Российское Приамурье: история и современность». Хабаровск, 1999.

легальную форму существования бизнеса. Создание такой «правовой рамки», как отмечал В. Радаев⁹, крайне важная функция на предприятии. Но все более важной оказывается функция, собственно, организатора производства и сбыта. Более того, постепенно, функция поддержания «легального тела» предприятия переходит к китайскому партнеру. Предприятие, вне зависимости от правового статуса и формального собственника, становится китайским, ориентированным на китайский рынок и китайскую же рабочую силу.

Постепенно меняется стратегия китайских граждан в отношении времени пребывания в России. Наличие бизнеса и серьезных материальных активов делает насущно необходимым натурализоваться в ЕАО. Эта новация последних лет тоже неоднократно отмечалась в интервью. Еще недавно респонденты отмечали, что *«если бы китайцы относились к нам, как мы к ним, то никто бы туда не поехал»*. Сегодня почти все респонденты (2 исключения) отметили, что вполне позитивно отнеслись бы к браку своей сестры (дочери) с китайским гражданином. Официально такие браки специально не фиксируются (по словам работника ЗАГСа г. Биробиджана). Существующие органы (ЗАГС, ФМС) осуществляют лишь регистрацию факта брака или рождения ребенка, но не ведут отдельную статистику по этим категориям населения. Необходимая информация имеется, но она не обрабатывается, хранится только в бумажном виде. *«Если на федеральном уровне разработают соответствующую форму, то мы будем отправлять такую информацию в статистику»*.

В интервью с жителями ЕАО констатируется, что таких браков в последние годы стало намного больше. Здесь оценки респондентов раздваиваются. Как отмечалось выше, они вполне благожелательно относятся к вступлению в брак с гражданином КНР своей близкой родственницы. Здесь отмечается домовитость китайцев, их любовь к детям, неприхотливость в быту. С другой стороны, само явление вызывало у респондентов напряжение и тревогу. *«Понимаете, их становится все больше. Это нигде не фиксируется, но видно уже невооруженным глазом. У них и детей рождается не один или*

⁹ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

два, а четыре-пять. А в такой семье рождаются не русские, а китайцы. Мы подсчитали, что достаточно десяти тысяч китайцев, натурализовавшихся в ЕАО, чтобы через 10-12 лет китайцы составили здесь большую часть населения. Не подумайте, это не страшилка. Это обычный подсчет» (работник НИИ, 32 года, кандидат наук).

Еще пессимистичнее местные жители, не включенные в научную сферу. По их мнению, в области уже сформировалась структура, которая может существовать только с опорой на прилегающие территории Северного Китая. Более того, сфера «применения» китайского бизнеса в области постоянно расширяется. Это уже не только природные ресурсы (необходимые КНР), строительство и ЖКХ (необходимые жителям области). В 2010 году было принято правительственное решение об использовании китайских рабочих и сотрудничестве с китайскими предпринимателями в сфере легкой и перерабатывающей промышленности. Иными словами, число «зависимых» областей расширилось, охватив все значимые сферы ЕАО. На вопрос о перспективах области через двадцать лет типичным был следующий ответ: *«Не будет области, к сожалению. Максимум протянет лет 5-8 и станет какой-нибудь Маньчжурией»* (предприниматель, 43 года, образование высшее).

После краха идеи «еврейской страны» в 1936-м году ЕАО оказалась странным политическим образованием. Из массива Хабаровского края были «вырваны» несколько сельскохозяйственных районов с зачаточным уровнем развития промышленности. Масштабные проекты 1930–1970-х годов по индустриализации региона проходили в других местах. Сама ЕАО могла существовать только в тесном взаимодействии с хозяйством Хабаровского края и, отчасти, Амурской области. В состав края она входила и юридически. Но в 90-е годы ситуация изменилась. На ЕАО неожиданно обрушилась самостоятельность. В условиях формирования достаточно закрытых и протекционистски настроенных региональных экономик это означало разрыв связей с сопредельными территориями РФ.

Возникло «слабое звено» Дальнего Востока, существующее на далеко не щедрые федеральные трансферты. В тот момент использование близости Китая было спасением. Более поздние попытки интегрировать область в ДФО особым успехом не увенчались. Область все глубже втягивалась в социально-экономическое пространство КНР. При этом, втягивалась вполне мирно и постепенно. Миграция стала инструментом такого втягивания. «Пустота», образуемая распадом социальных связей, отъездом из ЕАО, естественно заполняется «переполненным» соседом. Насколько этот процесс окажется типичным для региона в целом, покажет ближайшее будущее. Но именно таким он выглядит в восприятии и населения, и региональных властей.

Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска)

Национально-культурные общества (НКО) начали в массовом порядке создаваться в России с конца 1980-х годов. Получив почти сразу официальное признание и законодательное оформление, они стали к настоящему времени привычным и узнаваемым институтом в жизни больших и многих малых городов. В обыденной речи и в официальной практике их часто называют «национальностями», «общинами», «землячествами», «диаспорами». Несмотря на сравнительно короткий период существования и деятельности, они пережили и периоды популярности, заметной роли в общественной и политической жизни местных сообществ, и времена почти полного забвения². Но неизменно одно — его особое положение в системе общественных и властных отношений, в системе коммуникаций многонациональных городских сообществ. «Особость» НКО среди прочих институтов гражданского общества проявляется во многом. Это и «специальное законодательство», и отдельная строка в бюджетах почти всех уровней, и «свой — специальный» менеджмент — национально-культурное производство³, «своя — специальная» инфраструктура — дома народов, дома дружбы, частично обеспечиваемые государством.

Почему национально-культурные общества — формально обычные общественные организации с декларированными в уставах культурно-просветительскими целями — заняли (и продолжают занимать) совершенно особое место в системе общественных и властных отношений: и на уровне страны, и на уровне субъектов федерации, и на уровне мест-

¹ Калугина Галина Валерьевна — Региональный исполком ВПП «Единая Россия» (Иркутск).

² Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху: случай Иркутска // *Полития*. 2010. № 2 (57). С. 91-106.

³ Макарова Г., Ходжаева Е. Управление этнокультурными различиями «после империи» // *Ab Imperio*. 2005. № 4. С. 177.

ных сообществ? Наша гипотеза заключается в том, что НКО получило или приобрело (целенаправленно или случайно) важную посредническую роль в системе коммуникаций современного российского города и страны в целом.

Цель работы – представить феномен посредничества НКО в системе коммуникаций современного города через изучение риторики, практик, выявить потребителей этой функции. Важно понять, в какой период развития общественных отношений посредническая функция НКО наиболее востребована и кем. Помимо всего прочего, это позволит всем участникам таких коммуникаций (а это и власть, и этнические сообщества, и принимающее большинство) более эффективно и целенаправленно использовать потенциал института, особенно в условиях угроз общественно-политической устойчивости страны.

Национально-культурное общество: типология, динамика активности

Говорить об изученности проблемы не приходится. Феномен национально-культурного общества – общественного объединения по национальному признаку – хоть и является объектом внимания исследователей, до сих пор в полной мере не проанализирован, а большинство работ изучают данный институт через призму идеологемы «международного мира и согласия». Вопрос о посреднических функциях НКО еще не ставился. Хотя сам феномен посредничества активно изучается, в том числе и с точки зрения этнически-маркированного посредничества⁴. Но в большинстве случаев объектом таких исследований становится миграционная ситуация (проблемы адаптации мигрантов в принимающее общество, их предпринимательская деятельность). Однако, изученные нами работы позволяют подтвердить тезис о посреднической функциональной роли НКО, обеспечившей этому институту особое положение в системе общественных отношений.

⁴ Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 81-111.

В качестве примера мы выбрали город Иркутск — типичный *многонациональный* региональный центр. Его многонациональность — обязательный атрибут внешнего образа, демонстрация символического капитала общества, этническое⁵ многообразие — данность, исторически сложившийся факт. Город имеет богатую традицию общественной активности. Изучение посреднической функции НКО на его примере вполне допустимо и результаты такого исследования могут выявить многие процессы, характерные для страны в целом.

Многонациональный состав Иркутска формировался волнами. Это результат не только миграционных процессов, в ходе которых в городе появлялись представители все новых этнических групп или радикально расширялись, меняясь при этом за счет новичков, группы старые, уже существующие. Значительно менялась роль самой этничности, оттесняясь на задний план или внезапно актуализируясь как в индивидуальных самоидентификациях, личных стратегиях и практиках поведения так и в системе общественных отношений. Особенно важен здесь этап перестройки и распада СССР, когда происходит активное обращение к корням, попытки самоосознания и самоопределения в условиях рухнувшей советской идентичности через принадлежность к этнической группе и в конце девяностых — нулевые годы — начало массовых миграций и формирования новых диаспор.

Именно это обстоятельство стало главной причиной формирования НКО. Национально-культурные общества Иркутска — результат деятельности иркутской интеллигенции, составлявшей в конце 1980-х гг. основу общественного движения региона. Однако их формирование было санкционировано и негласно поддержано властями, которые стремились наладить контакты с формирующимся гражданским обществом и обрести инструменты влияния на него.

Всеобщее Иркутске зарегистрировано сейчас 35 национально-культурных обществ и национально-культурных автономий. Предшественники НКО появились еще в советский период и действовали по принципу клубов любителей культуры или друзей той или иной страны. В период перестройки, вско-

⁵ В рамках данной статьи «этническое» и «национальное» используются как синонимы.

лыхнувшей различные социальные процессы, в том числе и национально-культурного самоопределения, сформировались НКО, представляющие основные национальные группы региона. По преимуществу это касалось представителей коренных и старожильческих народов: русских, бурят, татар, украинцев, поляков, немцев, чувашей. Новая волна объединения по национальному признаку произошла в конце 1990-х — начале нулевых годов. Тогда создавали НКО представители нового миграционного поколения — только еще формирующихся новых диаспор. Были созданы НКО таджиков, узбеков, киргизов. Заметно активизировалась деятельность обществ, созданных китайцами, корейцами, армянами. Современный период характерен рутинизацией процессов как национального самоопределения, так и работы НКО, их присутствия, роли и места в системе городских социальных коммуникаций. Новые национально-культурные объединения не создаются, но часто происходит смена названий, лидеров, дробление уже существующих.

Таким образом, в Иркутске можно выделить две основные группы НКО: 1) созданные представителями старожильческих — коренных и укоренившихся — народов, потомками переселенцев или ссыльных и 2) представляющие те этнические группы, где высока доля мигрантов, формирующих новые диаспоры. Эта типология отражает не только специфику процесса их формирования, но и различия в стратегии и практиках их деятельности. Если для первой группы приоритетны задачи этнокультурные (как это фиксируется и в их уставах), то для второй важны задачи адаптации мигрантов к принимающему обществу⁶.

С одной стороны, нет ничего удивительного в том, что общественные организации проявляют свою активность в наиболее важных для целевой группы сферах. Однако НКО, в соответствии с уставами, да и по определению, в первую очередь *национально-культурные* организации, созданные в

⁶ Подробнее см.: Гедвило Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: как и зачем объединяются люди по национальному признаку // Мигранты и диаспоры на востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. М.;Иркутск: Наталис, 2007. С. 81-98.

целях удовлетворения национально-культурных потребностей граждан, идентифицирующих себя с той или иной национальностью. А такая задача, как решение проблем мигрантов, возникла по умолчанию. Что еще более важно, эта сторона деятельности НКО оказалась востребованной и воспринятой государством, которое придает ей большое значение.

Чрезвычайно важно то, что НКО явно или имплицитно претендуют на право представлять всю этническую группу, говорить от ее имени, хотя формируются, как и все общественные организации, путем добровольного объединения граждан и не получают соответствующих прав и полномочий от группы. Да и не могут получить – в силу невозможности юридического оформления такой группы и, соответственно, отсутствия механизма получения такой санкции. Иногда в НКО могут состоять всего несколько человек. Тем не менее, и власти, не юридически, так фактически зачастую рассматривают НКО в качестве уполномоченных представителей групп, и их лидеров – как своеобразных «начальников диаспор». Фактически же, власти более или менее успешно используют НКО в качестве канала связи и посредника во взаимоотношениях с представителями тех или иных этнических групп и сообществ.

Информационная и посредническая деятельность НКО в системе городского сообщества

При осмыслении феномена посредничества мы опирались на монографию В.И. и А.В. Верховиных «Посредническое поведение». Проведенный ими анализ явления социального поведения (процесса канализации трансляции ценностей в различных сетях социального обмена) и коммуникативного поведения (процесса обмена информацией), теоретически обеспечивают наш тезис о системе коммуникаций многонационального города.

Говоря о системе коммуникаций города, мы имеем в виду «коммуникативное поведение, которое есть процесс обмена информацией (...), осуществляющегося в рамках социально-

го взаимодействия, представляющего собой систему комплементарных возможностей множества людей, которые ищут недостающие звенья в цепи средств достижения своих интересов и используют ресурсы, которыми обладают другие». Мы говорим также о феномене социальных сетей, обеспечивающих социальный обмен, определяющих самые разнообразные порядки социального взаимодействия и регламентирующих социальные контакты и направления социальных коммуникаций между индивидами и группами⁷.

Особую роль в устойчивости образа НКО как «представителя диаспоры» сыграло и продолжает играть отношение к нему самого государства – нуждающегося в механизме обратной связи, в каналах информации и донесения различных, в том числе неофициальных, сигналов до различных, в т. ч. этнических, групп общества. С НКО государство сразу начало работать, исходя из такого понимания, оставив за скобками факт, что не всегда они могли представлять всю этническую группу. Готовность по максимуму переложить на НКО ряд проблемных вопросов (в сфере межнациональных отношений и миграции) подтверждается еще и тем, что на первых этапах становления современных миграционных процессов власти некоторых субъектов страны откликнулись на предложение НКО «дать им справку, что они тут главные, чтобы всех контролировать»⁸.

Для укрепления посреднических позиций НКО в сфере коммуникаций, для фиксации характера своих взаимоотношений с ними, государство вводит «специальное» национальное законодательство: закон «Национально-культурной автономии в РФ», «Концепция национально-культурной политики в Российской Федерации», инициирует или поддерживает многочисленные дискуссии на тему межнациональных отношений. Данные нормативные акты, а также официальный государственный дискурс, рассматривались национальной общественностью, активистами и лидерами НКО, как подтверждение их личности, как возможность пре-

⁷ Верховин В., Верховин А. Посредническое поведение / Под ред. В.И. Зубкова. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 26-30.

⁸ В Иркутской области, кстати сказать, в адрес властей не раз поступали такие предложения.

тендовать на особые права и статус в системе властных отношений.

Таким образом, образ НКО как представителя народа прочно утверждается в административной практике. Характерно, что их все чаще стали называть диаспорами, распространяя на них термин, относящийся ко всей специфической этнической группе⁹. В результате, типичной становится ситуация, когда лидер НКО выступает «от имени всего народа...». Следует вновь подчеркнуть, что национально-культурное общество, как и любую другую общественную организацию, могут создать и три человека. Несмотря на то, что закон «О национально-культурной автономии в РФ» предусматривает вертикаль и централизацию всех организаций, представляющих конкретную национальную группу, венчающуюся федеральной национально-культурной автономией, этот порядок повсеместно не соблюдается. Поэтому и на местных, и на федеральном уровнях типична ситуация существования нескольких организаций, представляющих одну этническую группу.

Несмотря на то, что представительство это весьма условно, что национальных активистов не так уж и много, а лидеров этнических сообществ (тем более официальных) еще меньше, НКО сегодня являются важнейшим информационным каналом в коммуникативных цепочках общественного пространства: они концентрируют информацию, востребованную и мигрантами, и местными жителями, и властью. Еще в девяностые годы среди милицеских служб возникла практика обращаться в адрес НКО за характеристикой/справкой по поводу иностранных граждан: «Мы говорим им, что не знаем этого человека, — рассказывала сотрудник Азербайджанского НКО «Бирлик», — а они все равно настаивают, мол, кроме нас у него тут вообще никого нет»¹⁰.

Уникальность положения НКО в городском сообществе и системе местной власти и вытекала из того, что они оказались видимыми, всем понятными и «близкими» института-

⁹ Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126 – 138.

¹⁰ Архив автора.

ми, чем-то конкретным, через что можно было воспринимать формирующиеся новые диаспоры и все пребывающих в город мигрантов, с чем можно было соотнести пробуждающееся этническое самосознание. И стоит еще раз подчеркнуть, что это уникальное положение стало прямым следствием официального статуса НКО, пусть даже в качестве общественной организации.

И если учесть, что система коммуникаций как внутри сообществ (больших и малых), так и между ними обеспечивается социальными сетями, в структуре которых образуются ячейки «особого влияния»¹¹, места в которых занимают социальные посредники, то именно эта ниша и была заполнена вольно или невольно национально-культурными обществами. А основными узлами и «точками» социального посредничества, которые обеспечивали НКО внутри социальных сетей, стали: миграционная ситуация (пребывание и адаптация в городе мигрантов, взаимодействие их с принимающим обществом); конфликты, получившие этническую окраску; сохранение культур народов, проживающих на территории Российской Федерации, сохранение самобытности коренных и малочисленных народов; политическая стабильность общества, реализация национальной политики или национальная политика.

Об институтах и практиках посреднической деятельности НКО

НКО выступают в роли социальных посредников, являясь важнейшим фактором социальной коммуникации и взаимодействия. Они обеспечивают социальные связи и коммуникации *между членами различных сообществ, как внутри них, так и между ними*¹². При этом совершенно очевидно, что действуют они в каких-то определенных рамках, полях, точках пересечения. Институциональное поле деятельности НКО-посредников сложилось не в одночасье и вовсе не является стандартно-типовым комплексом действий. Попытаемся представить те коммуникативные цепочки, где основным

¹¹ Верховин В., Верховин А. Указ. соч.

¹² Там же. С. 30.

связующим звеном выступает НКО, а также рассмотрим институты, которые создаются стихийно или целенаправленно для приведения этого механизма в действие.

НКО находится на пересечении ряда коммуникационных каналов:

- Государство (власть) – мигрантские/этнические сообщества;
- Государство (власть) – страны-доноры («этническая родина»);
- Мигрантские/этнические сообщества – местное население;
- Этническое сообщество – «этническая родина»;
- Представители этнической группы – представители этнической группы.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что и мигранты, и власть, и этнически осознавшие себя жители города интуитивно выбирают примордиалистскую стратегию – вхожде в среду через национально-культурное общество.

Рассмотрим для начала НКО в цепочке общество – мигранты, власть – мигранты. В период становления новой миграционной ситуации многочисленные неорганизованные, незнакомые и непонятные массы людей, представляющие иные культуры, государства, не говорящие на русском языке, стали одним из элементов городского социального пространства. В тот период спрос на посредника сформировался сам по себе. Массу людей волновал вопрос: «кто здесь главный? Кто за это отвечает?». Так уверенно заявлять этот тезис позволяют нам многочисленные письма в адрес тех же национально-культурных обществ с жалобами на торговцев такой-то национальности, которые ведут себя вызывающе, или плохо обслужили, на недобросовестных квартирантов и т. д.¹³ Авторы этих писем явно или имплицитно считали, что представители некоей национальности составляют корпорацию, возглавляемую начальниками – лидерами НКО. Именно как к начальникам они к ним и обращались.

¹³ В архиве автора имеется подборка писем, переданных руководством АЗНКО «Бирлик», в которых иркутяне обращаются с жалобами на действия представителей азербайджанской общины.

Тем более привычным и понятным был такой взгляд для представителей властей. Со стороны администрации Иркутской области в адрес национально-культурных обществ также поступали предложения оказать содействие в наведении порядка среди мигрантов¹⁴. Первые лица Иркутска на первом заседании Совета по межнациональным отношениям (начало 2000-х гг.) совершенно недвусмысленно обозначали свое понимание роли НКО в современной межнациональной ситуации: *«Вы должны контролировать мигрантов, знать, сколько их здесь, кто чем дышит...»*. Особенно важна здесь категория долженствования. Лидер НКО воспринимался не как человек, добровольно возложивший на себя некие общественные функции, и который в этом смысле что-то должен только членам своей общественной организации. Он имплицитно встраивался в систему власти – и потому от него ожидали обязательного выполнения властных функций. Не наделяя его, конечно, соответствующими правами, полномочиями и ресурсами.

Формирующееся национально-культурное и миграционное производство, также требовало участника диалога. Властям, для реализации своих полномочий «взаимодействия с национальными сообществами, обеспечения/поддержания межнационального мира и согласия» необходим был собеседник, транслятор идей в национальные сообщества, в массы. Нужна была и обратная связь, информация о том, что происходит внутри этих формирующихся сообществ (в первую очередь – мигрантских). В то время нередко можно было услышать от председателя НКО, что к нему за помощью обращалась миграционная служба, чтобы принять участие в проверке той или иной коммерческой структуры, пользующейся услугами мигрантов.

И здесь – в этой коммуникативной цепочке инструменты обмена информацией формировались властью осознано и целенаправленно. Традиционными стали конференции, круглые столы, различные советы при органах власти, куда в обязательном порядке вводятся «лидеры диаспор». Отдельно стоит представить такой инструмент, как систему регулярных

¹⁴ Архив автора 1990-е гг.

и эпизодических встреч областных и городских руководителей с лидерами национально-культурных обществ. «Встречи с представителями диаспор», иногда даже «встречи с диаспорами» инструментально использовались властью в условиях нестабильной межнациональной обстановки. Они имели своей целью не только отследить настроение в среде и донести до нее (среды) свои сигналы, но и продемонстрировать обеспокоенному принимающему большинству, что ситуация под контролем, власть «общается с диаспорами». Использовали этот механизм и сами этнические лидеры – организуя встречи «актива общины» с органами власти для разъяснения возникающих проблем. Особенно активно начинают использоваться эти инструменты (встречи с активом, старейшинами) после столкновений, получающих национальную окраску. Иркутск помнит события 2000 года, когда в центре города, в собственном офисе было расстреляно все руководство АЗНКО «Бирлик». Тогда встречи с национальной ответственностью проводились на самом высоком региональном уровне. События, развернувшиеся в декабре 2010 года на Манежной площади в Москве, также заставили власти обратиться к встречам с национальными лидерами.

Нуждались в посреднике и сами мигранты. Мигранты – торговцы и гастарбайтеры – сталкивались с множеством проблем. Проблемы взаимоотношения с местными органами внутренних дел, фискальными структурами заставляли приезжих, плохо ориентирующихся в местном обществе, искать посредника, покровителя.

В «нулевые годы» – время становления интенсивных миграционных процессов – достаточно распространенной была ситуация, когда мигранты обращались в НКО или мечеть за помощью. Это не только проговаривалось лидерами НКО, но и фиксировалось социологическими исследованиями. В 2001 году группа молодых иркутских социологов на конференции, посвященной вопросам межнациональных отношений, представила доклад, где красной линией проходил вывод о том, что мигранты в первую очередь обращаются в НКО за содействием и приоритет отдают тому городу (при выборе миграционной стратегии), где есть национально-культурное

общество. В то же время, в нашем распоряжении имеется интервью представителя Азербайджанского национально-культурного общества (АзНКО) «Бирлик», который в 1999 году подчеркивал, что часто «мигранты избегают контактов с организацией, так как боятся, что их выдадут милиции». Здесь, конечно же, речь идет в первую очередь о нелегальных мигрантах. Однако в другом интервью он подчеркивал, что люди воспринимают НКО, как представительство республики, что «президент Азербайджана дал полномочия (поручил председателю здесь помогать своим согражданам)¹⁵.

Видимо, именно этот образ «уполномоченного» президентом этнической родины видели в НКО многие мигранты, обращаясь туда и за помощью в житейских проблемах: через эти социальные сети очень быстро можно распространить информацию о том, что у кого-то сложности, можно собрать деньги соотечественнику, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, ну и, по сути, больше как в НКО (к председателю) некуда обратиться, если забрали в милицию, да еще и незаконно.

Таким образом, потребность сообщества (в данном случае миграционного/этнического) в социальном посреднике в системе коммуникаций городского сообщества породила функцию национально-культурного общества представлять интересы соотечественников. Более того, она оказалась востребованной и местным сообществом. Речь идет о горожанах, осознавших свою этничность (пожелавших выучить язык, познакомиться с культурой предков, найти родственников, съездить за границу). Совершенно «классическим»/стандартным в этом случае может быть высказывание типа: «Моя дочь хочет поехать к родственникам в Германию и для этого нам нужно найти немецкое национально-культурное общество». То есть именно к НКО обращаются люди как по линии миграции, так и по линии этнической самоидентификации и национально-культурного самоопределения. Союзы мигрантов, посольства, клубы интернациональной дружбы – до сих пор в Иркутске не воспринимаются как социальные посредники и, соответственно, не используются в

¹⁵ Архив автора.

полной мере. В тех же случаях, когда НКО нет, включаются иные посреднические институты/механизмы — как правило, это сообщество, организованное по принципу землячества и, опять же, в иркутском варианте — с четко выраженной этнической составляющей. Наша гипотеза состоит в том, что как мигрантские сообщества, так и принимающее большинство, нуждаются в некоем четко обозначенном институте, желателен узнаваемом и воспринимаемом всеми. В этом **очень важная характеристика посредника: он должен восприниматься всеми одинаково в качестве посредника, чтобы выполнять свои функции.**

Вообще, факт самоорганизации, объединения (в том числе и на национальной основе) для совместного решения проблем, развития бизнеса — это норма, явление вполне привычное. И особую роль здесь играют лидеры. Национально-культурное общество очень ярко демонстрирует тезис о том, что социальный посредник — своеобразный лидер, осуществляющий контроль над поведением членов «сетевое множество», использующий свое положение транслятора и ретранслятора «социального капитала», а также накопления ресурсов социального обмена. Причем у феномена лидерства в НКО как минимум две составляющих: неформальное лидерство (возникающие по разным, и в первую очередь, экономическим причинам — развитый бизнес, финансовая обеспеченность) и формальное/публичное лидерство. Нужно сказать, что эти стадии проходят почти все этнические сообщества, но экономическая подоплека такого алгоритма превагирует в сообществах, формирующихся за счет мигрантов. *«Вы понимаете, эта организация нужна тем, кто приезжает сюда работать, — рассказывал один из лидеров азербайджанской общины в конце 90-х — начале 2000 гг. — Многие приехавшие не справились с трудностями, они все равно идут к нам, ко мне. Просят денег, помощи. И это не только те, кто решил вернуться потому, что не получилось в бизнесе. Очень многие к нам обращаются с проблемой родственников-наркоманов, которых нужно отправить на родину. (...) Для работы с азербайджанцами здесь необходим председатель. Тогда все, кто идет к нам в частном порядке, будут обращаться к нему официально.*

Тогда у нас под контролем будут и наркоманы, и преступники. Мы же и так всех знаем, кто чем дышит. А при сильной, серьезной организации, они все будут вынуждены обращаться именно туда. А по отдельности, мы так и будем выступать в роли «бюро добрых услуг», помогая по чуть-чуть. Я готов выделять определенную сумму (до 10 тыс. рублей в месяц) на работу председателя. Я говорю, как только мы это сделаем, сразу улучшится атмосфера в Иркутске»¹⁶.

Именно перспективы контроля за «сетевым множеством» подталкивают многих людей к борьбе за председательский пост в национально-культурном обществе. Ведь этот пост приносит социальный статус, политические бонусы и возможность «вхождения в кабинеты», образ человека, «решающего проблемы». Именно этим, наверное, можно объяснить факт повышения интереса к НКО среди мигрантов более ранних миграционных волн, так сказать мигрантов «осибирячившихся», имеющих устоявшееся положение в обществе. Ярко продемонстрирует этот вывод интервью одного из лидеров федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России «АзерРос» в Москве: *«Общественное объединение — не рабочая (не дееспособная) форма объединения граждан. Хотя она удобна власти, как способ некоторого контроля и отслеживания общественной жизни города. Эти НКО создаются в огромном числе и очень быстро исчезают с лица земли. На их смену приходят новые. Но все это лишь внешняя форма, а основы нет. Когда люди четко не представляют, для чего ЭТО и тем более не видят результатов работы общества, они перестают интересоваться им. В итоге, национально-культурные общества превращаются в посиделки. Зачем туда пойдет бизнесмен? Чай можно попить в любом месте. Таким образом, никакая автономия не будет работать, если нет экономической основы. Сегодня любое объединение должно приносить пользу»¹⁷.*

Другой аспект «контроля за сетевым множеством» мы назвали бы «хождением политиков в НКО». В Иркутске это было особенно популярно на волне становления как национально-

¹⁶ Архив автора.

¹⁷ Там же.

культурных процессов, так и формирования новой миграционной ситуации. В то время ни одна избирательная кампания не обходилась без антимигрантской и национально-культурной риторики. Был период, когда политические деятели начали вступать в национально-культурные общества (кстати сказать, совсем немногие продолжают оставаться в них по сей день).

Распад СССР, появление на его месте новых независимых государств, гражданами которых стали многие мигранты, породило ситуацию, когда НКО становились почти официальными посредниками между властями принимающего государства и властями государства-донора в их взаимоотношениях по поводу мигрантов. Так, например, представитель Республики Таджикистан в 2000 году создал в Иркутске национально-культурное общество. Один из ярчайших примеров участия НКО в жизни этнической родины – участие Таджикского национально-культурного общества «Пайванд» в выборах президента в 2005/6 году¹⁸. Ряд государств постсоветского пространства до сих пор проводят съезды соотечественников, проживающих в диаспоре.

Интересен опыт литовского национально-культурного центра, оказавшего решающую роль в установлении побратимских связей между Иркутском и Вильнюсом. В правительстве Литвы существует департамент по связям с соотечественниками. И работу свою эта структура строит в первую очередь через национально-культурные общества. То же самое и Республика Польша, и Германия, проводящие свои программы «народной дипломатии» через эти институты.

* * *

Таким образом, НКО функционируют и как способ накопления ресурсов социального обмена, и как информационный канал, и как «точка сборки» информации. Решающую роль в этом играет то, что они воспринимаются и властью, и

¹⁸ Калугина Г. Таджикская диаспора в Иркутской области активно набирает политический и экономический вес, все больше привлекая к себе внимание // <http://fergananews.rsf.org/article0f23.html?id=153793049809.91,962,2250649>.

принимающим большинством, и членами этнической группы в качестве «представителей диаспор». Эта всеобъемлющая конструкция прочно вошла не только в «популярную» риторiku, в миграционное и национально-культурное производство, она начинает приобретать все большую устойчивость и выступать как синоним такому явлению как лоббизм. Но если в США лоббизм считается важнейшей частью политической системы и занимает в ней достойное место, то посредничество национально-культурных обществ в России не только не признано вслух, оно до конца и не осмыслено и имеет сегодня характер стихийно-событийный.

Современный город – сложный, развивающийся живой организм, это целая система коммуникаций – связей и взаимоотношений. Мы рассмотрели один из каналов коммуникации – этнически маркированный, обеспечивающийся таким институтом как национально-культурное общество. НКО стало таким посредническим институтом в первую очередь потому, что на период активизации этничности, формирования новых диаспор и в условиях новой миграционной ситуации этот институт оказался наиболее понятным для всех участников взаимодействия: от мигрантов и принимающего общества до властных структур как страны принимающей, так и стран-поставщиков мигрантов. Выявив место НКО в коммуникативных цепочках: «власть – принимающее общество; власть – диаспора; диаспора – принимающее общество», мы увидели, что НКО находится в самом начале цепочки. Именно это приближенное к власти, к уровню информации «из первых уст» – с одной стороны и образ «широкого информационного канала» – с другой – создает образ особого положения НКО как в системе внутригородских информационных коммуникаций, так и в общественно-политической системе. Однако, потенциал этого института, как показывает опыт, эксплуатируется на уровне интуитивного примордиализма и как серьезный инструмент продвижения интересов и решения проблем этнических групп не только властью, но и самими этническими сообществами.

Пространство миграции

Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане

Одним из ведущих трендов развития современного Казахстана является урбанизация. Интенсивность миграционного потока «село—город» предопределена как государственными программами «урбанистического» содержания, так и бедственным положением сельских жителей. Особенность процесса казахстанской урбанизации заключается в неоднократно описанном сценарии этнотерриториальной дифференциации расселения.

Согласно последней советской переписи населения, 61,6% казахов были сельскими жителями (см. *табл. 1*). Однако за 20 лет (1989—2009 гг.), по данным официальной статистики, число городских казахов в РК увеличилось почти в два раза. Реальная цифра, скорее всего, намного выше, так как миграционный поток из села в город, по некоторым оценкам, учитывается официальной статистикой примерно на 50%. С учетом быстрого сокращения численности «нетитульного» населения (прежде всего русских) городская среда в республике становится все более «казахской». Динамика процесса довольно высока. Если в 1989 г. удельный вес казахов в городском населении составлял 26,6%, то через 20 лет — уже 55,9%. Почти половина казахов (47,9%) в 2009 г. проживала в городах (в 1989 г. — 38,3%).

Таким образом, казахи становятся городской нацией. Руководители страны придают этому факту большое значение: «Мало кто обратил внимание на то, что за 15 лет казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но и по существу.. Сегодня... во всех сферах бизнеса, менеджмента, информационно-технологической сфере, в наиболее престижных сферах широко представлено городское казахское население. Этот сдвиг принципиально важен для понимания

¹ **Алексеенко Александр Николаевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации»².

Таблица 1. Расселение населения Казахстана в 1989–2009 гг. (тыс. человек)

	1989	2009	2009 к 1989 (%)
Все население	16464,5	16009,6	97,2
городское	9402,6	8662,4	92,1
сельское	7061,9	7347,2	104,0
Казахи	6534,6	10096,8	154,5
городское	2506,3	4841,1	193,2
сельское	4028,3	5255,7	130,5
Русские	6227,5	3793,7	60,9
городское	4823,2	2763,0	57,3
сельское	1404,3	1030,7	73,4
Другие этносы	3702,4	2119,1	57,2
городское	2073,1	1058,3	51,0
сельское	1629,3	1060,8	65,1

Источники: Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. 1991. Алма-Ата. С. 7–70; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года: Краткие итоги. 2010. Астана. С. 11–23.

За годы суверенитета этнический состав городского населения Казахстана претерпел кардинальные изменения. Стремительная урбанизация привела к концентрации в городах всего многообразия этнокультурных и социально-экономических установок, рассредоточенных ранее по огромной территории государства. Сохранение в прежнем виде региональных идентичностей становится маловероятным. Идет процесс приспособления друг к другу «гостей», встретившихся в новой среде обитания, их совместная адаптация к городу. Городская среда, в свою очередь, вынуждена учитывать точку зрения все более многочисленных «пришельцев». Далеко не всегда мнения о будущем города совпадают.

² Назарбаев Н. В каждом сердце – родная страна: речь на 12 сессии Ассамблеи народов Казахстана// Казахстанская правда. 2006. 25 окт.

В настоящей статье представлены позиции наиболее влиятельных претендентов на городское пространство Казахстана. Эмпирической основой исследования послужили интервью с жителями городов Восточного Казахстана, собранные под руководством автора лабораторией социально-демографических исследований Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева в 2008–2012 гг.

Национальное возрождение и вызовы урбанизации

Активное освоение сельским населением городского пространства актуализировало дискуссию о статусе государственного языка. Переехавшая в город казахская молодежь оказывается в неравном положении с городскими русскоязычными (в том числе и городскими казахами). В казахской среде язык становится неким маркером, фиксирующим не только происхождение (сельский или городской), но и принадлежность к «цивилизационному пространству». Один из идеологов национально-патриотического движения Д. Кошим констатирует: «Мы не создали нацию как таковую, у нас существует два параллельных мира... Мы смотрим разные фильмы, читаем разные газеты, у нас разные политические лидеры»³.

Бывшие сельские жители попадают в «другой мир» с укладом жизни, принципиально отличающимся от привычного. Они видят, что городское пространство в значительной мере сохранило прежний, «досуверенный» облик, в первую очередь – языковую среду. Причем среда эта успешно функционирует и без доминирования русского (европейского в целом) компонента. Достижение численного превосходства казахов в городах не стало гарантией национального возрождения. Более того, все более явно проявляется тенденция к растворению казахской культуры в европеизированном «параллельном» мире.

Еще в начале 2000-х годов было отмечено, что «... социальная эволюция коренных жителей страны происходит исключительно по направлению «казахскоязычное традиционное

³ Кошим Д. Русскоязычные соотечественники останутся не у дел// Свобода слова. 2011. 8 дек.

общество — русскоязычное современное общество». Движения в обратном направлении нет»⁴. Десятилетие спустя ситуация фактически не меняется: «Реального продвижения казахского языка нет... заседания парламента, правительства, совещания и коллегии в большинстве министерств, нацкомпаний и акиматов проходят на русском языке... по данным социологических исследований..., треть населения страны говорит только на казахском языке, четверть — на казахском и русском, чуть менее половины — только на русском»⁵. Наконец, известный казахстанский политолог Петр Своик констатирует: «Если лукаво-феодальную языковую политику поменять на современную, придется исходить из той реалии, что государственным языком в Казахстане является русский. В том числе благодаря необратимо состоявшемуся русскоязычию казахских элит»⁶.

Казахская интеллигенция начинает осознавать опасность ситуации, что ведет к оживлению национально-патриотического движения. «Только совершенно наивные... видят в сегодняшнем росте национализма и растущих требованиях национальной интеллигенции прихоть отдельно взятых и “озабоченных языком” поэтов и писателей, — утверждает известный казахский политолог и публицист А. Сарым. — Образно говоря, сегодня начинается второй этап борьбы за подлинно национальную государственность... Наступление изменений не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, когда они произойдут., кто будет возглавлять и символизировать недовольное большинство... В условиях Казахстана склонить власть к реальным реформам могут две общественные силы — так называемые национал-патриоты и усилившаяся в результате углубления экономического кризиса или нечестных выборов оппозиция»⁷.

По мнению радикальной части национал-патриотов, самый простой путь к решению проблемы — признание Казахстана

⁴ Тужутов А. Рожденные в СССР// Мегполис. 2002. 7 ноября

⁵ Ашимбаев Д. Национальные ценности и патриоты// Время. 2001. 3 марта.

⁶ Исак П., Своик П. Казахский знают только казахи, и далеко не все// Свобода слова. 2012. 9 авг.

⁷ Сарым А. Что есть и что будет// Свобода слова. 2009. 17 дек.

мононациональным государством. Основания для подобного шага дает государственная статистика. Согласно переписи населения 2009 г., 70% казахстанцев говорят на казахском языке и являются казахами. Адекватность этих данных вызывает, правда, большие сомнения. «Неоднократно высказывалось мнение, что пресловутые 70% созданы искусственно: во владеющие языком чохом записывались все, в отношении кого это можно было “заподозрить” хотя бы отдаленно»⁸. Тем не менее, перепись населения — это официальный статистический документ, фиксирующий этнический status quo начала XXI в. И поскольку «в соответствии с международной практикой... если государствообразующая нация превышает две трети населения, государство считается мононациональным», а «численность казахской нации перешла эту черту.. казахскую страну следует считать мононациональным государством»⁹. Объявление РК мононациональным государством предполагает отмену официального статуса русского языка, отказ от государственной программы трехязычия (казахский, русский, английский) и утверждение в стране только одного языка — казахского.

Национал-патриоты активно пытаются добиться претворения в жизнь своей программы. По их мнению, единственный способ на деле закрепить за казахским языком статус государственного — вывести русский язык из официального обращения. Эксплуатация этой идеи приносит им осязаемые дивиденды. В глазах сельской казахской молодежи (и первого поколения горожан) они выглядят борцами за национальное возрождение, смело критикующими власть. Более того, все более активно внедряется мнение, что сегодняшняя власть вряд ли способна что-либо изменить, так как «наши чиновники не говорят по-казахски»¹⁰.

Идеи возрождения казахского языка, казахской культуры стали стержнем национал-патриотических воззрений — от почвеннических «кумысно-бешбармачных» до урбанистических «частнособственнически-буржуазных». Так как большинство

⁸ Руденко А. Спорные точки// Свобода слова. 2011. 8 дек.

⁹ Свобода слова. 2011. 11 февр.

¹⁰ Свобода слова. 2011. 8 дек.

электората составляют казахи, в значительной массе своей из сельской местности, политическая поддержка этих идей гарантирована. Лидеры оппозиционных сил «стали заигрывать с национал-патриотами»¹¹. На свет появилось знаменитое «письмо 138-ми», подписанное видными общественными и политическими деятелями РК. Они требовали исключения из Конституции пункта, наделяющего русский язык статусом «официально употребляемого наравне с казахским», и принятия нормы «О поэтапном использовании исключительно государственного языка в государственных органах и ведении делопроизводства на казахском языке с 2012 г.». Письмо заканчивается ультиматумом: «Предупреждаем, если власть в ближайшее время не примет меры по развитию государственного языка и не станет основой в их реализации, то мы готовы пойти на крайние меры»¹².

Активизация национал-патриотизма приводит к тому, что государство все более жестко ассоциируется с доминирующим этносом. По оценкам политологов, «в любом случае усиление “казахской” составляющей в той или иной степени будет наблюдаться, так как этот вектор уже задан... При таком раскладе... другим этническим группам достанется лишь роль гражданина страны, и они не будут рассматриваться как часть формирующейся государствообразующей нации», следствием чего «может стать... дальнейшее углубление дилеммы “гость—хозяин”»¹³. «С каждым годом Казахстан будет становиться все более этнически однообразной страной...Двуязычного мира больше не будет, и если русскоязычные соотечественники не поймут этого, то они останутся на обочине жизни»¹⁴.

Итак, за годы суверенитета этнический состав городского населения РК претерпел кардинальные изменения, что не привело к ожидаемым социально-культурным результатам. Национал-патриотическая идеология обретает второе дыхание. В наиболее сложное положение в этой ситуации попадает нетитульное население Казахстана, прежде всего русские.

¹¹ Ашимбаев Д. Либо глупость, либо проблемы развития// Свобода слова. 2011. 8 сент.

¹² Устинка плюс. 2011. 8 нояб.

¹³ Умбеталиева Т. Гость – хозяин// Свобода слова. 2011. 13 янв.

¹⁴ Свобода слова. 2011. 8 дек.

«Гости из прошлого»: русские в суверенном Казахстане

В этих условиях русским все труднее понять свое место в РК. Их идентификация находится в «плавающем состоянии», многие не определились, кто они в Казахстане, что для них Казахстан, что — Россия. Политические лидеры республики подчеркивают, что живущие в Казахстане русские являются казахстанцами, но их историческая родина — Россия. Российские политики обращаются к ним как к «соотечественникам», но не предпринимают реальных мер для их поддержки. В итоге у казахстанских русских формируется все более четкое убеждение, что они не нужны ни Казахстану, ни России.

Усиление позиций государственного языка и перманентные ономастические процессы все больше подчеркивают «гостевое» положение нетитульных в Казахстане. Ведущим критерием статуса «хозяин»/«гость» оказывается знание казахского. Но русские не очень верят в свои перспективы даже в случае овладения казахским языком. Это одна из причин того, что совсем немногие сумели освоить его за годы суверенитета.

«Не вижу смысла. Карьеру все равно не сделать. Все государственные должности распределены. При этом конкуренция среди казахов очень большая. Наверх идут те, у кого родственники влиятельные, связи, деньги. Остальные — не у дел. Если даже русские будут знать казахский язык, то это знание — только для бытового общения, на большее рассчитывать не стоит» (преподаватель вуза, 57 лет).

«Да это же выгодно для верхов, что русские не знают казахского языка. Конкуренция меньше. Сейчас объясняют, что у власти одни казахи тем, что некоренные не знают государственного языка. Имеется хорошая официальная версия для Запада. А если вдруг выучат, будут знать — как объяснить? Ведь могут и нарушения прав человека, дискриминацию приписать» (предприниматель, 49 лет).

«Вряд ли буду учить. Нет, я нормально к казахам отношусь, к языку. Для меня не имеет значения национальность. Дело в другом. Где я буду использовать казахский язык? В быту? Но у меня свой круг общения уже давно. Общаемся на русском, там и казахи, и русские, и всякие разные есть. В магазине или еще где-то? Все знают русский. Да все казахи русский знают. Интер-

нет русскоязычный, телевидение смотрю российское. Все новые технологии — на английском. Тут скоро русскому языку места не будет, не то, что казахскому. Знание языка, конечно, нужно. Для чего? Получается, для того чтобы подтвердить как бы, что я “свой”, казахстанец. Ну и, конечно, казахи будут очень уважать» (инженер, 44 года).

Эти высказывания жителей Усть-Каменогорска во многом характеризуют ситуацию и в других городах северо-востока Казахстана, где по-прежнему велик удельный вес русскоязычного населения (включая и представителей казахского этноса) и широка сфера применения русского языка.

Городские русские пока не имеют особых стимулов изучать казахский язык. Основная масса уже не питает надежд на карьерный рост в политической или административной сфере. «В среде русских господствуют пессимистические настроения. Юноши и девушки не верят, что, даже выучив казахский язык, они смогут сделать карьеру. Достаточно сегодня посмотреть на списки людей, работающих в министерствах и ведомствах, чтобы сделать весьма определенные выводы»¹⁵. Там же, где карьерный рост возможен, нужен не казахский, но «русский язык, а теперь еще английский»¹⁶. Языковые проблемы в быту не актуальны, так как казахи в массе своей владеют русским языком. «Я давно пришел к выводу, — констатирует академик Национальной академии наук Казахстана М. Сулейменов, — что главная причина незнания русскими местных языков в том, что все граждане СНГ знают русский язык»¹⁷.

В повседневной жизни позиции русского языка по-прежнему крепки. Более того, в период суверенитета число владеющих русским языком казахов существенно увеличилось, что в немалой степени связано с урбанизацией. Так, если в 1979 г. русским языком владели 52% казахов, то в 1999 г. — уже 75%. В 2009 г. доля казахов, понимающих устную русскую речь, составила 92,1%, а свободно читающих и пишущих на

¹⁵ Интервью Ю. Кириница с А. Кодаром // Аргументы и факты. Казахстан. 2011. № 25.

¹⁶ Сулейменов М. Государственный язык нужен всем // Казахстанская правда. 2009. 9 авг.

¹⁷ Там же.

русском — 79,1%¹⁸. При этом наиболее значительные темпы роста наблюдались в регионах с преобладающим казахским населением. Соображения экономической целесообразности оказывают большое влияние на языковое поведение, и, несмотря на сокращение программ по изучению русского языка, стремление к овладению им постоянно растет.

Задача внедрения государственного языка решается преимущественно административными методами, эффективность которых, как показывает опыт, крайне низка.

Во второй половине «нулевых» годов отчетливо наметился поворот в сторону «мобилизации этничности». В 2006 г. было принято решение о переносе на более ранний срок перевода делопроизводства на государственный язык и определен список профессий, требующих обязательного его знания. В 2010 г. вышла директива, согласно которой в 2020 г. 95% населения страны должны говорить по-казахски. Видный общественный деятель Казахстана А. Кодар заметил по этому поводу: «Каждый политик, даже такой уверенный в себе, как Нурсултан Назарбаев, порой вынужден говорить то, что электорат хочет услышать»¹⁹.

В 2011 г. Министерством культуры РК был подготовлен проект закона, в соответствии с которым с 2013 г. граждане смогут обращаться в государственные органы только на казахском языке. Ответы тоже будут даваться на казахском. На государственный язык должны быть переведены все объявления, вывески, ценники и рекламные баннеры. А среди документов, необходимых для заключения трудового договора, в том числе и в негосударственных организациях, будут «результаты тестирования по владению государственным языком». И хотя Министерство культуры заявило, что в СМИ попал рабочий документ, имеющий мало общего с окончательным вариантом, начался активный процесс обсуждения, демонстрирующий

¹⁸ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 116–117; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2 Население РК по национальности и владению языками. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. С. 9-271; Перепись населения Республики Казахстан 2009 г. Краткие итоги. Статистический сборник. Астана, 2010. С. 81.

¹⁹ Аргументы и факты. Казахстан. 2011. № 25.

принципиальные различия в восприятии проблемы в разных этнических группах²⁰.

Эволюция государства, ставшего в известной мере заложником созданного им же самим «нового этнического пространства», вызывает серьезную обеспокоенность русскоязычных граждан. Надежды на более или менее стабильное положение *нетитульных* в Казахстане связываются ими, главным образом, с президентом Н. Назарбаевым. Всевозможные «демократические сюжеты», предлагаемые оппозицией и основанные на электоральных предпочтениях казахского большинства, преимущественно сельского, воспринимаются как угроза. Представители формирующегося среднего класса и массива неказахов «полагают, что уход Елбасы (Назарбаева – А. А.) – это “киргизация” всей страны...К власти придет улица – аульные ребята, которые потеснят прозападную либеральную элиту шала-казахов. Тогда статусу официального русского языка и единому союзному государству конец»²¹.

Эти опасения имеют под собой основания. Перспективы русских в РК во многом определяются политическими факторами. И дело не только в том, что за двадцать постсоветских лет они очень слабо интегрировались в казахскую среду, но и в том, что степень их интеграции в интенсивно автохтонизирующийся Казахстан в большой степени зависит от политических решений. Не случайно после предложения убрать из Конституции РК седьмую статью (использование в государственных учреждениях, наряду с казахским, и русского языка) желающих переселиться в Россию стало больше примерно на 35–40%²². В целом же в 2011 г. количество эмигрантов из РК увеличилось, по сравнению с 2010 г., на 22,8%²³.

На мой взгляд, в основе современной казахстанской эмиграции лежит не столько притягательность России, сколько выталкивание из Казахстана.

«Собираюсь ли уезжать? Не знаю. С одной стороны, все здесь, в Казахстане: квартира, дача, родственники, друзья. Но все не-

²⁰ Мой город. 2011. 11 авг.

²¹ Амрекулов Н. Либеральное...ханство//Свобода слова. 2011. 16 июня.

²² Аргументы и факты. Казахстан. 2011. № 46.

²³ Время. 2012. 16 февр.

надежно как-то. Возьмут — и переведут все на казахский язык. Что делать тогда? Как встречаемся со знакомыми, почти всегда обсуждаем — пора «валить» или еще рано? Почти все говорят, что надо ехать. Но куда? К кому? Кому мы нужны?» (рабочий завода, 48 лет).

«Все говорят — пора. Как только Назарбаев уйдет — конец нам. Ну а там (в России — А.А.) что? Одно только преимущество — язык русский... А в Казахстане что, все казахи, которые язык знают, — миллионеры? Большинство в нищете живет, особенно в селе. Вот и мы в России так же будем. Не знаю, в общем» (работник негосударственного предприятия, 55 лет).

В качестве основного аргумента в пользу возможной эмиграции выступает языковая проблема. Однако вариант «буду изучать казахский язык, чтобы остаться в РК» встречается крайне редко. Большинство русских хотели бы остаться в РК, но не прилагают особых усилий для приспособления к быстро меняющемуся городскому пространству. Кроме того, «треть... населения уверена, что Советский Союз рано или поздно возродится и казахский язык никому снова не будет нужен»²⁴.

Экономические факторы пока еще удерживают русских в РК, социально-культурные — выталкивают. «Среди причин продолжающегося отъезда русских на этническую родину, в отличие от прошлого, на первый план впервые выступили социокультурные мотивы...»²⁵.

Интенсивность эмиграции в настоящее время существенно меньше, чем в середине 90-х годов XX в. Большинство русских не планирует пока куда-либо уезжать. Вместе с тем они видят, что «казахи благодаря nepoтизму, национальной корпоративности оккупировали практически всю госслужбу»²⁶. Объективные возможности проникновения в «социальные лифты» отсутствуют, так как, по мнению доктора философских наук, главного специалиста Института философии и политологии Рустема Кадыржанова, «в кадровой политике опасен не толь-

²⁴ Сарым А. Не нация формирует национализм, а национализм формирует нацию// Свобода слова. 2011. 25 авг.

²⁵ Ахметжанов А. О национальном патриотизме в Казахстане// Свобода слова. 2010. 10 февр.

²⁶ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплавления коренного населения// Взгляд. 2012. 11 июля.

ко этнонациональный фактор, но и трайбалистский подход. Каждый крупный чиновник норовит окружить себя «своими» людьми, желательно из своего жуза. Теми, кто ему лично предан, и теми, кому он, безусловно, доверяет. Казахский язык, принадлежность к одному жузу — это своеобразный код доверия. Как ни печально, деловые качества при этом отходят на второй или даже десятый план»²⁷. Маловероятно, что русские согласятся лишь на роль «раствора» для сплочения коренного населения, как предлагает К. Бейсебаев²⁸. А обсуждаемый казахской интеллигенцией вариант превращения их в «четвертый жуз» с определенными властными полномочиями слишком абстрактен. Во всяком случае, абсолютно непонятно, какие же полномочия русские могут получить.

Таким образом, потеря четких этнополитических, географических, социокультурных ориентиров при определении того, что такое «Родина», приводит к поискам новых точек опоры. Так, для значительной части русских Усть-Каменогорска, «Родина» — это «мое поколение», «Советский Союз», «место, где я живу, где моя семья, друзья». Формирующееся ощущение «Родины» все больше сливается с понятием «место рождения, проживания», причем идеальным периодом существования этого «места рождения/Родины» оказывается советское время. С учетом специфики этнического состава «советского» Усть-Каменогорска представления его нынешних русских жителей о «Родине» весьма далеки от казахстанских этнополитических реалий (см. *табл. 2*).

Любые «посягательства» на «Родину» (прежде всего ономастические) воспринимаются болезненно — «Родина» должна остаться такой, какой была. Именно такое «светлое прошлое» является социокультурным идеалом существования казахстанских русских в городском пространстве. Несовпадение представлений с новыми реалиями и стимулирует решение об эмиграции.

²⁷ Интервью Ю. Кириницаева с Р. Кадыржановым. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу// Аргументы и факты Казахстан. 2012. № 26.

²⁸ Бейсебаев К. Указ. соч.

Таблица 2. Численность и этнический состав населения Усть-Каменогорска по данным переписей населения

Год	Все население	В том числе					
		казахи		русские		другие этносы	
	Численность	Численность	%	Численность	%	Численность	%
1897	8721	656	7,5	7325	84,0	740	8,5
1926	13909	684	4,9	11381	81,8	1844	13,3
1939	20141	1645	8,2	16549	82,2	1947	9,6
1959	159335	7045	4,4	133618	83,9	18672	11,7
1970	230340	11830	5,1	199240	86,5	19270	8,4
1979	274716	19018	6,9	232166	84,5	23532	8,6
1989	322781	34097	10,6	263179	81,5	25505	7,9
1999	320234	62136	19,4	238057	74,3	20041	6,3
2009	298866	79313	26,5	203499	68,1	16054	5,4

Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Семипалатинская обл. 1905. СПб., С. 54–55; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская АССР. 1928. Т. 8. М., С. 15–18; Всесоюзная перепись населения 1939 г. // ЦГАНХ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. 558. Табл. 27. Л. 41–42; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. 1962. М., С. 13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. 1973. Т. 4. М., С. 235; Данные Восточно-казахстанской областного управления статистики: Усть-Каменогорск, 1991; Итоги переписи населения 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. 2001. Т. 2. Алматы, С. 43; Данные Департамента статистики ВКО: Усть-Каменогорск, 2009.

Казахи: особенности внутриэтнической классификации

Определяющее влияние на эволюцию городского пространства РК оказывает титульное население. Однако казахи социально и ментально глубоко неоднородны. Речь в данном случае идет не о родоплеменном делении. Налицо появление так называемой «суверенной» классификации, отражающей социальные последние десятилетия.

Местные общественные деятели выделяют в казахском социуме три основные группы – «городские» казахи, «аульные» (сельские) казахи и «оралманы» (этнические репатрианты). Классификация фиксирует географические и административно-статусные параметры. Но за внешне нейтральными показателями кроются глубокие, эмоционально

насыщенные социокультурные характеристики. Под «аульными» понимаются казахи, приоритетом которых является родной язык, обычаи, традиции, культура народа. Это – *нагыз* (настоящие) казахи. К «городским» причисляют казахов, не знающих или плохо знающих родной язык, отошедших от национальной культуры, национальных корней. Их называют *шала* (полу-), или «асфальтными», казахами. Оралманы классифицируются как «пришлые». Часто их не считают «настоящими» казахами, именуя по месту прежнего жительства («монгольские казахи», «узбекские казахи» или даже «монголы», «узбеки» и т. п.)

Классификация демонстрирует довольно четко выраженную внутриэтническую иерархию, базирующуюся на критериях явно «аульного» происхождения. Вариантов внутриэтнического сближения фактически не предусмотрено, так как ключевые основания деления находятся в прошлом.

Отношение власти к такому делению – отрицательное. По мнению советника президента РК Е. Ертýсбаева, «те, кто делит наш народ на “настоящих казахов” и “шала казахов”, “оралманов” и “асфальтных казахов”, “аульных казахов” и “манкуртов”, делит на рода и племена», являются «настоящими провокаторами..., разжигающими рознь и противостояние»²⁹.

С точки зрения динамического процесса освоения городского пространства данное деление весьма условно и отражает ситуацию даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня. Суть проблемы в том, что городское пространство осваивают в первую очередь сельские казахи и оралманы. Все они после смены места жительства становятся «городскими». Нейтральная «географическая» основа классификации утрачивает смысл. Но сохраняются и актуализируются скрывавшиеся за географическими параметрами «социокультурные претензии». И если географический фактор удерживал их носителей на расстоянии, то сейчас все они концентрируются в городах. Критериями социальной стратификации современного городского пространства часто оказываются не образование, профессионализм и прочие городские качества, а знание казахского языка, степень приобщения к обычаям, традициям народа. То

²⁹ Ертýсбаев Е. Голосуем за стабильность // Свобода слова. 2012. 12 янв.

есть объективно наилучшие условия для освоения городского пространства предоставлены тем, кто менее всего этому пространству соответствует.

«Чужие среди своих»:

«городские» казахи в казахстанском городе

Определения «шала», «асфальтные», «манкурты» обычно используются по отношению к городскому казахскому населению, сформировавшемуся к началу 1980-х годов. Речь идет о русифицированных, европеизированных казахах, проживавших в городах в «досуверенное» время.

В истории освоения казахами городского пространства выделяются 1960-е годы. В период между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность городских казахов увеличилась на 64,9%. Но эти годы характеризовались и мощным миграционным притоком в Казахстан населения из европейской части СССР (прежде всего русских). В итоге, несмотря на быстрые темпы урбанизации, казахи остались в меньшинстве в русифицированных городах (в 1959 г. — 16,7% городского населения, в 1970 г. — 17,0%)³⁰.

В регионах, где удельный вес казахов, издавна проживавших в городах, был велик, урбанизация развивалась по относительно «мягкому» сценарию. В промышленных же городах, населенных преимущественно европейцами, на немногочисленных казахов выпало немало испытаний.

«Когда в школе училась, была одна казашка в классе. Да и во всей школе казахов было только несколько человек... До сих пор помню, старшеклассники на переменах — здоровые ребята — проходили мимо меня и больно щелкали по голове: “А... казашка!” Мне лет 10–12 было. Стояла на переменах, голову в плечи вожму — и жду... каждый день...» (преподавательница вуза, 41 год).

И подобное отношение было связано не только с «детской жестокостью», которой можно найти если не оправдание, то объяснение.

³⁰ Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы, 1993. С. 96–97.

«Подростком была, помню, ехали с мамой в автобусе. В этом же автобусе два молодых парня казаха были. Русского языка совсем, наверное, не знали, разговаривали друг с другом на казахском. Люди в автобусе начали на них кричать: “Разговаривайте на человеческом языке!” Мама вступилась за ребят, сказала, что каждый имеет право говорить на родном языке. Тогда автобус остановили и всех нас, нерусских, высадили. Прямо посреди улицы» (школьная учительница, 43 года).

«Папа в 60-е годы учился в Усть-Каменогорске, в Строительно-дорожном институте. Говорит, что по одному по городу опасно было ходить. Подростки собирались группами, ловили казахов... и избивали. Иногда казахи собирались вместе и шли на каток — “биться с русскими”» (домохозяйка, 40 лет).

Случаи бытового национализма были, хочется надеяться, несчастными, но каждый из них надолго, если не навсегда, оставался в памяти пострадавших.

«Бабушка мне рассказывала, как ее в автобус не пустили, потому что она по-русски не могла говорить. Она все помнит до сих пор. И я буду помнить» (студент, 20 лет).

В любом случае казахам, жившим в «советских» городах, пришлось многое испытать. Обиды сохранились и, видимо, уйдут нескоро. Несмотря на русскоязычность и европейский стиль поведения, они чувствовали себя людьми второго сорта. При этом часто их заставляли это делать русские, ставящие себя выше просто в силу количественного превосходства, расовых отличий.

Социальный статус «городских» казахов неясен до сих пор. Они по-прежнему, как и в советские времена, «чужие среди своих», только раньше в роли «своих» выступали городские русские, а сейчас — нагыз-казахи. Более того, их нынешнее положение, похоже, даже печальнее, чем в советские годы. Тогда речь шла о бытовом национализме, который осуждался, по крайней мере, на официальном уровне и проявления которого воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Сейчас же «бытовой негатив» переместился в казахскую среду. Ведущим критерием разделения на «своих» и «чужих» стало знание казахского языка или степень владения им.

«Одному лучше не ходить в районе общежитий, автовокзала, рынков. Тебя окликнут на казахском языке или спросят что-нибудь. Если не можешь ответить — хана, избьют» (студент, 21 год).

Проблема усугубляется тем, что давление ощущается не только на бытовом уровне. Через некоторые казахские СМИ активно формируется негативный образ европеизированных казахов, не владеющих государственным языком³¹. Наибольшее отторжение они вызывают у национал-патриотов традиционного толка, которые видят в них, особенно если речь идет о русскоязычных деятелях культуры, главных врагов казахского народа³².

Появляются классификации казахов, в которых «европеизированные» предстают в роли чуть ли не агентов «мировой закулисы»: «Я делю казахов условно на 4 группы. Первая — это люди, глубоко пустившие корни в свой народ, уважающие, ценящие язык, традиции, вложившие в это душу... Вторая группа — наполовину казахи, наполовину русские. Если власть будет формировать правильное мировоззрение, они готовы вернуться в лоно народа. Третья группа — конченная группа, это от начала до конца обрусевшие люди. Их можно назвать КТЛ — казахи только лицом. Если казахский язык исчезнет, праздновать будет именно эта группа. Четвертая группа еще опаснее. Они и по-казахски, и по-русски говорят хорошо. Свою власть они используют для того, чтобы поставить казахов ниже других наций и завоевать у них авторитет»³³.

Таким образом, в суверенный период шала-казахи оказались в очень сложном положении. Из патриотических соображений многие из них выучили казахский язык, отказались от европоцентризма, но им трудно согласиться с «фольклорным» образом казахов, навязываемым «кумысно-бешбармачными» национал-патриотами. В результате «городские казахи, ото-

³¹ Известный казахстанский поэт О.Сулейменов «удостоился», например, такой характеристики: «Сулейменов — русскоязычный, а такие и готовы предать родную землю» (Свобода слова. 2010. 18 марта).

³² Гильманов М. Жомарт Болайык, агайын// Свобода слова. 2010. 29 апр.

³³ Шаханов М. Где нет языка, там нет народа// Свобода слова. 2009. 18 июня.

шедшие от ориентации на русскоязычную... культуру, оказались в культурно-идентификационном вакууме»³⁴.

Проблемы «городских» казахов носят не только культурно-идентификационный, но и социально-экономический характер.

«Работаю на государственной службе много лет. Тут присылают молодого, только что после университета — и сразу заведующим отделом ставят. Он ничего не умеет, он только знает казахский язык. И этого достаточно для карьеры? Зачем учиться тогда. Я выучила казахский, говорю, хотя и с акцентом небольшим. Делопроизводство могу вести на казахском, все ко мне обращаются. Но начальниками все равно ставят аульных» (служащая, 38 лет).

Казахи, свободно владеющие государственным языком, хорошо ощущают свои преимущества. Нередко оказывается так, что знание языка ликвидирует социальную дистанцию, стремительно «приближает» к людям с более высоким социальным статусом.

«Для ведения занятий на казахском языке преподавателей не хватает, поэтому попросили меня, хотя на казахском говорю не очень правильно, с акцентом. Как только ребята из казахских групп это чувствуют, то сразу меняются. Становятся развязными, шуточки какие-то позволяют себе отпускать — ну как же, они — выше преподавателя!» (преподаватель вуза, 41 год).

«Городских» казахов, как и русских, пугает перспектива полного перехода на казахский язык. «Переход на язык, на котором способен разве что общаться на бытовом уровне, да и то с превеликим трудом, мгновенно превратит нас в граждан второго сорта. А это — уже не комильфо ни по личным ощущениям, ни по международным демократическим требованиям, четко определяющим, что любая сегрегация, ущемление по языковому признаку является одним из признаков расизма»³⁵. Есть опасения, что при переходе на казахский язык резко упадет эффективность управленческих структур: «Аттестация (“казахтест” для госслужащих) призвана стимулировать изучение государственного языка, но не должна быть направлена

³⁴ Ахмеджанов А. О национальном патриотизме в Казахстане. . .

³⁵ Рахимжанов А. О союзах и языках// Свобода слова. 2011. 1 дек.

на продвижение неквалифицированных кадров со знанием госязыка»³⁶.

Размышляя о своем будущем, «городские» казахи все чаще задумываются об эмиграции. По данным опроса, проведенного в 16 городах Казахстана, «чемоданные настроения» сейчас не только у половины «нетитульных», но и «у каждого шестого казаха»³⁷. Но решиться на этот шаг им еще сложнее, чем русским.

«Вообще не пойму, что дальше будет. Здесь (в Казахстане – А.А.) казахи меня за казашку не считают, языка не знаю. В Россию поехать? Там я тоже чужая, там будут судить по внешности. Там я буду казашкой. Получается, и здесь, и там – чужая. Русским лучше, они в России хоть по внешнему виду будут “свои”» (преподаватель вуза, 35 лет).

В известной мере «городские» казахи, подобно русским, оказались в состоянии «плавающей идентификации». Однако такое состояние объективно несет в себе немалый консолидирующий потенциал. Будучи способны аккумулировать элементы как казахской, так и европейской культуры, «городские» казахи могут стать тем стержнем, вокруг которого будет формироваться городское пространство Казахстана.

«В каком государстве мы живем?»:

«сельские» казахи в казахстанском городе

Наиболее многочисленными претендентами на городское пространство РК являются казахи, проживающие в сельской местности. Согласно переписи 2009 г., к данной категории относятся 32,8% населения Казахстана (см. табл. 1).

Активизации миграционной мобильности в направлении «село—город» в немалой степени способствовало государство. Дефицит индустриальных кадров, потерянных вследствие эмиграции, тормозил реализацию принятой в начале 2000-х годов программы индустриально-инновационного развития. Проблему попытались решить за счет привлечения в города сельских жителей. Н. Назарбаев заявил на проходившем в 2003 г. Форуме предпринимателей Казахстана: «Не знаю как

³⁶ Сулейменов М. Государственный язык нужен всем. . .

³⁷ Бергер Г. Бегство из рая// Время. 2012. 26 янв.

вы, но я начинаю чувствовать, что не хватает самих предпринимателей. Более того, не хватает и рабочего класса. А с другой стороны — мы говорим о безработице. Если бы мы обучали людей, не было бы безработицы, поскольку в отдельных городах — дефицит кадров, а на селе — избыток рабочей силы. Урбанизация будет происходить, надо обучать кадры из села. 40% населения на селе, как у нас, не должно быть. Такого нет нигде в мире. Может остаться 15–20%, и мы должны быть готовы к этому»³⁸.

Урбанизационный поток ежегодно нарастал, и города уже не справлялись с наплывом переселенцев. Массы людей, покинувших село, не находили применения и в городе. Сложившаяся ситуация вызывала все большую озабоченность власти. Это можно заметить по несколько раздраженным комментариям в СМИ: «...Регионы принимают скотоводов-кочевников, которые потом держат скот на балконах и не могут найти работу». Или: «Давно надо было ограничить въезд... потому что социальная инфраструктура... не готова принять такое количество. Переезжают целыми аулами...»³⁹

В результате неуправляемой миграции «вокруг городов Казахстана появились пояса нищеты, большинством жителей которых стали бывшие сельчане казахской национальности... Для снижения социального напряжения власть вместо исправления своих ошибок направила внимание на вопрос о плачевном состоянии казахского языка»⁴⁰.

Знание государственного языка стало одним из немногих социальных ресурсов новых горожан. Но именно языковая проблема оказалась важнейшим препятствием для их адаптации в городском пространстве. Прежде всего, это касается русскоязычных городов Северо-Восточного Казахстана. Трудности, с которыми столкнулись в них выходцы из сельской местности, особенно в 1990-е годы, активно обсуждаются в казахских СМИ: «Казахи, приехавшие по каким-то делам в областной центр, хотели побыстрее уехать... потому что они поняли, если не знаешь русский язык... то погибнешь... В

³⁸ Рудный Алтай. 2003. 4 нояб.

³⁹ Свобода слова. 2012. 2 февр.

⁴⁰ Ахмеджанов А. О русском сознании в Казахстане// Свобода слова. 2008. 11 дек.

Усть-Каменогорске 578 улиц. И только у десяти — казахские названия...»⁴¹; «Не знаю, как в остальных частях Казахстана, но в Усть-Каменогорске надо знать русский язык. Если не знаешь — ты как немой человек... Даже в городском управлении образования отправляют нужные бумаги на русском и требуют ответ на русском языке»⁴².

Довольно часто в СМИ можно встретить вопрос, демонстрирующий отношение казахской интеллигенции к ситуации в городах: «В каком государстве мы живем?».

«Новые горожане» часто воспринимаются русскоязычным населением как угроза стабильности, как досадное нарушение привычных городских стандартов. Сложности адаптации людей в новой языковой и социальной среде мало кому известны.

«Я в город попала после 7 класса, в 1998 г. Поступила в технико-экономический лицей-интернат. Так как я родилась в Тарбагатайском районе (чисто казахский район, разговор ведется только на казахском), то сначала, по словам учителя русского языка, у меня был ужасный акцент. В город гулять не отпускали, только по воскресеньям забирали родственники. Я знала русский язык, но всегда стеснялась, вдруг что-то скажу не так. Город меня изменил. Сначала одевалась не так (кроссовки надевала вместе с юбкой), прическа не так, говорила не так. Думаю, сейчас стала как все. Потом мама приехала из деревни. Мама в деревне привыкла по соседям ходить, любила разговаривать, гостей встречать. Когда переехала в город, у нас все соседи русские, а она на русском плохо говорила. Ей было скучно. Но через год она привыкла. Теперь главное для нее семья... А вообще... что мы только не делали для выживания... и арбузы продавали, и семечки...» (сотрудница музея, 26 лет).

«Я, когда приехала в город, вообще не знала русский язык. В семье была самая младшая, никто меня не ругал. Папа в деревне в милиции работал, люди уважали, оценки в школе ставили просто так. Я отличницей была. Когда приехала в город, пошла

⁴¹ Кантарбаев А. Какие новости в Усть-Каменогорске?!// Ертiс онiр.1 2003. 7 февр. (перевод с казахского Р. Ешекеновой).

⁴² Кантарбаев А. если не говорить на русском в Усть-Каменогорске... // Туркестан.1999. 13-19 янв. (перевод с казахского Р. Ешекеновой).

в школу, в казахский класс. Все одноклассники на уроках разговаривали на казахском, а на переменах — на русском. И я не понимала, о чем они разговаривают. Когда они говорили, я просто смотрела им в рот. И у меня были колготки с рисунками земляники. Когда в школу пошла в этих колготках, они сказали: “Ты что, ребенок? Почему надела такое? Завтра надень однотонное черное — не позорь нас!” А урок черчения вела русская женщина. Я тогда не понимала простую речь, а здесь вообще термины какие-то. И я всегда засыпала. Успеваемость снизилась, стала учиться на тройки. Потом немного научилась говорить, стала учиться на четверки» (работница воинской части, 24 года).

Сельские казахи — один из важнейших источников роста численности населения РК. В то же время процесс урбанизации несет с собой нарастающее число проблем, связанных с обустройством мигрантов в городском пространстве. Уровень образования, профессиональные навыки часто не позволяют вчерашним селянам претендовать на немногочисленные «престижные» рабочие места. Несовпадение между «суверенными амбициями» и суровой реальностью создает почву для недовольства «новых горожан» своим положением. Поводом для него могут послужить как социально-экономические (отсутствие приемлемого жилья, работы), так и культурно-языковые факторы.

По мнению эксперта центра актуальных исследований «Альтернатива» Серика Бельгибаева, «... имеется четко выраженная политическая ниша, основанная на круге социальных проблем именно казахского населения»⁴³. Протестный потенциал этой ниши активно эксплуатирует национал-патриотическое движение. Русскоязычность городов Северо-Восточного Казахстана выступает в роли своего рода «стабилизационного ресурса», позволяющего в какой-то мере нейтрализовать социально-экономическое недовольство, перенаправив его в русло обсуждения проблем государственного языка. Сладить путем ономастических преобразований, демонстрирующих внимание власти к пожеланиям казахского населения. В регионах, где казахи составляют большинство,

⁴³ Пшеничная С. Национализм: быть или не быть?// Республика-Деловое обозрение. 2007. 31 авг.

отвлекающих моментов, которые могли бы снизить остроту социально-экономических претензий к властным структурам, существенно меньше.

Как бы то ни было, растущая урбанизация и проблемы обустройства в городах способны стать катализатором политического потенциала сельского населения, которое остается ведущей социальной силой в современном Казахстане.

«Свои среди чужих»: оралманы на исторической родине

Оралманы — относительно новое явление в истории РК. Массовым, статистически заметным их присутствие стало лишь к концу 1990-х годов. Вместе с тем довольно скоро выяснилось, что быстрый рост численности этнических репатриантов чреват возникновением новых и довольно непростых сюжетов в социальном, экономическом и этническом развитии государства. С одной стороны, оралманы — активные участники формирования «суверенной» этнодемографической ситуации, о которой мечтало несколько поколений казахской интеллигенции. С другой — они все больше превращаются в некий самостоятельный социальный слой, неоднозначно воспринимаемый казахстанским обществом.

Появление этого социального слоя во многом дело рук самого государства, инициировавшего активную иммиграцию. Главной целью «собираения» казахов, помимо патриотической, было решение проблем демографического (увеличение численности населения, компенсация эмиграционных потерь) и этнического (повышение доли казахов в составе населения) порядка. Прибывавшие в страну по квоте репатрианты получали материальную помощь и направлялись в обозначенные властями местности.

В настоящее время удельный вес оралманов в населении РК приближается к 10%. Вследствие проводимой иммиграционной политики, это самая быстрорастущая часть населения страны. Постепенно, однако, стали обнаруживаться все более серьезные проблемы, связанные с особенностями адаптации

переселенцев к новым условиям. Одна из них — восприятие репатриантов местными жителями⁴⁴.

Казахстанское общество в значительной степени способствовало тому, что репатрианты начали ощущать себя некоей отчужденной, не вписывающейся в этносоциальную структуру страны массой: «Оралманы находятся словно меж двух огней. С одной стороны, коренные казахи, не идентифицирующие культуру и язык оралманов как исконно казахские. С другой стороны, так называемые шала-казахи и жители крупных городов, довольно низко оценивающие... культуру оралманов. То есть, в обоих случаях превалирует восприятие оралманов как “других”. ...Не случайно в среде казахской диаспоры за рубежом распространены идеи о том, что главной причиной слабой интегрированности оралманов в казахстанское общество выступают ксенофобные настроения»⁴⁵.

«Самое обидное, что местные казахи не признают нас. Они говорят, что мы якобы не настоящие казахи, оралманы. Мы же казахи! Нам не нравятся слова местных казахов, что наши предки — предатели родины, покинувшие ее в трудные времена. Если посмотреть на историю, то в Синьцзяне, откуда я родом, казахи жили с древних времен. Наши предки никуда не уезжали, они всегда жили там. Просто границу не так провели, и мы остались там... Мне не нравится характер местных казахов, у них жестокий характер... И мне не нравится с местными общаться, они ленивые, работать не хотят, а любят хорошо одеваться и могут только веселиться» (студент, 20 лет, прибыл из Китая)⁴⁶.

Таким образом, неприятие ощущается с обеих сторон. Важно, что репатрианты не хотят «подстраиваться» под местное население, зачастую негативно оценивая его возможности.

Социальный вакуум, в котором оказались репатрианты, ускорил формирование их собственной социальной организации. В ее основе лежит традиционная система ценностей,

⁴⁴ Алексеев А.Н. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы// Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве в Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 567-592.

⁴⁵ Матвеев А. Оралманы в зоне конфликта// Свобода слова. 2011. 9 июня.

⁴⁶ Здесь и далее перевод с казахского Р. Ешекеновой.

вследствие чего она дифференцирована как по земляческому, так и по региональному принципу. Но независимо от «страны исхода» и времени прибытия, все оралманы высоко оценивают факт своего присутствия на исторической родине. В частности, они убеждены, что поддержка, предоставляемая им государством, несоразмерна их участию в становлении независимого Казахстана. По мнению репатриантов, именно они обеспечили увеличение численности населения страны, возродили брошенные в суверенный период аулы⁴⁷. Подобные заявления еще больше раздражают местное население, которое полагает, что государственные субсидии должны получать в первую очередь «свои», а не «пришлые». Но оралманы не считают себя иждивенцами, тем более что многих из них привели в Казахстан отнюдь не соображения экономической выгоды.

«В семье нас было четверо, но денег хватало. В Китае все дешево. Раньше жить было легче, а теперь на земли казахов переселяют китайцев с внутренней стороны. На высокие посты попасть трудно, казахов не пускают туда, их там совсем мало. Для продвижения в карьере, даже просто для жизни нужно знать китайский язык. Еще очень важно знание английского... Я хочу жить на Родине, разговаривать на казахском, сохранить собственную культуру, религию. Хочу получить образование, устроиться на хорошую работу» (студент, 21 год, прибыл из Китая).

Обращает на себя внимание, что репатриантов интересует именно социализация в РК, перспектива достижения престижного статуса. Что касается экономических возможностей, то они их не очень вдохновляют.

«Представления... о Казахстане не оправдались, особенно вначале. В экономическом плане Казахстан более отсталый по сравнению с Китаем. Всегда думал, что в Казахстане есть своя продукция, что здесь, как в Китае, все сами производят» (студент, 19 лет, прибыл из Китая).

Важно и то, что репатрианты осознают свои преимущества в непрекращающейся дискуссии о том, кто есть настоящий казах, активно навязываемой национал-патриотами. Для оралманов это вопрос риторический.

⁴⁷ Свобода слова. 2011. 9 июня.

«Настоящий казах — это человек, который разговаривает только на казахском языке, который знает традиции и историю казахского народа, носит национальные костюмы. Настоящие казахи — это мы, оралманы. В Казахстане идет европеизация, казахским традициям мало внимания уделяется» (студентка, прибыла из Китая).

В результате национал-патриоты оказываются в сложном положении, так как статус «настоящих» предназначался ими «аульным» (сельским) казахам, в массе своей негативно относящимся к репатриантам.

В сложившейся ситуации важнейшим условием успешной социализации оралманов становится компактное проживание, основанное на принципах родства. «Анклавность» дает гораздо больше шансов и на экономическое благополучие. С течением времени именно анклавов могут стать точками притяжения как для мигрантов, прибывающих в страну вне государственных квот, так и для тех, кто меняет место жительства после прибытия по квоте. Тенденция, на мой взгляд, уже набирает силу: «...Многие оралманы и не думают оставаться в тех регионах, куда их вселяют по квоте. И если контроль за получившими пособия из бюджета хоть как-то осуществляется, то за приехавшими самостоятельно надзирают куда меньше...»⁴⁸

Оралманы все активнее осваивают городское пространство. По мнению одного из лидеров репатриантов, председателя Центрального исполнительного совета РОО «Жебеу» Р. Айыпулы, единственная ошибка его собратьев — это нежелание изучать русский язык, что мешает им устроиться на престижную работу. Согласно имеющимся у него данным, 60% оралманов уже переехали в города, и он не сомневается, что этот процесс будет нарастать⁴⁹.

Необходимо, однако, учитывать, что социальная и экономическая емкость малых городов Казахстана очень невелика. Исторически они выполняли промышленно-сырьевые функции и лишь в малой степени способны адаптировать оралманов, среди которых преобладают сельские жители. В связи с этим в ближайшей перспективе следует ожидать массивован-

⁴⁸ Руденко А. Оралманы и социальный вопрос // Свобода слова. 2011. 9 июня.

⁴⁹ Там же.

ного наступления репатриантов на немногочисленные крупные города, в первую очередь на «северную» и «южную» столицы Казахстана — Астану и Алматы.

Последствия массового переселения репатриантов в города наиболее отчетливо видны на примере Жанаозена. За 10 лет население города увеличилось в два раза (с 60 тысяч в 2001 г. до 120 тысяч в 2011 г.)⁵⁰. При этом никакого роста производства не происходит, соответственно, не растет и потребность в рабочих руках. «В начале переселения люди жили в палатках и юртах, после социальный вопрос обострился еще сильнее. В городе, где подавляющее большинство работает в одной крупной организации, оралманам, привыкшим к сельскому труду и условиям, весьма далеким от требований нефтяной отрасли, адаптироваться крайне сложно»⁵¹.

Социальная обстановка в Жанаозене накалилась, начались массовые забастовки, завершившиеся вооруженными столкновениями с полицией 16 декабря 2011 г. И хотя репатрианты с негодованием восприняли разговоры о том, что именно они «организовали бунт в Жанаозене», многие наблюдатели видят в оралманах мощную протестную силу: «...Они достаточно консолидированы, у них четкая грамотная позиция. Они, если бастуют, не пьют, не курят, не подчиняются никаким другим лидерам, партиям и т. д.»⁵².

Так или иначе, но оралманы стали еще одним претендентом на городское пространство Казахстана, причем претендентом консолидированным, мобильным, довольно жестко структурированным. События в Жанаозене продемонстрировали самый негативный вариант воздействия на городскую среду ее потенциальных многочисленных обитателей.

Власть начинает понимать, что анклавное расселение оралманов может привести к серьезным социальным проблемам, что ситуация все больше выходит из-под контроля. На официальном уровне было признано, что «в местах компактного проживания переселенцев возникает субкультура, что несет

⁵⁰ Свобода слова. 2011. 6 окт.

⁵¹ Свобода слова. 2012. 2 февр.

⁵² Свобода слова. 2011. 6 окт.

с собой неприятие местных казахов»⁵³. «Правительству необходимо внести изменения в миграционное законодательство, – констатировал президент РК. – Важно внедрить стимулы оптимального расселения населения страны и кардинально разобраться с оралманами... Вопрос, который мы решали по программе “Нурлы Кош”: сконцентрировать их в одной точке и т. д., все это требует абсолютного пересмотра»⁵⁴.

Тем самым были обозначены контуры новой политики по отношению к оралманам – рассредоточение их по территории Казахстана. По словам председателя Комитета миграционной полиции МВД РК П. Нокина, «рациональное расселение оралманов, пожалуй, самая важная задача»⁵⁵.

После событий в Жанаозене вице-премьер РК У.Шукеев осторожно попытался озвучить новую линию государства: «Может, со следующего года остановить программу по расселению оралманов в Жанаозен. И посмотреть: там, где, мы считаем, неправильно расселены оралманы, повернуть эти деньги, выделенные в рамках программы расселения на другие направления... Возможно, среди живущих здесь оралманов есть желающие переехать в другой регион». Но оралманы ответили твердо: «Это наш город и уезжать отсюда мы не намерены»⁵⁶.

При разработке новой линии власть, видимо, не учла социальных изменений, произошедших в среде оралманов, сделав ставку на устаревшие принципы управления миграционными процессами. Репатрианты по-прежнему воспринимаются как некая «послушная» масса, которую можно свободно перемещать по территории Казахстана в «нужном» направлении с целью создания региональных «этнодемографических оптимумов»⁵⁷.

⁵³ Свобода слова. 2011. 9 июня.

⁵⁴ Свобода слова. 2012. 2 февр.

⁵⁵ Караван. 2012. 2 марта.

⁵⁶ Свобода слова. 2011. 22 дек.

⁵⁷ Говоря о проблемах расселения оралманов, директор Центра международных исследований мировой экономики и политики при Фонде первого президента Казахстана В. Тулешев заявил: «Юг страны перегружен демографически, в то время как на Севере промышленность остро нуждается в рабочих руках, а население остается преимущественно русскоязычным. . .» (Свобода слова. 2012. 2 февр.).

Осталось незамеченным, что оралманы быстро становятся серьезной самостоятельной силой, чьим основным социальным ресурсом является расселение по родовому принципу, анклавность. В перспективе этот ресурс будет реализоваться в первую очередь в городах. Под влиянием нарастающих претензий репатриантов на приоритетные социальные ниши ранее индифферентное отношение к ним городских жителей (в массе своей русскоязычных) может превратиться в открыто негативное. Надежды оралманов на поддержку со стороны государственных структур при освоении городского пространства вряд ли оправдаются, так как новая государственная миграционная политика по сути своей преследует противоположные цели. Как следствие, из основного союзника/партнера оралманов государство способно превратиться в их главного оппонента.

Таким образом, государственная иммиграционная политика зашла в тупик. В апреле 2012 г. Комитет миграционной политики Министерства внутренних дел Казахстана заявил о том, что квота на миграцию оралманов приостановлена до особого распоряжения правительства⁵⁸. Финансовая поддержка семей оралманов «заморожена» до 2014 г. Теперь желающие могут это сделать только за свой счет⁵⁹. Сложно сказать, насколько эффективной будет новая миграционная концепция, разрабатываемая МВД РК. Сформировавшиеся анклавы в состоянии уже самостоятельно притягивать население, выстраивать собственную миграционную политику. Участие государства в судьбе этнических казахов все больше будет принимать формальный характер. С учетом набирающей силу тенденции урбанизации, проблема «оралманы в городе» может стать одной из важнейших для социально-политического развития Республики Казахстан.

* * *

Проблема функционирования городского пространства является в настоящее время одной из наиболее актуальных

⁵⁸ Ашигалиев К. «Возвращение» откладывается// Свобода слова. 2012. 5 июля.

⁵⁹ Куприянов А., Распопова С. Дорогие репатрианты// Мой город. 2012. 12 июля.

для РК. Ведущую роль в создании этого пространства играет титульное население, исторически не имевшее соответствующего опыта. Растущее участие в процессе принимают и этнические репатрианты. Массовая урбанизация привела к численному доминированию казахов в городах Казахстана. Для «новых горожан» приоритетен казахский язык, большое значение имеют национальные обычаи и традиции.

В то же время обнаружилось, что европеизированное городское пространство в достаточной мере автономно, самодостаточно, чтобы заставить новоселов «играть» по своим правилам. Несмотря на многочисленные программы по возрождению казахского языка, он все больше уходит в сферу бытового общения. С учетом устойчивого урбанизационного тренда, имеющего выраженную этническую окраску, перспективы казахской культуры вновь, как и в первые годы суверенитета, становятся неясными. При этом прослеживается еще одна закономерность — успешная адаптация к новым реалиям во многом зависит от степени приспособленности к городскому пространству. Как следствие, с социально-экономическими проблемами сегодня сталкиваются в первую очередь казахоязычные «новые горожане».

Растущая в этих условиях волна национал-патриотизма, по сути, направлена именно против «старого» европеизированного городского пространства. Основной целью является разрушение той базы, на которой это пространство функционирует, — русского языка. И главным объектом критики оказываются русскоязычные казахи — наглядный пример поглощения городским пространством автохтонов.

В настоящее время конструирование «нового» городского пространства еще находится в стадии эмоциональных дискуссий, из которых более или менее ясно лишь то, что город должен функционировать на основе казахского языка, с учетом народных обычаев и традиций. В этом случае невостребованными остаются как русские (европейцы в целом), так и — в значительной степени — шала-казахи. Успешнее всего данные планы могут реализовать нагыз-казахи и оралманы⁶⁰. Но про-

⁶⁰ Необходимо подчеркнуть, что речь идет о тех, кто прилагает какие-то усилия для адаптации к новым для себя условиям. Есть и иной вариант существования в городском пространстве,

блема в том, что у тех и других отсутствует опыт городского строительства. Логично предположить, что оно будет осуществляться на базе имеющихся ресурсов, преимущественно традиционного свойства.

Трудно сказать, по какому сценарию в перспективе пойдет формирование городского пространства Казахстана. Вместе с тем не вызывает сомнений, что именно это пространство будет определять вектор дальнейшего развития РК.

довольно жестко характеризованный генеральным директором компании «Срасе Energy» Н. Аселканом. По его мнению, многие молодые люди, приезжающие в города, «не желают работать... не хотят адаптироваться и получать нормальное образование, хотя все условия для этого созданы... У отечественных деклассированных элементов есть только один аргумент – “это моя земля!”. Поэтому сегодня – прими меня на работу, завтра – отдай мне свою квартиру. И плевать им, что нет ни ума, ни труда!» (Кубайжанов А. Байконур: конфликт, которого не было// Свобода слова. 2011. 16 июня).

Трансформация пригородной зоны сибирских городов в конце XIX — начале XX века

Последнее десятилетие XIX века стало для Сибири переломным. Постройка Сибирской железной дороги дала мощный толчок социально-экономическому развитию, привела к резкому усилению потока мигрантов, вызвала качественные изменения в жизни местных сообществ. Ускорились урбанизационные процессы, что выразилось как в росте старых городов, так и в появлении новых. Происходил как количественный их рост (увеличение числа жителей, расширение территории), так и качественный переход от традиционного для Сибири города — военно-административного центра к городу — экономическому центру. Трансформация городов проявлялась во всех аспектах их бытования, в том числе и в пространственном отношении.

Эволюция городского пространства представляет собой отдельную тему, включающую в себя множество различных аспектов. Частью городского пространства мы считаем не только основной массив застройки, но и обширный пригород. Здесь также происходили определенные изменения. Рассмотрению этого вопроса и посвящена данная статья.

Начиная с 1970-х годов, сибирские историки стали активно изучать разнообразные аспекты городской жизни — от социально-экономического развития до истории быта и повседневности. Среди крупнейших урбанистов можно выделить В.П. Зиновьева, В.А. Скубневского, А.В. Старцева, С.Н. Баландина, Т.М. Степанскую, Ю.М. Гончарова, О.А. Тяпкину и других. Несмотря на огромный вклад этих и других историков, некоторые области городской истории все еще остаются практически неизученными. Это, в частности, касается истории пригорода. Причина этого, на наш взгляд, в том, что пространственное развитие городов долгое время изучалось либо архитекторами, а не историками (поэтому внимание таким

¹ Десярев Данил Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного университета, Барнаул.

районам, где нет выдающихся зданий, не уделялось), либо как вспомогательно-иллюстративный материал для разработки других тем. Самостоятельное изучение городского пространства началось только сейчас (правда, городское пространство сибирских городов XVIII – начала XIX века хорошо изучил А.Р. Ивонин). Вместе с тем изучение пригородной зоны и происходивших там процессов позволит более полно раскрыть сущность тех изменений, которые происходили в жизни сибирских городов в конце XIX – начале XX века.

Основные функции пригородной зоны сибирских городов в конце XIX – начале XX века

В Российской империи пространство города официально разделялось на две неравных части. Основной массив застройки, представлявший собой единое целое, без значительных лагун, назывался селитебной или усадебной частью. Земли за его пределами, использовавшиеся городом тем или иным образом, назывались выгонными. Между усадебной и выгонными частями городского пространства существовала четкая и однозначно определяемая граница – селитебная черта. Все те земли, которые находились за пределами селитебной черты, но использовались городом, мы и определяем как пригородную зону.

В конце XIX – начале XX века сибирский город выполнял следующие функции: экономические (промышленная, торговая, транспортная, аграрная), военно-административные, культурные (религиозная, просветительская и т. п.) и социальные (селитебная, коммуникативная и др.). В сравнении с предыдущим периодом резко возросло значение городов как экономических (прежде всего, торговых, промышленных и транспортных) и культурных (образовательных) центров и снизилось их военно-административное значение. В целом пригород выполнял те же функции, что и город: 1) экономические (промышленная, аграрная, транспортная, торговая); 2) социальные (селитебная, коммуникативная); 3) политико-административные (пенитенциарная, военная); 4) культурные

(религиозно-культурная, образовательная); 5) рекреационные (оздоровительная, санитарная).

Все функции, выполняемые пригородом, можно условно разделить на внутренние (то есть, ориентированные только на данное поселение) и внешние (ориентированные на выполнение общегородских задач). К внутренним функциям пригорода относятся образовательная и рекреационные, к внешним — все остальные.

Экономическая группа включает в себя такие жизненно важные для города составляющие, как многочисленная городская промышленность, пригородное сельское хозяйство и загородные транспортные узлы. В начале XX века значительная часть промышленности крупных и даже малых сибирских городов была вынесена в пригород. В Барнауле в 1913 г. из 27 крупнейших предприятий за гранью селитебной зоны располагалось 15², в Бийске за городом находилось до 90% всей промышленности, почти вся крупная промышленность размещалась в предместьях Тобольска³. Обширные промышленные зоны создавались в пригороде Томска, Омска, Новониколаевска, Каинска, Мариинска, хотя здесь доля загородной промышленности была ниже. Что касается транспортных узлов, то, как правило, в пригороде размещались железнодорожные станции и речные пристани. Именно за городом были построены пассажирские и товарные станции Томска, Иркутска и Бийска. Крупнейшая грузовая пристань Томска — Черемошническая — тоже находилась в пригороде. В районе Барнаула и Бийска выросли целые поселки, население которых обслуживало нужды судоходства. Именно поэтому пригород имел громадное значение для индустриально развитых городов Сибири, являясь средоточием их промышленного потенциала и перевалочной базой для транзитных и внутренних грузов и пассажиров.

Особо следует сказать о пригородном сельском хозяйстве. К нему относится пригородное животноводство, огородничество и табаководство, садоводство. Значительная часть населения даже крупных сибирских городов продолжала зани-

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 147-150,

³ Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск, 1975. С. 62.

маться сельским хозяйством, для ведения которого использовались загородные пастбища, сенокосные угодья, дачные участки, огороды. Особенно же аграрная функция пригорода была важна для малых городов, которые оставались аграрными поселениями. Жители этих городов, будучи стесненными в возможности использовать для нужд сельского хозяйства пригородные земли, подчас вступали в длительные конфликты с соседними землевладельцами или землепользователями. Яркий пример – это борьба Колыванского мещанского общества с Кабинетом его императорского величества (далее – Кабинет) за расширение выгонной площади города в годы Первой мировой войны. Не менее характерен пример Мариинска, который вынужден был отстаивать свои пригородные сельскохозяйственные угодья в спорах с казенными ведомствами в течение более чем 30 лет – с 1857 по 1898 годы. Земельные конфликты из-за сенокосов и пашен также имели место в 60-е годы XIX века в Бийске и Каинске⁴. То есть для малых аграрных городов пригород являлся не просто важным – он был экономической базой поселения, без него город не мог функционировать.

Что же касается торговой функции пригорода, то она была вспомогательной по отношению к торговой функции собственно города. В пригороде, как правило, не было ни базаров, ни ярмарок, ни мест стационарной торговли. Здесь размещались лишь небольшие базары (торговые ряды на Черемошнической пристани в Томске).

Не менее важными были и социальные функции пригорода. Прежде всего, это селитебная функция, выполняющая которую пригород стал местом постоянного проживания для десятков тысяч сибиряков. В таблице 1 приведены данные о численности населения ряда сибирских городов в целом и о численности населения их пригородов (официально считавшихся тогда таковыми), в частности.

⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 927. Л. 5.

Таблица 1. Доля населения пригорода в общем числе жителей западносибирских городов, 1897 г.

Город	Все население	В т. ч. население пригорода	Доля пригорода в населении города
Тобольск	20425	2345	12%
Тюмень	29544	3961	14%
Курган	10301	1650	16%
Туринск	3167	225	7%
Томск	52210	1316	2,5%
Колывань	11711	364	3%
Каинск	5884	550	Около 10%
Мариинск	8216	1130	13%
Кузнецк	3117	838	27%
Бийск	17213	1200	7%
Новониколаевск (1905 г.)	26028	2138	8%

Сост. по: Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Экономика. Население. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 188, 231; ГАТО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 11. Л. 110-112.

Из таблицы видно, что доля пригорода в городском населении не превышала 10-15%. Однако следует учитывать, что здесь проживало и немалое число нелегалов и самовольных застройщиков, число которых доходило до нескольких сотен человек, поэтому реальная доля пригородного населения несколько выше.

Пригород играл исключительно важную роль в социальной адаптации прибывающий в город переселенцев. Город нуждался в значительном количестве рабочих рук, однако стать полноправным членом городского сообщества (мещанином или купцом) в том время было весьма непросто. В результате массы мигрантов первоначально оседали либо в пригородной зоне, либо на окраинах основного массива застройки. Привлекательность пригорода для них состояла еще и в том, что здесь образ жизни мало отличался от сельского, столь привычного вчерашним крестьянам. Однако осевшие в пригороде новоселы начинали усваивать правила и нормы городской жизни, постепенно эволюционируя в горожан. Завершающей ступенью этой эволюции

становилось либо обретение официального статуса мещанина, либо приобретение имущества в черте города. Таким образом, пригород был, своего рода, адаптационной площадкой, проходя через которую представители традиционных слоев общества (крестьяне) превращались в представителей общества индустриального (горожан современного типа).

Являясь крупными административными центрами, города выполняли функции военных баз (мест постоянной дислокации войск) и пенитенциарных центров. Воинские гарнизоны во второй половине XIX века, а особенно в начале XX века выводятся за пределы селитебной черты в специальные военные городки. Яркими примерами здесь могут служить Северный и Южный военные городки в Томске и район воинских казарм в Новониколаевске. За городом располагались летние тренировочные лагеря и стрельбища. Вообще, воинское стрельбище и летний лагерь являлись неотъемлемой частью пригородной зоны любого, в том числе и небольшого сибирского города.

Практически все тюремные замки и пересыльные пункты также находились в пригороде. Примеры этого можно найти как в крупных городах (Томск, Барнаул, Бийск), так и в малых (Каинск, Мариинск).

Культовые функции пригорода также имели специфический характер. Здесь находились монастыри, кладбища, стояли многочисленные храмы. В начале XX века из четырех городских монастырей Томской губернии три находились за городом (Иоанно-Предтеченский в Томске, Богородице-Казанский в Барнауле и Тихвинский в Бийске – все женские), и только Алексеевский мужской монастырь стоял в центре Томска. Что касается кладбищ, то вынос их за город являлся обязательным условием градостроительства. Однако по мере роста городов некоторые некрополи оказались внутри селитебной зоны (например, Городское кладбище в Новониколаевске, Нагорное кладбище в Барнауле)⁵. И все же к 1917 году 4/5 городских кладбищ оставались в пригороде. Наконец, говоря о пригородных храмах, нужно иметь в виду, что они тяготели либо к кладбищам (например, Крестовоздвиженская церковь на одноименном кладбище под Барнаулом), либо к

⁵ Барнаул. Научно-справочный атлас. Новосибирск, 2006. С. 32; ГАТО. Ф. 196 Оп. 4. Д. 221. Л. 50.

пригородным поселениям (например, Петропавловская церковь в поселке спичечной фабрики Кухтериных под Томском или Покровская церковь в Заречном предместье Бийска), либо к иным крупным городским объектам — тюрьмам, пристаням, вокзалам, выездам и т. п.

В области выполнения рекреационных функций пригород играл в городском пространстве основную роль, так как именно там существовали необходимые для этого условия. Здесь располагались летние дачи состоятельных горожан, образовавшие к началу XX века целые дачные поселки (Басандайка и Городок у Томска, Нагорные дачи в Барнауле). В пригород же были вынесены многие учреждения здравоохранения. Так, губернская больница для душевнобольных расположилась в нескольких верстах севернее Томска, в сосновом бору, причем само местонахождение больницы считалось лечебным фактором.

Крайне важной была санитарная функция, целиком возлагаемая на пригородную зону. Во-первых, пригород был местом складирования всех бытовых отходов, причем существовали строгие предписания городских управлений относительно сваливания мусора только там⁶. Правда, огромные городские свалки иногда оказывались на пути роста городов, тогда их приходилось переносить на новое место, как в Барнауле в годы Первой мировой войны. Во-вторых, за городом строились различные изоляционные бараки для больных холерой (эпидемии этой болезни случились в 1892 и 1908—1910 годах). В-третьих, пригородные рощи и леса защищали города от степных бурь и суховеев, особенно опасных в южной части Томской губернии. Поэтому защита пригородных лесов от вырубки была одной из основных экологических задач, стоявших перед местными самоуправлениями в конце XIX — начале XX века (примеры — постановления Барнаульской и Каинской городских дум о запрете вырубки пригородных рощ и бора)⁷.

Можно смело утверждать, что на пригород были возложены многие очень важные городские функции. Они, в свою очередь, определяли и состав входивших в пригородную зону данного поселения объектов.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 153. Л. 45.

⁷ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 177; ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 393. Л. 2об.-3.

Состав пригородной зоны сибирских городов конца XIX — начала XX века

Городское пространство, будучи частью социального, обладает такими свойствами как континуальность (связность) и прерывность (дискретность). Последнее из этих свойств наиболее ярко проявляется именно в пригороде, так как там отделение одного объекта от другого заметно «невооруженным глазом». Все существовавшие в пригороде объекты можно условно разделить на три группы:

1. Пригородные поселения постоянного и сезонного характера.

2. Отдельные городские объекты.

3. Функциональные зоны.

Наиболее значимой и интересной для рассмотрения является первая группа. В нее входят все типы населенных местностей. По состоянию на 1917 год, в Российской империи официально выделялись такие типы постоянных поселений, как город, посад, слобода, местечко, завод, фабрика, пристань, копь, станция ж. д., дача, курорт, рыбацкий поселок, военный лагерь, военное поселение⁸. Однако наша классификация несколько отличается от принятой во время городской переписи. Мы выделяем следующие типы пригородных поселений:

1. Предместья, слободы и иные многофункциональные поселения.

2. Заводские поселки и промышленные купеческие заимки.

3. Сельскохозяйственные и жилые заимки с постоянным или сезонным населением.

4. Станции и станционные поселки, пристани, затоны.

5. Военные поселения.

6. Монастырские поселения.

7. Дачные поселки.

8. Больничные поселки и поселения при иных городских объектах.

9. Самовольные поселения всех типов.

Отличить один тип поселения от другого можно, в основном, по выполняемым функциям, а также по ряду дополни-

⁸ ГААКФ. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 85.

тельных признаков. Наиболее сложной для выделения является первая группа. В нее входят, как правило, те населенные пункты, которые в рассматриваемый период выделялись как самостоятельные поселения и назывались предместьями (например, Зареченское и Мочищенское предместья в Бийске, предместья Форштадт и Подкамень в Кузнецке) или слободами (например, Солдатская слободка в Колывани). К этой же группе мы отнесли многофункциональные поселения, которые официально не имели статуса отдельных населенных пунктов, но по факту ими были. Это, например, район под Большим и Малым Гляденом (Подгляденом) в Барнауле, район Зеленый Клин в Бийске. Отличительной чертой населенных пунктов этого типа является их многофункциональность. Таким поселения, как правило, выполняли сразу несколько разных функций (чаще всего это селитебная и коммуникативная, промышленная, аграрная, реже – религиозно-культовая функции).

Ко второй группе отнесены поселения, выполняющие преимущественно промышленную функцию. Это, во-первых, классические заводские поселки, возникавшие при относительно крупных предприятиях. Практически каждый крупный и даже малый сибирский город имел в своем пригороде поселения такого типа.

К этой же группе относятся промышленные купеческие заимки. Эти поселения по размеру несколько меньше классических заводских поселков. Кроме того, обязательным условием здесь является наличие купеческой усадьбы рядом с производством. Иногда такие заимки вырастали в крупные поселки. В.А. Скубневский так описывает классическую сибирскую купеческую заимку с промышленным предприятием: «Обычно купеческая заимка включала жилые постройки самого купца – чаще всего двухэтажный дом с амбаром, сараями, конюшней; мельницу, иногда другие промышленные заведения, казармы для рабочих, то есть целый поселок»⁹. Примеров таких заимок можно привести много. Как правило, на таких заимках

⁹ Скубневский В.А. О взаимоотношениях предпринимателей и рабочих в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX века// Современное историческое сибиреведение XVII – начало XX века. Барнаул, 2005. С. 248.

находились небольшие мыловаренные, салотопенные, кожевенные, кирпичные заводы и так далее. Стоит также отметить, что иногда термин «заимка» использовался и для обозначения участка внутригородской территории. Так, в Томске в районе Песков находилась заимка Тецкова, на реке Ушайке – Войлочная заимка.

Населенные пункты третьей группы по своему происхождению близки к промышленным купеческим заимкам, но выполняют другие функции – как правило, аграрную, рекреационную и селитебную (в случае, если это не сезонная заимка). Размеры таких поселений варьировались от 1-2 домов до нескольких десятков с сотнями жителей. Например, в Барнауле в 1886 году была учтена 61 жилиая загородная заимка и 10 пасек, в Кузнецке – 6 пасек¹⁰. Как правило, на таких заимках стоял летний загородный дом, иногда – жилой круглый год, осуществлялось сенокошение, разведение пчел, овощеводство. Однако есть примеры того, как из дач вырастали пригородные поселки с многочисленным населением. Например, это Булыгинская заимка (постепенно эволюционировавшая в многофункциональное поселение) под Барнаулом, Хромовка или Степановка возле Томска.

К четвертой группе отнесены населенные пункты, возникшие возле транспортных узлов. Во-первых, это поселки при железнодорожных станциях. Таких примеров немного. Классическим является поселок при станции Томск (с 1909 г. – Томск-II). В других случаях (Барнаул, Бийск, Мариинск) пристанционные поселки очень быстро сливались с основным массивом городской застройки и не успевали оформиться в полноценные пригородные поселения. Во-вторых, это речные пристани, где жили матросы пароходов с семьями. В качестве примера можно назвать Черемошинскую пристань в Томске, пристани Мельниковой и Корниловых в Бийске. Кстати, пристань как отдельный тип поселения выделялась еще в 1917 г. В-третьих, это так называемые затоны – поселения, возникшие в районе ремонтных баз и зимних стоянок речного флота. Классическим примером является Бобровский затон под Барнаулом, выросший в большой многотысячный поселок. Часть

¹⁰ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 114. Л. 78, 107.

этих поселений со временем эволюционировала в населенные пункты первого типа.

Военные поселения выполняли специфическую функцию, являясь местом дислокации военных гарнизонов. Примерами здесь могут служить военные городки на Иркутском тракте в Томске, за Каменкой в Новониколаевске, за линией железной дороги в Мариинске, севернее Колывани и т. д. Военные городки были, как правило, компактными, имели стандартный набор зданий и были выстроены в сходном архитектурном стиле, являясь редким примером типового пригородного поселения.

Монастыри также являлись местом постоянного проживания для сотен людей, выполняя помимо селитебной, культурной и образовательной, еще и аграрную функцию. Как правило, монастырь имел в собственности или арендовал несколько сот десятин земли для разведения пчел, сенокосения и огородничества. Яркий пример — Богородице-Казанский женский монастырь под Барнаулом.

Дачные поселения являлись новым типом пригородных населенных пунктов и формировались только в окрестностях крупных городов. Наибольшее число дачных поселков располагалось возле Томска. Это знаменитые Басандайские дачи, Дачный Городок за Томью и дачи на Малой Киргизке, в состав которых входила Архиерейская дача с воскобельным заводом. В районе Барнаула похожие поселения сформировались в Нагорном бору по обе стороны Змеиногорского тракта и в низовьях речки Пивоварки. Со временем наиболее крупные дачные массивы вырастали в многофункциональные поселения, сохраняя при этом и свою специализацию — загородного отдыха и оздоровления.

К восьмой группе мы отнесли те поселения, которые возникли при различных городских объектах, не являющихся промышленными предприятиями или транспортными узлами. Как правило, это высокоспециализированные поселения, как, например, поселок при губернской больнице для душевнобольных около Томска или поселения при переселенческих пунктах Новониколаевска и Барнаула. К этой же группе мож-

но отнести, например, жилые кордоны лесников, тюремные поселения и так далее.

Наконец, последнюю группу поселения составляют самовольные заселки. По своим функциям они схожи с предместьями и отличаются от них только своим происхождением. Чаще всего, такие «местечки» эволюционируют именно в предместья (как Заречье в Бийске) или в городские районы (Порт-Артур, Сахалин в Барнауле). Основная их функция – селитебная, также именно здесь происходило включение в городское общество пришлых масс населения разного происхождения.

Таким образом, в основе выделения всех групп пригородных населенных пунктов лежат выполняемые ими функции. Многие поселения постепенно эволюционировали либо в многофункциональные (наиболее развитый тип пригорода), либо сливались с городом.

Гораздо меньшую роль в жизни города играли отдельные городские объекты, при которых не образовались сколько-нибудь заметные поселки. Они имели самое разное назначение: промышленное (скотобойни, водокачки, карьеры и каменоломни), транспортное (ж. д. казармы), религиозно-культурное (часовни, кладбища), административное (тюремные замки), рекреационно-санитарное (свалки, холерные бараки) и сельскохозяйственное (скотские загоны, чумные дворы). Все эти объекты жизненно необходимы для нормального функционирования городского организма.

Пригородные функциональные зоны занимали остальную площадь пригорода. Возле сибирских городов, как правило, можно обнаружить три таких зоны: промышленную, аграрную и зону естественных ландшафтов. Вынос промышленных предприятий за пределы селитебной черты начался еще в XIX веке, а в начале прошлого столетия он был законодательно оформлен многочисленными решениями городских властей. Практика создания пригородных промышленных зон была разной. Где-то создавались специальные «Промышленные городки» для предприятий разных отраслей (Барнаул, Новониколаевск), где-то создавались промышленные площадки для предприятий одного типа (район кузниц в Каинске, район

кирпичных сараев в Томске, район мыловаренных заводов в Кузнецке). Но чаще всего пригородные промышленные зоны возникали естественным путем — в результате стихийного строительства промышленных предприятий в одной местности, лишь слегка корректируемого городскими властями. Таковы крупнейшая в Бийске Западная промышленная зона или промышленные зоны на Нижнем лугу и Дальнем ключе в Томске. Чаще всего, промышленные площадки возникали по берегам рек или озер, реже — вдоль крупных гужевого путей. С проведением железных дорог предприятия стали тяготеть к ним. Промышленные зоны отличались от населенных пунктов промышленного назначения тем, что доля постоянного населения там была невелика, а концентрация производств — наоборот высока, то есть экономическая функция превалировала над социальной.

Второй тип функциональных зон — пригородные аграрные угодья, которые подразделяются, в свою очередь, на выгонные пастбища и сенокосные угодья. Земли этой группы занимают большую часть пригорода. В конце XIX века в составе пригородной зоны Бийска аграрные угодья составляли 90%, Колывани — 55%, Мариинска — 50%¹¹. Их значение для малых аграрных городов было огромным.

Наконец, естественные ландшафты (леса, степные гривы, заливные луга, акватория) оставались нетронутым резервом и использовались для городских нужд в наименьшей степени. Здесь осуществлялась заготовка леса, лов рыбы, сбор грибов и ягод. Городские власти старались по возможности сохранять естественные ландшафты, так как получали с них некоторый доход (например, в Томске, Мариинске, Нарыме сдавались в аренду рыболовные угодья). Площадь же этой зоны в пригороде, тем не менее, постоянно сокращалась по объективным причинам. Однако в составе земельного фонда наименее развитых городов естественные ландшафты составляли более половины всей площади. Например, в 1899 году их на эту функциональную зону приходилось 57% всех земель Сургута, 64%

¹¹ Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2009. С. 297.

земель Тюкалинска и 72% земель Нарыма¹². Наличие большого неиспользуемого в городском хозяйстве земельного клина в пригороде как раз и свидетельствовало о низком уровне развития городского поселения.

Итак, все объекты пригорода можно разделить на три группы. Каждый объект был функционально нагружен. Для того, чтобы лучше представить соотношение объектов и функций, ниже мы приводим специальную таблицу соответствия. (См. Таблицу 2).

Таблица 2. Соотнесение функций и объектов пригородной зоны, их выполняющих

Группа функций	Функция	Объекты, ее выполняющие
1. Экономические	Промышленная	Заводские поселки, промышленные купеческие заимки, промышленные зоны, отдельные объекты промышленного назначения
	Аграрная	Сельскохозяйственные заимки, монастыри, выгонные земли. Дачные поселки.
	Транспортная	Ж. д. станции, пристани, затоны, пути сообщения.
	Торговая	Торговые места в поселениях и на пристанях
2. Социальные	Селитебная	Все населенные пункты с постоянным населением
	Коммуникативная	Все населенные пункты с постоянным населением, особенно предместья и самовольные заселки.
3. Административные	Военная	Военные поселения, летние лагеря. Стрельбища
	Пенитенциарная	Тюрьмы, лагеря военнопленных
4. Культурные	Религиозно-культурная	Монастыри, храмы, кладбища
	Образовательная	Школы, училища
5. Рекреационные	Оздоровительная	Дачи, больницы, заразные бараки, естественные ландшафты, некоторые заимки
	Санитарная	Свалки, чумные дворы, естественный ландшафт.

¹² Тяпкина О.А. Указ соч. С. 297.

Численность и социальный состав населения пригорода

Вопрос о том, кто населял пригородную зону тогдашнего сибирского города, во многом является ключевым в понимании происходившей трансформации. Но прежде чем говорить о социальном составе населения, нужно несколько слов сказать о его численности. Уже говорилось о том, что численность пригородного населения составляла от 2 до 20% от всего населения города (в среднем – 10-15%). Здесь же хотелось бы подробнее охарактеризовать численность населения отдельных категорий пригородных поселков.

Наиболее крупными пригородными поселениями являлись предместья. Число их жителей могло достигать нескольких тысяч человек. Так, Заречное предместье Бийска накануне его присоединения к городу насчитывало до 2000 жителей¹³, предместье Кирпичные Сараи под Тюменью – 2138 человек (1897 г.)¹⁴. Были предместья и поменьше. Население Подглядена в 1917 г. составляло от 600 до 800 человек¹⁵, население предместья Мочищенского (Бийск) – около 500 человек¹⁶, население Дальней Пристаней в Мариинске в начале XX века едва ли превышало 400 человек. Многофункциональные поселения были самыми населенными пригородами.

Вторая по числу жителей категория населенных пунктов – это заводские поселки. Число их жителей напрямую зависело от численности рабочих на данном предприятии; чем крупнее предприятие, тем крупнее был его заводской поселок. Средняя численность населения в таких поселках составляла от 100 до 200 человек, поселения с тысячей жителей практически не встречались. Что касается промышленных купеческих заимок, то их население, как правило, не достигало даже 100 человек, а нередко составляло 10-15 жителей (сам купец, его семья и несколько человек рабочих или прислуги), так как работники небольших заводов редко проживали на предприятиях.

¹³ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 496. Л. 13 об.

¹⁴ Кубочкин С.Н. Тычовка, Сараи, Потаскуй. Из истории тюменских окраин 2-й пол XIX – начала XX веков. Тюмень, 2002. С. 104.

¹⁵ ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 7. Л. 114-114 об.

¹⁶ Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории Бийска второй половины XIX – начала XX века. Барнаул, 2009. С. 104.

Численность населения станций, пристаней и затонов также зависела от их транспортного значения. Например, на пристани Мельниковой в Бийске в 1910 г. проживало не менее 20 человек¹⁷. Исключением здесь были затоны, где численность только рабочих составляла несколько сотен человек. Так, в Бобровском Затоне под Барнаулом иногда скапливалось до 1500 рабочих и матросов, не считая членов их семей¹⁸.

Население пригородных аграрных поселений чаще всего было невелико. На большинстве пригородных заимок проживал только сам их владелец с семьей, реже — с семьями ближайших родственников. Исключения составляют заимки, выросшие до уровня предместий. Так, население Булыгинской заимки составляло до 500 человек¹⁹. Число жителей в специализированных поселениях (военных, монастырских, больничных) тоже было не очень велико, хотя и достигало иногда нескольких сотен человек. Например, в поселках барнаульского Богородице-Казанского и бийского Тихвинского женских монастырей проживало одинаковое количество жителей — порядка 200 человек²⁰.

Таким образом, мы видим, что число жителей многих пригородов превышало цифру в 100 человек, а некоторых — даже в 1000 человек, что по тем временам было довольно много. Например, число жителей крупнейших предместий Тюмени, Барнаула или Бийска превышало население самостоятельного городского населения Нарыма (в 1913 году там проживало всего 963 человека)²¹.

Говоря о социальном составе населения пригорода, прежде всего, необходимо охарактеризовать его сословный состав. Здесь селились в основном жители непривилегированных сословий. Дворяне, духовенство и почетные граждане, как правило, проживали в городах, а за городом имели лишь летние дачи (как, например, дача дворянина Дриго под Каинском или

¹⁷ ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 956. Л. 2-100.

¹⁸ Юдалевич М.И. Барнаул. Барнаул, 1992. С. 174.

¹⁹ ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 12. Л. 123.

²⁰ Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVIII – начало XX века). Барнаул, 1997. С. 89-93.

²¹ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири... С. 231.

заимка протоиерея Иоанна Горетовского под Барнаулом). Исключение составляло лишь духовенство пригородных монастырей. Гораздо чаще за городом проживали купцы всех гильдий. Особенно это было характерно для владельцев пригородных промышленных предприятий. При своем содовом заводе проживал купец (и художник) М.Б. Пранг, на канатном заводе – купец В.И. Голдырев, на винокуренном заводе – купец В.И. Рыбаков. Конечно, количество проживавших за городом лиц купеческого сословия было меньше, чем число купцов, живших в городе, но все же купец, живущий в пригородной местности не был редкостью для Сибири того времени.

Основную же массу населения пригородов составляли мещане и крестьяне. Мещане, самое многочисленное городское сословие, и в пригородах составляли большинство. Например, на Дальней Пристани города Мариинска в 1902 году проживало 88 мещан²², что составляло почти 100% жителей этого поселения. В мещане были записаны и 132 крестьянина деревни Мельниково, причисленной к Колывани в 1874 году²³. Даже многие владельцы пригородных заводов (особенно кирпичных, маслобойных, кожевенных и кузнечных) тоже принадлежали к мещанскому сословию. Что же касается крестьян, то их доля была особенно велика в нелегальных поселениях. Так, при первом упоминании нелегального заселка Порт-Артур указывалось, что его жители – сплошь бывшие крестьяне Вятской губернии²⁴. Особую категорию пригородного населения составляли нижние воинские чины (солдаты) и офицеры, проживавшие в специализированных военных городках. Там, где воинские гарнизоны были многочисленными (например, в Томске), военные могли составлять до четверти населения пригородной зоны.

Таким образом, сословный состав населения пригородов в целом соответствовал сословному составу населения городов, с той лишь разницей, что удельный вес мещан, а особенно крестьян в пригороде был в среднем выше, чем в городе.

²² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2пр. Д. 5224. Л. 61.

²³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2856. Л. 84.

²⁴ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6. Л. 182.

Если говорить об иных принципах деления общества (например, на классы), то можно отметить, что именно в пригородной зоне в начале XX века концентрировалась основная масса промышленных рабочих (этим, видимо, объясняется большая интенсивность рабочих выступлений в пригороде по сравнению с городом), значительная часть которых были вчерашними крестьянами. Такое положение дел мы связываем с почти завершившимся во многих городах в начале XX века процессом выноса средней и крупной промышленности за пределы селитебной черты. В некоторых сибирских городах все еще сохранялись поселения ремесленников (слободы старого типа), как, например, около Тюмени (Затюменское предместье) или около Барнаула (Пестели).

Основные тенденции развития пригородной зоны городов Сибири в конце XIX – начале XX века

Происходил территориальный рост пригородной зоны. Это было связано, отчасти, с ростом населения городов (что увеличивало потребности горожан), отчасти – с ростом территории основного массива застройки, что приводило к постепенному переносу пригородных объектов на новые места. В результате к 1917 году площадь пригородной зоны таких крупнейших городов региона, как Томск, Барнаул или Новониколаевск, составляла от 8 до 10 тысяч десятин.

Происходил рост населения пригородной зоны. На выгонных землях могли проживать сотни и даже тысячи жителей, формально причисляемых к тому или иному городу. В то же время наблюдалось снижение доли пригородного населения в общем населении города. Если для традиционных сибирских городов было характерно проживание в предместьях и слободах до трети населения, то теперь, при большей численности, население всех пригородных населенных мест составляло 10–15% от общего числа горожан.

Изменился социальный состав жителей пригорода. Это во многом связано с изменением состава населения в городах в целом. Если раньше в пригородах проживали в основном ремесленники – мещане, а также военные местных гарнизонов,

то теперь основную массу жителей составляли пришедшие в город на заработки крестьяне, становившиеся промышленными рабочими. Доля же ремесленников (как и доля военных) постепенно снижалась. В это же время происходило формирование дачной культуры (особенно среди состоятельных горожан), в рамках которой началось как создание пригородных дачных поселений, так и массовое возникновение загородных жилых заимок. Можно сказать, что в пригороде в большей степени, чем собственно городе было заметно социальное расслоение, деление общества на привилегированные и непривилегированные сословия. Именно в пригородной местности роскошные дачи состоятельных купцов и чиновников порой соседствовали с лачугами и землянками самовольных засельщиков. Все это могло превратить загородную местность в зону нарастающей социальной напряженности (о чем свидетельствует протестная активность рабочих ряда загородных предприятий в годы революции 1905–1907 гг.).

Изменился набор функций, которые были возложены на пригороды. Если раньше они служили, прежде всего, для удовлетворения нужд города в сельскохозяйственных угодьях, то теперь стали выполнять целый ряд собственно городских функций. С этим тесно связано изменение состава объектов пригородной зоны. Раньше в загородной местности располагались лишь немногочисленные поселения нескольких типов (предместья, слободы, военные городки, отдельные заимки), а также отдельные объекты и аграрные угодья, теперь структура этой местности заметно усложнилась. Выросло количество постоянных поселений, повысилось разнообразие их форм. Значительно увеличилось количество отдельных объектов, а к аграрной функциональной зоне прибавилась промышленная. Кроме того, наблюдалось постепенное сокращение доли естественных ландшафтов в составе пригорода.

Наконец, изменилась роль пригородной зоны в жизни города. В дореформенной Сибири пригород был, чаще всего, малозначимой периферией городского пространства. В это время он действительно был контактной зоной города и села, так как здесь горожане занимались сельским хозяйством. Теперь же значение пригорода возросло настолько, что он стал

жизненно важной частью пространства данного городского поселения. Достаточно сказать, что выполнение таких важных для индустриального города функций, как промышленная и транспортная, было во многом возложено именно на пригородную зону.

Анализ основных тенденций развития пригорода сибирских городов позволяет утверждать, что в конце XIX – начале XX века происходила трансформация пригородной зоны. На место слобод, предместий и загородных сенокосов приходили заводские поселки, станции, промышленные городки и самовольные поселения. Все это свидетельствует об эволюции пригородной зоны традиционного сибирского города в пригород индустриального города новой эпохи.

**«Село городского типа»:
миграционные метаморфозы пригорода.
В поисках теоретических инструментов анализа**

Одним из важнейших следствий масштабных миграционных процессов постсоветского времени стала быстрая трансформация экономического, социально-культурного, политического пространства России и ее регионов. В большей или меньшей степени они коснулись как регионов – миграционных доноров, так и регионов-реципиентов, принимающих различные потоки миграции и разнообразные группы мигрантов. При всем различии этих случаев их объединяет общая характеристика: миграции качественно меняют пространство, в котором они протекают, наделяя его новыми качествами и характеристиками и серьезно корректируя вектор и темпы развития. Такие изменения порождают целый комплекс далеко идущих последствий, одним из которых становится появление новых локальных общностей и социальных пространств, не вписанных в традиционное пространство Города или Села, в которых и система миграционных процессов, и сам локальный социум находятся в процессе становления.

Стремительное развитие пригородов Иркутской агломерации в последние десять – пятнадцать лет привело к заметному изменению конфигурации пространства, в котором происходит взаимодействие различных групп мигрантов и принимающего общества. Если ранее мигранты прибывали и встраивались в достаточно устойчивые городские и сельские сообщества, живущие в рамках сложившихся и в том или ином виде институализированных «правил игры», то пригороды становятся новым пространством такого взаимодействия. Пространством, в котором переплетаются процессы миграции внутренней и трансграничной, адаптация переселенцев из города и трансмигрантов, развитие комплексов формальных и

¹ Григоричев Константин Вадимович – кандидат исторических наук, административный директор Научно-образовательного центра Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете.

неформальных практик в экономической сфере и т. д. Каждый из перечисленных процессов (а они, безусловно, не исчерпываются этим кратким перечнем) может быть предметом самостоятельных исследований и объектом наблюдений. Однако дальнейший анализ специфики развития пригородов Иркутской агломерации требует поиска тех или иных теоретических инструментов, без которых самые интересные исследовательские кейсы остаются в жанре феноменологии.

Более того, потребность в привлечении тех или иных теоретических инструментов для описания и анализа миграционных и адаптационных процессов в иркутских пригородах определяется и возможностями выхода за пределы этого, безусловно, локального по масштабам кейса. На мой взгляд, здесь за местной спецификой взаимодействия мигрантов и принимающего общества просматривается более значимый процесс формирования нового сообщества. Нового не только в смысле изменения структуры локального социума за счет инкорпорации пришлых (мигрантских) групп, но и в плане складывания новых направлений и механизмов развития самых разных сфер жизни этого сообщества, его *modus vivendi*, места и функций в системе регионального развития, отношений Города и Села. И в этом смысле поиск объясняющих теоретических конструкций позволяет поставить вопрос о возможности использования иркутского кейса в качестве не уникальной, а напротив – *модельной* ситуации, применимой для компаративного анализа схожих процессов в иных регионах и, возможно, иных исторических этапах.

В этой связи, мне представляется принципиально важным привлечение таких теоретических инструментов, которые будут направлены не только и не столько на объяснение собственно миграционного и адаптационного процессов, но даже в большей степени – на анализ трансформации самого пригородного пространства и сообщества. Ключевым аргументом в пользу такой позиции является то, что в рассматриваемых кейсах эти процессы протекают в быстро изменяющемся пространстве, активно изменяют его и, как следствие, сами заметно меняют свой характер. Здесь (в Пригороде) в полном смыс-

ле миграционное движение происходит в подвижной среде, основу которой составляет социальное пространство.

Соответственно, в этой статье я попытаюсь рассмотреть некоторые теоретические модели процессов развития социального пространства Пригорода. Но поиск моделей, описывающих изменение объекта, требует описания исходного состояния этого объекта, его структуры и ключевых характеристик. Поэтому первая часть статьи посвящена определению основных вариантов развития пригородов Иркутска, градируемых по способу включения этого пространства в орбиту влияния города. Во второй и третьей частях текста я попытаюсь взглянуть на процесс формирования нового типа пригородов Иркутска через призму концепта фронта, понимаемого как подвижная зона освоения социального пространства, и концепта многослойности социального пространства, основанного на идеях П. Бурдьё. Подчеркну, что оба концепта используются мною сугубо инструментально, исключительно в качестве исследовательской оптики, позволяющих увидеть новые качества рассматриваемых процессов.

Анализ базируется на комплексе полуструктурированных интервью и полевых наблюдений, сделанных в пригородах Иркутской агломерации в 2009–2012 гг. Ключевые сюжеты и основные выводы, полученные на базе этого эмпирического материала, были опубликованы в ряде статей². Поэтому здесь я ограничусь отсылками к прошлым публикациям, и небольшими выдержками из новых полевых материалов.

² См.: Григоричев К. *Mobilis in mobile: миграция в меняющемся пространстве // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 184–210 (в соавт. с Алексеенко А.Н., Бреславским А.С., Гончаровым Ю.М.); Григоричев К.В. «Таджики» и «китайцы» в пригородах Иркутска: свои чужие и чужие свои // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XII Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 мая 2011 г., г. Усть-Каменогорск. Усть-Каменогорск: «Либриус», 2011. С. 181–189; Григоричев К.В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». Выпуск 4/1 (72/1). 2011. С. 53–59; Григоричев К. «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 156–176.*

От слободы до субурбии: попытка типизации

Спектр различных вариантов развития пригородной территории в ареале Иркутской агломерации чрезвычайно широк и включает как традиционные для Сибири, так и новые формы включения пригородного пространства в сферу жизни города. Подчеркну, что рассматриваю не отдельные типы населенных пунктов (формально таковых не слишком много и подавляющая их часть имеет статус села или садоводческого товарищества), а именно способы освоения пригородного пространства. Критериями служат вектор миграционных процессов как основного механизма роста населения пригородов, их структурные характеристики (прежде всего, социокультурная среда — донор миграции) и характер взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Такой подход, на мой взгляд, более продуктивен, поскольку позволяет существенно расширить число социальных групп, участвующих в развитии пригородов, и вариантов их включения в это пространство.

Хронологически наиболее ранним (применительно ко второй половине прошлого столетия) вариантом освоения пригородного пространства стало включение в него сельских населенных пунктов, возникших на протяжении XVIII — начала XX века. Сформировавшись первоначально как самостоятельные сельские поселения, они оказались в сфере влияния Иркутска уже во второй половине XX столетия в результате бурно роста областного центра, а затем и всех городов Иркутской агломерации. Однако расширение административных границ Города, оказавшегося уже не «аж в области», а почти «за околицей», не привело к сколько-нибудь заметным изменениям в таких поселениях. Повышение транспортной доступности не ликвидировало культурной дистанции, и основная часть пригородных поселений сохраняла к концу 80 — началу 90-х годов хозяйственный, а главное — социокультурный уклад советского села.

Заметного миграционного притока ни из города, ни из сельской местности такие поселения не имели, а основу отрицательного миграционного баланса в них составлял отток молодежи в областной центр и за пределы области. Близость к крупному городу не стала достаточной предпосылкой для

запуска процесса слободизации таких сел, включения их в социально-экономическую, а затем и социокультурную жизнь города. Урбанизационный поток миграции в буквальном смысле прошел мимо этих поселений и был полностью поглощен Иркутском и его городами-спутниками. Агломерационный характер развития (сложившийся с возникновением в 50-е годы молодых городов Ангарска и Шелехова) обусловил высокую миграционную емкость областного центра. Возможность для выходцев из села обосноваться не в пригородном селе, а в городе, обеспечивавшая не только экономические выгоды, но и приобретение заметного символического капитала (статус «горожанина» versus «колхозника»), не оставляла практически никаких шансов на ориентацию сколько-нибудь заметной части миграции из сельских районов области в пригородные села.

Более поздние варианты развития пригорода сформировались в тесной связи со встречным миграционным движением: выездом горожан в сельскую местность, имеющим преимущественно сезонный характер. Т. Нефедова выделяет четыре основных вида «усадеб» горожан в сельской местности:

— дачи — сезонное загородное жилье, возникшее еще в имперской России и вплоть до середины XX века остававшееся привилегией элитных классов;

— коллективные сады и огороды — массовый вариант аграрно-рекреационного землепользования, в котором собственное жилье имело не основную, а скорее обеспечивающую функцию;

— приобретенные или унаследованные сельские дома — вариант рекреационного загородного жилья, не связанный, как правило, с каким-либо аграрным землепользованием и представляющий собой инвариант классической дачи, лишенной элитарности;

— строительство коттеджей и коттеджных поселков — загородное всесезонное жилье, связанное с возникновением в 90-е новых элит, имеющих возможность вкладывать средства в подобную недвижимость³.

³ Нефедова Т. Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГУ, 2001. С. 384-387.

Первый из выделенных Т. Нефедовой типов «усадеб» для пригородов Иркутска на протяжении всего их развития сколько-нибудь распространенным не стал. Вероятно, основной причиной этого, является немногочисленность региональных элит, которые могли претендовать на подобное загородное жилье. И хотя локальные территории «престижных», «статусных» дач в ареале Иркутской агломерации все же существуют (55-60-й километры Байкальского тракта, «31-й квартал» под Ангарском), существенного влияния на характер развития пригорода они не оказывают.

Последние же три типа представлены в пригородах Иркутской агломерации достаточно широко. Садоводческие товарищества формируют обширные массивы, тяготеющие к основным федеральным и региональным автодорогам и крупным водным объектам (Александровский, Байкальский тракты, Мельничная Падь, окраины г. Шелехов, в меньшей степени – Голоустенский тракт). Сопоставимые масштабы имеет и приобретение домов в сельских поселениях: при меньшей концентрации такого загородного жилья, ареал его распространения выходит далеко за пределы пригородной зоны Иркутска, достигая побережья оз. Байкал как на восточном берегу (окрестности г. Слюдянка), так и на западном берегу (п. Б. Голоустное). Коттеджные поселки представлены как самостоятельными поселениями (например, п. Миловиды⁴), так и небольшими массивами, вкрапленными в сельские поселения.

Специфическим вариантом развития пригорода в Иркутске стал массовый поток горожан, перебирающихся сюда на постоянное место жительства. Численность населения пригородного Иркутского сельского района за 20 постсоветских лет выросла на 30 тыс. чел, увеличившись в более чем в полтора раза⁵. Наиболее привлекательные для горожан поселения растут впечатляющими темпами: от 5% до 15% в год. Важно подчеркнуть, что это именно смена места жительства, а не се-

⁴ Примечательно, что в официальном реестре населенных пунктов Иркутского района такого поселка нет, тогда как на картах он отмечен и обозначен на дорожных знаках и указателях.

⁵ По данным Территориального органа статистики по Иркутской области, Федеральной службы статистики РФ и данным похозяйственного учета администрации Иркутского муниципального района.

зонный выезд во второе жилье⁶. Здесь развитие города (точнее — Иркутской агломерации), как средоточия региональной жизни, привело к развитию субурбанизационного процесса. Это пока не типичный для Сибири путь взаимодействия Города и Села как социокультурных общностей, в котором первый выступает активной стороной, а последнее — реципиентом. Отражением этой логики стал характер миграций, в которых доминирует движение горожан в сельский пригород. Здесь не Село приходит в Город, как это происходит в соседней Республике Бурятия⁷, а Город разрастается за счет экспансии в сельское пространство.

Каждый из выделенных вариантов развития пригорода не только связан со специфическими миграционными потоками и социальными группами, но и определяет характер взаимодействия Города и Села, задает вектор развития пригородного пространства. Важнейшим признаком здесь служит направление адаптационного процесса, определение «активной» и «пассивной» его стороны. Первые два типа (садоводческие товарищества и дачи как домовладения в сельских поселениях) при всем их различии, объединены временностью пригородного пространства для горожан, и их готовностью принять сложившуюся здесь систему отношений и норм поведения. Иными словами, горожане выступают в роли классических временных мигрантов, приспосабливающихся к специфике принимающего сообщества и особенностям нового для них пространства. Здесь продолжает господствовать система общинных, коллективистских принципов построения локального социума, система отношений в котором сохраняет прочную «советскую» основу. Во многих садоводческих массивах, удаленных от города, хорошо прослеживаются черты, типичные

⁶ Подробнее см.: Григоричев К.В. Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации... С. 53-59.

⁷ Бреславский А.С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. Том 1. № 4. С. 22-25; Карбаинов Н. «Нахаловки» Улан-Удэ: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им Н.И. Гродекова, 2006. С.129-154.

для советской модели организации социального пространства: от статуса «председателя кооператива» («царь, бог и воинский начальник»), регулярных собраний кооператива до «войны с соседями» за половину квадратного метра участка. В сельских же поселениях, где дачные домовладения горожан пока еще остаются только вкраплениями в сельское пространство и сельский социум, необходимость «вписаться» в сложившуюся систему отношений задается самим ритмом местной жизни: от режима работы торговой и иной инфраструктуры до взаимоотношений с соседями и необходимости обработки приусадебного участка.

Возникновение нового для пригорода типа поселений – коттеджных поселков – несмотря на всю наглядность новации, даже некоторой ее инородности, новым типом взаимодействия с социальным пространством советско-патриархального пригорода не стало. Являясь вариантом престижного потребления и средством формирования новой идентичности, коттеджные поселки возникали как социальные анклав⁸, не взаимодействующие с окружающим социальным пространством, а скорее, исключенные из него. Большая часть таких поселков возникла вне существовавших ранее населенных пунктов, нередко в неудобном для жительства месте. Здесь не социальное пространство изменяло пространство физическое⁹, а новое физическое пространство (инородное, неорганичное существующему) служило средством формирования нового социального пространства. Пространства ограниченного, слабо взаимодействующего с внешним миром, замкнутого на себя. Немногочисленность таких поселков, задаваемая элитностью (а, следовательно – эксклюзивностью), делала подобные локальные пространства лишь редкими вкраплениями на карте, не меняющими природу Пригорода, а лишь подчеркивающими ее отличие от мира Города.

Примечательно и другое: коттедж, как жилой объект, зачастую не становится единственным или даже основным местом

⁸ Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. С. 219.

⁹ Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Инст-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2010. С. 50.

жительства владельцев¹⁰, оставаясь лишь признаком богатства и статуса, но не способом символического присвоения пространства Пригорода. Последнее обстоятельство сближает коттеджные поселки и дачи, которые, при всех отличиях, также могут быть отнесены к модели временного взаимодействия с пространством Пригорода.

Формирование субурбанизированного пространства (субурбии) как обширного ареала постоянного жительства горожан в пригороде, стало качественно новым вариантом развития пригородного пространства. Принципиальным отличием от предшествующих моделей взаимодействия с пригородом является постоянный характер миграции в поселения, расположенные в зоне повседневной транспортной доступности от города. Построенное здесь жилье становится для владельца единственным или, по крайней мере, основным, в котором он проводит большую часть жизни. Сохраняя прочную связь с городом в сфере трудовой деятельности, переселенцы (по крайней мере — люди среднего возраста) довольно быстро переключают интересы внерабочей деятельности на локальное пространство, включают его в свою повседневность — торговой и социальной инфраструктурой, системой сервиса и досуга. Отсутствие или неразвитость этой сферы не столько разворачивает интересы мигрантов в сторону города (что неизбежно на ранних этапах формирования субурбии), сколько подталкивает их к созданию и развитию систем соответствующих услуг, становится полем возможностей для развития мелкого бизнеса.

Сохраняя тесные связи с городом, вчерашние горожане не приспособляются к специфике сельской жизни, но напротив — активно осваивают новую для себя среду, реформируют ее в соответствии со своими потребностями в организации жизненного пространства, уровня бытового комфорта, форм досуга и т. д. Перешагнув административную черту города, они не просто раздвигают его границы, но формируют полюс активного освоения нового пространства, постоянно расширяющуюся за счет включения в нее все новых территорий. Здесь Город осваивает и социальное пространство Села, мо-

¹⁰ Хэмфри К. Указ. соч. С. 225-226.

дернизируя его в соответствии с запросами мигрантов, и «ди-кую» природу через включение земель сельскохозяйственного назначения — в зону жилой застройки.

Возникнув первоначально на окраинах сельских пригородных поселений, субурбанизированное пространство стремительно расширяется как за счет пространства Села, так и за счет освоения нежилых территорий. Большинство сел Иркутского района, расположенных в пределах 15–40 минутной доступности от центра города, за последние годы существенно преобразились, а рекламные плакаты и баннеры, с предложениями участков в новых поселках стали рядовым явлением на улицах областного центра. Даже непродолжительный (всего пятилетний) период позволяет увидеть расширение этого пространства, движение его внешних границ и включение в него все новых и новых участков Пригорода. Собственно сельского пространства в селах, ближайших к городам агломерации, уже не осталось. Субурбанизация, как новый способ взаимодействия Города и Села, активно преобразует иркутские пригороды, формируя уже не отдельные локусы иного социального пространства, а задавая масштабный тренд развития пригорода в целом, формирует качественно новую модель развития его пространства и сообществ.

Пространство освоения: пригород как фронтир

Для понимания новой модели развития иркутских пригородов, объяснения ее быстрого распространения и заметного влияния на предшествующие способы развития пригородного пространства, подходит концепт фронтира — подвижной границы, представляющей собой пространство освоения. В отличие от классической интерпретации концепции фронтира (применительно как к американской, так и к российской истории)¹¹, в данном случае он понимается как нелинейная, подвижная граница, зона освоения, переформатирования Го-

¹¹ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 76; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: РАН, 2005.

родом «под себя» экономического и социально-культурного пространства Села, пришедшая на смену довольно жесткому разграничению этих пространств ранее.

Еще в начале 90-х годов прошлого века граница между городским и сельским пространством в пределах Иркутской агломерации была достаточно жесткой, несмотря на довольно длительный опыт агломерационного развития¹² и наличия устойчивых связей между входящими в нее городами. Административное разграничение Города и Села не только закреплялось нормативными документами и практиками повседневности, но отчетливо визуализировалось. Вплотную к границам городских поселений (в том числе и Иркутска) примыкали сельскохозяйственные угодья, а социокультурный, экономический и архитектурный ландшафт центральных и, тем более, периферийных усадеб таких хозяйств мало отличался от подобных поселений в удаленных сельскохозяйственных районах области.

Фрагменты этой жесткой границы между областным центром и примыкающим сельским пространством, например, до сегодняшнего дня можно увидеть вдоль объездной дороги в районе микрорайона Ново-Ленино. Еще 15-20 лет назад по одну сторону дороги располагались массивы пятиэтажных «хрущоб», а по другую обрабатывались поля совхоза Мамонковский. Дорога символично разделяла два этих пространства, воплощая собой барьерность и линейность границы. Взаимопроникновение миров сквозь границу (и в смысле социальной мобильности, и в смысле миграционного движения) было канализировано в равной мере как через систему социальных лифтов и шлюзов, так и через систему пригородного транспорта. В переполненных автобусах и вагонах электричек «дачных» направлений, где псевдо-общинные ценности при-

¹² Иркутская агломерация выделяется урбанистами с конца 1950-х – начала 1960-х годов. (См.: Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Городские агломерации России // Демоскоп Weekly. 2010. № 419-420. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php> [Дата посещения 01.07.2012]. Режим доступа: свободный; Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Демоскоп Weekly. 2010. № 419-420. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0419/analit05.php#_FNR_2 [Дата посещения 01.07.2012]. Режим доступа: свободный).

ходили вместе с чувством локтя соседа, индивидуализированное сознание горожан принимало на время коллективистские модели поведения Села. Иными словами, пригородный общественный транспорт играл роль механизма адаптации к иной социокультурной среде, был способом вхождения в иное общество и принятия правил игры, сложившихся в нем.

Формирование нового типа пригородных поселений было во многом обеспечено стремительной автомобилизацией¹³. Поездка в пригородные села, еще недавно бывшая «путешествием», оказалась не сложнее рутинных внутригородских поездок, а транспортная доступность пригородной зоны стала едва ли не выше, чем городского центра из наиболее отдаленных районов Иркутска. Монополия общественного транспорта как канала проникновения горожан в пригород оказалась разрушена, и Город, подталкиваемый конъюнктурой рынка жилья, массово «поехал» в Село.

Важно, что эти изменения не только создали новый механизм проникновения Города в сельский Пригород, но и обеспечили возможность изменения целей и характера этого процесса. Пространства пригородных поселков оказались прекрасной альтернативой традиционным городским «спальникам», требующим лишь освоения, преобразования в соответствие с привычными городскими бытовыми стандартами, организации здесь «цивилизации». Иными словами, теперь горожане не приспосабливаются к иному пространству, но приспосабливают его к себе: в салонах их личных автомобилей мир Города привносится в пространство Пригорода.

Горожане приходят в него не постояльцами, наслаждающимися летне-пасторальной идиллией, трехмесячной сиестой, дающей отдых душе и стимулирующей творчество, не батраками «шести соток», вынужденными заимствовать опыт селян, а поселенцами, предполагающими прочно осесть на новых местах с максимальными для себя удобствами. Они не готовы принять бытовые неудобства как должные атрибуты сельской жизни (хотя бы в виде «удобств на улице» и типового для села

¹³ С 1989 г. по 2001 г. число легковых автомобилей в Иркутске выросло примерно с 50 тысяч до 140. (См.: Михайлов А.Ю., Головных И.М. Современные тенденции проектирования и реконструкции улично-дорожных сетей городов. Новосибирск: Наука, 2004. С. 14).

досуга), но стремятся изменить их в соответствии с привычными стандартами жизни. Привносимые ими технические и культурные новшества (от локального электро- и водоснабжения до фитнес-клуба), более доступные им как в силу более высокого уровня доходов, так и по причине большей технической грамотности и меньшей зависимости от традиций, производят небольшую революцию в образе жизни пригорода.

Наиболее зримым проявлением этой революции становится быстрая трансформация архитектурного ландшафта пригорода. Типичная сельская застройка вначале отступает, а затем и вовсе перестает преобладать в местах массового переселения горожан. Зачастую такие поселки выглядят заметно более городскими, нежели многие уголки областного центра. С учетом специфики развития Иркутска, в центре и многих районах которого до сегодняшнего дня остаются обширные кварталы деревянных трущоб, городское пространство, как видно, все более выходит за административную черту города. Там же, где застройка пригородных территорий начинает вестись организовано и системно¹⁴, формирующийся новый ландшафт становится мягким переходом от микрорайонов многоэтажных панельных домов к традиционной сельской застройке.

Таким образом, линейная граница между Городом и Селом, отчетливо видимая еще полтора-два десятилетия назад, довольно быстро становится пространством освоения. Пространством гибким, расширяющимся, меняющимся – фронтальным. Расширение этого пространства наиболее отчетливо заметно там, где застройка новых жилых массивов идет буквально в «чистом поле», зачастую на землях сельскохозяйственного назначения (окраины с. Хомутово, Грановщина, Урик – северные пригороды Иркутска; поселки Сергиев Посад, Николов Посад – на юге от областного центра и другие). Нередки ситуации, когда убранные осенью картофельное поле

¹⁴ Например, строительство жилищного комплекса «Луговое» на юго-западной окраине г. Иркутска на территории Марковского сельского поселения (Иркутский район), возводимом компанией ВостСибСтрой в формате таунхаусов – 3-этажных малоквартирных домов с организованной придомовой территорией. (см.: Официальный сайт компании ВостСибСтрой URL: <http://www.vssdom.ru/kvartiry/lugovoe.html> [дата просмотра 24.06.2012], режим доступа свободный).

весной уже размечалось будущими улицами и участками под застройку. Здесь складывается своеобразный передний край «городского фронта», где горожане зачастую оказываются один на один с природными катаклизмами не только в силу «географического фактора», но в силу неурегулированности правового статуса:

«В прошлом году у нас наводок был большой — много снега было. Многие низины затопило, на метр, даже больше вода поднималась. Вот этих застройщиков стало затопливать. Прибегают к нам в администрацию, ругаются, что мы ничего не делаем — «у нас вода под подоконниками». А мы им: «А вас у нас нет... Там где затопило — это у нас земли под свеклу предназначенные. А домов ваших там нет...» [из интервью с сотрудником районной администрации].

Наряду с расширением зоны фронта за пределы жилой (освоенной) территории, все более заметным становится реорганизация пространства внутри фронтальной зоны. На первых этапах экспансии горожан пространственное развитие пригородных поселений шло по привычным схемам разделения «старой» и «новой» деревни, «села» и «садов». Застройка усадеб горожан шла, преимущественно, на окраинах поселений достаточно компактным районом. Это задавалось как сложившимися десятилетиями практиками отношений горожан и местных жителей в пригороде, так и опытом приема более или менее заметных групп переселенцев из несельскохозяйственных населенных пунктов в пригородных селах. Наиболее яркий пример последнего случая — описанное С. Карнауховым переселение сотрудников геологических организаций, жителей северных рабочих поселков в с. Усть-Куда (Иркутский район)¹⁵. Новый для села поток «горожан», прибывших на постоянное место жительства, был довольно быстро вписан в логику размежевания «старой» и «новой» деревни между «местными» и «геологами».

С расширением присутствия горожан в пригородных поселениях как постоянных жителей и ростом «городской» застройки, началось включение в новую среду и местного на-

¹⁵ Карнаухов С. Усть-Куда: когда «чужие» остаются // Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты. Иркутск: Типография № 1, 2002. С. 13–19.

селения. Наиболее успешные и активные «коренные» жители, пользуясь предоставленной местной администрацией землей для нового строительства, начали строить жилье в одних массивах с горожанами, а высвобождающееся в «старом» селе жилье нередко продавалось приезжим. Вероятно, этому способствовало и то, что более высокие жизненные стандарты в районах новой массовой застройки задавались не городской элитой («новыми русскими»), а «средним классом», что делало их, в принципе, достигаемыми и для многих жителей пригородного села.

«Знаю по тому поселку Западный, который вы видите. Там очень много делают как: часть выделена земля от местной администрации, построились дети, родители оставались в старом селе, дети строились в новом. <...> Потом постепенно родители туда перебираются. <...> Здесь, т. е. освобождается место, да, семья переезжает в новый поселок, здесь освобождается место, на его приходят уже люди, т. е. любой человек, допустим по сертификату. Им нужно уже готовое жилье, не строящееся. Такое жилье может быть только в старом селе, т.е. готовое, в которое уже можно въехать уже сразу же».

Подчеркну еще раз принципиальное отличие подобных субурбий от коттеджных поселков 90-х годов. Последние представляли собой форму элитного потребления¹⁶ и практически целенаправленно создавали анклав с непреодолимой границей между обитателями поселка и жителями близлежащих поселений (иногда даже физической — в виде каменного забора, шлагбаума и службы охраны). Формирующаяся же субурбия не только не ограничивает, но и предполагает включение в свой социум представителей «местного» населения. Открытость, пластичность новой группы в пригородном сообществе близко соответствует характеристикам населения области классического фронта, которая «в социальном и культурном отношении <...> представляла собой с самого начала лабораторию смешения рас и народных обычаев»¹⁷.

¹⁶ Хэмфри К. Указ. соч. С. 219.

¹⁷ Диксон Уэкстер. Литературная культура на фронтире // Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. II. М.: Прогресс, 1978. С. 189.

В подобном фронтальном пространстве происходит довольно быстрое разрушение устоявшихся в исходном (сельском) пространстве норм и практик, в том числе и адаптационных, связанных с включением мигрантов (горожан) в принимающее (местное) общество. Здесь складывается благоприятная почва для выработки широкого репертуара практик взаимодействия с принимающим обществом, не свойственная ни городской, ни сельской среде в чистом виде. Более того, сама гетерогенность фронтального сообщества, которое в данном случае выступает как принимающее по отношению к различным группам мигрантов, предполагает расширение комплекса адаптационных механизмов, стратегий, инструментов, поскольку такое взаимодействие здесь не сводится к традиционной дихотомии «мигранты – местное сообщество». В этом фронтальном, а потому постоянно трансформирующемся пространстве, число контактирующих групп велико: это и мигранты из сельской местности, перебирающиеся поближе к крупным городам, и горожане, выехавшие в пригородную зону для постоянного жительства, и различные группы трансграничных мигрантов, и «коренное» население пригородных поселков. Здесь кратно умножаются и усложняются адаптационные процессы, которые из привычных двусторонних становятся многовекторными.

Таким образом, использование концепта фронта в анализе процесса формирования пригорода позволяет обозначить ряд важных тезисов. Прежде всего, при таком взгляде становится очевидна гетерогенность местного общества, в котором и интересы, и комплексы практик различных групп довольно разнообразны, что заметно расширяет спектр возможностей взаимодействия с ним. Вторым моментом является подвижность, пластичность осваиваемого Городом пространства Пригорода и, следовательно, заметно большая готовность его сообщества к выработке и принятию новых практик взаимодействия с новыми социальными группами, более широкий спектр вариантов развития пригородного пространства. Третьим важным моментом является открытость формирующегося местного сообщества, возможность вхождения в него как для новых мигрантов, так и для «коренных» жителей приго-

родных поселений. Такая открытость определяет перспективы складывания нового сообщества, не принадлежащем ни Селу, ни Городу в чистом виде, а существующем на стыке этих миров, поверх границы между ними в качестве транслокального сообщества¹⁸. Наконец, важно подчеркнуть, что процесс трансформации пригородного пространства затрагивает самые разные сферы его жизни, вне связи, однако, с целенаправленной деятельностью каких-либо структур (властных, бизнес и прочих). Последнее связано с неинституализированностью пригородного пространства, расположенного на территории *сельского* района и формально относящегося к *сельскому* пространству, которым по факту уже *не является*. Несоответствие фактических трендов развития пригорода приписываемой ему по факту территориально-административного подчинения модели развития, предопределяет высокие темпы появления новаций, зачастую основанных на неформальных практиках.

Пригород «в разрезе»: топология изменений пространства

Сложная система отношений внутри формирующегося социума пригородного фронта проецируется, пожалуй, на все ключевые сферы жизни местных сообществ. Но очевидно, что воздействие этого процесса (формирование нового пригорода через основной его механизм — миграционные и адаптационные процессы) на различные стороны жизни пригородного сообщества может быть не одинаковым, а напротив — существенно дифференцированным как по вектору влияния, так и по масштабам последствий. Игнорирование этого факта порождает известную ситуацию «средней температуры по палате», когда видимые изменения в одной из областей жизни сообщества экстраполируются на все остальные сферы, *прини-*

¹⁸ Характеристику «транслокальное» для определения пригородного пространства использует М.М. Содномпилова, описывая формирование пригородов Улан-Удэ (Республика Бурятия) как результата сельско-городской миграции, освоение Селом городского пространства. (См.: Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-185).

сываются им, тогда как на деле изменения могут носить иной характер.

Для решения этой проблемы представляется важным учитывать гетерогенность социального пространства пригорода, включенность в него различных составных частей, «полей» по определению П. Бурдьё, понимаемых здесь как «относительно автономное пространство, этот микрокосм, наделенный своими собственными законами»¹⁹. Каждое из таких полей может представлять собой часть собственно социального пространства, его уровень (подпространство), совокупность которых формирует топологию рассматриваемого пространства. При таком подходе возможным становится анализ трансформации пространства пригорода не в целом, а в отдельных «полях»: экономики, права, культуры и т. д. В этом случае исследовательская проблема «влияние притока горожан в пригород» представляется в виде вопроса о том, «как в конкретном поле трансформируется некоторое внешнее явление»²⁰.

Число таких полей в любом социальном пространстве может быть неограниченным и зависит, скорее, от позиции исследователя и фокуса анализа, в который помещаются те или иные агенты, их позиции и отношения²¹. В этом смысле последствия прихода Города в социальном пространстве Пригорода можно искать в полях экономики и культуры, права и религии и т. д. Однако здесь я попробую взглянуть на трансформацию осваиваемого пространства лишь в поле экономики и права, а также влияние происходящих в них изменений на структуры локального социума. Выбор этих полей определен отнюдь не их приоритетностью, а скорее, большей полнотой имеющегося у меня эмпирического материала и глубиной его анализа, проведенного ранее.

На первый взгляд, стремительная трансформация пространства Пригорода, превращающегося из пространства

¹⁹ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 52.

²⁰ Бурдьё П. Там же. С. 53

²¹ Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 569-573.

институализированного (сельского) в неинституализированное²², создает предпосылки для расширения спектра неформальных (экстра-легальных) практик во всех сферах его жизни. Действительно, отсутствие здесь устойчивых «правил игры» в формате правовой нормы или традиции, соответствующих специфике местной ситуации и сообщества, предполагает складывание новых практик, выходящих за пределы правового регулирования. Однако взгляд на пригород не как на гомогенное пространство, но как на «слоеный пирог» полей (подпространств), позволяет, на мой взгляд, говорить о заметной дифференциации трансформаций различных полей пригородного пространства.

Так, поле экономики пригорода, втягиваясь в сферу интересов города и горожан, довольно быстро расширяется за счет неформального сектора. Значительное число представителей мелкого бизнеса (индивидуальные предприниматели) оставляет большую часть своего бизнеса в «тени». Прежде всего, такая ситуация характерна для «новых» секторов экономики пригородных поселений: строительства и сферы обслуживания, фактически исчезнувших в сельской экономике в 1990-е – начале 2000-х годов. Наиболее заметна она в строительстве: при том, что Иркутский район уже не первый год занимает второе место в области по площади строительства жилья²³, большая часть индивидуального строительства осуществляется наемными бригадами. В сфере обслуживания же наиболее высок спрос на услуги по временному содержанию и воспитанию детей-дошкольников. Масштабный приток молодого населения на фоне традиционной для села образовательной инфраструктуры породил высокий спрос на подобные услуги, что обеспечивает рентабельность такого бизнеса. Теневой же характер позволяет избежать массы разного рода требований, предъявляемых к детским дошкольным учреждениям. Однако

²² В российском законодательстве и управленческой практике отсутствует выделение «пригородных» муниципальных образований, отличающихся от сельских и городских аналогов.

²³ Мэр Иркутского района Игорь Наумов: Удалось сохранить главное – социальную стабильность // Информационный портал «Байкал 24». 30.05.2011. URL: <http://www.baikal24.ru/page.php?action=showItem&type=article&id=10773> [дата посещения 28.06.2012] Режим доступа: свободный.

и эта сфера не уникальна, новый характер спроса порождает новые сферы бизнеса, ранее нетипичные для пригорода: «модельный» пошив штор, услуги флориста, круглосуточная(!) автомойка с предварительной записью(!), компьютерный клуб и т. д. Подчеркну, что деятельность всех названных бизнесов ориентирована, прежде всего, на местное сообщество, являющееся основным потребителем этих услуг.

Важно, что и местная власть (администрация муниципалитетов), понимая специфику местной ситуации («пусть встанут на ноги»), «идет навстречу» предпринимателям, принимает теневой («серый») характер такой деятельности. Интерес местной власти вполне понятен: это и способ создания благоприятных условий для развития мелкого бизнеса, и путь решения комплекса социальных проблем, которые иным способом решить сложно, а зачастую и невозможно (например, обеспечение детскими садами).

Такая позиция власти способствует тому, что значительная часть бизнес-практик и связанных с экономикой властных практик оказываются за пределами правового регулирования. Здесь и отношения предпринимателя с клиентами, выстраиваемые не на формальном договоре, но на базе соседских отношений, и практики ухода от ограничений в том или ином виде бизнеса (например, переименование службы такси в организацию по оказанию «услуг перевозки» для обхода ограничений, введенных Законом о такси с осени 2011 г.). Возрождается практика «взаимозачетов» между местной властью и мелким бизнесом по налоговым платежам в местный бюджет, казалось бы, навсегда ушедшая вместе с «девяностыми». Наконец, едва ли не самым ярким примером подобных практик становится участие местной власти в неформальной экономике через использование труда «серых» трудовых мигрантов²⁴.

Иными словами, приход Города в сельский пригород активно подтолкнул расширение местной неформальной экономики, как в структуре, так и в системе регулирования. Примечательно, что рост происходит и в секторе «неучтенной» экономики (экономическая деятельность домохозяйств, тра-

²⁴ Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры, 2010, № 2. С. 273-274.

диционная для «коренного» населения пригорода), и в секторе экономики «скрываемой» (теневая деятельность предприятий, прежде всего — уход от налогов)²⁵. Важнейшим фактором этого процесса является позиция местной власти, активно использующей систему неформальных практик в отношениях с местным бизнесом.

В иных же сферах жизни пригородного сообщества, прежде всего, в сфере права, ситуация, на мой взгляд, развивается иначе. Традиционно мало формализованная, данная сфера жизни сельского и дачного пригорода регулировалась не только и не столько сводом нормативно-правовых документов, сколько комплексом неформальных норм и правил, сложившихся в советскую и даже более раннюю эпоху. Этот комплекс, в свою очередь, опирался на систему социальных отношений и иерархий, в которую каждый новоприбывший и, тем более, новая группа, вписывались местным сообществом. Заняв то или иное место в иерархии локального социума (чаще на нижних этажах или даже вне ее — в качестве «чужих»), «новоселы» принимали и систему организации принявшего сообщества, и правила игры, действующие в нем.

Массовое переселение горожан в пригород радикально изменило характер отношений новоприбывших с местным сообществом. Экс-горожане признают формальную систему власти в виде администраций муниципалитетов и более или менее готовы выполнять ее установления. Но система неформальных иерархий и отношений, органичная для жителей села, переселенцами из города не воспринимается как должное, а потому ее нормы и правила не воспринимаются как обязательные. Важно и то, что горожане в сельском пригороде не включены в систему кланово-родственных отношений, а потому этот важнейший инструмент регулирования сельского социума в данном случае оказывается совершенно не эффективен.

Таким образом, горожане в пригороде объективно разворачивают поле права в сторону большей формализации. «Освоение», изменение ими пространства пригорода «под себя» потребовало отказа (точнее — неприятия) системы социальных

²⁵ Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 179-180.

иерархий, сложившихся здесь ранее. В противном случае, они (горожане) сохранили бы в местном сообществе такое место и роль, которые исключают радикальное преобразование пространства. Формализация же отношений с местным («коренным») сообществом, перевод их из сферы традиции в сферу гражданского кодекса, позволили достаточно быстро уйти от традиционной организации местного сообщества, заняв в нем не просто значимые, но лидирующие позиции.

Переселенцы из города, сами являясь новой для пригорода группой, привели с собой иные, не типичные для местных сообществ социальные группы, из которых наиболее примечательной стали трансграничные мигранты. Появившись в пригородных поселениях вместе с горожанами в качестве основной рабочей силы в сфере строительства, иностранные трудовые мигранты всего за несколько лет оказались включенными не только в экономическую жизнь пригородного сообщества, но и в его социальную структуру. Они уже не обязательно относятся к низшим слоям локальной социальной пирамиды, но могут обнаружить «ниже себя» представителей «коренного» населения. Иными словами, иностранные мигранты предстают уже не столько неким «внешним» по отношению к принимающему сообществу элементом, сколько его неотъемлемой «внутренней» частью²⁶.

Интенсивное освоение Городом сельского пригорода породило стремительные трансформации социального поля еще недавно полупатриархального пространства. В этом процессе парадоксальным образом сочетаются, с одной стороны, механизмы неформальной экономики, с помощью которых новые социальные группы приходят в Пригород, занимают заметное место в местном сообществе, а с другой — явный отход от системы неформальных отношений, характерных для принимающего («коренного») социума. Вместе с тем, там, где нормы писаного права не отражают интересы новых для Пригорода групп или попросту не охватывают новых отношений, сфера неформального не только сохраняется, но и расширяется

²⁶ Подробнее см.: Григоричев К.В. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 26.

за счет создания новых или актуализации прошлых, сложившихся в ином социальном и историческом контексте практик. Иными словами, в различных полях социального пространства Пригорода процессы трансформации идут с разными векторами, что, вероятно, отражает сложный процесс институционализации этого нового пространства.

* * *

Новая модель развития иркутских пригородов пока не типична для крупных восточносибирских городов, однако она интересна не только как примечательный, но единичный кейс, анализ которого ограничен рамками феноменологии. Взгляд на развитие субурбии через призму концептов фронтального пространства (в логике исторической) и многослойности пространства (в логике социологической) позволяет увидеть здесь процесс формирования переселенческого общества в миниатюре. Представляется важным, что это еще *не результат* развития на протяжении десятилетий и даже веков, но сообщество *в процессе* формирования. Взаимодействие различных социальных групп, складывание новой социальной структуры и системы социальных отношений, новой модели экономики, нового социокультурного ландшафта протекают здесь стремительно, позволяя на относительно кратком историческом отрезке увидеть формирование нового социального пространства.

Важно и то, что такое новое пространство формируется не в пределах двух устойчивых миров Города и Села, но *поверх их границы*, на стыке пространств традиции и модернизации. Складывается своеобразный «третий мир», возникновение и существование которого возможно исключительно на границе между Городом и Селом и за счет использования ее в качестве ключевого ресурса. Пригород, формируясь за счет трансформации сельского пространства, неизбежно воздействует и на характер развития города. Вначале — это преобразование городских окраин, связанное с появлением новых функций обслуживания транспортных и иных пригородных потоков, заметное уже сейчас. В будущем, вероятно, появление При-

города как особого мира приведет и к более глубинным изменениям в городском пространстве: изменению системы представлений о престижности, смене символических ценностей и признаков статусов, что в свою очередь, может породить существенные изменения на рынках жилья, труда и т. д. В результате, новое пространство Пригорода включит в себя не только прежде сельские поселения, прилегающие к границе города, но заметную часть собственно городской территории.

Чрезвычайно интересно и то, что формирование нового социального пространства в пригороде довольно быстро приводит к трансформации пространства физического. Изменения в последнем, в свою очередь, служат надежными маркерами трансформации локального социума, его организации и повседневности. Новый архитектурный ландшафт, распространяющийся из новых частей пригородных сел на участки «старой» застройки; «расползание» рекламы и коммерческих вывесок от традиционных точек торговой жизни села и основных автодорог вглубь застроенной территории; «интернетизация» домохозяйств, для которых еще недавно три программы телевидения были основным каналом связи с «большим миром», — все это позволяет не только видеть «масштабы» процесса, но и его динамику. В перспективе, это может дать хорошую почву для анализа динамики и этапов процесса формирования переселенческого сообщества, в том числе, определения того момента, когда изучаемый социум перестает радикально изменяться под воздействием миграции, а начинает абсорбировать новоприбывших, сохраняя свои базовые характеристики неизменными.

Наконец, предложенный подход, на мой взгляд, открывает возможность анализа процессов де-институализации и реинституализации социального, экономического, культурного пространства субурбанизированного Пригорода. Возникающее в процессе размывания традиционных для принимающего общества институтов (прежде всего, институтов регулирования отношений в местном сообществе), оно, в свою очередь, требует складывания новых «правил игры», соответствующих специфике формирующегося пространства и социума. В условиях действующего российского законодательства об органи-

зации местного самоуправления, институционализация пригорода, как особого типа местных сообществ, через формальные (прежде всего, правовые) инструменты, наверное, невозможна. Однако потребности новых сообществ могут обеспечить условия, когда новые институты его жизни прорастут через норму закона, как трава сквозь полотно городского асфальта.

Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ

В современных академических дискуссиях, касающихся различий в исследуемой реальности западных городов и городов бывшего СССР, важнейшим фактором признается характер миграций². Если на послевоенные западные города существенное влияние оказывали миграции из «стран третьего мира», то для постсоветских городов более значимой оказалась внутренняя миграция. В связи с этим в западных социальных науках внимание было сфокусировано на «чужаках» — людях иной расовой, этнической и конфессиональной принадлежности. А в случае с постсоветскими городами (и не только российскими) — значимой стала «проблема встречи» горожан и внутренних мигрантов, в частности сельчан, близких общекультурно, но далеких по образу жизни.

Случай постсоветского Улан-Удэ³ в этом смысле достаточно показателен. Город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов⁴. Сельчане массово и постоянно прибывают

¹ Бреславский Анатолий Сергеевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск).

² См., в частности: Космарская Н.П. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 76.

³ Городской округ «город Улан-Удэ» — столица Республики Бурятия (Россия). Основан в 1666 г. Численность населения, согласно переписи 2010 г., составляет 404 тыс. чел., что составляет чуть менее половины численности населения всей республики. См., например: Инвестиционный паспорт г. Улан-Удэ на официальном сайте города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/invest/01.pdf> (12.03.2011).

⁴ На это обстоятельство указывают имеющиеся исследования. См., например: Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 132–155; Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия.

в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли⁵. Значительная территория⁶ Улан-Удэ, как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле⁷. В условиях недостатка «городской земли» и ее высокой стоимости, мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды.

И здесь самое время отметить второе важное отличие Улан-Удэ. Он никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружающих его в качестве пригородов⁸. Вместе с тем, сегодня, выехав за пределы городского округа, уже в непосредственной близости от него, можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют «пригородом». Что представляют собой

2002. 1 нояб. С. 4; Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.

⁵ Более подробно о практиках расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ и отношении к ним в городском сообществе см.: Бреславский А.С. Указ. соч. С. 132-155; Содномпилова М.М. Указ. соч. С. 163-184; Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. С. 129-154.

⁶ Хотя сами горожане считают свой город «маленьким», по размерам застроенной территории он, как иронично отмечают разработчики Стратегии города, превосходит Париж, численность которого составляет примерно 2,5 млн человек. См.: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (22.04.2009). Вместе с тем к настоящему моменту земель пригодных для жилищного строительства в городской черте крайне мало.

⁷ Потребность в дополнительной земле для нужд города была озвучена в 2010 г. Президентом республики, связавшим ее с ростом потока сельских мигрантов: *«На селе должно быть столько (населения – А.Б.), сколько возможно для работы. И если у человека нет работы, то мы не можем его удерживать там. Он может попытаться найти работу в столице. И задача города стоит в том, чтобы быть готовым принять население, переезжающее сюда на постоянное место жительства. Другой вопрос, где всем этим людям жить. В городе не хватает места»*. Цит. по: Мункоева Т. Город будущего // Правда Бурятии. 2010. 14 янв.

⁸ В советские годы эту роль исполняли «спальные» заводские районы, а также значительные по площади зоны индивидуальной застройки, до сих пор придающие городу «сельский облик».

эти поселения и населяющие их сообщества? Какого рода трансформации они сегодня претерпевают? Каким образом Улан-Удэ видоизменил жизнь пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? И как сами эти территории влияют на характер миграций в республике?

Предварительный ответ хотелось бы представить в виде следующей исследовательской гипотезы. Пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа). Начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг. ситуацию меняет рост их миграционной привлекательности, в результате которого происходит существенное обновление местных сообществ, а также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город. И это позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле. Такая гипотеза подталкивает к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности и пр.)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняется ли внешний облик, инфраструктура пригорода?

Чтобы приблизиться к ответам на поставленные вопросы, мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение административной власти к «новым» мигрантам и ситуации, которую они формируют в пригородах республиканской столицы.

Исследовательские кейсы

Пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения⁹. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский¹⁰. В непосредственной близости к городу расположены поселения только первых трех из них. На них и было обращено наше исследовательское внимание.

В апреле-мае 2011 г. автором было проведено четыре кейса – обследования в селах, которые первыми встречают тех, кто выезжает из города¹¹. Село Нижний Саянтуй (Вахмистрово) – административный центр муниципального образования – сельского поселения (далее МО СП) «Нижнесаянтуевское» Тарбагатайского района. Основано 20 марта 1818 г. Официальная численность населения – 2005 чел. (01.08.2009 г.)¹². Население преимущественно русское, вторая по численности группа – буряты.

Село Сужа входит в состав МО СП «Нижнеиволгинское» Иволгинского района. До образования села в 1950 г. на этом месте было отделение ГУЛАГа – колония № 5. Официальная

⁹ Второе городское поселение Бурятии – МО «Северобайкальск» – географически удалено от Улан-Удэ и основной части республики, поскольку расположено на противоположной (иркутской) стороне оз. Байкал.

¹⁰ Основные виды хозяйственной деятельности в этих районах – животноводство, растениеводство, туризм. Более подробную характеристику районов см. на их официальных сайтах: Официальный сайт Заиграевского района [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.admzgr.e-baikal.ru> (12.04.2011), официальный сайт Иволгинского района [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivolginsk.info> (12.04.2011), официальный сайт Тарбагатайского района [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tarbagatay.burnet.ru> (12.04.2011).

¹¹ Исследование опиралось на серию фокусированных неформализованных интервью и возможности включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 12 человек) выступили жители обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитические материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов.

¹² См.: Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/> (16.05.2011).

численность населения — 1283 чел. (01.01.2009 г.)¹³. Население преимущественно бурятское, вторая по численности группа — русские.

Село Нурселение, расположено напротив с. Сужа, на противоположной стороне федеральной трассы Улан-Удэ — Кяхта. Входит в состав МО СП «Нижеволгинское» Иволгинского района. Основано в 1963 г. Официальная численность населения — 1615 чел.¹⁴ (01.01.2009 г.). Население преимущественно бурятское, вторая по численности группа — русские. Село Эрхирик входит в состав МО СП «Дабатуйское» Заиграевского района. Основано в 1933 г. бурятскими семьями, переехавшими в это место из Улан-Удэ в связи с массовой индустриализацией города. Официальная численность населения — 1568 чел.¹⁵. (01.01.06), на момент переписи 2010 г. не превысила 2000 чел.¹⁶. Население преимущественно бурятское, вторая по численности группа — русские.

Итак, по официальным данным к 2009 г. общая численность населения рассматриваемых пригородных поселений составила чуть менее 7000 человек. При этом, очевидно, что за прошедшие два года число жителей здесь возросло. Это произошло, прежде всего, в связи с увеличением потока мигрантов из сельской местности. Официальные данные, по всей видимости, существенно занижают численность наличного населения, поскольку не учитывают незарегистрированных жителей (тех, кто живет у родственников, друзей, тех, чье жилье / земельный участок не зарегистрированы и т. д.). Об этом говорят сами информанты. Но даже с этими поправками численность

¹³ См.: Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижеволгинское» на 2008-2010 годы и на период до 2017 года [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html> (16.05.2011).

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Республике Бурятия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571 (16.05.2011).

¹⁶ См.: О ходе подготовки к проведению Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Бурятия [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.google.ru/#q=Численность+населения+Эрхирик+Заиграевский+район&hl=ru&newwindow=1&biw=1152&bih=704&prmd=ivns&ei=nM7VTdmcYbu-ga8guDJBw&start=10&sa=N&fp=6d48467e5ba7bab7> (16.05.2011).

их населения вряд ли превышает 10–12 тыс. чел., при том, что численность населения Улан-Удэ составляет более 400 тыс. чел. Такого рода количественная диспропорция подтверждает и без того известное обстоятельство: эти пригородные поселения вплоть до последних лет были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородом» в том виде, в котором они есть, например, в западноевропейских и американских городах. Здесь не действовал соответствующий режим жизни, определяющий связь этих поселений с городом.

Рассматриваемые села вплоть до последнего времени было сложно сопоставить с пригородами западных городов и по другим критериям – уровню инфраструктуры, идентичности местных жителей, образу их жизни. Нижний Саянтуй, Суза, Нурселение, Эрхирик до последнего времени представляли собой достаточно типичные слабо урбанизированные сельские поселения (в советские годы – организованные вокруг колхоза / совхоза), жители которых вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность.

Однако в «нулевые годы», особенно в их середине, ситуация начала меняться. Бывшие ранее пригородными во многом номинально, сугубо географически, эти села, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся не актуализированным ресурсом, приобрела высокое символическое значение.

Произошедшие изменения выразились в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с увеличением потока мигрантов трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на го-

род» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность.

Мигранты

Именно миграционная привлекательность этих территорий способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Но что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации?

Опираясь на материалы собственного обследования¹⁷, мы можем выделить в структуре мигрантов две наиболее значительные группы: сельских жителей Бурятии, переехавших «поближе к городу» и городских жителей, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. На момент обследования в этих селах не было иностранных мигрантов и крайне мало переселенцев из других регионов России¹⁸.

«Переезжают либо городские, либо районники (жители сельских районов Бурятии – А.Б.). Там 50 на 50. Вот, допустим, наша улица, которая новая расстроена, ул. Дружбы. У нас городских: раз, два, три, четыре... Ну, да, где-то 50 на 50. А вообще, новые жители начали появляться в 2007-2008 гг., в последнее пятилетие. С 2008 г. началось активное строительство, расширение площади (села – прим. А.Б.). Было распоряжение правительства, чтобы земли не пустовали. Либо переводить в ДНТ, либо лично раздавать. То есть на наших жителей полагалось определенное количество земли на каждого человека. Для того, чтобы семья в перспективе расстраивалась. Гектаров очень много пустовало. [...] У нас на улице за прошлое лето построилось десять домов из шестидесяти участков. Часть семей из города переехали, потому что там дорого жить, квартира снимается дорого, часть из районов приехали. Купили здесь участки. Они в основном покупают здесь участки у местных, в большинстве случаев. [...]

¹⁷ Каких-либо академических работ, связанных с изучением миграционных процессов в пригородах Улан-Удэ на момент исследования нами не обнаружено.

¹⁸ На этот счет нет статистики – опираюсь на данные интервью и материалы включенного наблюдения.

Участки здесь либо по объявлениям продаются, либо на торгах. Люди созваниваются. Это вполне реально» (информант, 32 года, с. Нижний Саянтуй).

Переезд сельских жителей в Улан-Удэ и его пригороды стал за последние двадцать лет распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает огромной миграционной притягательностью в малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда. При этом их представления об Улан-Удэ остаются отстраненными, внешними, интуитивными, слабо отражающими реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть сельчан предпочитают городу – сельский пригород, который выглядит «более безопасным и более близким». Вместе с тем количество сельчан, проживающих в пределах городской черты, с каждым годом лишь растет. Это объясняется помимо всего прочего тем, что в их представлениях Улан-Удэ – это сообщество, в котором они все-таки могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде. Между тем по пути в «Город» часть сельчан встречает и непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом, это финансовые трудности, отсутствие достаточных средств для покупки участка городской земли, недвижимости, аренды¹⁹. Во многом именно по финансовым причинам мигранты и их семьи осе-

¹⁹ Земельные участки, а также жилье в пригородных сельских поселениях стоят значительно меньше, чем в черте города, особенно в его наиболее благоустроенных микрорайонах. Так,

дают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

«Много их, много. Из Агинского, Хоринского, из Кижинги, из Курумкана (сельские районы Бурятии – прим. А.Б.). Хотя люди поближе жить. Потому что, во-первых, учеба. Во-вторых, работа. Потому что обеспечение у нас здесь рабочими местами намного выше, чем там [...] Если человек, допустим, переезжает из других районов, например, с Селенгинского, то они, конечно, в пригород поедут, не в Тарбагатай (районный центр Тарбагатайского района – прим. А.Б.). Даже из Тарбагатая сюда едут. Из Тарбагатая в Улан-Удэ дорого ездить. Не сильно наездишься. В Тарбагатае кто живет, они там и работают, сельским хозяйством занимаются. У нас сосед с Селенгинского района переехал. Купил участок, построил дом. У нас с разных районов. Я вам говорю, ареал очень большой» (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй).

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах – переселенцы из города. Этот поток количественно уступает первому. Очевидно, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Но растущая плата за коммунальные услуги, желание жить в лучших экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь, ежегодно подталкивает часть горожан к переезду в близлежащие села и поселки. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другие не могут выйти за пределы «сельского минимализма» (не очевидно, кого здесь больше). Кто-то из горожан строит в пригороде основательный коттедж, а кто-то вынужден жить в более стесненных жилищных условиях, нежели ранее. Так или иначе, нельзя сказать, что пригороды сегодня стали местом массового притяжения финансово успешных улан-удэнцев.

«Новые жители стали прибывать в основном в последние пять лет. Сначала это, главное, были малообеспеченные, бомжеватые такие улан-удэнцы, которые не могли обеспечить себе жизнь в

участок земли в Улан-Удэ в среднем стоит от 500 тыс. до 1 млн руб., в то время как в пригороде – 250-500 тыс.

Улан-Удэ. Теперь, мы видим, стали строить дома-коттеджи богатые, более-менее обеспеченные улан-удэнцы. [...] Много кто из приезжих в уже построенных домах живет, в аренду, кто покупает. Вот в Шанхае (район индивидуальной застройки на въезде в село — прим. А.Б.) постоянно люди меняются, приезжают-уезжают» (информант, 47 лет, с. Эрхирик).

Есть в рассматриваемых селах и различия в структуре мигрантов, в их численности и количественном соотношении с местным населением. Так, в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) — одном из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности (12–15 минут до центра города на личном автомобиле) — количество мигрантов с каждым годом возрастает. Здесь можно встретить жителей из более отдаленных поселений района, переселенцев из других сельских районов, значительное количество горожан. Но при растущем потоке мигрантов их количество еще не соотносимо с числом местных жителей. Схожая ситуация наблюдается и в с. Эрхирик. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно прибывает меньше. Переезжают в основном горожане, меньше — жители других районов республики и, что удивительно, жители самого Заиграевского района²⁰. При этом село в последние годы активно расширяется за счет постройки новых улиц — микрорайонов, где в основном селятся местные жители.

«На улицах этих, новой застройки, 40-50 домов, живут в основном местные семьи, дети местных жителей, а также городские. Меньше выходцев из других районов и из самого Заиграевского района. Но есть, кстати, семьи из Курумжанского, Баргузинского, Еравнинского районов. Но их мало (информант, 45 лет, с. Эрхирик).

В селах Суза и Нурселение Иволгинского района, которые, напомним, расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация. Здесь количество мигрантов постсоветской волны вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно для Нурселения, население которого за последние двадцать лет увеличилось кратно. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельчане — как

²⁰ Возможно, это можно связать с тем, что граница с городом находится в северо-западной его части, наиболее отдаленной от городского центра.

«местные» (из Иволгинского района), так и из других районов республики.

«В начале девяностых годов, я здесь давно живу, здесь, вон там, в деревне было от силы 15 семей. А сейчас сколько? Очень много переехало, новые семьи, отовсюду едут, много из района нашего, но и из других едут, много семей. Ну, в основном, сельские. Сельских больше, чем из города. Хотя и из города есть» (информант 51 год, с. Нурселение).

Как видим, и количество мигрантов постсоветской волны, и их соотношение с числом жителей в рассматриваемых селах, неодинаково. Таковым в целом оказалось и их воздействие на эти поселения.

Трансформация поселений и местных сообществ

Рассматриваемые села объединяет советское колхозное / совхозное прошлое²¹. Все они на момент обследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки – советского и постсоветского периода²². При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй и Эрхирик, с. Суза преобладали зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007-2008 гг.) и в относительно незначительных масштабах (в среднем 30-50 домов). Обратная ситуация характерна для села Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

«Здесь вот в старой деревне было от силы десять-пятнадцать домов. А потом как начали строить! Особенно вот в последние годы очень много появилось домов, новых приезжих. Сами жители мало строят, в основном приезжие. В итоге было десять домов, а стало сто-двести. Очень расширился поселок и население тоже»

²¹ В каждом в советские годы действовал колхоз / совхоз (альтернатива – семеноводческое хозяйство).

²² В нарративах информантов часто используются категории «старая деревня» (территория досоветской застройки) и «новые районы» (территория постсоветской застройки).

(информант, 42 года, с. Сужа). *«Мы когда с мужем ездили здесь в округе (по селам Нижнеиволгинского поселения – прим. А.Б.), смотрели дома, участки на продажу, столько оказалось новых домов! Всё сплошь новые дома, свежие стоят, едешь – они везде! Стоят, стоят, стоят. Вечером легла, закрыла глаза, и как вот после леса с ягодами и грибами, в котором весь день проходила, одни только свежие срубы перед глазами стоят. Потому что это эффект большой налаживает, когда приезжаешь и будто не ожидаешь, а здесь столько новых домов понастроено. Они – везде. Просто удивляешься»* (информант, 27 лет, с. Нурселение).

С точки зрения формирующего ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характера «временного жилья», построены они основательно («по-хозяйски»). В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных, слабо урбанизированных сельских поселений: здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно.

Воздействие постсоветских мигрантов на местные сообщества оказалось, пожалуй, не более значимым, чем их роль в трансформации архитектурного ландшафта. Стоит говорить пока лишь о количественных, но не качественных изменениях. Как иронично отметил один из информантов, *(с приходом мигрантов) «село просто стало больше и шире»*. Местные жители, конечно, отмечали, что они замечают новых жителей. Но их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным: особого, пристального внимания к их жизни они не проявляют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих мигрантов.

«Мне, в общем-то, дела нет, кто приезжает. Лишь бы спокойно себя вели, работали. Властям нужно статистику вести, у меня другая работа» (информант, с. Эрхирик, 34 года). *Сейчас*

совсем мало кого знаю. Они ведь, кто приезжают, в основном не вливаются в местную жизнь, в город ездят: утром уехал, вечером приехал (информант 42 года, с. Нурселение). Это специфика пригорода, мне кажется. Все ориентированы на город, Улан-Удэ, местная жизнь мало кого интересует. В принципе, и почему она должна интересовать? Вот те, у кого дети есть, здесь учатся, им надо с учителями знакомиться, с общественностью. А так в целом, пробурил скважину себе и можешь не выходить за забор. Я на своей улице так несколько людей знаю, надо бывает по бытовым делам, а так в целом никого здесь практически и не знаю. И меня никто не знает. Здесь и не нужно. Это нормально» (информант, 51 год, с. Эрхирик).

Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. При том, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этнической срезе практически однородными²³, не привело к сколь-нибудь острым публичным конфликтам. На это влияет традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

«У нас вообще по району иностранных мигрантов практически нет, потому что у нас семейский район вообще. И он не приемлет приезжих. Если некорректно сказать, то еще два-три года назад здесь даже бурятского населения не было. Это почти не приемлемо. То есть не принято. Но сейчас, конечно, более-менее лояльно. У нас из-за того, что пригород может еще и приезжают. Могу процитировать слова местного жителя: «Понаехали

²³ Напомню, в с. Нижний Саянтуй до последних лет проживали преимущественно русские, а в с. Нурселение, Сужа, Эрхирик – буряты.

сюда! Что б им пусто было!» И так далее. То есть там идут не-литературные слова. Это негатив, это им (местным — А.Б.) не нравится. Они даже приезжих русских, тех, кто купили здесь участок, называют олигархами, зажравшимися, миллионерами. Как только нас не называли. А то, что люди продали что-то, залезли в кредит, чтобы улучшить жилищные условия, это — не важно» (информант, 43 года, с. Нижний Саянтуй).

Здесь стоит учитывать и еще одно важное обстоятельство. Существенной характеристикой местных сообществ (и здесь нет исключения) является то, что подавляющее большинство трудящегося населения большую часть рабочего времени проводит в Улан-Удэ. Люди, что называется, заняты своей жизнью, трудом, а подчас и задачами физического выживания.

«Работает у нас девяносто процентов населения в городе. Каждый день ездят, каждое утро. В 6.40 ч., 7.50 ч., 8.30 ч. очень переполненные автобусы. Здесь (в самом селе — А.Б.) очень маленький процент работает. Здесь либо сельским хозяйством занимаются, подсобным, коров держат да скот, кто рассадой, кто еще чем-то. Ну, и бюджетники — в администрации, в школе, библиотеке. Есть те, кто и не работает. Есть такая категория населения» (информант, 35 лет, с. Нижний Саянтуй).

Трудовая ориентация на Улан-Удэ, характерная для большей части населения в пригородных поселениях, начала складываться с начала 1990-х гг. С этого же времени начала постепенно видоизменяться и идентичность местных жителей — многие из них сегодня уже не воспринимают себя в качестве сельчан (хотя формально проживают в сельских поселениях). Воспринимая свои поселения в качестве «пригородных», информанты в основном выражали удовлетворение своей жизнью и местом, в котором они живут.

«В город никто у нас не переезжает, жизнь здесь всех устраивает, всегда можем выехать и взять все необходимое в городе. Детей выучить (дать высшее образование — прим. А.Б.), так как город рядом, всегда они могут приехать, взять, что надо. Мы вот поэтому не особо чувствуем себя уже сельчанами. Сельским хозяйством занимаются единицы. Тут ведь еще из-за строительства дач сократились пастбища. Хотя в советские годы был

здесь богатый колхоз, колхоз-миллионник» (информант, 44 года, с. Эрхирик).

Итак, оценивая воздействие постсоветских миграционных процессов на пригородные поселения Улан-Удэ и населяющие их местные сообщества, следует говорить, пожалуй, лишь о существенных *количественных* и *визуальных* трансформациях. О значимых качественных изменениях говорить пока рано. Важным признаком трансформации рассматриваемых сел в «пригород» является лишь сформированная за прошедшие двадцать лет ориентация на городской рынок труда. Вместе с тем местные жители, в том числе и мигранты, рассчитывают сегодня на большее – на улучшение инфраструктуры своих поселений, окончательное решение транспортных проблем и т. п. Не в последнюю очередь эти ожидания связаны с недавним решением республиканских властей о возможном включении этих пригородных территорий в состав города.

Мигранты, пригороды и административная власть

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Стратегии территориального развития Улан-Удэ²⁴, на них обратили внимание. В новой Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в т.ч. поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов, которые в перспективе должны будут получить «городскую регистрацию».

В намеченной перспективе с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это поспособствует их развитию и качественному преобразованию. Пока же подобная перспектива вызывает к

²⁴ См.: Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек [электронный ресурс]. Режим доступа: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc (16.05.2011).

жизни достаточно сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий.

«Я с одной стороны думаю, что хорошо, что село попадет под опеку города, инфраструктура будет развиваться, коммуникации, тот же транспорт. Но с другой стороны, чисто с экономической точки зрения, для сельского жителя это убыток. Налоги возрастут, дрова будут дороже. В городе машина дров стоит 6-7 тыс., а у нас пока 5-6 тыс.» (информант, 45 лет, с. Эрхирик).

Вместе с тем, некоторые местные жители (в особенности местные «бюджетники») относятся к концепции, к этому «директивному решению» крайне настороженно, не ожидая для себя ощутимых выгод.

«Преимуществ я никаких не вижу. Во-первых, это подорожание земельного залога. Во-вторых, подорожание обеспечения дровами и всем остальным. В-третьих, даже по зарплате. Так как я специалист на селе, 10% по зарплате у меня снимутся. Потому что я получаю 10 % как сельский работник. Мне не охота в городскую зону. Лично мне. И в принципе, у нас у всех — никто не хочет. Кто особенно прожил всю жизнь здесь. Они против этого. Но у нас правительство, сами понимаете, решило... Потом все документы надо будет менять. Мы ведь сейчас относимся в Тарбагатайскому району. А переделка всех документов, как всегда, за свой счет. Это свой кошелек, это, извините, мне совсем не надо. Я отношусь к району и вполне спокойно себе живу, мне ничего не надо. С районной пропиской. Меня это вполне устраивает» (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй).

Подобные реплики звучали во всех четырех исследовательских кейсах. Так или иначе, решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ, скорее всего, повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места увеличится. На это сетуют и местные власти (администрации соответствующих МО СП), ведь в их взаимоотношении с мигрантами уже сегодня основным вопросом является проблема незаконного захвата земли и, соответственно, проблемы регистрации. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском сельском поселении (с.

Сужа и Нурселение) земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Аналогичное решение принято и в СП «Дабатуйское», что, в частности, касается с. Эрхирик. Это позволяет многим переселенцам узаконить свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой значимой проблемой, связанной с существенным прибытием в пригородные поселения новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того финансово слабых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водо- и электроснабжение и пр.).

«У нас тут (в с. Нурселение, с. Сужа – прим. А.Б.) проблемы с водой. У кого нет скважин, ездят брать воду в город, на колонку на Бурводе. Там тоже скандал был, городские ведь там платят» (информант, 39 лет, с. Нурселение). *«Вот у нас есть скважина, нам, вроде, хорошо. Но соседи – пять семей – ходят к нам. Скважина тоже не дешевая – двести пятьдесят тысяч рублей. Я кредит взяла, вот уже второй год расплачиваюсь»* (информант, 47 лет, с. Эрхирик).

При том, что рассматриваемые нами поселения уже ни один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водо-, энергоснабжением и т. п. Лишь в последние годы были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

**Местные сообщества, местная власть
и мигранты в Сибири
на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков**

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Верстка: Кравцов И.В.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 26.09.2012 г. Формат 60/84/32.
Усл. печ. л. 20,2. Уч.-изд. л. 17,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 155.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru